M 76/641
1909
сер. 2
3-4

M 76
641
сер. 2
№ 3-4

98

Изданіе О. Н. ПОПОВОЙ.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ БИБЛІОТЕКА.

М 76/641

Серія 2-ая (1898 г.).

№ 3—4.

901-93
10691-7

Ланглуа и Сеньобосъ

Введеніе въ изученіе исторіи.

Переводъ съ французскаго

А. Серебряковой.

Цѣна 1 руб.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Складъ изданій и книжный магазинъ для иногородныхъ О. Н. ПОПОВОЙ.

Невскій, 54, библ. Черкесова.

1899.

Книга имеет:

Печатных листов	Выпуск	В переплетн. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №	Наклад и исписка
18		1898 сер. 2. №3-4					59/367

М 76/641

Изданіе О. Н. ПОПОВОЙ.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ БИБЛІОТЕКА.

Серія 2-ая (1898 г.).

№ 3—4.

Ланглуа и Сеньобосъ.

Введеніе въ изученіе исторіи.

Переводъ съ французскаго

А. Серебряковой.

Цѣна 1 руб.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Складъ изданій и книжный магазинъ для иногородныхъ О. Н. ПОПОВОЙ.

Невскій, 54, библ. Черкесова.

1899.

2007334107

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 3-го Декабря 1898 г.

466/1-31

Текстъ печат. въ типографіи **И. Н. Скороходова**, Надеждинская 43.

Обложка и титулъ печат. въ типограф. **Б. М. Вольфа**, Разъѣзжая 15.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Заглавіе этой книги ясно. Тѣмъ не менѣе необходимо точно опредѣлить цѣль, которую мы имѣли въ виду, приступая къ настоящей работѣ, такъ какъ подъ тѣмъ же заглавіемъ: „Введеніе въ изученіе исторіи“ было уже издано много очень различныхъ книгъ.

Мы не хотѣли, какъ г. Бойсъ (Boyce) [1]), составить резюме всемірной исторіи для начинающихъ или для лицъ, которыя спѣшатъ возможно скорѣе ознакомиться съ предметомъ.

Мы не намѣревались также обогатить еще одною лишнею книгою и безъ того очень обильную литературу по такъ называемой „философіи исторіи“. Мыслители, въ большинствѣ случаевъ не историки по профессіи, избирали исторію предметомъ своихъ размышленій отыскивали въ ней „подобія“ и „законы“ и, какъ нѣкоторымъ изъ нихъ казалось, открыли даже „законы, управлявшіе развитіемъ человѣчества“ и „возвели“, такимъ образомъ, „исторію въ позитивную науку“ [2]). Подобныя широкія отвлеченныя построенія внушаютъ a priori непреодолимое недовѣріе не только публикѣ но даже и избраннымъ умамъ. Фюстель-де-Куланжъ, по свидѣтельству его послѣдняго біографа,—относился очень сурово къ философіи исторіи; онъ питалъ къ ней такое же отвращеніе, какое питаютъ позитивисты къ чисто метафизическимъ построеніямъ.

---

[1]) W. B. Boyce, Introduction to the study of history, civil, ecclesiastical and literary. Лондонъ, 1884 г.

[2]) Такъ смотрѣлъ, напримѣръ, П. Ж.—Б. Бюше въ своемъ Introduction à la science de l'histoire. Парижъ, 1842 г.

Справедливо или нѣтъ (безъ сомнѣнія нѣтъ), но философія исторіи, разрабатывавшаяся далеко не всегда людьми хорошо подготовленными, осторожными, одаренными сильнымъ здравымъ умомъ, не пользуется уваженіемъ. А потому предупреждаемъ какъ тѣхъ, кто ея страшится, такъ и тѣхъ, кто ею интересуется, что здѣсь мы ея не коснемся [1]).

Мы предполагаемъ разсмотрѣть въ настоящемъ трудѣ условія и пріемы изслѣдованія и указать характеръ и предѣлы знанія въ исторіи. Какъ удается узнать о прошломъ то, что возможно и что важно знать? Что такое документъ? Какъ слѣдуетъ пользоваться документами для историческаго сочиненія? Что такое историческіе факты? Какъ ихъ нужно группировать въ историческомъ трудѣ? Каждый, кто занимается исторіей, пользуется, болѣе или менѣе безсознательно, сложными процессами критики, построенія, анализа и синтеза. Но начинающіе и большинство лицъ, никогда не размышлявшихъ объ основахъ метода историческихъ наукъ, употребляютъ, для выполненія этихъ процессовъ, инстинктивные пріемы, которые, будучи вообще нераціональными, не ведутъ обыкновенно къ научной истинѣ. Въ виду этого полезно изложить и логически обосновать теорію дѣйствительно раціональныхъ пріемовъ, уже теперь вполнѣ надежную въ нѣкоторыхъ ея частяхъ, хотя и незаконченную во многихъ пунктахъ капитальной важности.

---

[1]) Исторія попытокъ, сдѣланныхъ съ цѣлью философскаго пониманія и объясненія исторіи человѣчества была предпринята, какъ извѣстно, Робертомъ Флинтомъ. Робертъ Флинтъ далъ уже исторію философіи исторіи въ странахъ французскаго языка: Historical Philosophy in France and French Belgium and Switzerland. Эдинбургъ-Лондонъ, 1893 г. – Это первый томъ дополненнаго изданія его «Исторіи философіи исторіи въ Европѣ», напечатанной двадцать пять лѣтъ тому назадъ. Сравните ретроспективную (или историческую) часть труда Н. Марсели: la Scienza della storia», 1873 г.

Самая значительная оригинальная работа, появившаяся во Франціи со времени изданія аналитическаго своднаго труда Р. Флинта, принадлежитъ П. Лакомбу, De l'histoire considérée comme science. Парижъ, 1894 г. Cf. Revue critique, 1895 г. I, стр. 132.

Такимъ образомъ, настоящее „Введеніе въ изученіе исторіи“ представляетъ собою не резюме установленныхъ фактовъ или систему общихъ взглядовъ на всемірную исторію, но опытъ изложенія метода историческихъ наукъ.

Поэтому-то мы и сочли своевременнымъ его написать и вотъ въ какомъ духѣ.

I.

Книгъ, трактующихъ о методологіи историческихъ наукъ, также много, какъ и книгъ по философіи исторіи, но онѣ одинаково съ послѣдними пользуются дурною славою. Спеціалисты съ пренебреженіемъ относятся къ нимъ. Одинъ ученый резюмировалъ очень распространенное мнѣніе, сказавъ:—„Вы хотите писать книгу о филологіи; напишите намъ лучше хорошій трудъ по филологіи. Когда меня спрашиваютъ: что такое филологія?—я отвѣчаю:—это то, чѣмъ я занимаюсь“ [1]). Критикъ, выразившійся о книгѣ І. Г. Дройзена: „Основы исторической науки“, что: — „въ общемъ, трактаты подобнаго рода неизбѣжно темны и безполезны,—темны, такъ какъ предметъ ихъ страдаетъ крайней неопредѣленностью и безполезны потому, что можно быть историкомъ, не заботясь объ основахъ исторической методологіи, которыя они имѣютъ притязаніе излагать“,—не имѣлъ очевидно въ виду сказать и въ дѣйствительности не высказалъ ничего, кромѣ общаго мѣста [2]). Аргументы всѣхъ этихъ лицъ, относящихся съ презрѣніемъ къ методологіи кажутся достаточно сильными. Они ссылаются

[1]) Revue critique d'histoire et de littérature. 1892 г. I, ст. 164.

[2]) Ibidem. 1888, II, ст. 295.—Cf. le Moyen Age, X (1897), ст. 91: «Эти книги (трактаты объ историческомъ методѣ) совсѣмъ не читаются тѣми, кому они могли бы быть полезны, т. е. любителями, посвящающими свой досугъ историческимъ изысканіямъ; что же касается профессіональныхъ ученыхъ, то они на урокахъ учителей знакомятся съ условіями труда и способами пользованія ими, не говоря уже о томъ, что историческій методъ не отличается отъ метода другихъ наукъ, и можно въ нѣсколькихъ словахъ объяснить, въ чемъ онъ состоитъ»...

на то, что въ дѣйствительности есть люди, употребляющіе прекрасные методы, признанные всѣми за первоклассныхъ „эрудитовъ“ [1]) или историковъ, а между тѣмъ никогда не изучавшіе основъ историческаго метода; наоборотъ, незамѣтно, чтобы лица, писавшія въ качествѣ логиковъ о теоріи историческаго метода, пріобрѣли, благодаря этому, какое-либо преимущество, какъ „эрудиты“ или какъ историки: нѣкоторыя изъ нихъ, съ этой точки зрѣнія, даже явно слабы или посредственны. Въ этомъ,—говорятъ они,—нѣтъ ничего удивительнаго. Развѣ передъ тѣмъ какъ сдѣлать оригинальныя изслѣдованія по химіи или математикѣ,—т. е. въ наукахъ въ настоящемъ значеніи этого слова.—изучаютъ теорію методовъ, употребляемыхъ въ этихъ наукахъ? Историческая критика! Да вѣдь лучшій способъ изученія ея, это—примѣненіе на практикѣ; ее достаточно изучаютъ во время работы [2]). Къ тому же разсмотрите существующія сочиненія по методологіи исторіи и даже самыя новѣйшія, какъ-то: І. Г. Дройзена, Э. А. Фримана, А. Тардифа, Шевалье и др., постарайтесь выжать изъ нихъ всю суть, и вы получите только сами по себѣ очевидныя истины [3]).

---

[1]) Подъ именемъ «эрудитовъ» авторъ подразумѣваетъ ученыхъ, занимающихся спеціально внѣшней критикой источниковъ. См. собств. примѣчаніе автора къ началу V главы. Прим. редакціи.

[2]) Безъ сомнѣнія въ силу того принципа, что историческій методъ усваивается только изъ примѣра, Л. Маріани далъ забавное заглавіе одной диссертаціи по частному вопросу изъ исторіи города Фермо, а именно: «Corso pratico di metodologia della storia». «Смотри Archivio della Società romana di storia patria, XIII (1890), стр. 211.

[3]) См. отчетъ о небольшомъ произведеніи Э. А. Фримана, The methods of historical study, въ Revue critique, 1887 г. I, стр. 376. Это произведеніе,—говоритъ критикъ,—банально и пусто. Изъ него видно,—что изученіе исторіи не такъ легко, какъ думаютъ пустые люди, что исторія соприкасается со всѣми науками и что историкъ, дѣйствительно достойный этого имени, долженъ былъ бы все знать; что исторической истины невозможно достигнуть, а для того, чтобы возможно болѣе къ ней приблизиться, слѣдуетъ то и дѣло прибѣгать къ оригинальнымъ источникамъ; что нужно знать и пользоваться лучшими изъ современныхъ историковъ, но никогда не принимать написаннаго ими за евангельскую истину. Вотъ и все». Заключеніе: Фриманъ «лучше, безъ сомнѣнія, училъ методу исторіи на прак-

Мы охотно признаемъ за этимъ взглядомъ нѣкоторую справедливость. Громадное большинство сочиненій о методѣ изслѣдованія въ исторіи и объ искусствѣ писать исторію,—или, какъ выражаются въ Германіи и Англіи, сочиненій по историкѣ,—нелѣпы, поверхностны, никѣмъ не читаются и нѣкоторыя даже смѣшны [1]). Прежде всего тѣ, которыя были написаны раньше XIX в. и анализированы П. С. Ф. Дону въ VII томѣ его „Курса историческихъ наукъ“ [2]), представляютъ собою почти сплошь простые риторическіе трактаты, риторика которыхъ устарѣла, гдѣ съ важностью обсуждаются самыя

тикѣ, чѣмъ это удались ему сдѣлать путемъ теоріи». Ср. Бувара и Пэкюше, Г. Флобера. Рѣчь идетъ о двухъ глупцахъ, задумавшихъ, между прочимъ, писать исторію. Чтобы помочь глупцамъ, одинъ изъ ихъ друзей присылаетъ имъ (стр. 156) «правила критики, взятыя изъ курса г. Дону», именно: «ссылаться, какъ на доказательство, на свидѣтельство толпы,—плохое доказательство: толпы нѣтъ на лицо, чтобы его подтвердить. Отбрасывать невозможное: Павзанію показали камень, проглоченный Сатурномъ. Принимать въ расчетъ ловкость поддѣлывателей документовъ, интересъ апологистовъ и клеветниковъ». Работа Дону содержитъ много столь же очевидныхъ и еще болѣе комическихъ трюизмовъ.

[1]) Р. Флинтъ радуется, что не изучалъ литературы историки, потому что «a very large portion of it is so trivial and superficial that it can hardly ever have been of use even to persons of the humblest capacity, and may certainly now be safely consigned to kindly oblivion. («Значительная часть ея настолько банальна и поверхностна, что врядъ ли можетъ быть полезной даже для лицъ самыхъ посредственныхъ и, къ счастью, теперь навѣрное обречена на полное забвеніе»). Тѣмъ не менѣе, Р. Флинтъ далъ въ своей книгѣ краткій перечень главныхъ памятниковъ этой литературы въ странахъ французскаго языка, съ самого ея начала. Болѣе общій и болѣе полный (хотя все еще довольно краткій) перечень этой литературы во всѣхъ странахъ сдѣланъ въ «Lehrbuch der historischen methode» г. Э. Бернгейма. (Лейпцигъ, 1894 г., стр. 143 и слѣдующ.). Флинтъ (который зналъ нѣсколько работъ неизвѣстныхъ Бернгейму) останавливается на 1893 г., Бернгеймъ—на 1894 г. Съ 1889 г. въ Jahresberichte der Geschichtswissenschaft помѣщаются періодическіе отчеты о вновь выходящихъ сочиненіяхъ по исторической методологіи.

[2]) VII томъ былъ напечатанъ въ 1844 г.; но знаменитый «Cours» Дону читался въ Collège de France съ 1819 г. по 1830 г.

уморительныя проблемы [1]). Дону ихъ мило вышучиваетъ, но самъ въ своемъ монументальномъ трудѣ ничего не проявляетъ кромѣ здраваго смысла, такъ что его трудъ въ настоящее время не является лучшимъ и болѣе полезнымъ, чѣмъ прежнія произведенія такого же рода [2]). Что касается новѣйшихъ работъ, то и изъ нихъ не всѣ сумѣли избѣжать такихъ камней преткновенія, какъ неясность и банальность. „Grundriss der Historik“ І. Г. Дройзена тяжелъ, педантиченъ и до послѣдней крайности сбивчивъ [3]). Фриманъ, Тардифъ, Шевалье говорятъ лишь элементарныя всѣмъ извѣстныя вещи. Ихъ сотоварищи и теперь еще безъ толку обсуждаютъ праздные вопросы вродѣ того: что такое исторія—искусство или наука? Каковы задачи исторіи, къ чему служитъ исторія? и т. д. Съ

[1]) Италіанцы эпохи возрожденія (Mylaeus, Франческо Патрици и т. д.) и авторы двухъ послѣдующихъ вѣковъ задаются вопросами: каковы отношенія исторіи къ діалектикѣ и къ риторикѣ? сколькимъ законамъ подчиненъ историческій родъ литературы? прилично ли историку разсказывать объ измѣнахъ, низостяхъ, преступленіяхъ, безпорядкахъ? и т. под. Лучшими книгами по историкѣ, напечатанными до XIX ст. служатъ: «Méthode pour étudier l'histoire» (Парижъ, 1713 г.) Ланглэ дю-Френуа и «Allgemeine Geschichtswissenschaft» І. М. Кладеніуса (Лейпцигъ, 1752), въ которыхъ сдѣлана попытка поставить вопросъ на настоящую почву. Книга Кладеніуса указана Э. Бернгеймомъ, стр. 166.

[2]) Онъ не всегда проявлялъ даже и здравый смыслъ, потому что въ своемъ «Cours d'études historiques» (VII, стр. 105) отзывается съ похвалою объ очень слабомъ, чтобы не сказать больше, трактатѣ Лемуана «De l'histoire», напечатанномъ въ 1670 г. «Я не требую,—говоритъ Дону,—чтобы были приняты всѣ положенія и наставленія, содержащіяся въ этомъ трактатѣ; но я думаю, что послѣ трактата Лукіана это лучшее, что мы встрѣчали, и вполнѣ увѣренъ, что ни одинъ изъ тѣхъ, которые намъ остается принять къ свѣдѣнію, не возвышается до той же степени философіи и оригинальности». П. Шеро высказалъ болѣе здравое сужденіе о трактатѣ «De l'histoire» въ своемъ «Etude sur la vie et les oeuvres du P. de Le-Moyne», Парижъ, 1887 г., стр. 406 и слѣд.

[3]) Эрнестъ Бернгеймъ заявляетъ однако (стр. 177), что это произведеніе единственное, по его мнѣнію, которое «auf der jetzigen Höhe der Wissenschaft steht». (на высотѣ современныхъ научныхъ требованій»).

другой стороны, безошибочно вѣрно замѣчаніе, что почти всѣ современные „эрудиты“ и въ частности историки, съ точки зрѣнія метода,—самоучки, образовавшіеся путемъ подражанія и близкаго знакомства съ прежними учеными, или только благодаря практикѣ.

Хотя большинство сочиненій объ основахъ историческаго метода оправдываетъ общее недовѣріе къ подобнаго рода произведеніямъ и хотя большинство лицъ, занимавшихся исторіей, безъ всякихъ видимыхъ неудобствъ могли обходиться безъ размышленій о ея методѣ, тѣмъ не менѣе, по нашему мнѣнію, было бы преувеличеніемъ дѣлать изъ этого заключеніе, что „эрудитамъ“ и историкамъ (въ особенности будущимъ историкамъ и будущимъ „эрудитамъ“) нѣтъ никакой необходимости отдавать себѣ отчетъ въ пріемахъ историческаго изслѣдованія. Въ самомъ дѣлѣ, литература по методологіи исторіи далеко не вся лишена всякаго значенія; постепенно накопился драгоцѣнный запасъ тонкихъ наблюденій и точныхъ правилъ, подсказанныхъ опытомъ и представляющихъ большое преимущество передъ простымъ здравымъ смысломъ [1]). Бываютъ, дѣйствительно, личности, надѣленныя отъ природы даромъ правильнаго мышленія; но этимъ исключительнымъ случаямъ можно противопоставить безчисленные примѣры, когда незнаніе логики, употребленіе неправильныхъ пріемовъ, непониманіе условій анализа и синтеза въ исторіи, портили работы ученыхъ и историковъ.

Въ самомъ дѣлѣ, исторія представляетъ собою, безъ сомнѣнія, научную дисциплину, въ которой крайне необходимо, чтобы ея работники имѣли ясное понятіе о методѣ, которымъ

---

[1]) Р. Флинтъ говоритъ очень хорошо (стр. 15): «The course of Historik has been on the whole, one of advance from commonplace reflection on history towards a philosophical comprehension of the conditions and processes on which the formation of historical science depends». («Эволюція историки въ цѣломъ представляетъ собою постепенное движеніе впередъ отъ простыхъ размышленій объ исторіи къ философскому пониманію тѣхъ условій и процессовъ, отъ которыхъ зависитъ развитіе исторической науки»).

они пользуются. Мы основываемся въ данномъ случаѣ на томъ, что инстинктивные пріемы историческаго изслѣдованія не могутъ считаться (мы постоянно будемъ на этомъ настаивать), пріемами раціональными; необходима, слѣдовательно, подготовка для сопротивленія поспѣшности въ выводахъ. Сверхъ того, раціональные пріемы, дающіе возможность достигнуть познанія исторической истины, такъ сильно отличаются отъ пріемовъ всѣхъ другихъ наукъ, что необходимо хорошо усвоить себѣ ихъ особенности и умѣть, такимъ образомъ, избѣгать искушенія примѣнять въ исторіи методы точныхъ наукъ. Этимъ объясняется то обстоятельство, что математики и химики, легче чѣмъ историки, могутъ обходиться безъ „введеній“ въ изученіе своей науки.

Настаивать долѣе на полезности исторической методологіи нѣтъ необходимости, потому что если она и оспаривалась, то, очевидно, необдуманно. Нужно, однако, изложить побужденія, заставившія насъ приступить къ настоящему труду. Въ теченіе пятидесяти лѣтъ много умныхъ и искренно преданныхъ наукѣ людей размышляли надъ методомъ историческихъ наукъ; среди нихъ, естественно, было много историковъ, профессоровъ университета, лучше чѣмъ кто-либо другой знакомыхъ съ умственными потребностями молодыхъ людей, а также логиковъ по профессіи и даже романистовъ. Фюстель-де-Куланжъ установилъ на этотъ счетъ традицію въ парижскомъ университетѣ: „онъ старался,—какъ говорятъ [1]),—свести основы метода къ очень точнымъ формуламъ... въ его глазахъ, не было ничего болѣе настоятельнаго, какъ научить работниковъ достигать истины“. Одни изъ этихъ людей, какъ Ренанъ [2]), довольствовались тѣмъ, что высказывали мимоходомъ замѣчанія по этому поводу въ своихъ общихъ работахъ или слу-

---

[1]) П. Гиро въ Revue des Deux Mondes, 1-е марта 1896 г., стр. 75.

[2]) Э. Ренану принадлежатъ нѣкоторыя изъ наиболѣе вѣрныхъ и сильныхъ мыслей, какія только высказывались объ историческихъ наукахъ, въ «L'Avenir de la science». (Написано въ 1848 г., издано въ Парижѣ въ 1890 г.).

чайныхъ статьяхъ [1]); другіе, какъ Фюстель-де-Куланжъ, Фриманъ, Дройзенъ, Лоренцъ, Стёббсъ, де-Смедъ, Пфлюгъ - Гартунгъ и др., взяли на себя трудъ изложить въ небольшихъ спеціальныхъ сочиненіяхъ свои взгляды на методъ исторіи. Существуетъ значительное количество книгъ, „вступительныхъ лекцій", „академическихъ рѣчей" и обозрѣній, печатавшихся во всѣхъ странахъ, но главнымъ образомъ во Франціи, Германіи, Англіи, Соединенныхъ Штатахъ и Италіи о всей совокупности и объ отдѣльныхъ частяхъ методологіи. Отсюда сама собою являлась мысль, что было бы полезно привести въ порядокъ наблюденія, разбросанныя и какъ бы затерявшіяся во всемъ этомъ множествѣ книгъ и брошюръ. Но теперь уже не можетъ быть и рѣчи о такой соблазнительной работѣ, такъ какъ она недавно выполнена съ величайшей тщательностью. Эрнстъ Бернгеймъ, профессоръ Грейфсвильскаго университета, изучилъ почти всѣ новѣйшія сочиненія объ историческомъ методѣ, воспользовался ими и сгруппировалъ значительное количество цѣнныхъ соображеній и наблюденій въ очень удобныхъ и, большею частью, новыхъ рамкахъ. Его Lehrbuch der historischen Methode (Лейпцигъ, 1894 г.) [2]) содержитъ въ сжатомъ видѣ,—по образцу нѣмецкихъ Lehrbücher,—всю спеціальную литературу изучаемаго имъ предмета. Мы не имѣли въ виду сдѣлать еще разъ то, что имъ такъ хорошо выполнено. Но намъ казалось, что и послѣ его трудной, умѣло выполненной компиляціи кое-что еще осталось недосказаннымъ. Прежде всего Бернгеймъ пространно толкуетъ о метафизическихъ вопросахъ, которые мы считаемъ лишенными всякаго интереса

---

[1]) Нѣкоторыя изъ особенно остроумныхъ и имѣющихъ наиболѣе общее значеніе замѣчаній о методѣ историческихъ наукъ, высказывались до сихъ поръ не въ книгахъ по методологіи, но въ обозрѣніяхъ, типомъ которыхъ служитъ «Revue critique d'histoire et de littérature», —посвященныхъ критикѣ новыхъ научныхъ и историческихъ трудовъ. Въ высшей степени полезно просматривать коллекцію «Revue critique», основан. въ Парижѣ въ 1867 году съ цѣлью «внушать уваженіе къ методу, осуждать плохія книги и обуздывать безполезный трудъ и заблужденія».

[2]) Первое изданіе «Lehrbuch» вышло въ 1889 году.

наоборотъ, онъ никогда не становится на критическую или практическую точки зрѣнія, которыя мы считаемъ очень интересными. Далѣе, доктрина „Lehrbuch“ разумна, но ей недостаетъ смѣлости и оригинальности. Наконецъ, „Lehrbuch“ не имѣетъ въ виду большой публики; она недоступна (и по формѣ, и по языку) громадному большинству французской публики. Этого одного уже достаточно, чтобы оправдать наше намѣреніе написать настоящее сочиненіе, вмѣсто того, чтобы просто рекомендовать книгу Бернгейма [1]).

II.

Наше „Введеніе въ изученіе исторіи“ не имѣетъ притязанія, какъ „Lehrbuch der historischen Methode“, быть руководствомъ по методологіи исторіи [2]). Это краткій очеркъ, который мы предприняли въ началѣ 1896—1897 учебнаго года, съ цѣлью дать новымъ студентамъ Сорбонны предварительное понятіе о томъ, что представляетъ собою и чѣмъ должно быть изученіе исторіи.

Мы давно уже, по опыту, констатировали настоятельную нужду въ такого рода руководствахъ. Вѣдь большинство изъ тѣхъ, кто избираетъ предметомъ своего изученія исторію, поступаютъ безотчетно, не задаваясь вопросомъ, способны ли они къ историческимъ работамъ, и зачастую не знаютъ даже самаго характера этихъ работъ. Обыкновенно посвящаютъ себя изученію исторіи по самымъ пустымъ мотивамъ: потому что, будучи въ коллежѣ, занимались успѣшно по исторіи [3]) или

---

[1]) Самое лучшее, что напечатано до сихъ поръ на французскомъ языкѣ объ историческомъ методѣ — это брошюра Ш. и В. Мортэ (Mortet): «La Science de l'histoire», Парижъ, 1894 г., in—8, 88 страницъ. Извлеченіе изъ XX тома «Grande Encyclopédie».

[2]) Одинъ изъ насъ (г. Сеньобосъ) предполагаетъ напечатать позднѣе полное руководство по методологіи исторіи, если найдутся читатели для такого рода труда.

[3]) Едва ли нужно доказывать, что занятія исторіей такъ, какъ они поставлены въ лицеяхъ, не требуютъ отъ учениковъ тѣхъ же способностей, какъ изученіе исторіи въ университетѣ, и по окончаніи его—

потому что питаютъ какое-то романтическое влеченіе къ прошлому, которое, какъ говорятъ, рѣшило нѣкогда призваніе Огюстена Тьерри, а иногда и потому, что ошибочно считаютъ изученіе исторіи сравнительно легкимъ. Безъ сомнѣнія, очень важно, какъ можно раньше обнаруживать неосновательность этихъ склонностей и подвергать ихъ испытанію.

Прочитавъ новичкамъ рядъ лекцій, какъ „Введеніе въ изученіе исторіи", мы подумали, что эти лекціи, пересмотрѣнныя и дополненныя, могутъ быть полезны не однимъ только новичкамъ. Ученые и профессіональные историки, безъ сомнѣнія, не научатся изъ нихъ ничему, но если даже они найдутъ въ нихъ только тему для личныхъ размышленій о пріемахъ обработки историческаго матеріала, которыми нѣкоторые изъ нихъ пользуются машинально, то и это уже будетъ важно. Что касается публики, читающей сочиненія историковъ, то очень желательно, чтобы она знала, какъ эти сочиненія пишутся и была въ состояніи съ большей правильностью о нихъ судить.

Мы не обращаемся, слѣдовательно, какъ г. Бернгеймъ, только къ настоящимъ и будущимъ спеціалистамъ, но также и къ публикѣ, интересующейся исторіей. Это условіе заставляетъ насъ, по возможности, быть краткими, ясно излагать предметъ и какъ можно меньше употреблять техническихъ терминовъ. Но при краткомъ и ясномъ изложеніи такого рода

Жюльенъ Гаве, находившій въ лицеѣ курсъ исторіи очень скучнымъ, позднѣе посвятилъ себя критическимъ историческимъ изысканіямъ. «Это я думаю потому,—говоритъ Гаве,—что преподаваніе исторіи (въ лицеяхъ) не поставлено такъ, чтобы оно могло давать достаточную пищу научному уму... Изъ всѣхъ предметовъ, входящихъ въ составъ программы лицеевъ, одна только исторія не требуетъ постояннаго контроля со стороны ученика. Когда онъ изучаетъ латинскій, нѣмецкій языки, то каждая фраза перевода даетъ ему случай провѣрить дюжину правилъ. Въ различныхъ отрасляхъ математики результаты никогда не отдѣляются отъ ихъ доказательствъ. Задачи къ тому же обязываютъ ученика самого все продумывать. Гдѣ же задачи въ исторіи и пытался ли когда-либо хоть одинъ лицеистъ собственными силами разобраться во взаимной связи фактовъ?». (Bibliothèque de l'Ecole des chartes, 1896, стр. 84).

предмета, часто можно оказаться поверхностнымъ. Итакъ, намъ грозитъ, какъ мы уже видѣли, прискорбная альтернатива быть банальными или темными. Не скрывая отъ себя предстоящихъ трудностей, но и не считая ихъ непреодолимыми, мы попытались формулировать ясно то, что имѣли сказать.

Первая половина книги написана Ш.-В. Ланглуа, вторая— Ш. Сеньобосомъ; но оба сотрудника постоянно помогали другъ другу, обмѣнивались взглядами и наблюдали другъ за другомъ [1]).

Парижъ, августъ 1897 г.

[1]) Ш.-В. Ланглуа написалъ: книгу I, книгу II до VI главы, приложеніе II и предисловіе; Ш. Сеньобосъ: конецъ II книги, книгу III и I приложеніе. Первая глава II книги, V глава III книги и заключеніе написаны совмѣстно.

ВВЕДЕНІЕ ВЪ ИЗУЧЕНІЕ ИСТОРІИ.

КНИГА I.

Предварительныя свѣдѣнія.

Глава I.

Отысканіе документовъ.

(Эвристика).

Исторія пишется по документамъ. Документы—это слѣды, оставленные мыслями и дѣйствіями нѣкогда жившихъ людей. Лишь очень немногіе изъ человѣческихъ мыслей и поступковъ оставляютъ послѣ себя замѣтные слѣды; къ тому же слѣды эти рѣдко бываютъ долговѣчными: чтобы стереть ихъ достаточно простой случайности. Всякая же мысль и всякій поступокъ, не оставившій прямого или косвеннаго слѣда или видимый слѣдъ котораго исчезъ, навсегда потерянъ для исторіи, какъ если бы онъ никогда и не существовалъ. За неимѣніемъ документовъ, исторія обширныхъ періодовъ прошлаго человѣчества останется навсегда неизвѣстной. Ничто не можетъ замѣнить документовъ: нѣтъ ихъ, нѣтъ и исторіи.

Чтобы судить должнымъ образомъ по документу о свидѣтельствуемомъ имъ фактѣ, необходимо принимать многочисленныя предосторожности, которыя и будутъ указаны нами

ниже. Само собою разумѣется, что всякому критическому изслѣдованію документовъ и всякому ихъ истолкованію (интерпретаціи) предшествуетъ вопросъ о самомъ существованіи документовъ, ихъ количествѣ и мѣстонахожденіи. Задумавъ изучить какой бы то ни было историческій вопросъ [1]), я прежде всего долженъ узнать, въ какомъ мѣстѣ или мѣстахъ хранятся необходимые для его изученія документы, предполагая, что они существуютъ. Отысканіе и собираніе документовъ составляетъ, слѣдовательно, одну изъ самыхъ главныхъ частей,—логически первую,—въ работѣ историка. Въ Германіи ей дали особое, удобное по своей краткости, названіе „эвристики" (Heuristik). Нужно ли доказывать капитальную важность эвристики? Безъ сомнѣнія, нѣтъ. Само собою понятно, что если отысканіе документовъ ведется плохо, т. е. если прежде чѣмъ начать историческій трудъ, ученый не сумѣетъ собрать всѣ доступныя свѣдѣнія, то этимъ только увеличитъ шансы (и безъ того всегда многочисленные) оперировать надъ недостаточными данными. Извѣстно, что многіе ученые и историческіе труды, выполненные по всѣмъ правиламъ самаго точнаго метода, оказывались съ большими погрѣшностями или даже совершенно негодными по той простой случайности, что авторъ не зналъ документовъ, освѣщавшихъ, дополнявшихъ или опровергавшихъ документы, находившіеся у него подъ руками, и довольствовался только этими послѣдними. При прочихъ равныхъ условіяхъ, превосходство современныхъ ученыхъ и историковъ надъ учеными и историками предшествующихъ столѣтій заключается въ томъ, что послѣдніе располагали меньшими средствами добыть необходимыя данныя, чѣмъ первые [2]).

---

[1]) На практикѣ, чаще всего задаются мыслью изучить тотъ или иной историческій вопросъ, узнавъ сначала, существуютъ или нѣтъ документы, позволяющіе его изучать. Обыкновенно случайно открытый документъ вызываетъ мысль изучить затрагиваемый имъ вопросъ и собрать, по этому случаю, однородные документы.

[2]) Жаль смотрѣть, какъ лучшіе изъ древнихъ ученыхъ мужественно, но тщетно, боролись съ затрудненіями, которыхъ для нихъ совсѣмъ бы не существовало, если бы они имѣли подъ руками болѣе полные матеріалы. Но самая блестящая проницательность не могла возмѣстить недостатокъ вещественныхъ источниковъ.

На самомъ дѣлѣ, находить документы въ настоящее время легче, чѣмъ было прежде, хотя и теперь Вагнеръ могъ бы еще съ полнымъ основаніемъ сказать:

> Wie schwer sind nicht die Mittel zu erwerben
> Durch die man zu den Quellen steigt! [1]).

Попытаемся объяснить почему собираніе документовъ, бывшее нѣкогда очень тяжелымъ, затруднительно еще и въ настоящее время, несмотря на всѣ успѣхи, сдѣланные въ послѣднемъ столѣтіи; укажемъ также, какимъ образомъ эта существенная часть исторической работы могла бы быть упрощена на будущее время, благодаря новымъ успѣхамъ.

I. Лица, первыя сдѣлавшія попытку писать исторію по источникамъ, оказались въ затруднительномъ положеніи. Когда дѣло касалось событій сравнительно недавнихъ, нѣкоторые современники которыхъ не успѣли еще умереть, то разспрашивали о случившемся оставшихся въ живыхъ очевидцевъ. Къ такому пріему прибѣгали Θукидидъ, Фруассаръ и многіе другіе, начиная съ глубокой древности до нашихъ дней. Когда историкъ калифорнскаго берега Тихаго океана, г. Банкрофтъ, задался мыслью собрать матеріалы объ одной исторіи, нѣкоторыя дѣйствующія лица которой были еще живы, онъ не жалѣлъ средствъ и мобилизировалъ цѣлую армію репортеровъ съ цѣлью добиться разговоровъ съ ними [2]). Но какъ слѣдовало поступать, когда дѣло шло о давнишнихъ событіяхъ, свидѣтели которыхъ давно уже умерли, и о которыхъ не сохранилось никакихъ устныхъ преданій? Въ данномъ случаѣ не было иного способа, какъ собрать всякаго рода документы, главнымъ образомъ, писаныя свидѣтельства, относящіяся до изучаемаго отдаленнаго прошлаго. Это было трудно выполнить въ то время, когда библіотеки составляли рѣдкость, архивы оставались тайными, а документы были разсѣяны по-

---

[1]) «Какъ трудно найти средства добраться до источниковъ!» Фаустъ, I, сцен. 3.

[2]) Смотри Ш.-В. Ланглуа, «H. H. Bancroft et C-ie», въ Revue universitaire, 1894 г., I, стр. 233.

всюду. Г. Банкрофтъ, очутившійся около 1860 г. въ Калифорніи въ такомъ же положеніи, въ какомъ были нѣкогда первые искатели документовъ въ нашихъ странахъ, вышелъ изъ него слѣдующимъ образомъ: Банкрофтъ былъ богатъ и скупилъ, не стѣсняясь цѣною, всѣ продававшіеся документы какъ печатные, такъ и рукописные; онъ велъ переговоры съ частными семьями и съ корпораціями, стараясь скупить принадлежавшіе имъ архивы или добиться отъ нихъ разрѣшенія снять копіи съ документовъ состоявшимъ у него на жалованьи переписчикамъ. Добившись этого, онъ помѣстилъ свою коллекцію въ спеціально для нея построенномъ зданіи и классифицировалъ ее. Теоретически нельзя придумать ничего болѣе раціональнаго. Но такое быстрое веденіе дѣла, на американскій манеръ, было осуществлено на практикѣ одинъ только разъ, съ полною послѣдовательностью и запасомъ средствъ, обезпечивавшимъ его успѣхъ; въ другихъ странахъ и въ другія времена оно не примѣнялось. Тамъ дѣло происходило, къ несчастію, не такъ.

Въ эпоху Возрожденія документы по древней и средневѣковой исторіи были разсѣяны по безчисленнымъ частнымъ библіотекамъ и по многочисленнымъ, почти недоступнымъ архивамъ, не говоря уже о томъ, что многіе документы были скрыты еще подъ землею, и о существованіи ихъ никто даже и не подозрѣвалъ. Въ то время было физически невозможно добыть списокъ всѣхъ документовъ, полезныхъ для освѣщенія какого-либо вопроса (напр., списокъ всѣхъ сохранившихся рукописей какого-нибудь произведенія древности); если какимъ-нибудь чудомъ и оказывался такой списокъ, то невозможно было ознакомиться со всѣми документами безъ путешествій и безконечныхъ расходовъ и хлопотъ. Легко предвидѣть, какія могли проистекать отсюда послѣдствія и дѣйствительно проистекали: 1) первые ученые и первые историки, встрѣчая непреодолимыя трудности при собираніи документовъ и не имѣя возможности пользоваться всѣми документами или даже лучшими изъ нихъ, а лишь тѣми, которые находились у нихъ подъ руками, располагали почти всегда скудными свѣдѣніями и ихъ сочиненія интересны лишь по стольку, по скольку они воспользовались утраченными въ настоящее время докумен-

тами; 2) изъ первыхъ ученыхъ и историковъ были относительно хорошо освѣдомлены только тѣ, кто въ силу своей профессіи имѣлъ доступъ въ богатыя хранилища документовъ: библіотекари, архиваріусы, духовныя лица, магистраты, ордена или общества которыхъ владѣли значительными библіотеками и архивами [1]).

Правда, съ раннихъ поръ вмѣшались въ дѣло коллекціонеры, цѣною денегъ, а иногда и менѣе пристойными способами, вродѣ кражи, составлявшіе себѣ, съ болѣе или менѣе научными намѣреніями, „кабинеты", коллекціи оригинальныхъ документовъ и копій. Но эти европейскіе коллекціонеры, многочисленные начиная съ XV в., значительно отличаются отъ Г. Г. Банкрофта. Въ самомъ дѣлѣ, нашъ калифорніецъ собралъ документы только по одному частному вопросу (по исторіи нѣкоторыхъ штатовъ, лежащихъ по берегу Тихаго океана) и имѣлъ притязаніе собрать ихъ всѣ; большинство европейскихъ коллекціонеровъ пріобрѣтали бумаги, неизвѣстно кому принадлежавшія вещи, всевозможнаго рода отрывки и лишь очень незначительное число документовъ, по сравненію съ колоссальной массой историческихъ свидѣтельствъ, существовавшихъ въ ихъ время. Сверхъ того, г.г. Пейрески, Геньеры, Клэрамболи, Кольберы и многіе другіе извлекали изъ обращенія документы, рисковавшіе затеряться, въ большинствѣ случаевъ не для того, чтобы сдѣлать ихъ достояніемъ publici juris, а довольствовались тѣмъ (и это было уже похвально), что открывали къ нимъ болѣе или менѣе свободный доступъ своимъ друзьямъ. Но настроеніе коллекціонеровъ (и ихъ наслѣдниковъ) измѣнчиво, и часто зависитъ отъ прихоти. Конечно,

---

[1]) Прежніе ученые чувствовали неблагопріятность условій, при которыхъ имъ приходилось работать. Они глубоко страдали отъ недостатка средствъ для изслѣдованія и для сравненія данныхъ. Большинство изъ нихъ дѣлало громадныя усилія съ цѣлью добыть необходимыя свѣдѣнія. Отсюда та обширная переписка между учеными послѣднихъ вѣковъ, драгоцѣнные остатки которой хранятся въ нашихъ библіотекахъ, а также поѣздки для изысканія историческихъ документовъ, бывшія нѣкогда въ модѣ подъ именемъ Iter (Iter italicum, Iter germanicum и т. д.).

лучше, чтобы документы находились въ частныхъ коллекціяхъ, чѣмъ подвергались всевозможнымъ случайностямъ и риску быть навсегда утраченными для научной любознательности; но для того, чтобы дѣйствительно облегчить отысканіе документовъ, прежде всего необходимо сдѣлать всѣ ихъ хранилища общественными учрежденіями [1]).

Лучшими частными коллекціями документовъ въ Европѣ (одновременно библіотеки и музеи)—были, естественно, со времени Возрожденія, коллекціи королей. При старомъ режимѣ королевскія коллекціи почти всѣ были открыты или полуоткрыты для публики. Въ то время, какъ коллекціи частныхъ лицъ часто ликвидировались послѣ смерти ихъ владѣльцевъ, королевскія коллекціи, напротивъ, постоянно возрастали: онѣ обогащались, всасывая въ себя остатки всѣхъ другихъ. Французскій кабинетъ рукописей (Cabinet des manuscrits de France), напримѣръ, основанный французскими королями и открытый ими для публики, поглотилъ къ концу XVIII в. лучшую часть коллекцій, собранныхъ по личному почину любителей и ученыхъ двухъ предшествовавшихъ столѣтій [2]). То же самое происходило и въ другихъ странахъ. Прекраснымъ результатомъ такого перемѣщенія коллекцій было сосредоточеніе большого числа историческихъ документовъ въ обширныхъ общественныхъ или почти общественныхъ учрежденіяхъ.

---

[1]) Укажемъ мимоходомъ на ребяческое, но очень естественное и очень часто встрѣчающееся у коллекціонеровъ заблужденіе: они склонны преувеличивать истинную цѣнность находящихся въ ихъ владѣніи документовъ, только по одному тому, что они ими владѣютъ. Многіе документы были изданы съ пышными комментаріями лицами, пріобрѣвшими ихъ случайно, которыя не придали бы имъ, и вполнѣ основательно, никакого значенія, еслибы встрѣтили ихъ въ публичныхъ коллекціяхъ. Въ сущности, это только грубое проявленіе общей склонности (которой нужно всегда остерегаться) преувеличивать значеніе документовъ, которыми владѣютъ, или которые сами открыли, текстовъ, которые сами издаютъ и лицъ и вопросовъ, которые изучали.

[2]) См. Л. Делиль (Delisle). le Cabinet des manuscrits de la Bibliothèque nationale, Парижъ 1868—1881, 3 тома.— Многія изъ изданныхъ недавно исторій прежнихъ хранилищъ документовъ выполнены по образцу этой замѣчательной работы.

Еще болѣе благопріятно повліялъ на улучшеніе матеріальныхъ условій историческихъ изысканій революціонный произволъ. Французская революція 1789 года и аналогичныя движенія въ другихъ странахъ привели къ насильственной конфискаціи въ пользу государства, т. е. въ пользу всѣхъ, цѣлой массы частныхъ архивовъ и коллекцій, архивовъ, библіотекъ и музеевъ короны, упраздненныхъ монастырей и корпорацій, и т. д. Такимъ образомъ, въ 1790 г. учредительное собраніе отдало во владѣніе государства громадное число хранилищъ историческихъ документовъ, до того времени разсѣянныхъ и болѣе или менѣе ревниво оберегаемыхъ отъ любознательности ученыхъ; съ тѣхъ поръ богатства эти были распредѣлены между нѣсколькими національными учрежденіями. Позднѣе такое же явленіе произошло, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ, въ Германіи, Испаніи и Италіи.

Какъ собираніе коллекцій во время стараго режима, такъ и революціонныя конфискаціи причинили много ущерба историческимъ документамъ. Коллекціонеръ былъ зачастую раньше, да бываетъ иногда еще и теперь,—варваромъ, который не стѣснялся ради обогащенія своихъ коллекцій рѣдкими документами и вещественными остатками старины уродовать памятники, разрывать рукописи и разбивать на части архивные матеріалы. Благодаря такому стремленію, еще до революціи было совершено много актовъ вандализма. Революціонныя операціи по конфискаціи и перемѣщенію документовъ, естественно, имѣли также очень прискорбныя послѣдствія: помимо того, что многое уничтожалось по небрежности или просто изъ страсти къ разрушенію, возникла еще несчастная мысль р а з с о р т и р о в а т ь (trier) архивные документы, сохранить только „интересные“ или „полезные“ и отдѣлаться отъ остальныхъ. Сортированіе документовъ было поручено людямъ съ добрыми намѣреніями, но некомпетентнымъ, которые и произвели непоправимыя опустошенія въ нашихъ старинныхъ архивахъ. Въ настоящее время много тружениковъ тратятъ безконечную массу времени, терпѣнія и старанія, чтобы возстановить разрозненные матеріалы и возвратить на свои мѣста отрывки, разобщенные между собою по необдуманному усердію лицъ, разбиравшихъ нѣкогда историческіе документы. Впрочемъ, слѣдуетъ

*

сознаться, что порча документовъ коллекціонерами стараго режима и во время революціонныхъ предпріятій незначительна по сравненію съ той, которая происходила отъ неожиданныхъ случайностей и естественнаго дѣйствія времени. Но будь эти поврежденія въ десять разъ болѣе серьезны, они все-таки щедро вознаграждены двумя первостепенными, заслуживающими особаго вниманія, благотворными результатами: 1) концентраціей въ нѣсколькихъ, сравнительно немногочисленныхъ хранилищахъ, историческихъ документовъ, нѣкогда разбросанныхъ и какъ бы затерянныхъ въ сотнѣ различныхъ мѣстъ и во 2-хъ) свободнымъ доступомъ въ эти хранилища. Отнынѣ, всѣ старинные историческіе документы, уцѣлѣвшіе отъ случайныхъ разрушеній и вандализма, находятся въ безопасности, классифицированы, открыты для общаго пользованія и считаются какъ бы частью общественнаго достоянія.

Итакъ, историческіе документы прошлаго собраны и хранятся теперь въ общественныхъ учрежденіяхъ, называемыхъ архивами, библіотеками и музеями. Но это только въ принципѣ. Въ дѣйствительности, тамъ нѣтъ *всѣхъ* существующихъ документовъ, потому что, несмотря на безпрерывныя пріобрѣтенія, за деньги и безвозмездно, практикуемыя уже давно ежегодно въ цѣломъ мірѣ архивами, библіотеками и музеями, все-таки есть еще частныя коллекціи, торговцы, которые ихъ пополняютъ и находящіеся въ обращеніи документы. Но исключеніе это можетъ быть оставлено безъ вниманія, такъ какъ оно не нарушаетъ правила. Все ограниченное количество блуждающихъ по свѣту историческихъ документовъ перейдетъ, рано или поздно, въ государственныя учрежденія, вѣчно пріобрѣтающія и ничего не продающія [1]).

---

[1]) Добрая часть историческихъ документовъ находящихся еще въ обращеніи обязана этимъ кражамъ, совершавшимся съ давнихъ поръ въ ущербъ государственнымъ учрежденіямъ. Мѣры предосторожности, принятыя въ настоящее время съ цѣлью избѣжать новыхъ хищеній, очень серьезны и почти повсюду, насколько возможно, дѣйствительны.

Что касается новѣйшихъ (печатныхъ) документовъ, то уставъ о храненіи, принятый почти всѣми цивилизованными странами, обезпечиваетъ сохраненіе ихъ въ общественныхъ учрежденіяхъ.

Въ принципѣ, желательно, чтобы хранилища документовъ (архивы, библіотеки и музеи) были не особенно многочисленны, и мы уже сказали, что, по счастью, въ настоящее время ихъ несравненно меньше, чѣмъ было сто лѣтъ назадъ. Можетъ ли идти еще дальше централизація документовъ, представляющая очевидныя выгоды для научныхъ работниковъ? Не существуетъ ли еще и въ настоящее время архивовъ, автономія которыхъ мало чѣмъ оправдывается? Можетъ быть [1]), но задача централизаціи документовъ перестала быть важной и неотложной съ тѣхъ поръ, какъ были усовершенствованы способы ихъ воспроизведенія и въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ повсюду вошло въ привычку устранять неудобства, проистекающія отъ многочисленности архивовъ, путемъ пересылки документовъ: въ настоящее время можно сдѣлать справки, безъ всякихъ затратъ, въ публичной библіотекѣ того города, гдѣ живешь, по документамъ, принадлежащимъ, напримѣръ, с.-петербургской, брюссельской или флорентійской библіотекамъ; такія учрежденія какъ „Парижскій національный архивъ“, „Британскій музей въ Лондонѣ“ и „Межанская библіотека въ г. Эксъ (въ Провансѣ) (Bibliothèque Méjanes d'Aix-en-Provence), статуты которыхъ абсолютно воспрещаютъ какія бы то ни было внѣшнія сношенія, теперь встрѣчаются рѣдко [2]).

---

[1]) Извѣстно, что Наполеонъ I лелѣялъ несбыточную мечту соединить въ Парижѣ архивы цѣлой Европы и перевезъ уже туда для начала архивы Ватикана, Св. Имперіи, Кастильской короны и др., которые пришлось потомъ возвратить обратно. Въ настоящее время не можетъ быть и рѣчи о конфискаціи. Но старинные архивы нотаріусовъ могли бы быть централизованы повсюду въ государственныхъ учрежденіяхъ, какъ это сдѣлано уже въ нѣкоторыхъ странахъ. Непонятно, почему въ Парижѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, военное и морское сохраняютъ у себя старыя бумаги, которыя должны бы храниться въ національныхъ архивахъ. Не трудно было бы перечислить большое количество подобнаго рода аномалій, которыя въ нѣкоторыхъ случаяхъ, по меньшей мѣрѣ, стѣсняютъ изслѣдованія, потому что мелкіе архивы, существованіе которыхъ безполезно, имѣютъ обыкновенно самые стѣснительные уставы.

[2]) Международное ссуженіе рукописными документами функціонируетъ правильно (и безплатно для публики) въ Европѣ черезъ посред-

II. Принимая во вниманіе, что большинство историческихъ документовъ сохраняются въ общественныхъ учрежденіяхъ (архивахъ, библіотекахъ и музеяхъ), нахожденіе документовъ было бы очень легко, если бы были составлены хорошіе описательные инвентари всѣмъ хранилищамъ документовъ, еслибы эти инвентари были снабжены алфавитными указателями, или еслибы были составлены ихъ общіе (алфавитные, систематическіе и т. п.) каталоги, и, наконецъ, еслибы существовала для справокъ коллекція всѣхъ этихъ инвентарей и указателей къ нимъ. Но отысканіе документовъ до сихъ поръ очень затруднительно, потому что, къ сожалѣнію, всѣ эти условія далеко еще не осуществлены.

Прежде всего, существуютъ хранилища документовъ (архивы, библіотеки, музеи), содержимое которыхъ, даже отчасти, никогда не было занесено въ каталоги, такъ что никто не знаетъ, какіе документы тамъ хранятся. Въ нашемъ распоряженіи имѣются полные описательные инвентари лишь немногихъ хранилищъ; масса архивнаго матеріала, сохранившагося въ знаменитыхъ учрежденіяхъ, остается до сихъ поръ незарегистрованной [1]); въ существующіе же инвентари занесена только часть ихъ коллекцій. Во-вторыхъ, какая разница между составленными уже инвентарями! Есть старинные инвентари, не отвѣчающіе иногда даже современной классификаціи доку-

---

ство министерствъ иностранныхъ дѣлъ. Кромѣ того, большинство крупныхъ учрежденій входитъ по этому поводу въ непосредственныя сношенія между собою: этотъ путь столь же надежный, а иногда и болѣе быстрый, чѣмъ дипломатическій. За послѣдніе годы историческіе и библіографическіе конгрессы выдвигали на очередь вопросъ о ссуженіи оригинальными документами, т. е. о пользованіи ими внѣ тѣхъ архивовъ, гдѣ они сохраняются. Достигнутые до сихъ поръ результаты очень удовлетворительны.

[1]) Такой матеріалъ представляетъ иногда самую значительную часть всего содержимаго архива, устрашающій своей массою. Обыкновенно охотнѣе предпринимаютъ описаніе мелкихъ архивовъ, не требующихъ такой массы труда. На этомъ же основаніи опубликовано много незначительныхъ собраній монастырскихъ грамотъ, но короткихъ, между тѣмъ какъ наиважнѣйшіе документы подобнаго рода, но объёмистые, остаются неизданными.

ментовъ и не вполнѣ пригодные для пользованія; есть также новые инвентари, составленные тѣмъ не менѣе по устарѣлымъ системамъ, или очень краткіе, или черезчуръ детальные; одни изъ нихъ печатные, другіе рукописные, въ формѣ книгъ или въ формѣ картъ (fiches); нѣкоторые обработаны очень тщательно и законченно, другіе, напротивъ, очень поверхностно. Умѣнье пользоваться этой громадной сбивчивой литературой печатныхъ инвентарей (не говоря уже о другихъ) и различать, что въ нихъ заслуживаетъ довѣрія и что нѣтъ, дается съ большимъ трудомъ. Наконецъ, гдѣ можно удобно ознакомиться съ существующими инвентарями? Большинство обширныхъ библіотекъ имѣютъ только неполныя коллекціи каталоговъ и инвентарей, общихъ же каталоговъ нигдѣ не существуетъ.

Такое положеніе вещей очень прискорбно. На самомъ дѣлѣ, документы, находящіеся въ архивахъ и хранилищахъ, не описанные въ инвентаряхъ, въ сущности какъ бы не существуютъ для всѣхъ ученыхъ, не имѣющихъ досуга перерывать изъ конца въ конецъ эти архивы и хранилища. Мы сказали раньше нѣтъ документовъ, нѣтъ и исторіи Но если нѣтъ описательныхъ инвентарей хранилищъ документовъ, то это равносильно невозможности узнавать о существованіи документовъ иначе, какъ случайно. Слѣдовательно, мы можемъ сказать что успѣхи исторіи въ значительной степени зависятъ отъ усовершенствованія общаго инвентаря историческихъ документовъ, еще до сихъ поръ отрывочнаго и несовершеннаго. Относительно этого пункта всѣ согласны между собою. Бернардъ Монфоконъ считалъ свою „Bibliotheca bibliothecarum manuscriptorum nova“ т. е. сборникъ библіотечныхъ каталоговъ „за самую полезную и самую интересную работу, сдѣланную имъ въ своей жизни“ [1]). „При настоящемъ состояніи науки,—писалъ Эрнестъ Ренанъ въ 1848 г. [2]),—нѣтъ болѣе настоятельно необходимаго труда, какъ критическій каталогъ рукописей различныхъ библіотекъ... Вотъ, повидимому, очень скромная по-

[1]) См. его автобіографію изданную Э. де-Брольи, Bernard de-Montfaucon et les Bernardins, II (Парижъ, 1891 г.), стр. 323.

[2]) Э. Ренанъ, l'Avenir de la Science, стр. 217.

требность, ... а между тѣмъ научныя изысканія будутъ затруднительны и неполны до тѣхъ поръ, пока эта работа не будетъ окончательно выполнена". „Мы имѣли бы лучшія книги по нашей древней литературѣ, — говоритъ М. П. Мейеръ [1]), если бы предшественники г. Делиля (въ качествѣ директора парижской національной библіотеки) съ такимъ же усердіемъ и любовью къ дѣлу составляли описаніе ввѣренныхъ ихъ попеченію богатствъ".

Важно указать въ немногихъ словахъ причины и слѣдствія такого положенія, которое оплакивается съ тѣхъ поръ, какъ существуютъ ученые, и улучшается лишь очень медленно.

„Увѣряю васъ,—говорилъ Эрнестъ Ренанъ [2]),—что нѣсколько сотъ тысячъ франковъ, израсходованныя министромъ народнаго просвѣщенія на инвентарныя работы, были бы съ большею пользою употреблены чѣмъ три четверти той суммы, какая тратится на словесныя науки". Въ другихъ странахъ такъ же рѣдко, какъ и во Франціи, встрѣчались министры, убѣжденные въ этой истинѣ и достаточно рѣшительные, чтобы поступать сообразно съ этимъ убѣжденіемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ не всегда для составленія хорошихъ инвентарей достаточно было, какъ въ настоящее время, однѣхъ только денежныхъ жертвъ,—такъ какъ лучшіе методы описанія историческихъ документовъ установлены окончательно только недавно; кромѣ того, подборъ компетентныхъ работниковъ, не представляющій въ настоящее время большихъ трудностей, былъ очень стѣсненъ и случаенъ въ эпоху, когда такіе работники попадались рѣдко. Но оставимъ въ сторонѣ матеріальныя препятствія: недостатокъ денегъ и людей. На дѣлѣ отразилась еще и причина другого порядка. Чиновники, завѣдывавшіе хранилищами документовъ, не всегда проявляли такое же усердіе, какъ теперь, знакомить публику съ имѣющимися у нихъ матеріалами путемъ правильныхъ инвентарей. Составленіе такихъ точныхъ и вмѣстѣ краткихъ (sommaires) инвентарей, какіе издаются въ наше время, работа очень и очень тяжелая, не дающая никакого удовлетворенія. Многіе чиновники, живущіе, въ силу занимаемыхъ ими

[1]) Romania, XXI (1892), стр. 625.
[2]) Въ указанномъ мѣстѣ.

должностей, посреди остатковъ старины и имѣющіе возможность рыться въ нихъ во всякое время и дѣлать открытія, предпочитали лучше работать для себя, чѣмъ для другихъ, и занимались, вмѣсто скучнаго редактированія каталоговъ, своими личными изысканіями. Кто собственно въ наше время открылъ, обнародовалъ и комментировалъ большую часть документовъ? Чиновники, состоящіе при хранилищахъ документовъ. Благодаря этому замедлилось составленіе общей описи историческихъ документовъ. Оказалось, что лица, обязанныя по своей профессіи составлять описи документовъ, всего больше имѣли возможность обходиться безъ инвентарей.

Послѣдствія несовершенства описательныхъ инвентарей достойны вниманія. Съ одной стороны, никогда нельзя быть увѣреннымъ, что исчерпаны всѣ источники по данному вопросу, такъ какъ никто не можетъ знать не описанные и не разобранные архивные матеріалы [1]). Съ другой стороны, чтобы

---

[1]) Г. Банкрофтъ довольно тонко анализировалъ въ своихъ мемуарахъ, озаглавленныхъ: «Literary industries» (Нью-Іоркъ, 1891 г.), практическія послѣдствія несовершенства пріемовъ изслѣдованія. «Предположимъ,—говоритъ онъ,—что предпріимчивый писатель задумалъ писать исторію Калифорніи. Онъ безъ труда добываетъ нѣсколько книгъ, читаетъ ихъ, дѣлаетъ замѣтки; въ этихъ книгахъ онъ находитъ ссылки на другія книги и просматриваетъ ихъ въ общественныхъ архивахъ того города, гдѣ живетъ. Такъ проходитъ нѣсколько лѣтъ, по истеченіи которыхъ онъ замѣчаетъ, что у него подъ руками нѣтъ и десятой доли необходимыхъ источниковъ; онъ ѣдетъ путешествовать, ведетъ переписку, но, отчаявшись когда-либо исчерпать вопросъ, успокаиваетъ свою гордость и совѣсть тѣмъ соображеніемъ, что онъ много сдѣлалъ, что большинство документовъ, которыхъ онъ не видалъ, по всей вѣроятности, не особенно важны, какъ многіе другіе, которые онъ безполезно изучалъ. Что касается до газетъ и міріадъ оффиціальныхъ отчетовъ правительства Соединенныхъ Штатовъ, содержащихъ интересныя данныя по исторіи Калифорніи, то онъ, конечно (если онъ въ здравомъ умѣ), и не мечталъ всѣ ихъ изслѣдовать; онъ, безъ сомнѣнія, перелисталъ только нѣкоторые изъ нихъ. Онъ хорошо знаетъ, что каждая изъ этихъ областей изслѣдованія потребовала бы многіе годы труда, и что взять всѣ ихъ на себя—значитъ обречь себя на каторжную работу, которая никогда не кончится. Что касается устныхъ свидѣтельствъ и рукописей, то онъ схватитъ на лету, изъ разговоровъ,

добыть возможно больше данныхъ по изучаемому предмету, каждый долженъ обладать основательнымъ знаніемъ источниковъ, поскольку оно дается теперешней литературой по эвристикѣ, и посвящать много времени предварительнымъ изысканіямъ. На дѣлѣ, всякій, задавшійся цѣлью собрать документы для изученія какого-либо историческаго вопроса, начинаетъ съ просмотра каталоговъ и инвентарей [1]). Новички приступаютъ къ этой важной работѣ неискусно, выполняютъ ее медленно съ большимъ напряженіемъ, вызывая у лицъ опытныхъ, смотря по темпераменту, улыбку или состраданіе. Тѣ, кто улыбается, видя сбивающихся и теряющихъ даромъ время новичковъ, принебрегающихъ драгоцѣнными документами и изучающихъ безполезные,—говорятъ себѣ, что и они сами прошли черезъ тѣ же испытанія—каждому свой чередъ! Тѣ, кто смотритъ съ сожалѣніемъ на такую безполезную трату силъ и времени, думаютъ, что если она до нѣкоторой степени неизбѣжна, то отнюдь не благотворна, и задаются вопросомъ, нѣтъ ли способа сдѣлать менѣе тяжелымъ обученіе эвристикѣ, стоившее нѣкогда очень дорого и имъ самимъ. Развѣ при теперешнемъ состояніи пособій изысканія сами по себѣ недостаточно трудны, какова бы ни была опытность изслѣдовате-

---

нѣсколько неизданныхъ анекдотовъ и получитъ потихоньку сообщенія изъ какихъ-нибудь фамильныхъ бумагъ, а затѣмъ помѣщаетъ все это въ примѣчаніяхъ и «приложеніяхъ» (pièces justificatives) своей книги. Онъ выхватитъ тамъ и сямъ нѣкоторые любопытные документы изъ государственныхъ архивовъ, просматривать же всѣ коллекціи не будетъ, потому что на это понадобилось бы пятнадцать лѣтъ. Затѣмъ онъ пишетъ книгу. Онъ воздерживается предупреждать публику, что не видалъ всѣхъ документовъ и, напротивъ, подчеркиваетъ тѣ изъ нихъ, которые ему удалось добыть безпрерывнымъ двадцатипятилѣтнимъ трудомъ».

[1]) Нѣкоторые избавляются отъ личныхъ изслѣдованій, обращаясь къ чиновникамъ, состоящимъ при архивахъ, и поручаютъ имъ произвести необходимыя изысканія. См. Bouvard et Pécuchet, стр. 158. Буваръ и Пэкише задаются мыслью описать жизнь герцога ангулемскаго; «они рѣшили съ этою цѣлью провести двѣ недѣли въ муниципальной библіотекѣ г. Кана, чтобы произвести тамъ изслѣдованія. Библіотекари предоставили въ ихъ распоряженіе общія исторіи и брошюры...»

лей? Есть ученые и историки, тратящіе на поиски за матеріаломъ бо́льшую часть своей энергіи. Нѣкоторыя работы, главнымъ образомъ, по средневѣковой и новой исторіи (такъ какъ документы по древней исторіи менѣе многочисленны, болѣе изучены и лучше зарегистрированы въ каталогахъ) требуютъ не только частыхъ справокъ по инвентарямъ (рѣдко снабженнымъ алфавитными указателями), но также обширныхъ непосредственныхъ выписокъ изъ матеріаловъ, снабженныхъ плохими инвентарями, а иногда даже совсѣмъ лишенныхъ ихъ. Не подлежитъ сомнѣнію, и доказано даже на опытѣ, что перспектива такихъ долгихъ поисковъ, предшествующихъ всѣмъ болѣе возвышеннымъ операціямъ, отвращала и отвращаетъ отъ историческихъ изысканій лучшіе умы. Альтернатива дѣйствительно такова: или работать на основаніи несомнѣнно неполныхъ документовъ, или зарыться въ безконечные розыски, часто безплодные и почти никогда не вознаграждавшіе своими результатами за потраченное время. Не прискорбно ли, на самомъ дѣлѣ, употребить лучшую часть жизни на перелистываніе каталоговъ безъ алфавитныхъ указателей или засорять пылью глаза, перебирая одно за другими всѣ рукописи, составляющія архивные запасы miscellanea (смѣси), не внесенной въ каталоги, чтобы добиться свѣдѣній (неизвѣстно заранѣе положительныхъ или отрицательныхъ), которыя можно было бы получить безъ труда, если бы существовали каталоги всѣхъ этихъ бумагъ и если бы каталоги имѣли алфавитные указатели? Наиболѣе важное послѣдствіе несовершенства существующихъ вспомогательныхъ пособій по эвристикѣ несомнѣнно то, что оно обезкураживаетъ многихъ развитыхъ людей, сознающихъ себѣ цѣну и нормальное отношеніе между трудомъ и вознагражденіемъ [1]).

Если бы еще изслѣдованіе историческихъ документовъ въ общественныхъ хранилищахъ по самой природѣ вещей должно было быть такимъ труднымъ, какъ оно есть, то съ этимъ можно бы было мириться, подобно тому, какъ никто не сожалѣетъ о неизбѣжной тратѣ временн и труда на археологиче-

[1]) Эти соображенія были уже изложены и развиты въ Revue universitaire, 1894 г., I, стр. 321 и слѣд.

скія раскопки, каковы бы ни были ихъ результаты. Но несовершенство существующихъ пособій для отысканія историческихъ документовъ отнюдь не вызывается неизбѣжной необходимостью. Прежде положеніе было еще хуже, но ничто не мѣшаетъ, чтобы въ одинъ прекрасный день оно стало совсѣмъ хорошимъ. Указавъ причины и послѣдствія дурной постановки дѣла, мы должны сказать нѣсколько словъ о средствахъ къ его улучшенію. По нашему мнѣнію, пособія для отысканія документовъ улучшаются безпрерывно двумя путями. Съ одной стороны, съ каждымъ годомъ увеличивается число описательныхъ инвентарей архивовъ, библіотекъ и музеевъ, составляемыхъ заботами должностныхъ лицъ этихъ учрежденій. Съ другой стороны, богатыя ученыя общества содержатъ на свой счетъ опытныхъ работниковъ по составленію каталоговъ историческихъ документовъ, которые переходятъ послѣдовательно изъ одного хранилища документовъ въ другое, дѣлая описи всѣмъ документамъ извѣстнаго рода или относящимся къ одному и тому же предмету: такъ, напримѣръ, общество болландистовъ поручило нѣкогда своимъ миссіонерамъ составить, въ различныхъ библіотекахъ общій каталогъ агіографическихъ документовъ, а вѣнская императорская академія—каталогъ памятниковъ патритистической литературы. Общество „Monumenta Germania historica“ давно уже предприняло обширныя изслѣдованія такого же рода; подобнаго же характера работы въ библіотекахъ и музеяхъ цѣлой Европы сдѣлали нѣкогда возможнымъ изданіе „Corpus inscriptionum latinarum“. Наконецъ, многія правительства взяли на себя иниціативу посылки на свой счетъ за границу лицъ для составленія описей интересующихъ ихъ документовъ: такъ, Англія, Голландія, Швейцарія, Соединенные Штаты и др. выдаютъ постоянныя субсидіи своимъ агентамъ, составляющимъ инвентари и переписывающимъ въ большихъ хранилищахъ Европы документы, относящіеся къ исторіи Англіи, Голландіи, Швейцаріи, Соединенныхъ Штатовъ [1]) и т. д. Съ какою бы-

[1]) Извѣстно, что съ тѣхъ поръ, какъ былъ открытъ доступъ въ ватиканскій архивъ, многія правительства и ученыя общества учредили въ Римѣ институты, члены которыхъ, совокупно съ чиновниками

стротою и съ какимъ совершенствомъ могутъ вестись въ настоящее время такія полезныя работы, подъ условіемъ, конечно, что съ самаго начала будетъ принятъ разумный методъ ихъ выполненія, и одновременно съ деньгами на вознагражденіе за трудъ, будутъ располагать компетентнымъ, состоящимъ подъ хорошимъ руководствомъ персоналомъ работниковъ,—показываетъ исторія „Общаго каталога рукописей публичныхъ библіотекъ Франціи“ (Catalogue général des manuscrits des bibliothèques publiques de France“); этотъ превосходный описательный каталогъ, начатый въ 1885 году, насчитывалъ уже въ 1897 году около пятидесяти томовъ и скоро будетъ совсѣмъ оконченъ. „Corpus inscriptionum latinarum“ былъ выполненъ менѣе, чѣмъ въ пятьдесятъ лѣтъ. Результаты, достигнутые болландистами и вѣнской императорской академіей, не менѣе доказательны. Въ настоящее время вполнѣ возможно въ непродолжительный срокъ издать всѣ необходимыя пособія для историческихъ изысканій, разъ только будетъ сознано ихъ важное значеніе. Методъ составленія такихъ пособій выработанъ окончательно, а опытный персоналъ для выполненія работы можетъ быть легко набранъ. Въ составъ его вошли бы, очевидно, въ большомъ количествѣ профессіональные архивисты и библіотекари, но также и свободные работники, чувствующіе склонность къ составленію каталоговъ и алфавитныхъ указателей къ нимъ. Такихъ работниковъ больше, чѣмъ кажется съ перваго взгляда. Объясняется это отнюдь не легкостью работы, напротивъ, составленіе каталоговъ требуетъ громаднаго терпѣнія, напряженнаго вниманія и самой разнообразной эрудиціи, но многіе находятъ удовольствіе въ такихъ работахъ, благодаря ихъ точности, явной полезности и, главнымъ образомъ, тому, что онѣ могутъ быть выполнены вполнѣ законченно. Въ большой и въ высшей сте-

---

Ватикана, занимаются составленіемъ описей и обнародованіемъ документовъ этихъ архивовъ. Французской школой въ Римѣ, австрійскимъ институтомъ, прусскимъ институтомъ, польской миссіей, институтомъ «Goerresgesellschaft», бельгійскими, датскими, португальскими, испанскими, русскими и др. учеными выполнены и выполняются въ ватиканскомъ архивѣ важныя инвентарныя работы.

пени разнообразной семьѣ лицъ, работающихъ надъ успѣхами историческихъ знаній, составители описательныхъ каталоговъ и указателей образуютъ отдѣльную группу. И вполнѣ естественно, что, занимаясь исключительно этимъ дѣломъ, они пріобрѣтаютъ, благодаря практикѣ, поразительную ловкость.

Въ ожиданіи того, какъ будетъ ясно сознана необходимость и своевременность составленія общаго инвентаря историческихъ документовъ во всѣхъ странахъ, принята палліативная мѣра, имѣющая цѣлью дать возможность ученымъ и историкамъ, въ особенности начинающимъ, получать точныя свѣдѣнія о пособіяхъ для историческихъ изысканій, находящихся въ ихъ распоряженіи и быть au courant происходящихъ въ этой области улучшеній. Въ этомъ отношеніи очень долгое время полагались на опытъ и случай; но кромѣ того, что опытное знаніе, какъ было уже сказано раньше, пріобрѣтается большою цѣною, оно почти всегда оказывается несовершеннымъ. Въ виду этого недавно предпринято изданіе систематическихъ и критическихъ каталоговъ существующихъ инвентарей, или каталоговъ каталоговъ. Безъ сомнѣнія, немногія библіографическія предпріятія въ такой же степени общеполезны какъ данное.

Но эрудиты и историки часто чувствуютъ потребность въ такихъ свѣдѣніяхъ объ историческихъ документахъ, какихъ нельзя обыкновенно найти ни въ описательныхъ каталогахъ, ни въ инвентаряхъ; такъ напримѣръ, имъ иногда необходимо знать, извѣстенъ или нѣтъ такой-то историческій документъ, былъ ли онъ уже использованъ, критикованъ, комментированъ или нѣтъ [1]). Подобныя свѣдѣнія они могутъ найти только въ трудахъ прежнихъ эрудитовъ и историковъ. Для ознакомленія съ этими трудами слѣдуетъ прибѣгать къ изданнымъ до сихъ поръ особымъ „библіографическимъ обзорамъ“ всевозможныхъ

[1]) Каталоги документовъ указываютъ иногда, но не всегда, что такой-то документъ обнародованъ, критикованъ, использованъ. По общепринятому правилу, составитель каталога проставляетъ подобнаго рода свѣдѣнія, если они ему извѣстны, но не обязанъ брать на себя трудную задачу наводить справки каждый разъ, когда подобныхъ свѣдѣній у него нѣтъ подъ рукой.

родовъ, составленнымъ съ различныхъ точекъ зрѣнія. Библіографическіе указатели исторической литературы должны, слѣдовательно, разсматриваться, какъ необходимыя пособія по эвристикѣ, наравнѣ съ инвентарями и каталогами историческихъ документовъ.

Составленіе систематическихъ списковъ всѣмъ этимъ каталогамъ (каталогамъ, инвентарямъ и собственно библіографическимъ указателямъ) съ соотвѣтственными разъясненіями, чтобы дать интересующейся публикѣ возможность сберегать время и избѣгать заблужденій, служить предметомъ того, что, по справедливости, можно бы, пожалуй, назвать „Наукою каталоговъ“ или „Исторической библіографіей“. Э. Бернгеймъ издалъ первый ея опытъ [1]), мы же, съ своей стороны, попытались его расширить [2]). Дополненное изданіе помѣчено апрѣлемъ 1896 г., но уже теперь къ нему было бы необходимо сдѣлать многочисленныя прибавленія, не считая поправокъ, такъ какъ библіографическія пособія историческихъ наукъ обновляются въ настоящее время съ поразительной быстротой. Каждая книга объ указателяхъ для эрудитовъ и историковъ, по общему правилу, старѣетъ на другой же день по выходѣ въ свѣтъ.

III. Знаніе указателей полезно всѣмъ; предварительное отысканіе документовъ для всѣхъ тяжело, но не въ одинаковой мѣрѣ. Изслѣдованіе нѣкоторыхъ отдѣловъ исторіи, разрабатывавшихся съ давняго времени, достигло теперь высокой степени совершенства; всѣ сохранившіеся документы, относящіеся къ этимъ отдѣламъ, извѣстны, собраны и классифицированы въ большихъ спеціальныхъ изданіяхъ, такъ что историческое сочиненіе по этимъ періодамъ исторіи можетъ быть въ настоящее время цѣликомъ выполнено путемъ кабинетной работы. Изученіе мѣстной исторіи требуетъ обыкновенно только мѣстныхъ изслѣдованій. Существуютъ важныя монографіи, основанныя на небольшомъ количествѣ документовъ, найденныхъ въ

---

[1]) E. Bernheim, Lehrbuch der historischen Methode 2, стр. 196—202.

[2]) Ш. В. Ланглуа, Manuel de Bibliographie historique I. Instruments bibliographiques. Парижъ, 1896 г.

одномъ мѣстѣ, и при томъ документовъ такого характера, что было бы излишне отыскивать другіе гдѣ либо еще. Напротивъ, иная маленькая монографія, иное скромное изданіе текста, древніе экземпляры котораго не составляютъ рѣдкости и разсѣяны во многихъ библіотекахъ Европы, потребовали безконечныхъ справокъ, поѣздокъ и хлопотъ. Принимая во вниманіе, что большинство документовъ по средневѣковой исторіи послѣднихъ вѣковъ и по новой исторіи или совсѣмъ неизданы или изданы плохо, можно возвести въ принципъ, что всякій, желающій написать дѣйствительно новую статью по средневѣковой или новой исторіи, долженъ продолжительное время посѣщать большіе архивы оригинальныхъ рукописей и безъ конца перелистывать ихъ каталоги.

Въ виду всего сказаннаго, каждый долженъ съ большою тщательностью выбирать предметъ своего изученія и не отдаваться на волю случая. Нѣкоторыя темы не могутъ разрабатываться при настоящемъ состояніи пособій для отысканія документовъ иначе, какъ цѣною той огромной архивной работы, на которую тратятся безполезно умственныя силы и жизнь; между тѣмъ темы эти отнюдь не интереснѣе другихъ, и не сегодня завтра настанетъ, можетъ быть, время, когда онѣ сдѣлаются легко доступными для изученія благодаря одному только усовершенствованію пособій для историческихъ изслѣдованій. Слѣдуетъ обдуманно, съ знаніемъ дѣла, выбирать извѣстные вопросы для историческаго изученія предпочтительно передъ другими, смотря потому, существуютъ или нѣтъ извѣстные каталоги документовъ и библіографическіе указатели, чувствуетъ ли желающій работать склонность къ кабинетному труду, или къ изслѣдованіямъ въ архивахъ, и, наконецъ, имѣется или нѣтъ возможность посѣщать съ удобствомъ нѣкоторые архивы. „Можно ли работать въ провинціи?“ Такимъ вопросомъ задался Эрнестъ Ренанъ на конгрессѣ ученыхъ обществъ въ Сорбоннѣ, въ 1889 г., и отвѣтилъ себѣ очень разумно: „По крайней мѣрѣ половина научной работы можетъ производиться въ тиши кабинета. Возьмемъ, напримѣръ, сравнительную филологію: при предварительной затратѣ въ нѣсколько тысячъ франковъ и подпискѣ на три или четыре спеціальныхъ сборника, можно обладать всѣми необходимыми пособіями для работы...

То же можно сказать и объ общихъ философскихъ идеяхъ... Очень многія отрасли знанія могли бы быть разрабатываемы частнымъ образомъ, въ самыхъ отдаленныхъ мѣстностяхъ [1])". Это несомнѣно; но „есть рѣдкости, спеціальности, изысканія, требующія массы пособій". Правда, половина историческихъ трудовъ можетъ создаваться теперь путемъ кабинетной работы съ ограниченными пособіями, но только половина; другая же половина требуетъ пользованія пособіями, въ видѣ каталоговъ и документовъ, которые могутъ дать только большіе научные центры. Короче, съ исторіей повторяется тоже, что и съ географіей: для нѣкоторыхъ частей земли имѣются достаточно полные и довольно хорошо классифицированные документы, чтобы можно было ихъ изучать съ пользою около камина, не трогаясь съ мѣста, между тѣмъ какъ самая ничтожная монографія о неизслѣдованной или плохо изслѣдованной области требуетъ напряженія физическихъ силъ и значительной затраты времени. Вообще, выбирать предметъ изученія, какъ это часто случается, не отдавая себѣ отчета о характерѣ и размѣрахъ предварительныхъ изысканій, которыхъ онъ потребуетъ — очень опасно. Многіе тратили цѣлые годы на подобныя изысканія, а между тѣмъ имѣли возможность посвятить это же время съ большею пользою работамъ другого рода. Спасительнымъ средствомъ противъ этой опасности, тѣмъ болѣе страшной для новичковъ, что они особенно дѣятельны и усердны, служитъ несомнѣнно разсмотрѣніе современнаго состоянія эвристики вообще и положительныхъ познаній исторической библіографіи.

Глава II.

„Вспомогательныя науки".

Предположимъ, что первыя изысканія, о которыхъ говорилось въ предыдущей главѣ, выполнены согласно установлен-

---

[1]) E. Renan, Feuilles détachées, Парижъ, 1892 г., стр. 96 и слѣд.

ному методу и съ успѣхомъ, т. е. по данному предмету собраны если не всѣ, то большинство полезныхъ документовъ. Тогда возникаетъ вопросъ: подвергались ли эти документы уже раньше критической обработкѣ, или представляютъ собою сырой матеріалъ? Рѣшить этотъ вопросъ можно только путемъ „библіографическихъ“ справокъ, составляющихъ, какъ мы уже сказали, также часть работы, предшествующей всякому логическому построенію. Въ первомъ случаѣ (когда документы подвергались уже раньше обработкѣ) надо быть въ состояніи провѣрить, правильно ли была сдѣлана ихъ критическая оцѣнка; во второмъ случаѣ (когда документы представляютъ собою сырой матеріалъ) ихъ необходимо подвергнуть критикѣ. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ, вмѣстѣ съ привычкою правильнаго мышленія, необходимы нѣкоторыя положительныя знанія, предварительныя и вспомогательныя или, какъ говорятъ, Vor-und Hulfskenntnisse, потому что если во время критическихъ операцій можно сдѣлать погрѣшности въ силу неправильности мышленія, то можно также заблуждаться и по невѣдѣнію. Профессія эрудита или историка походитъ, впрочемъ, въ этомъ отношеніи на большинство профессій: ею нельзя заниматься, не имѣя извѣстнаго запаса техническихъ познаній, которыхъ не могутъ замѣнить ни природныя дарованія, ни даже знаніе метода. Въ чемъ же должна состоять техническая подготовка эрудита или историка? Иными словами (болѣе обычными, хотя, какъ мы постараемся доказать, довольно неудачными), каковы еще, кромѣ знанія указателей, „науки, являющіяся вспомогательными“ для исторіи?

Г. Дону задавался такого же рода вопросомъ въ своемъ „Cours d'études historiques“ [1]). „Какой курсъ ученія,—говоритъ онъ,—долженъ пройти тотъ,—кто хочетъ посвятить себя писанію исторіи, какія онъ долженъ пріобрѣсти знанія, чтобы начать работу хоть съ какою-нибудь надеждою на успѣхъ?“ Еще раньше его Мабли въ своемъ „Traité de l'étude de l'histoire“ также призналъ, что есть подготовительныя изученія, которыхъ не можетъ обойти историкъ. Но у Мабли и Дону были на этотъ счетъ очень странныя для нашего времени понятія.

[1]) VII, стр. 228 и слѣд.

Интересно отмѣтить точно разницу между ихъ и нашею точкою зрѣнія. „Прежде всего,—говорилъ Мабли,—изучайте естественное право, государственное право, нравственныя и политическія науки". Дону, человѣкъ большого ума, постоянный секретарь академіи надписей и изящной словесности, писавшій около 1820 года, дѣлилъ на три разряда предварительныя познанія, составляющія, по его мнѣнію, „подготовку историка": литературныя, философскія и историческія. На „литературныхъ" познаніяхъ онъ останавливается очень подробно: прежде всего „нужно внимательно читать великіе образцы". Какіе великіе образцы? Дону „не колеблясь" указываетъ прежде всего на „образцовыя произведенія эпической поэзіи", потому что „поэты создали искусство повѣствованія, и тотъ, кто не учился ему у нихъ, не можетъ знать его въ совершенствѣ". Дону рекомендуетъ читать также романистовъ, современныхъ романистовъ: „они научатъ располагать факты, создавать образы, распредѣлять подробности, искусно вести нить разсказа, прерывать ее, снова возобновлять, поддерживать вниманіе читателя, возбуждая его любознательность". Наконецъ, слѣдуетъ читать хорошія историческія книги: „изъ греческихъ писателей—Геродота, Ѳукидида, Ксенофонта, Поливія и Плутарха; изъ латинскихъ—Цезаря, Саллюстія, Тита Ливія и Тацита и изъ новѣйшихъ—Макіавели, Гвиччардини, Юма, Робертсона, Гиббона, кардинала Реца (Retz), Верто, Вольтера, Рейналя и Рюльера. Я ничуть не думаю исключать другихъ, но названныхъ уже достаточно, чтобы дать всѣ подходящіе для исторіи тона (tons), потому что въ ихъ произведеніяхъ царствуетъ громадное разнообразіе формъ". На второмъ мѣстѣ стоятъ философскія науки: необходимо углубляться въ „идеологію, нравственность и политику". Что касается сочиненій, гдѣ можно почерпнуть такого рода знанія, Дагессо (Daguesseau) указываетъ намъ на Аристотеля, Цицерона и Гроція; я, съ своей стороны, прибавилъ бы лучшихъ древнихъ и новѣйшихъ моралистовъ, трактаты по политической экономіи, издававшіеся съ середины послѣдняго столѣтія, все, что писали о политической наукѣ, вообще объ ея подробностяхъ и примѣненіи, Макіавели, Бодэнъ, Локкъ, Монтескьё, Руссо, даже Мабли и наиболѣе просвѣщенные изъ ихъ учениковъ и комментаторовъ". Въ

*

третьихъ, прежде чѣмъ писать исторію, „нужно, очевидно, ее знать". „Нельзя обогатить этотъ родъ познанія, если не начнешь съ того, чтобы овладѣть имъ въ томъ видѣ, какъ онъ существуетъ". Положимъ, будущій историкъ прочелъ уже лучшія книги по исторіи и изучилъ ихъ, какъ образцы стиля: „ему полезно перечесть ихъ вторично, сосредоточивъ вниманіе, главнымъ образомъ, на усвоеніи содержащихся въ нихъ фактовъ и достаточно проникнуться ими, чтобы сохранить о нихъ неизгладимое воспоминаніе".

Таковы „положительныя" познанія, считавшіяся восемьдесятъ лѣтъ тому назадъ необходимыми вообще для историка. Однако, уже тогда смутно чувствовалось, что „для пріобрѣтенія глубокаго знанія отдѣльныхъ предметовъ" были полезны еще и другія свѣдѣнія. „Предметы, подлежащіе изученію историковъ,—говоритъ Дону,—встрѣчающіяся имъ подробности требуютъ очень разнообразныхъ и обширныхъ знаній". Опредѣлилъ ли онъ ихъ? Опредѣлилъ, и вотъ въ какихъ выраженіяхъ: „часто нужно знаніе многихъ языковъ, иногда также познанія по физикѣ и математикѣ". И онъ добавляетъ: „по этимъ предметамъ, однако, всякому посвящающему себя историческимъ трудамъ, достаточно общаго образованія, какое, какъ слѣдуетъ предполагать, получаютъ всѣ писатели".

Всѣ писатели, пытавшіеся, подобно Дону, перечислять первоначальныя знанія, а также умственныя и нравственныя дарованія, потребныя для „писанія исторіи", вынуждены были говорить избитыя фразы или выставлять комическія требованія. По мнѣнію Э. А. Фримана, историкъ долженъ бы знать все: философію, право, финансовыя науки, этнографію, географію, антропологію, естественныя науки и т. д.; развѣ историку не приходится, на самомъ дѣлѣ, при изученіи прошлаго, встрѣчаться съ вопросами философіи, права, финансовъ и т. д.? И если наука о финансахъ считается, напримѣръ, необходимой для всякаго, занимающагося современными финансовыми вопросами, то почему же она можетъ быть менѣе необходима для того, кто позволяетъ себѣ высказывать сужденіе о финансовыхъ задачахъ прошлаго? „Нѣтъ такого спеціальнаго вопроса,—заявляетъ Э. А. Фриманъ,—котораго не можетъ быть вынужденъ случайно коснуться историкъ, а, слѣдовательно,

чѣмъ больше спеціальныхъ отраслей знанія онъ знаетъ, тѣмъ лучше онъ подготовленъ для своей профессіональной работы". Говоря правду, не всѣ отрасли человѣческихъ знаній одинаково полезны историку; нѣкоторыя оказываются для него пригодными весьма рѣдко, только случайно: „Я поколебался бы даже посовѣтывать историку изучить для усовершенствованія самымъ основательнымъ образомъ химію, въ виду возможности такого случая, когда химія помогла бы ему при его изслѣдованіяхъ"; но другія спеціальности находятся въ болѣе тѣсномъ родствѣ съ исторіей: „напримѣръ, геологія и вся группа относящихся къ ней естественныхъ наукъ... Ясно, что историкъ будетъ успѣшнѣе работать, если онъ знаетъ геологію [1])..." Задавались также вопросомъ: „не принадлежитъ ли исторія къ одной изъ наукъ, называвшихся древними umbratiles, требующихъ отъ занимающихся ими только трудолюбія и спокойствія духа", или, можетъ быть, благопріятнымъ условіемъ для историка является его участіе въ дѣйствительной жизни, когда онъ самъ играетъ роль въ исторіи своего времени, прежде

---

[1]) E. A. Freeman, The methods of historical study (Лондонъ, 1885 г., стр. 45).

Во Франціи географія долгое время считалась наукой, тѣсно связанной съ исторіей. Еще и въ настоящее время у насъ въ университетахъ есть отдѣленіе исторіи и географіи и въ нашихъ лицеяхъ одни и тѣ же профессора преподаютъ исторію и географію. Многіе упорно держатся того мнѣнія, что такое соединеніе законно и приходятъ въ ярость отъ возможности раздѣленія этихъ двухъ отраслей знанія, считая ихъ неразрывно связанными между собою. Но трудно было бы доказать разумными доводами, что тѣ изъ профессоровъ исторіи и историковъ лучше, которые основательнѣе знаютъ геологію, океанографію, климатологію и вообще всю группу географическихъ наукъ. Въ дѣйствительности, студенты, избравшіе предметомъ изученія исторію, проходятъ навязанный имъ по программѣ курсъ географіи съ большимъ неудовольствіемъ и безъ всякой прямой пользы; студенты же, чувствующіе влеченіе къ географіи, съ большимъ удовольствіемъ бросили бы всѣ историческія науки. Искусственная связь между исторіей и географіей создалась у насъ съ той эпохи, когда географія какъ наука, не вполнѣ опредѣлившаяся, считалась всѣми за ничтожную дисциплину. Это одинъ изъ подлежащихъ уничтоженію остатковъ стараго порядка вещей.

чѣмъ писать исторію прошедшаго? Какими только вопросами не задавались? Цѣлые потоки чернилъ проливались по поводу этихъ неправильно поставленныхъ, лишенныхъ всякаго интереса или неразрѣшимыхъ вопросовъ, долгое время безрезультатно дебатировавшихся и въ значительной мѣрѣ содѣйствовавшихъ неуважительному отношенію къ сочиненіямъ по методологіи. По нашему мнѣнію, все, что бы ни говорилось относительно обученія „искусству писать исторію", будетъ общимъ мѣстомъ, кромѣ того, что обученіе это должно состоять, главнымъ образомъ, въ изученіи основъ историческаго метода, бывшаго до сихъ поръ въ пренебреженіи.

Сверхъ того, мы не имѣемъ въ виду „историка-литератора", историка-моралиста, porte-plume исторіи, какъ представляли себѣ его Дону и его соревнователи, а историковъ и ученыхъ, намѣревающихся изучать историческіе документы, съ цѣлью поставить историческія изслѣдованія на вполнѣ научную почву. Имъ необходимо техническое обученіе. Что же слѣдуетъ подъ нимъ подразумѣвать? Положимъ, передъ нами писанный документъ. Какъ имъ воспользоваться, если не умѣешь его прочесть? До Франциска Шамполіона египетскіе документы, написанные іероглифами, были, собственно говоря, мертвой буквой. Легко понять, что для занятій древней исторіей Ассиріи нужно умѣть разбирать клинообразныя надписи. Точно такъ же, если желаютъ заняться оригинальными работами по источникамъ въ области древней или средневѣковой исторіи, то благоразумно научиться разбирать надписи и рукописи. Вотъ почему греческая и латинская эпиграфика и средневѣковая палеографія, т. е. совокупность наукъ, необходимыхъ для умѣнья разбирать древнія и средневѣковыя надписи и рукописи, считаются за „вспомогательныя науки" для исторіи или, вѣрнѣе, историческаго изученія древности и среднихъ вѣковъ. Что латинская средневѣковая палеографія составляетъ часть обязательнаго багажа изучающаго средніе вѣка, а палеографія іероглифовъ—часть обязательнаго багажа египтолога, это очевидно для всѣхъ. Отмѣтимъ, однако, одно противорѣчіе. Никому никогда не приходило въ голову посвятить себя египтологіи, не запасшись предварительно знаніемъ палеографіи іероглифовъ, между тѣмъ не рѣдко предпринимаютъ изученіе нашихъ

мѣстныхъ средневѣковыхъ документовъ, не научившись предварительно считаться съ ихъ формами и правильно разбирать встрѣчающіяся въ нихъ сокращенія; поступая такъ, руководствуются тѣмъ соображеніемъ, что сходство большинства средневѣковыхъ писанныхъ свидѣтельствъ съ новѣйшими писанными документами достаточно велико, чтобы можно было питать иллюзію разобраться въ нихъ по чутью и привычкѣ, чисто эмпирическимъ способомъ. Подобная иллюзія очень опасна: ученыхъ, не посвященныхъ въ тайны палеографіи, почти всегда можно узнать по грубымъ ошибкамъ, которыя они дѣлаютъ, время отъ времени, при чтеніи документовъ, ошибкамъ, способнымъ въ корень подрѣзать послѣдующую критику и истолкованіе документовъ. Что касается до самоучекъ, практическимъ путемъ достигающихъ совершенства въ умѣніи читать историческіе документы, то изученіе палеографическаго искусства избавило бы ихъ, по меньшей мѣрѣ, отъ безконечныхъ колебаній и непріятностей.

Предположимъ теперь, что мы имѣемъ дѣло съ разобраннымъ документомъ. Какъ воспользоваться имъ, если его не понимаешь? Этрусскія надписи и надписи на архаическомъ языкѣ Камбоджи прочитаны, но никто ихъ не понимаетъ; до тѣхъ поръ, пока онѣ не будутъ поняты, онѣ будутъ безполезны. Для того чтобы заниматься греческой исторіей, нужно, очевидно, изучать документы, написанные по-гречески, а слѣдовательно, знать греческій языкъ. Это непреложная истина,—скажутъ намъ. Замѣтьте, однако, что часто поступаютъ такъ, какъ будто бы ее не сознаютъ. Молодые люди приступаютъ къ изученію древней исторіи, имѣя самое поверхностное понятіе о греческомъ и латинскомъ языкахъ. Сколько лицъ, не изучавшихъ средневѣковой латыни и средневѣковаго французскаго языка, воображаютъ, что знаютъ ихъ, потому что понимаютъ современный французскій языкъ и классическую латынь, и позволяютъ себѣ браться за истолкованіе текстовъ, не будучи въ состояніи понять ихъ буквальнаго смысла, который, при всей своей ясности, кажется имъ непонятнымъ? Существуютъ безчисленныя историческія ошибки, обязанныя своимъ происхожденіемъ искаженію или приблизительному толкованію точныхъ текстовъ людьми, плохо знакомыми съ грамматикою,

словарями и тонкостями древнихъ языковъ. Солидное изученіе филологіи логически должно предшествовать историческимъ изслѣдованіямъ каждый разъ, когда необходимые для нихъ документы написаны не на новомъ или легко понятномъ языкѣ. Допустимъ теперь, что документъ понятенъ. Принимать его законнымъ образомъ въ соображеніе можно только установивъ его подлинность, если она не установлена уже раньше окончательнымъ образомъ. Для провѣрки достовѣрности и происхожденія документа необходимо знаніе и умѣнье разсуждать. Иначе говоря, разсуждаютъ, исходя изъ нѣкоторыхъ положительныхъ данныхъ, представляющихъ собою сгруппированные результаты предшествовавшихъ изысканій, которые невозможно импровизировать, а нужно знать. На самомъ дѣлѣ, отличить подлинную грамоту отъ подложной часто было бы немыслимо для самаго опытнаго логика, не знающаго обычаевъ той или иной канцеляріи, въ то или иное время или чертъ, общихъ всѣмъ грамотамъ извѣстнаго рода, подлинность которыхъ не подлежитъ сомнѣнію. Онъ былъ бы вынужденъ, подобно первымъ ученымъ, путемъ сравненія громаднаго числа сходныхъ документовъ самостоятельно устанавливать черты, отличающія несомнѣнно подлинныя свидѣтельства отъ сомнительныхъ, прежде чѣмъ высказаться по частному случаю. Во сколько же разъ облегчается его трудъ, если существуетъ цѣлый рядъ доктринъ, сокровищница накопленныхъ наблюденій, цѣлая система выводовъ, добытыхъ учеными, дѣлавшими, нѣкогда, передѣлывавшими и провѣрявшими сравненія, которыми онъ вынужденъ былъ бы заниматься самъ! Такой сводъ доктринъ, наблюденій и выводовъ, способный облегчить критику дипломовъ и грамотъ, существуетъ: это дипломатика. Итакъ, мы скажемъ, что дипломатика, на ряду съ эпиграфикой, палеографіей, филологіей (Sprachkunde [1]) служитъ одной изъ вспомогательныхъ дисциплинъ историческихъ изысканій.

Существуютъ, впрочемъ, и другія вспомогательныя дисциплины, кромѣ эпиграфики, палеографіи, филологіи (Sprachkunde) и дипломатики съ ея добавочными отраслями: хроно-

[1]) Слово «филологія» приняло во французскомъ языкѣ ограниченный смыслъ, котораго мы не придаемъ ему здѣсь.

логіей и сфрагистикой. Неосновательно было бы, на самомъ дѣлѣ, предпринимать критику еще не критикованныхъ литературныхъ документовъ, не будучи знакомымъ съ выводами, добытыми лицами, критиковавшими раньше документы подобнаго рода; совокупность этихъ выводовъ составляетъ особую научную дисциплину, носящую названіе „литературной исторіи“ (Histoire littéraire) [1]). Критика вещественныхъ документовъ: произведеній архитектуры, скульптуры, живописи, всевозможнаго рода вещей (оружія, одежды, утвари, монетъ, медалей и т. д.) предполагаетъ основательное знаніе наблюденій и правилъ археологіи и ея отдѣльныхъ отраслей: нумизматики и геральдики.

Теперь мы имѣемъ возможность обсудить съ нѣкоторою пользою, что собственно слѣдуетъ понимать подъ именемъ: „вспомогательныхъ наукъ исторіи“. Ихъ называютъ иногда еще „науками-спутницами“ (satellites) и „науками-прислужницами“ (ancillaires), но всѣ эти выраженія очень неудовлетворительны.

Прежде всего, всѣ такъ-называемыя „вспомогательныя науки исторіи“—не есть науки. Дипломатика и литературная исторія, напр., представляютъ собою сводъ фактовъ, установленныхъ критикой, и облегчающихъ критику еще не критикованныхъ документовъ. Напротивъ, филологія (Sprachkunde)—наука вполнѣ сложившаяся, имѣющая свои законы.

Во-вторыхъ, существуютъ двоякаго рода вспомогательныя знанія (собственно говоря, не для исторіи, а для историческихъ изслѣдованій): одни изъ нихъ обязательно долженъ себѣ усвоить каждый изслѣдователь; относительно вторыхъ,—онъ можетъ знать только, гдѣ ихъ найти, чтобы воспользоваться ими въ случаѣ необходимости; одни изъ нихъ должны у него войти, такъ сказать, въ плоть и кровь, другія—могутъ оставаться въ видѣ запаса полезныхъ свѣдѣній на всякій случай. Историкъ, занимающійся изученіемъ среднихъ вѣковъ, долженъ

[1]) «Исторіографія» составляетъ отрасль «литературной исторіи», а литературная исторія есть совокупность выводовъ, добытыхъ критиками, изучавшими до сихъ поръ древнія историческія сочиненія, какъ-то: лѣтописи, мемуары, хроники, біографіи и т. д.

умѣть читать и понимать средневѣковые тексты; ему нѣтъ надобности обременять свою память массой частныхъ фактовъ литературной исторіи и дипломатики, указанныхъ въ надлежащихъ мѣстахъ хорошихъ руководствъ „Manuels-répertoires“ по „литературной исторіи“ и „дипломатикѣ“.

Наконецъ, совсѣмъ не существуетъ вспомогательныхъ знаній для исторіи (и даже для историческихъ изслѣдованій) вообще, т. е. полезныхъ всякому изслѣдователю, въ какой бы области исторіи онъ ни работалъ [1]). Итакъ, повидимому, нѣтъ

---

[1]) Здѣсь слѣдуетъ сдѣлать небольшую оговорку, такъ какъ существуетъ одно пособіе, необходимое для всѣхъ историковъ и для всѣхъ ученыхъ, каковъ бы ни былъ предметъ ихъ спеціальныхъ изученій. Исторія въ этомъ отношеніи находится въ одинаковомъ положеніи съ большинствомъ другихъ наукъ, а именно: всѣ занимающіеся оригинальными изслѣдованіями, въ какомъ бы-то ни было родѣ, должны знать нѣсколько новыхъ языковъ,—языковъ тѣхъ странъ, гдѣ думаютъ, работаютъ, и которыя стоятъ, въ научномъ отношеніи, во главѣ современной цивилизаціи. Въ наше время занятіе науками не сосредоточено въ какой-нибудь одной странѣ или даже въ одной Европѣ; оно носитъ международный характеръ. Одни и тѣ же научные вопросы разрабатываются одновременно повсюду. Въ настоящее время трудно, а скоро будетъ и совсѣмъ невозможно избирать для изученія вопросы, которыми можно было бы заниматься, не принимая во вниманіе работъ на иностранныхъ языкахъ. Уже теперь, для занятій древней греческой и римской исторіей, почти также настоятельно необходимо знаніе нѣмецкаго языка, какъ греческаго и латинскаго. Тѣмъ, кому недоступна иностранная литература, нельзя заниматься ничѣмъ инымъ, кромѣ вопросовъ мѣстной исторіи въ самомъ узкомъ смыслѣ. Занятіе важными, общими вопросами исторіи для нихъ закрыто, на томъ одномъ ничтожномъ и смѣшномъ основаніи, что по этимъ вопросамъ изданы книги на какомъ-либо не родномъ для нихъ языкѣ, совершенно для нихъ недоступныя. Полное незнаніе языковъ, бывшихъ до сихъ поръ обычными языками науки (нѣмецкаго, англійскаго, французскаго, итальянскаго)—это такая болѣзнь, которая съ годами дѣлается неизлѣчимой. Безъ малѣйшаго преувеличенія, отъ кандидатовъ на ученыя профессіи слѣдовало бы требовать, чтобы они были по меньшей мѣрѣ trilinguis, т. е. читали бы безъ особаго труда на двухъ новыхъ языкахъ, кромѣ своего родного. Вотъ обязательство, отъ котораго были избавлены прежніе ученые (когда латынь была общимъ языкомъ ученыхъ), и которое при теперешнихъ условіяхъ научнаго труда все болѣе и болѣе

общаго отвѣта на вопросъ, поставленный въ началѣ этой главы, а именно: въ чемъ должно состоять техническое обученіе эрудита или историка? Въ чемъ же состоитъ техническое обученіе эрудита или историка? Категорическаго отвѣта на этотъ вопросъ дать нельзя. Прежде всего это зависитъ отъ того, какую историческую эпоху предполагается изучать. Безполезно, напримѣръ, знать палеографію для изысканій по исторіи великой революціи; нѣтъ также надобности знать греческій языкъ, чтобы изучать какой-нибудь періодъ средневѣковой французской исторіи [1]). Можно установить, по крайней мѣрѣ, что предварительный багажъ всякаго желающаго заняться оригинальными работами по исторіи долженъ состоять (сверхъ того „общаго образованія“, о которомъ говоритъ Дону)

тяготѣетъ надъ учеными всѣхъ странъ *). Французскіе ученые, не умѣющіе читать сочиненій, написанныхъ на нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ, обречены уже этимъ самымъ стоять всегда ниже своихъ болѣе образованныхъ собратьевъ, какъ во Франціи, такъ и за границей. Каковы бы ни были ихъ достоинства, они осуждены работать съ недостаточнымъ матеріаломъ въ рукахъ и, слѣдовательно, работать плохо. Они сами сознаютъ это. Одни изъ нихъ изо всѣхъ силъ скрываютъ свой недугъ, какъ что-то позорное, другіе—цинически выставляютъ его на показъ и хвалятся имъ; но похвальба—это тоже одинъ изъ способовъ маскировать стыдъ. Мы не находимъ нужнымъ настаивать здѣсь особенно на томъ, что практическое знаніе иностранныхъ языковъ имѣетъ первостепенное значеніе при занятіяхъ исторической наукой, какъ и вообще при всѣхъ научныхъ работахъ.

[1]) Когда у насъ (во Франціи) въ первый разъ были включены въ университетскія программы «вспомогательныя науки», то нѣкоторые студенты, занимавшіеся исторіей великой революціи и ничуть не интересовавшіеся средними вѣками, избирали себѣ, какъ «вспомогательную науку», палеографію, а географы, не интересовавшіеся древностью—эпиграфику. Они, очевидно, не поняли, что изученіе «вспомогательныхъ наукъ» рекомендуется не само по себѣ, а потому, что полезно на практикѣ для всякаго спеціалиста... (См. Revue universitaire, 1895 г., II, стр. 123).

---

*) Настанетъ, быть можетъ, время, когда сдѣлается необходимымъ знаніе главнаго изъ славянскихъ языковъ. Уже теперь есть ученые, считающіе для себя обязательнымъ знаніе русскаго языка. Мысль возстановить прежнее значеніе латыни, какъ всемірнаго языка,—есть не что иное, какъ пустая мечта. См. Phoenix, seu nuntius latinus internationalis (Лондонъ, 1891 г.).

изъ всѣхъ знаній, дающихъ средства находить, понимать и критиковать документы. Знанія эти различны, смотря по тому, въ какой области всемірной исторіи желаетъ спеціализироваться ученый. Техническое обученіе сравнительно коротко и легко для того, кто занимается новой или современной исторіей, продолжительно и трудно для всякаго, занимающагося древней или средневѣковой исторіей.

Замѣна изученія „великихъ“ литературныхъ и философскихъ „образцовъ“, при подготовкѣ историка, изученіемъ положительныхъ знаній, служащихъ дѣйствительнымъ пособіемъ при историческихъ изслѣдованіяхъ, является прогрессомъ послѣдняго времени. Во Франціи болѣе, чѣмъ до половины текущаго столѣтія, студенты историческихъ факультетовъ получали только литературное образованіе, рекомендуемое Дону, почти всѣ довольствовались имъ и не искали бо́льшаго; впослѣдствіи, нѣкоторые съ сожалѣніемъ констатировали недостаточность своей предварительной подготовки, но слишкомъ поздно, чтобы помочь злу; за немногими блестящими исключеніями, лучшіе изъ нихъ остались почтенными литераторами, безсильными двигать впередъ науку. Преподаваніе „вспомогательныхъ наукъ“ и техническихъ пріемовъ изслѣдованія было введено лишь для средневѣковой (французской) исторіи и только въ спеціальной „École des chartes“. Это простое обстоятельство обезпечило на цѣлые пятьдесятъ лѣтъ, за „École des chartes“ замѣтное преимущество передъ всѣми другими высшими учебными заведеніями, не только французскими, но и заграничными: она воспитала цѣлый рядъ блестящихъ изслѣдователей, обнародовавшихъ много новыхъ данныхъ, между тѣмъ какъ въ другихъ мѣстахъ занимались разглагольствованіями о различныхъ проблемахъ [1]).

---

[1]) См. по этому вопросу мнѣнія Fr. v. Sickel и J. Havet, цитированныя въ «Bibliothèque de l'École des chartes», 1896 г., стр. 87. Въ 1854 г. австрійскій институтъ, для изученія австрійской исторіи (für österreichische Geschichtsforschung), былъ организованъ по образцу французской «École des chartes». Во флорентійскомъ «Istituto di Studi superiori» основана недавно своя «École des chartes». «We are accustomed,—пишутъ въ Англіи,—to hear the complaint

И въ настоящее время техническая подготовка лицъ, занимающихся средневѣковой исторіей, всего лучше и всего полнѣе поставлена въ „École des chartes“, благодаря хорошо составленному трехгодичному курсу романской филологіи, палеографіи, археологіи, исторіографіи и средневѣкового права. Но теперь „вспомогательныя науки“ преподаются всюду съ бо̀льшею или меньшею полнотою; онѣ включены въ университетскія программы. Съ другой стороны, число учебныхъ руководствъ по эпиграфикѣ, палеографіи и дипломатикѣ за послѣдніе двадцать пять лѣтъ значительно возросло. Двадцать пять лѣтъ тому назадъ мы тщетно стали бы искать хорошую книгу по этимъ предметамъ взамѣнъ отсутствовавшаго устнаго преподаванія; наоборотъ, съ тѣхъ поръ какъ существуютъ каѳедры, появилось много руководствъ [1]), которыя сдѣлали бы устное преподаваніе почти ненужнымъ, если бы оно не сопровождалось въ высшей степени полезными практическими упражненіями. Теперь уже никто изъ прошедшихъ

---

that there is not in this country any institution resembling the École des chartes». («Мы привыкли слышать жалобы на то, что нѣтъ въ нашей странѣ учрежденія, подобнаго «Ecole des chartes»). «Quarterly Review», іюль 1896 г., стр. 122).

[1]) Здѣсь слѣдовало бы перечислить главныя руководства, вышедшія за послѣднія двадцать пять лѣтъ. Но ихъ списокъ можно найти въ «Lehrbuch» Э. Бернгейма, 1894, стр. 206 и слѣдующ. Перечислимъ только большія руководства по филологіи (въ широкомъ смыслѣ германскаго термина Philologie, который обнимаетъ исторію языка и литературы, эпиграфику, палеографію и всѣ вспомогательныя свѣдѣнія по критикѣ документовъ), печатающіяся въ настоящее время: «Grundriss der indo-arischen Philologie und Altertumskunde», изд. подъ редакціей Г. Бюлера; «Grundriss der iranischen Philologie», изд. подъ редакціей В. Гейгера и Е. Куна; «Handbuch der classischen Altertumswissenschaft», изд. подъ редакціей И. фонъ-Мюллера; «Grundriss der germanischen Philologie», изд. подъ редакціей Х. Пауля, второе изданіе котораго начало выходить въ 1896 г.; «Grundriss der romanischen Philologie», печ. подъ редакціей Г. Грёбера. Въ этихъ обширныхъ пособіяхъ можно найти, одновременно съ краткимъ изложеніемъ научныхъ свѣдѣній, полныя библіографическія справки.

курсъ высшихъ учебныхъ заведеній, а также и не проходившихъ его, не имѣетъ права не знать, какая необходима подготовка для историческихъ работъ. И дѣйствительно, объ этомъ знаютъ въ настоящее время несравнено больше, чѣмъ знали раньше. Въ этомъ отношеніи очень знаменателенъ успѣхъ руководствъ („Manuels"), издающихся почти безпрерывно [1]).

Итакъ, будущій историкъ вооруженъ предварительными знаніями, пріобрѣсти которыя онъ не можетъ упустить случая, потому что иначе обречетъ себя на безсиліе и вѣчныя ошибки. Мы предполагаемъ его въ безопасности отъ ошибокъ (дѣйствительно, безчисленныхъ), проистекающихъ отъ незнанія почерка и языка документовъ, отъ незнакомства съ предыдущими работами и результатами, добытыми критикой; положимъ, онъ имѣетъ безупречную cognitio cogniti et cognoscendi (знаніе всего необходимаго). Впрочемъ, это очень оптимистическое предположеніе, и мы не скрываемъ этого. Мы знаемъ, что недостаточно прослушать полный курсъ „вспомогательныхъ наукъ" или прочитать внимательно лучшія учебныя руководства по библіографіи, палеографіи, филологіи и т. п.; недостаточно даже пріобрѣсти, путемъ практическихъ упражненій, нѣкоторый личный опытъ, чтобы быть всегда хорошо освѣдомленнымъ и, еще менѣе, чтобы быть непогрѣшимымъ. Прежде всего, лица, долго изучавшія документы извѣстнаго рода или извѣстной эпохи, обладаютъ, относительно такого рода и такой эпохи документовъ, не передаваемыми познаніями, позволяющими имъ вообще превосходно критиковать встрѣчающіеся новые документы того же рода и той же эпохи; ничто не можетъ замѣнить „спеціальной эрудиціи", которая служитъ наградой много работавшимъ спеціалистамъ [2]). А потомъ и сами

---

[1]) Французскія руководства (Manuels) Пру (палеографія), Жири (дипломатика), Канья (латинская эпиграфика) и др. распространили въ публикѣ пониманіе и знаніе вспомогательныхъ дисциплинъ. Новыя изданія позволятъ быть ей au courant, всего новаго, потому что дисциплины, хотя и вполнѣ сложившіяся, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе обогащаются; см. выше, стр. 31.

[2]) Что слѣдуетъ собственно понимать подъ «непередаваемыми познаніями», о которыхъ мы говоримъ? Въ мозгу спеціалиста, очень близко

спеціалисты ошибаются: палеографы должны постоянно быть настороже, чтобы не разобрать текстъ неправильно; а есть ли филологи, не имѣющіе на совѣсти какихъ-нибудь искаженій? Очень въ общемъ солидные ученые печатали иногда изданные уже тексты, принимая ихъ за неизданные, и пропускали документы, которые могли бы знать. Ученые всю жизнь безпрерывно обогащаютъ свои „вспомогательныя" знанія, никогда не считая ихъ, и вполнѣ основательно, совершенными. Но все это не мѣшаетъ намъ поддерживать нашу гипотезу. Пусть только поймутъ, что на практикѣ желающіе работать по документамъ никогда не ждутъ того момента, когда сдѣлаются полными господами всѣхъ „вспомогательныхъ" знаній, иначе никогда никто не рѣшился бы начинать.

Посмотримъ теперь, какъ слѣдуетъ изучать документы, послѣ того, какъ пройденъ съ успѣхомъ надлежащій курсъ обученія.

знакомаго съ документами извѣстнаго рода и извѣстной эпохи, являются ассоціаціи идей, неожиданно мелькаютъ аналогіи при разсмотрѣніи новаго документа того же рода и той же эпохи, ускользающія отъ всякаго другого, менѣе опытнаго лица, даже въ томъ случаѣ, когда оно располагаетъ самыми совершенными указателями. Дѣло въ томъ, что не всѣ особенности документовъ можно изолировать; существуютъ такія, которыя невозможно подвести подъ опредѣленныя рубрики, и ихъ нельзя, слѣдовательно, найти нигдѣ въ пособіяхъ. Но хорошая человѣческая память способна ихъ удерживать, и достаточно даже слабаго, отдаленнаго напоминанія, чтобы ихъ воскресить.

КНИГА II.

Аналитическіе процессы

Глава I.

Общія условія историческаго знанія.

Мы уже сказали, что исторія составляется по документамъ и что документы представляютъ собою слѣды прошедшихъ событій [1]). Разъяснимъ же здѣсь, что собственно мы подъ этимъ подразумѣвали.

Факты могутъ познаваться эмпирически только двумя способами: или непосредственно путемъ наблюденія въ тотъ самый моментъ, когда они совершаются, или же косвеннымъ образомъ, путемъ изученія оставшихся послѣ нихъ слѣдовъ. Возьмемъ, напримѣръ, такое событіе, какъ землетрясеніе: я непосредственно знакомлюсь съ нимъ, если присутствую при самомъ явленіи и косвенно, если, не присутствуя при немъ, констатирую его видимыя послѣдствія (расщелины, обвалившіяся стѣны), а если эти послѣдствія уничтожились, читаю его описаніе, составленное лицомъ, видѣвшимъ или самое явленіе, или его результаты. Особое свойство „историческихъ

[1]) См. 13 стр. этой книги.

фактовъ“ [1]) заключается въ томъ, что они узнаются только косвеннымъ путемъ, по оставшимся отъ нихъ слѣдамъ. Слѣдовательно, историческое знаніе, что бы тамъ ни говорили [2]), не основано на непосредственномъ наблюденіи. Отсюда и методъ исторической науки долженъ кореннымъ образомъ разниться отъ метода положительныхъ наукъ, т. е. всѣхъ тѣхъ наукъ, кромѣ геологіи, которыя основаны на непосредственномъ наблюденіи.

Факты прошлаго извѣстны намъ только по сохранившимся отъ нихъ слѣдамъ. Правда, эти слѣды, называемые историческими документами, историкъ наблюдаетъ непосредственно, но кромѣ ихъ ему положительно нечего наблюдать: дальше онъ дѣйствуетъ исключительно путемъ умозаключеній, стараясь придти къ наиболѣе правильнымъ выводамъ о фактахъ по находящимся въ его распоряженіи слѣдамъ. Документъ служитъ ему точкою отправленія, а факты прошлаго—конечною цѣлью изслѣдованія [3]). Между этой точкой отправленія и конечной цѣлью нужно пройти сложный рядъ тѣсно связанныхъ другъ съ другомъ умозаключеній, рискуя то и дѣло впасть въ ошибку. Между тѣмъ, малѣйшая ошибка, сдѣланная въ началѣ, въ серединѣ или въ концѣ работы, можетъ сильно повредить правильности выводовъ. „Историческій“ или косвенный методъ, въ силу этого, гораздо ниже метода, основаннаго на непосред-

---

[1]) Это часто употребляемое выраженіе требуетъ поясненія. Не слѣдуетъ думать, что оно примѣняется къ какому-либо опредѣленному роду фактовъ. Историческихъ фактовъ, въ томъ смыслѣ, какъ существуютъ химическіе факты, нѣтъ. Одинъ и тотъ же фактъ можетъ быть и не быть историческимъ, смотря по тому способу, какъ о немъ узнаютъ. Существуютъ только историческіе пріемы познанія. Засѣданіе сената, для того, кто на немъ присутствуетъ, составляетъ фактъ непосредственнаго наблюденія; но то же засѣданіе становится историческимъ для того, кто изучаетъ его по отчету. Изверженіе Везувія во время Плинія есть исторически познанный геологическій фактъ. Историческій характеръ заключается не въ самихъ фактахъ, а въ способѣ ихъ познанія.

[2]) Это говоритъ Фюстель-де-Куланжъ. См. выше, стр. 3, прим. 2.

[3]) Въ наукахъ, основанныхъ на наблюденіи, исходною точкою для умозаключеній служитъ самъ наблюдаемый фактъ.

ственномъ наблюденіи; но у историковъ нѣтъ выбора; указанный методъ—единственный, позволяющій имъ добраться до событій прошлаго, и ниже [1]) мы выяснимъ, какъ онъ можетъ вести къ научному знанію, несмотря на все свое несовершенство. Детальный анализъ умозаключеній, ведущихъ отъ констатированія и отысканія документовъ къ знанію фактовъ, составляетъ одну изъ главныхъ частей исторической методологіи. Это область критики, которой и посвящены слѣдующія далѣе семь главъ. Попытаемся прежде указать вкратцѣ ея общія черты и главныя подраздѣленія.

I. Можно различать два рода документовъ. Иногда фактъ прошлаго оставляетъ вещественный слѣдъ (памятникъ или какой-либо вещественный предметъ). Иногда, и болѣе часто, слѣдъ, оставленный событіемъ, бываетъ психологическаго порядка: описаніе или повѣствованіе. Первый случай гораздо проще, нежели второй. На самомъ дѣлѣ, между извѣстными вещественными остатками и породившими ихъ причинами существуетъ опредѣленное отношеніе, и отношеніе это, обусловленное физическими законами, хорошо извѣстно [2]). Напротивъ, психологическій слѣдъ имѣетъ символическій характеръ: это не только не самъ фактъ, но даже не непосредственный отпечатокъ факта въ умѣ очевидца, а только условное отраженіе того впечатлѣнія, какое произведено событіемъ на умъ очевидца. Писаные документы не имѣютъ, слѣдовательно, цѣны сами по себѣ, какъ вещественные остатки старины; они имѣютъ значеніе только какъ отраженіе сложныхъ, трудно разъяснимыхъ психологическихъ процессовъ. Громадное большинство документовъ, служащихъ исходной точкой разсужденій историка, являются въ общемъ только слѣдами психологическихъ процессовъ.

Если это такъ, то для того, чтобы судить по писанному свидѣтельству о фактѣ, который является его отдаленной причиной, т. е., чтобы установить отношеніе, связующее этотъ

---

[1]) См. ниже, глав. VII.

[2]) Мы коснемся особо критики вещественныхъ памятниковъ (различные предметы, монеты и т. п.), только постольку, поскольку она отличается отъ критики писаныхъ свидѣтельствъ

документъ съ фактомъ, необходимо возстановить цѣлый рядъ посредствующихъ причинъ, породившихъ документъ, кромѣ самаго факта. Нужно представить себѣ всю нить дѣйствій, совершенныхъ авторомъ документа, начиная съ наблюдавшагося имъ факта до появленія рукописи (или печатнаго свидѣтельства), имѣющагося у насъ передъ глазами. Нить поступковъ автора критикуется при этомъ въ обратномъ порядкѣ, начиная съ изслѣдованія рукописи (или печатнаго документа) и постепенно приближаясь къ факту прошлаго. Такова цѣль и ходъ критическаго анализа [1]).

Прежде всего разсматриваютъ документъ. Сохранился ли онъ въ своемъ первоначальномъ видѣ? Не искаженъ ли онъ? Изслѣдуется, какъ онъ былъ воспроизведенъ, чтобы въ случаѣ надобности возстановить его первоначальное содержаніе и установить его происхожденіе. Эта первая группа предварительныхъ изслѣдованій, относящаяся до внѣшности письма, языка, формъ, источниковъ и т. д., составляетъ особую область внѣшней критики или критики подготовительной. Далѣе идетъ внутренняя критика: она ведется путемъ умозаключеній по аналогіи, заимствованныхъ большею частью изъ психологіи и имѣющихъ цѣлью воспроизвести душевныя состоянія, переживавшіяся авторомъ документа. Зная то, что авторъ сказалъ въ написанномъ имъ документѣ, задаются вопросомъ: 1) что онъ хотѣлъ сказать; 2) думалъ ли онъ то, что говорилъ; 3) имѣлъ ли онъ основаніе такъ думать? Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, документъ становится предметомъ наблюденія или научныхъ процессовъ, обязательныхъ для каждой объективной науки, а слѣдовательно, и методъ его изученія долженъ быть такой же, какъ и методъ объективныхъ наукъ. Каждый документъ представляетъ цѣнность равно постольку, поскольку его можно свести, изучивъ предварительно его генезисъ, на степень хорошо сдѣланнаго наблюденія.

II. Изъ всего вышесказаннаго вытекаютъ два вывода край-

---

[1]) Для ознакомленія съ подробностями и логическимъ доказательствомъ этого метода см. Ш. Сеньобосъ: «Les conditions psychologiques de la connaissance en histoire» въ «Revue philosophique», 1887 г., II, стр. 168.

*

няя сложность и абсолютная необходимость исторической критики.

По сравненію съ другими учеными, историкъ находится въ очень трудномъ положеніи, ему не только не приходится никогда, какъ химику, наблюдать непосредственно факты, но и документы, которыми онъ вынужденъ пользоваться, очень рѣдко передаютъ точныя наблюденія. Историкъ не располагаетъ научно установленными протоколами наблюденій, замѣняющими въ позитивныхъ наукахъ непосредственныя наблюденія. Онъ постоянно находится въ такомъ положеніи, въ какомъ былъ бы химикъ, если бы зналъ объ извѣстномъ рядѣ опытовъ только по пересказамъ своего лабораторнаго служителя. Онъ долженъ извлекать пользу изъ очень смутныхъ свидѣтельствъ, которыми не удовольствовался бы ни одинъ другой ученый [1]).

Мѣры предосторожности при пользованіи историческими документами тѣмъ болѣе необходимы, что эти документы служатъ единственными матеріалами исторической науки: важно, очевидно, исключать документы, не представляющіе никакой цѣнности, и отдѣлять въ другихъ то, что является результатомъ правильнаго наблюденія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, предостереженія въ этомъ случаѣ тѣмъ болѣе необходимы, что осторожность не составляетъ естественной склонности человѣческаго ума, дѣйствующаго безпорядочно въ тѣхъ вопросахъ, гдѣ нужна самая строгая точность.

---

[1]) Даже самый благопріятный случай, когда документъ написанъ, какъ говорятъ «свидѣтелемъ»-очевидцемъ, все-таки далекъ еще отъ научнаго знанія Понятіе свидѣтеля было заимствовано изъ судебной практики; съ научной точки зрѣнія оно имѣетъ такое же значеніе, какъ и понятіе наблюдателя. Свидѣтельство есть наблюденіе. Но историческое свидѣтельство значительно разнится отъ научнаго наблюденія. «Наблюдатель» оперируетъ согласно опредѣленнымъ правиламъ и пишетъ строго точнымъ языкомъ. Напротивъ, «свидѣтель» наблюдалъ безъ всякаго метода и писалъ, не заботясь о точности языка: неизвѣстно, принималъ ли онъ необходимыя предосторожности. Особенное свойство историческаго документа въ томъ и состоитъ, что онъ представляетъ собою результатъ труда безъ метода и безъ гарантій.

Правда, всѣ признаютъ, въ принципѣ, полезность критики; но это одинъ изъ тѣхъ неоспоримыхъ постулатовъ, которые трудно осуществляются на практикѣ. Прошли цѣлые вѣка, съ эпохами блестящей цивилизаціи, прежде чѣмъ обнаружились первые проблески критики среди самыхъ развитыхъ народовъ на землѣ. Ни восточные народы, ни средніе вѣка не имѣли о ней точнаго представленія [1]). Вплоть до нашихъ дней просвѣщенные люди, пользуясь документами для исторіи, пренебрегали самыми элементарными мѣрами предосторожности и слѣдовали безсознательно ложнымъ принципамъ. Еще и теперь многіе молодые люди, предоставленные самимъ себѣ, поступали бы по старому. Это объясняется тѣмъ, что критика противорѣчитъ нормальному теченію человѣческой мысли. По врожденному свойству, человѣкъ склоненъ придавать вѣру различнымъ утвержденіямъ и передавать ихъ, не различая даже ихъ ясно отъ своихъ собственныхъ наблюденій. Развѣ въ повседневной жизни мы не принимаемъ безразлично, безъ всякой провѣрки, слухи, анонимныя и ничѣмъ не гарантированныя сообщенія, всякихъ сортовъ посредственнаго или плохого качества „документы“? Чтобы взять трудъ разслѣдовать происхожденіе и значеніе сообщенія о бывшей наканунѣ исторіи, нуженъ особый поводъ; въ противномъ случаѣ, если оно не является до безобразія неправдоподобнымъ и не опровергается, мы принимаемъ его, держимся за него, разглашаемъ его и, въ случаѣ надобности, прикрашиваемъ. Каждый искренній человѣкъ признаетъ, что нужно большое усиліе, чтобы стряхнуть съ себя ignavia critica, эту столь распространенную форму умственной трусости, что усиліе это нуждается въ постоянномъ возобновленіи и сопровождается часто истиннымъ страданіемъ.

Естественная неприспособленность человѣка держаться на водѣ заставляетъ его тонуть; чтобы пріобрѣсти привычку устранять непроизвольныя движенія и выполнять другія, онъ учится плавать; точно такъ же у человѣка нѣтъ прирожденной

---

[1]) См. B. Lasch, «Das Erwachen und die Entwickelung der historischen Kritik im Mittelalter», Бреславль, 188[illegible] г.

способности критики, ее нужно прививать, и она входитъ въ плоть и кровь его только путемъ постоянныхъ упражненій.

Итакъ, историческая работа—работа, по преимуществу, критическая. Когда предаются ей, не защитившись предварительно отъ естественнаго влеченія, то тонутъ. Чтобы быть предупрежденнымъ объ опасности, необходимо отнестись къ ней сознательно и анализировать причины ignavia, съ которой нужно бороться до тѣхъ поръ, пока умъ не пріобрѣтетъ критическаго направленія [1]). Очень полезно также отдать себѣ отчетъ объ основахъ историческаго метода и разобрать теоретически, одинъ за другимъ, какъ это сдѣлаемъ мы, всѣ его послѣдовательные процессы. „Исторія, какъ всякая другая отрасль знанія, допускаетъ, главнымъ образомъ, случайныя ошибки, происходящія отъ недостатка вниманія; но она больше всѣхъ другихъ подвержена ошибкамъ, проистекающимъ отъ неустойчивости человѣческаго ума, который приводитъ къ недостаточному анализу и къ построенію ложныхъ умозаключеній... Историки высказывали бы меньше бездоказательныхъ утвержденій, если бы они должны были анализировать каждое свое мнѣніе; они признавали бы меньше ложныхъ принциповъ, если бы принудили себя формулировать всѣ свои принципы; они дѣлали бы болѣе правильныя умозаключенія, если бы облекали свои выводы въ форму тезисовъ [2])".

---

[1]) Основной причиной естественнаго легковѣрія служитъ лѣность. Гораздо удобнѣе вѣрить, чѣмъ разбирать, признавать, чѣмъ критиковать, накоплять документы, чѣмъ ихъ взвѣшивать. Не критиковать документовъ пріятнѣе, чѣмъ критиковать, потому что критиковать документы значитъ жертвовать ими, а жертвовать документомъ тому кто его нашелъ, очень трудно.

[2]) «Revue philosophique», I, 178 стр.

ОТДѢЛЪ I.

Внѣшняя (подготовительная) критика

Глава II.

Возстановительная критика.

Въ наше время пишущій книгу посылаетъ въ типографію собственную рукопись, собственноручно исправляетъ корректурные листы и подписываетъ разрѣшеніе печатать. Напечатанная такимъ способомъ книга находится, какъ документъ, въ превосходныхъ условіяхъ. Кто ея авторъ и каковы были его чувства и намѣренія, не подлежитъ сомнѣнію, а въ данный моментъ для насъ только и важно, что мы имѣемъ почти точное воспроизведеніе написаннаго авторомъ текста. Мы говоримъ „почти точное", потому что если авторъ плохо исправилъ корректурные листы, или если въ типографіи отнеслись небрежно къ его поправкамъ, то даже и при такихъ, очень благопріятныхъ условіяхъ, воспроизведеніе оригинальнаго текста будетъ несовершеннымъ. Не рѣдко случается, что типографы заставляютъ насъ говорить совсѣмъ не то, что мы хотимъ сказать, и это бываетъ замѣчено очень поздно.

Возьмемъ другой случай: нужно воспроизвести работу умершаго автора, собственную рукопись котораго нельзя послать въ типографію. Такой случай былъ, напримѣръ, съ „Mémoires d'outre-tombe" г. Шатобріана; онъ повторяется почти ежедневно съ перепиской извѣстныхъ личностей, которыя

спѣшатъ печатать для удовлетворенія любознательности публики, и рукопись которыхъ бываетъ очень ветхой. Обыкновенно съ подлиннаго текста такой переписки снимается копія; затѣмъ съ копіи дѣлается типографскій наборъ, что равносильно второй копіи; наконецъ, эта вторая копія (въ корректурныхъ листахъ), свѣряется или должна свѣряться кѣмъ-нибудь (за смертью автора) съ первой копіей, или, еще лучше, съ оригиналомъ. Точность воспроизведенія въ этомъ второмъ случаѣ менѣе гарантирована, чѣмъ въ предыдущемъ, такъ какъ между оригиналомъ и его окончательнымъ воспроизведеніемъ однимъ промежуточнымъ экземпляромъ больше (рукописная копія) и очень легко можетъ случиться, что оригиналъ трудно разобрать всякому другому, кромѣ самого автора. Въ дѣйствительности тексты посмертныхъ переписокъ и мемуаровъ бываютъ очень часто искажены, благодаря списыванію и разстановкѣ знаковъ препинанія [1]), даже въ изданіяхъ, сдѣланныхъ, на первый взглядъ, очень тщательно.

Теперь посмотримъ, въ какомъ видѣ дошли до насъ древніе документы? Оригиналы большинства изъ нихъ утрачены; мы имѣемъ только копіи. Копіи, непосредственно снятыя съ оригиналовъ? Нѣтъ, копіи съ копій. Далеко не всѣ писцы, занимавшіеся перепиской этихъ копій, были люди опытные и добросовѣстные; они переписывали тексты, часто совсѣмъ не понимая ихъ содержанія или понимая плохо, и къ тому же не всегда было въ обычаѣ, какъ во время каролингскаго Возрожденія [2]), свѣрять рукописи. Если наши печатныя книги, послѣ

---

[1]) Одинъ изъ членовъ Société des humanistes français (основаннаго въ Парижѣ въ 1894 г.), въ Bulletin'ѣ этого общества занялся возстановленіемъ извѣстныхъ намъ ошибокъ, касающихся внѣшней критики текста, которыя встрѣчаются въ изданіяхъ нѣкоторыхъ посмертныхъ произведеній (между прочимъ въ изданіи «Mémoires d'outre-tombe») онъ доказалъ, что возможно устранить неясности въ самыхъ новѣйшихъ документахъ при помощи того же самаго метода, какимъ мы пользуемся при воз тановленіи самыхъ древнихъ текстовъ.

[2]) Относительно привычекъ средневѣковыхъ писцовъ, черезъ посредство которыхъ дошло до насъ большинство литературныхъ произведеній древности, см. свѣдѣнія, собранныя г. В. Ваттенбахомъ, «Das Schriftwesen im Mittelalter», Берлинъ, 1896 г.

послѣдовательнаго просмотра ихъ авторами и корректорами, воспроизводятъ оригиналы далеко не въ совершенствѣ, то вполнѣ понятно, что древніе документы, неоднократно переписывавшіеся безъ особой тщательности въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ, съ рискомъ новаго искаженія смысла при каждой новой переписке, дошли до насъ въ крайне искаженномъ видѣ.

Отсюда возникаетъ необходимость относиться съ большою осторожностью къ каждому документу, провѣрять, прежде чѣмъ пользоваться какимъ-либо документомъ, „хорошъ“ ли его текстъ, т. е. согласуется ли онъ, насколько возможно, съ подлинной рукописью автора и, если текстъ плохъ, то исправлять его. Дѣйствовать иначе опасно. Пользуясь плохимъ текстомъ, т. е. искаженнымъ при передачѣ, рискуютъ приписать автору то, что̀ принадлежитъ переписчику. Относительно мѣстъ, искаженныхъ при переписке, былъ построенъ въ свое время цѣлый рядъ теорій, потерпѣвшихъ полнѣйшее фіаско, когда былъ найденъ или возстановленъ оригинальный текстъ этихъ мѣстъ. Далеко не всѣ типографскія опечатки и ошибки переписчиковъ лишены значенія или смѣшны: иногда онѣ бываютъ очень коварны, способны ввести въ заблужденіе читателей [1]).

Всякій охотно повѣрилъ бы, что уважаемые историки всегда ставили себѣ за правило запасаться хорошимъ, исправленнымъ и возстановленнымъ текстомъ документовъ для своихъ работъ. Но это было бы ошибкой. Историки долгое время пользовались текстами, бывшими у нихъ подъ руками, не справляясь о ихъ достовѣрности. Больше того: сами ученые, занятые изданіемъ документовъ, не сразу научились искусству ихъ исправлять; недавно еще документы издавали поспѣшно, по первымъ найденнымъ копіямъ, не разбирая, хороши онѣ или плохи, комбинируя и исправляя ихъ наудачу. Большинство выходящихъ въ настоящее время изданій древнихъ текстовъ подвергаются предварительной критикѣ; но не прошло еще и тридцати лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ были изданы первыя „критическія изданія“ важнѣйшихъ средневѣковыхъ произ-

---

[1]) См., напримѣръ, «Coquilles lexicographiques», собранныя г. Thomas, въ «Romania», XX, 1891 г., стр. 464 и слѣд.

веденій, а тексты нѣкоторыхъ произведеній классической древности (какъ напр., произведеній Павзанія) не подвергнуты еще и теперь критикѣ.

До настоящаго времени далеко еще не всѣ историческіе документы изданы съ такою тщательностью, чтобы историки могли относиться къ нимъ съ полнымъ довѣріемъ; а съ другой стороны, нѣкоторые историки до сихъ поръ дѣйствуютъ, какъ бы не отдавая себѣ отчета въ томъ, что нельзя полагаться на текстъ, достовѣрность котораго не установлена. Впрочемъ, и теперь уже въ этомъ отношеніи сдѣланы значительные успѣхи. На основаніи опыта, добытаго многими поколѣніями „эрудитовъ", удалось создать надлежащій методъ для очищенія и возстановленія подлинныхъ текстовъ документовъ. Въ настоящее время ни одна часть исторической методологіи не обоснована такъ солидно и не пользуется такой извѣстностью, какъ эта. Она ясно изложена во многихъ популярныхъ работахъ по филологіи [1]).

Въ виду этого, мы ограничимся здѣсь лишь перечисленіемъ ея основныхъ принциповъ и укажемъ на добытые ею результаты.

I. Предположимъ, что мы имѣемъ дѣло съ неизданнымъ еще документомъ или съ документомъ, изданнымъ не по правиламъ критики. Какой употребляется пріемъ для установленія текста, возможно близкаго къ подлиннику документа? Здѣсь слѣдуетъ различать три случая:

---

[1]) См. Э. Бернгеймъ, «Lehrbuch der historischen Methode», 2, стр. 341—354. Кромѣ того: Ф. Блассъ, въ «Handbuch der klassischen Altertumswissenschaft». I. Ф. Мюллеръ, I², (1892), стр. 249—289 (съ подробной библіографіей); А. Тоблеръ, въ «Grundriss der romanischen Philologie», I (1888), стр. 253—263; H. Paul, въ «Grundriss der germanischen Philologie», I² (1896), стр. 184—196.

На французскомъ языкѣ см. параграфъ: «критика текстовъ» въ Minerva, «Introduction à l'étude des classiques scolaires grecs et latins», J. Gow et S. Reinach'a, Парижъ, 1890 г., in-16 стр. 50—65. Трудъ Тэйлора, «History of the transmission of ancient books to modern times», Ливерпуль 1889 г., не имѣетъ научнаго значенія.

a. Самый простой случай—когда имѣется на лицо оригиналъ, написанный самимъ авторомъ. Въ этомъ случаѣ требуется только воспроизвести текстъ съ полною точностью [1]). Теоретически ничего не можетъ быть легче, но на практикѣ этотъ элементарный процессъ требуетъ напряженнаго вниманія, доступнаго далеко не всѣмъ. Если вы сомнѣваетесь, то сдѣлайте опытъ. Переписчики, никогда не ошибающіеся и не страдающіе разсѣянностью, встрѣчаются очень рѣдко даже среди „эрудитовъ".

b. Второй случай. Оригиналъ рукописи потерянъ; извѣстна только ея копія. Въ этотъ случаѣ слѣдуетъ быть очень осторожнымъ, потому что a priori вѣроятно, что эта рукопись содержитъ ошибки.

Тексты искажаются согласно нѣкоторымъ законамъ. Мало-по-малу примѣнились распознавать и классифицировать причины и обычныя формы различій, наблюдаемыхъ между оригиналами и копіями; затѣмъ, при помощи аналогіи, удалось вывести правила, дающія возможность возстановлять гадательнымъ образомъ тѣ мѣста въ единственной копіи утерянаго подлинника, которыя несомнѣнно (потому что они непонятны) или вѣроятно искажены.

---

[1]) Правило это не имѣетъ непреложнаго характера. Вообще допускается, что издатель имѣетъ право однообразить почеркъ авторскаго автографа (предупредивъ объ этомъ) во всѣхъ случаяхъ, когда, въ большинствѣ современныхъ документовъ, почеркъ автора не представляетъ филологическаго интереса. См. «Instructions pour la publication des textes historiques», въ «Bulletin de la Commission royale d' histoire de Belgique», 5 серія, VI (1896) и «Grundsätze für die Herausgabe von Actenstücken zur neueren Geschichte», подвергнутыя тщательному разсмотрѣнію на 2-мъ и 3-мъ конгрессахъ германскихъ историковъ въ 1894 и 1895 гг., въ «Deutsche Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», XI, стр. 200, XII, стр. 364. Послѣдніе конгрессы итальянскихъ историковъ, бывшіе въ Генуѣ (1893) и въ Римѣ (1895), также обсуждали этотъ вопросъ, но не пришли ни къ чему. Какія вольности могутъ быть допущены при воспроизведеніи авторскихъ текстовъ? Это болѣе трудная задача, чѣмъ думаютъ неспеціалисты этого дѣла.

Искаженія оригиналовъ при списываніи или, какъ говорятъ, „варіанты передачи", явились частью слѣдствіемъ подлога, частью ошибокъ. Нѣкоторые переписчики, списывая текстъ, умышленно дѣлали въ немъ измѣненія или пропуски [1]) и почти всѣ дѣлали, кромѣ того, ошибки по непониманію или случайныя. Ошибки по непониманію происходили въ тѣхъ случаяхъ, когда полуобразованные, мало понимавшіе въ дѣлѣ писцы считали своимъ долгомъ исправлять непонятныя имъ мѣста или слова оригинала [2]). Случайныя ошибки происходили тогда, когда писецъ невѣрно прочитывалъ текстъ оригинала, или ослышался, писавши подъ диктовку, или невольно дѣлалъ описки (lapsus calami).

Измѣненія текстовъ, являющіяся слѣдствіемъ намѣренныхъ искаженій и ошибокъ по непониманію, часто бываетъ очень трудно исправить и даже замѣтить. Нѣкоторыя случайныя ошибки (напримѣръ, пропускъ нѣсколькихъ строкъ) непоправимы, въ томъ случаѣ, если имѣется на лицо единственная копія оригинала. Но большинство случайныхъ ошибокъ возможно угадать, если знать ихъ обычныя формы: неясность смысла, буквъ и словъ, смѣшеніе словъ, слоговъ и буквъ, диттографію (безполезное повтореніе буквъ или слоговъ), аплографію (когда слова и слоги, которые должны повторяться, написаны по одному разу), плохое раздѣленіе словъ, невѣрную разстановку знаковъ препинанія и т. д. Эти различнаго рода ошибки дѣлались писцами всѣхъ временъ и всѣхъ странъ, безразлично, на какомъ бы языкѣ и какимъ бы почеркомъ ни были написаны оригиналы. Но нѣкоторыя смѣшенія буквъ повторяются особенно часто въ копіяхъ, снятыхъ съ оригиналовъ, написанныхъ прописными буквами (en caractères onciaux), а другія—въ копіяхъ, съ оригиналовъ, написанныхъ

---

[1]) О вставкахъ (интерполяціяхъ) въ текстахъ будетъ рѣчь въ III главѣ.

[2]) Писцы каролингскаго Возрожденія и Возрожденія въ собственномъ смыслѣ, начиная съ XV в., были озабочены тѣмъ, чтобы дѣлать тексты понятными. Вслѣдствіе этого они поправляли все, чего не понимали. Многія произведенія древности, благодаря этому, погублены ими навсегда.

строчными буквами (en minuscule). Неясности смысла и смѣшенія словъ объясняются аналогіями словаря и произношенія различающимися, естественно, смотря по тому, на томъ или иномъ языкѣ написанъ оригиналъ и въ то или иное время. Общая теорія гадательнаго исправленія документовъ ограничивается тѣмъ, что нами только что изложено, и не существуетъ систематическаго обученія этому искусству. Нельзя учиться исправлять какіе бы то ни было тексты, но можно учиться исправлять тексты греческіе, тексты латинскіе, тексты французскіе и т. д., потому что гадательное исправленіе текста требуетъ, кромѣ общихъ понятій о путяхъ искаженія текстовъ, основательное знаніе: 1) языка, 2) спеціальной палеографіи и 3) неточностей и смѣшеній (буквъ, смысла и словъ), которыя всего чаще встрѣчались или встрѣчаются въ копіяхъ текстовъ, написанныхъ на одномъ и томъ же языкѣ и однимъ и тѣмъ же способомъ. Для обученія исправленію греческихъ и латинскихъ текстовъ были составлены указатели (алфавитные и систематическіе) „варіантовъ передачи", часто встрѣчающихся смѣшеній и вѣроятныхъ поправокъ [1]). Они не могутъ, конечно, замѣнить собою практическихъ упражненій подъ руководствомъ опытныхъ знатоковъ дѣла [2]), но они оказываютъ большія услуги даже и этимъ послѣднимъ.

---

[1]) Коллекціи эти обработаны или въ систематическомъ, или въ алфавитномъ порядкѣ. Главныя изъ нихъ для двухъ классическихъ языковъ, кромѣ вышеупомянутой работы Класса (см. выше, стр. 54, прим. 1), «Adversaria critica» Мадвига (Копенгагенъ, 1871—1874, 3 тома, in-8); для греческаго языка знаменитая «Commentatio palaeographica» Фр. І. Баста (Bast), изданная въ видѣ приложенія къ изданію грамматики Григорія Коринѳскаго (Лейпцигъ, 1811) и «Variae lectiones» Кобэ (Cobet) (Лейденъ, 1873); для латинскаго языка: Г. Гагенъ (Hagen) «Gradus ad criticen» (Лейпцигъ, 1879) и В. М. Линдсей «An Introduction to latin textual emendation bassed on the text of Plautus» (Лондонъ, 1896). Редакторъ «Bulletin de la Société des humanistes français» выразилъ пожеланіе, чтобы аналогичный сборникъ былъ составленъ для современнаго французскаго языка.

[2]) См. «Revue critique», 1895 г., II, стр. 358.

Намъ не трудно было бы перечислить цѣлый рядъ примѣровъ удачныхъ исправленій. Наиболѣе удовлетворительные изъ нихъ тѣ, которые обладаютъ свойствомъ палеографической очевидности, какъ, напр., классическая поправка Мадвига (Madvig) въ текстѣ „Писемъ“ Сенеки (89,4). Обыкновенно читали: „Philosophia unde dicta sit, apparet; ipso enim nomine fatetur. Quidam et sapientiam ita quidam finierunt, ut dicerent divinorum et humanorum sapientiam...“, что не имѣетъ смысла. Предполагали, что между словами ita и quidam сдѣланъ пропускъ. Мадвигъ представилъ себѣ текстъ, написаннымъ прописными буквами исчезнувшей первоначальной рукописи, гдѣ, согласно обычаю предшествовавшему VIII вѣку, слова не раздѣлялись (scriptio continua) и между отдѣльными предложеніями не было знаковъ препинанія; онъ задался вопросомъ: не раздѣлилъ ли переписчикъ наудачу слова первоначальнаго текста, написаннаго сплошь заглавными буквами, и безъ затрудненія прочелъ: „... ipso enim nomine fatetur quid amet. Sapientiam ita quidam finierunt... и т. д.“. Блассъ, Рейнакъ, Линдсей въ своихъ мелкихъ научныхъ работахъ упоминаютъ о многочисленныхъ искусныхъ поправкахъ въ такомъ же родѣ. Впрочемъ, эллинисты и латинисты не пользуются монополіей въ этомъ отношеніи; можно указать примѣры столь же „блестящихъ“ поправокъ, сдѣланныхъ оріенталистами, романистами и германистами, съ тѣхъ поръ, какъ восточные, романскіе и германскіе тексты подверглись внѣшней критикѣ. Мы уже сказали, что подобныя же исправленія возможны даже въ текстѣ документовъ совсѣмъ современныхъ, воспроизведенныхъ типографскимъ способомъ при наилучшихъ условіяхъ.

Никто, быть можетъ, въ наше время не достигъ такого совершенства въ искусствѣ гадательнаго исправленія (emendatio) текста, какъ Мадвигъ; тѣмъ не менѣе онъ не высокаго мнѣнія о работахъ по новѣйшей филологіи. Онъ думалъ, что гуманисты XVI и XVII вв. были въ этомъ отношеніи лучше подготовлены, чѣмъ современные ученые. И дѣйствительно, гадательное исправленіе греческихъ и латинскихъ текстовъ есть своего рода спортъ (sport), которымъ занимается съ бо́льшимъ успѣхомъ тотъ, кто при изобрѣтательномъ умѣ и палео-

графической фантазіи, обладаетъ еще и наиболѣе правильнымъ, быстрымъ и утонченнымъ пониманіемъ тонкостей классическихъ языковъ. Прежніе же ученые, хотя и были слишкомъ смѣлы на заключенія, но классическіе языки имъ были болѣе знакомы, чѣмъ современнымъ ученымъ.

Какъ бы то ни было, но многочисленные тексты, сохранившіеся въ единичныхъ копіяхъ и въ искаженномъ видѣ, не поддаются и, безъ сомнѣнія, не будутъ поддаваться усиліямъ критики. Очень часто критика констатируетъ искаженіе текста, указываетъ, что̀ требуется смысломъ, и если она осторожна, то этимъ и ограничивается, потому что во многихъ копіяхъ, благодаря множеству ошибокъ и послѣдовательныхъ исправленій, не осталось почти и слѣдовъ авторскаго текста, и разобраться во всей этой путаницѣ нѣтъ никакой возможности.

Ученые, предающіеся со страстью занятіямъ гадательной критикой, рискуютъ, въ пылу увлеченія, заподозрить подлинные тексты и предлагать для искаженныхъ мѣстъ смѣлыя гипотезы. Они сами это знаютъ, а потому считаютъ для себя закономъ ясно раздѣлять въ своихъ изданіяхъ тексты сохранившихся рукописей отъ текстовъ, установленныхъ ими самими.

с. Третій случай. Существуетъ нѣсколько различныхъ копій документа, подлинникъ котораго утраченъ. Въ этомъ случаѣ современные ученые пользуются большимъ преимуществомъ передъ прежними изслѣдователями: помимо того, что они располагаютъ гораздо бо̀льшимъ запасомъ свѣдѣній, они правильнѣе производятъ сравненіе копій. Цѣль ихъ, какъ и въ предыдущемъ случаѣ, возстановить насколько возможно первоначальный текстъ.

Прежніе ученые, а также и новички изъ нашихъ современниковъ боролись и должны бороться съ очень дурною склонностью пользоваться нужды нѣтъ какой копіей, разъ она подъ руками. Другая склонность не менѣе прискорбна, а именно: если различныя копіи документовъ относятся не къ одной и той же исторической эпохѣ, то пользоваться наиболѣе старой изъ нихъ. Древность при оцѣнкѣ достовѣрности копій теоретически, а часто и на дѣлѣ, не имѣетъ никакого значенія, потому что рукопись XVI столѣтія, представляющая собою воспроизведеніе хорошей утраченной копіи XI вѣка, имѣетъ

гораздо бо́льшую цѣнность, чѣмъ полная ошибокъ, передѣланная копія XII или XIII в. Есть еще третья, также нехорошая склонность: считать копіи, передающія одинаково одинъ и тотъ же текстъ, и рѣшать по большинству. Положимъ, у насъ на лицо двадцать экземпляровъ копій одного и того же текста, при чемъ варіантъ *a* повторяется восемнадцать разъ, а варіантъ *b* два раза. Принять на основаніи этого достовѣрность за варіантомъ *a*, значитъ безъ всякаго основанія предположить, что всѣ восемнадцать экземпляровъ копій имѣютъ одинаковый авторитетъ. Дѣлать такое предположеніе—значитъ ошибаться въ выводѣ, потому что если семнадцать изъ восемнадцати экземпляровъ копій, дающихъ текстъ *a*, есть не что иное, какъ копія съ восемнадцатаго экземпляра, то, слѣдовательно, варіантъ *a* удостовѣренъ въ дѣйствительности только одинъ разъ и остается только рѣшить, имѣетъ ли онъ предпочтеніе передъ варіантомъ *b* или нѣтъ.

Въ подобныхъ случаяхъ было признано единственно раціональнымъ прежде всего опредѣлять отношеніе копій между собою. Поступая такъ, исходятъ изъ того безспорнаго постулата, что всѣ копіи текста, содержащія въ однихъ и тѣхъ же мѣстахъ одинаковыя ошибки, сдѣланы одна съ другой или же всѣ ведутъ свое происхожденіе отъ одной копіи, содержавшей уже эти ошибки. Невѣроятно, на самомъ дѣлѣ, чтобы нѣсколько переписчиковъ, воспроизводя каждый самостоятельно первоначальный текстъ, свободный отъ всякихъ ошибокъ,—сдѣлали всѣ точь-въ-точь одинаковыя ошибки: тождественность ошибокъ свидѣтельствуетъ, слѣдовательно, объ общности происхожденія копій. Всѣ экземпляры, снятые съ одной и той же уцѣлѣвшей копіи, могутъ быть безъ малѣйшихъ колебаній отброшены, такъ какъ, очевидно, они цѣнны только постольку, поскольку цѣнна эта самая копія, послужившая ихъ общимъ источникомъ; они ничѣмъ не отличаются отъ нея, а если и отличаются, то только лишними ошибками, а, слѣдовательно, сличать разные варіанты одной и той же копіи было бы безполезной тратой времени. Отбросивъ указанные экземпляры одной и той же копіи, приходится имѣть дѣло только съ независимыми копіями, снятыми непосредственно съ первоисточника, или же съ копіями, источникъ которыхъ (копія, снятая непосред-

ственно съ первоисточника) утраченъ. Чтобы классифицировать производныя копіи по родамъ (en familles) сообразно съ тою или иною передачею текста, снова прибѣгаютъ къ методу сравненія ошибокъ, позволяющему, обыкновенно, безъ большого труда, составить полную генеалогическую таблицу (stemma codicum) сохранившихся экземпляровъ, рельефно выясняющую ихъ относительную важность. Здѣсь не мѣсто разсматривать трудные случаи, когда вслѣдствіе утраты слишкомъ большого числа промежуточныхъ варіантовъ текста, или прежнихъ произвольныхъ комбинацій, смѣшивавшихъ въ одно тексты многихъ различныхъ варіантовъ, операція сравненія и исправленія становится крайне затруднительной, а иногда и прямо невозможной. Къ тому же въ этихъ крайнихъ случаяхъ методъ ничуть не измѣняется; сравненіе совпадающихъ мѣстъ текстовъ имѣетъ и здѣсь громадное значеніе, но это и все, чѣмъ располагаетъ въ такихъ случаяхъ критика.

Когда генеалогическая таблица экземпляровъ составлена, то для возстановленія текста первоначальнаго документа, сравниваютъ его независимые другъ отъ друга варіанты. Если они согласуются и получается удовлетворительный текстъ, то всѣ затрудненія устраняются; если же противорѣчатъ одинъ другому, то дѣлаютъ выборъ. Если же отдѣльные варіанты согласуются между собою, но даютъ искаженный текстъ, то какъ и въ томъ случаѣ, когда имѣется только одна копія, прибѣгаютъ къ гадательному исправленію текста.

Въ принципѣ, гораздо удобнѣе имѣть нѣсколько самостоятельныхъ копій утерянnаго оригинала, чѣмъ одну, потому что одного простого механическаго сравненія независимыхъ разночтеній текста бываетъ часто достаточно, чтобы разсѣять всѣ неясности, которыхъ не могъ бы устранить сомнительный свѣтъ гадательной критики. Тѣмъ не менѣе, обиліе экземпляровъ служитъ скорѣе помѣхою, чѣмъ помощью, когда экземпляры эти не классифицированы или классифицированы плохо; трудно представить себѣ что-либо менѣе надежное, чѣмъ фантастическія, сложныя исправленія текстовъ, выполненныя на основаніи копій, не выяснивъ предварительно съ точностью взаимное отношеніе этихъ копій между собою и къ ихъ первоначальному источнику. Съ другой стороны, примѣненіе раціо-

нальныхъ методовъ ведетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ къ громадной затратѣ времени и труда. Представьте только себѣ, что есть произведенія, сохранившіяся въ нѣсколькихъ сотняхъ не тождественныхъ между собою экземляровъ, что самостоятельные варіанты иного текста, не очень длиннаго (какъ, напр., Евангелія), считаются тысячами, что для приготовленія „критическаго изданія“ иного средневѣкового романа понадобились бы очень старательному человѣку цѣлые годы труда. Можно ли быть по крайней мѣрѣ увѣреннымъ, что текстъ этого романа, послѣ столькихъ сличеній, сравненій и труда будетъ существенно лучше, чѣмъ если бы для его возстановленія имѣлись всего двѣ или три рукописи? Нѣтъ. Физическія усилія, необходимыя для нѣкоторыхъ критическихъ изданій вслѣдствіе чрезмѣрнаго кажущагося богатства матеріаловъ, которыми приходится для нихъ пользоваться, отнюдь не пропорціональны положительнымъ результатамъ, служащимъ наградой за трудъ.

„Критическія изданія“, сдѣланныя при помощи нѣсколькихъ копій утраченнаго оригинала, должны дать публикѣ средства контролировать stemma codicum, составленное издателемъ, и содержать въ примѣчаніяхъ списокъ отброшенныхъ варіантовъ. Такимъ путемъ, на самый худой конецъ, компетентные люди найдутъ тамъ, за неимѣніемъ лучшаго текста, то, что нужно для его возстановленія [1]).

II. Возстановительная критика—критика очищенія и исправленія текстовъ—даетъ вполнѣ отрицательные результаты. Какъ путемъ однѣхъ догадокъ, такъ и путемъ догадокъ и сравненія, удается обыкновенно получить не вполнѣ хорошій,

---

[1]) Наши эрудиты еще недавно пренебрегали этой элементарной предосторожностью, боясь упрека въ педантизмѣ. М. В. Hauréau издалъ въ своихъ «Notices et extraits de quelques manuscrits latins de la Bibliothèque nationale» (VI, стр. 310) одно произведеніе, написанное ритмическимъ стихомъ «De presbytero et logico». «Оно уже издано,—говоритъ онъ,—г. Томасомъ Райтомъ (Thomas Wright),—но это изданіе очень искажено; его текстъ мѣстами совсѣмъ не ясенъ. Мы его значительно исправили, пользуясь при этомъ двумя копіями, изъ которыхъ, правда, ни одна не безупречна...» Затѣмъ идетъ изданіе безъ варіантовъ. Контроль невозможенъ.

а лишь возможно лучшій текстъ документа, первоначальная рукопись котораго утеряна. Въ лучшемъ случаѣ удается исключить плохіе случайные варіанты текста, способные вводить въ заблужденіе, и указать подозрительныя мѣста. Само собою разумѣется, что возстановительная критика не даетъ ни одной новой данной. Текстъ документа, возстановленный цѣною безконечныхъ трудовъ, стоитъ ничуть не больше, чѣмъ текстъ аналогичнаго документа, оригиналъ котораго сохранился; напротивъ, онъ представляетъ даже меньшую цѣнность. Если бы автографъ Энеиды не былъ утраченъ, то не потратились бы цѣлые вѣка на сличенія и догадки и текстъ Энеиды былъ бы лучше, чѣмъ существующій въ настоящее время. Это относится къ тѣмъ, кто забавляется игрою въ „исправленія“ [1]), любитъ ее и былъ бы огорченъ, если бы не нужно было ею заниматься.

III. Впрочемъ, критика возстановленія текстовъ будетъ примѣняться до тѣхъ поръ, пока не будутъ обладать точнымъ текстомъ всѣхъ историческихъ документовъ. При настоящемъ состояніи науки немногія работы отличаются бо́льшею полезностью, чѣмъ изданіе новыхъ или очищеніе уже извѣстныхъ текстовъ. Издавать согласно правиламъ критики неизданные или изданные плохо документы, значитъ оказывать существенную услугу изученію исторіи. Во всѣхъ странахъ безчисленныя ученыя общества посвящаютъ этому капитальному дѣлу бо́льшую часть своихъ средствъ и своей дѣятельности. Но въ виду громаднаго количества текстовъ, нуждающихся въ критикѣ [2]) и тщательности, какую требуетъ самый процессъ кри-

---

[1]) «Textual emendation too often misses the mark through want of knowledge of what may be called t h e r u l e s o f t h e g a m e» (В. М. Линдсей въ вышеуказ. мѣстѣ). («Исправленіе текстовъ слишкомъ часто оказывается неудачнымъ вслѣдствіе недостаточнаго знанія того, что́ можно бы назвать «правилами игры».

[2]) Часто задавались вопросомъ: стоитъ ли «устанавливать» и издавать в с ѣ тексты? «Что́ нужно издать,—говоритъ Ж. Бедье,—изъ нашихъ старыхъ текстовъ (по средневѣковой французской литературѣ)? Все. Намъ скажутъ все? Но не сгибаемся ли мы уже и теперь подъ тяжестью документовъ?.. Вотъ основаніе, требующее полнаго изданія документовъ. До тѣхъ поръ, пока масса рукописей будетъ для насъ

тики [1]), работы по изданію и исправленію текстовъ подвигаются очень медленно. Пройдетъ много времени, прежде чѣмъ будутъ изданы и переизданы secundum artem всѣ интересные памятники по исторіи среднихъ и новыхъ вѣковъ, даже если предположить, что сравнительно быстрый ходъ, какой приняли эти работы за послѣднее время, еще ускорится [2]).

закрыта и облечена тайной, онѣ будутъ манить насъ, какъ будто въ нихъ-то и заключается отвѣтъ на всѣ загадки; онѣ будутъ стѣснять полетъ мысли каждаго честнаго ума. Ихъ слѣдуетъ издать даже хотя бы для того, чтобы отдѣлаться отъ нихъ и чтобы возможно было сдѣлать изъ нихъ въ будущемъ tabula rasa...» («Revue des Deux Mondes», 15 февраля 1894 г., стр. 910). Всѣ документы должны быть занесены въ каталоги,—сказали мы раньше,—чтобы работники не боялись упустить того, что имъ полезно было бы знать. Но во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда краткаго анализа достаточно, чтобы познакомить съ содержаніемъ документа и когда документъ по своей формѣ не представляетъ интереса, изданіе его во всей полнотѣ (in extenso) совершенно не нужно. Нѣтъ надобности заваливать себя грудою матеріаловъ: когда-нибудь всѣ документы будутъ анализированы; многіе же документы никогда не будутъ изданы.

[1]) Издатели текстовъ затрудняютъ часто свою задачу еще тѣмъ, что, подъ предлогомъ разъясненій, сопровождаютъ свои изданія комментаріями. Было бы лучше не дѣлать этого и обходиться безъ всякихъ примѣчаній, не относящихся къ «критикѣ» въ собственномъ смыслѣ этого слова. См. объ этомъ Т. Линднера: «Ueber die Herausgabe von geschichtlichen Quellen» въ «Mittheilungen des Instituts für oesterreichischen Geschichtsforschung», XVI, 1895 г., стр. 501 и слѣд.

[2]) Чтобы отдать себѣ въ нихъ отчетъ, достаточно сравнить то, что сдѣлано до сихъ поръ наиболѣе дѣятельными обществами, напримѣръ, обществомъ Monumenta Germaniae historica и Istituto storico italiano, съ тѣмъ, что имъ остается сдѣлать. Большинство документовъ самыхъ древнихъ, возстановленіе которыхъ было сопряжено съ особыми трудностями и на которыхъ съ давнихъ поръ изощряли спеціалисты свою проницательность, приведены теперь въ удовлетворительное состояніе. Но остается еще сдѣлать очень и очень много.

Глава III.

Критика происхожденія.

Было бы абсурдомъ искать свѣдѣній о какомъ-нибудь фактѣ въ бумагахъ такого лица, которое о немъ ничего не знало и не могло ничего знать. Слѣдовательно, беря въ руки документъ, прежде всего должно задаться вопросомъ: „Откуда онъ происходитъ? Кто его авторъ? Къ какому времени онъ относится?“ Документъ, авторъ, а также время и мѣсто написанія котораго неизвѣстны, никуда не годится. Эта, повидимому элементарная, истина была признана вполнѣ только въ наше время. По свойству человѣческой природы, тѣ, кто первые приняли за правило изслѣдовать происхожденіе документовъ, прежде чѣмъ ими пользоваться, стали этимъ гордиться (на что, впрочемъ, имѣли полное основаніе).

Большинство современныхъ документовъ снабжено точными указаніями о своемъ происхожденіи; въ наши дни книги, журнальныя статьи, оффиціальные документы и даже частныя рукописи бываютъ вообще подписаны и датированы. Напротивъ, на многихъ древнихъ документахъ не обозначено ни мѣста, ни даты, ни подписи.

Человѣкъ по природѣ отличается склонностью придавать вѣру указаніямъ о происхожденіи, если таковыя имѣются на лицо. На обложкѣ и въ предисловіи къ „Châtiments“ Викторъ Гюго называетъ себя ихъ авторомъ: стало быть Викторъ Гюго авторъ „Châtiments“. Вотъ, напримѣръ, въ музеѣ неподписанная картина, но стараніями администраціи музея рама ея украшена дощечкой съ именемъ Леонардо-да-Винчи: значитъ это картина Леонардо-да-Винчи. Въ „Extraits des poètes chrétiens“ Клемана (Clément), въ большей части изданій сочиненій св. Бонавентуры и во многихъ средневѣковыхъ рукописяхъ находится поэма „Филомена“ съ именемъ св. Бонавентуры: поэма „Филомена“ принадлежитъ, слѣдовательно, св. Бонавентурѣ, и въ „ней находятъ даже драгоцѣн-

ныя указанія относительно души" этого святого человѣка [1]). Врэнъ-Лукасъ приносилъ г. Шаль (Chasles) надлежащимъ образомъ подписанные [2]) автографы Верцингеторикса, Клеопатры и св. Маріи Магдалины: вотъ, думалъ г. Шаль (Chasles), автографы Верцингеторикса, Клеопатры и св. Маріи Магдалины. Мы стоимъ здѣсь лицомъ къ лицу съ одной изъ наиболѣе распространенныхъ и въ то же время и наиболѣе устойчивыхъ формъ общественнаго легковѣрія.

Опытъ и размышленія доказали необходимость ограничить эту инстинктивную довѣрчивость особымъ методомъ. Автографы Верцингеторикса, Клеопатры и св. Маріи Магдалины были вымышлены Врэнъ-Лукасомъ. „Филомена", приписывавшаяся средневѣковыми писцами, то св. Бонавентурѣ, то Людовику Гранадскому, то Джону Говдену (John Hoveden), то Джону Пекгамъ (John Peckham), не принадлежитъ, быть можетъ, ни одному изъ этихъ авторовъ и, навѣрное, не написана первымъ. Въ самыхъ знаменитыхъ итальянскихъ музеяхъ отмѣнныя нелѣпости, безъ тѣни доказательства, прикрывались славнымъ именемъ Леонардо-да-Винчи. Съ другой стороны, не подлежитъ сомнѣнію, что Викторъ Гюго авторъ „Châtiments". Мы дѣлаемъ отсюда заключеніе, что самыя формальныя указанія на происхожденіе никогда не бываютъ достаточными *сами по себѣ*. Они представляютъ только бо́льшую и меньшую вѣроятность,—бо́льшую вообще, когда дѣло идетъ о современныхъ документахъ, и часто очень слабую, когда вопросъ касается древнихъ. Указанія эти бываютъ иногда позднѣйшими прибавками, приставленными къ незначительнымъ произведеніямъ, съ цѣлью поднять ихъ цѣну, или къ выдающимся сочиненіямъ, съ цѣлью кого-нибудь прославить, или, наконецъ, съ намѣреніемъ мистифицировать потомство и по множеству другихъ, легко объяснимыхъ мотивовъ, которые уже перечислены [3]); вообще подложная (псевдоэпиграфическая) ли-

---

[1]) P де-Гурмонъ. въ *Latin mystique* (Парижъ, 1891 г.), стр. 258.

[2]) См. эти вымышленные автографы въ національной библіотекѣ во вновь пріобрѣт. отрывк.), № 709.

[3]) Ф. Блассъ перечислилъ большинство этихъ мотивовъ, касаясь псевдоэпиграфической литературы древности (Цит. соч., стр. 262 и слѣд.).

тература древности и среднихъ вѣковъ очень обширна. Кромѣ того, есть совсѣмъ „ложные“ документы, снабженные, естественно, поддѣлывателями самыми точными указаніями о ихъ мнимомъ происхожденіи. Слѣдовательно, указанія о происхожденіи документовъ нужно провѣрять. Но какъ? Когда обозначенное происхожденіе документовъ подозрительно, его провѣряютъ при помощи того же метода, какимъ пользуются, насколько возможно, для опредѣленія совсѣмъ не указаннаго происхожденія документовъ. Пріемы, употребляемые въ томъ и другомъ случаѣ, совершенно одинаковы, а слѣдовательно, нѣтъ надобности толковать о каждомъ изъ нихъ въ отдѣльности.

I. Главнымъ орудіемъ критики происхожденія служитъ внутренній анализъ разсматриваемаго документа, съ цѣлью обнаруженія всѣхъ признаковъ, способныхъ дать указанія объ авторѣ, а также о времени и странѣ, гдѣ онъ жилъ.

Прежде всего изслѣдуется почеркъ документа: св. Бонавентура родился въ 1221 г.; если приписываемыя ему поэмы читаются въ манускриптахъ, писанныхъ въ XI в., то это будетъ ясно доказывать всю неосновательность присвоенія ихъ Бонавентурѣ: всякій документъ, съ котораго существуетъ копія, воспроизведенная письмомъ XI столѣтія, не можетъ быть написанъ позже XI в. Затѣмъ изслѣдуютъ языкъ: нѣкоторыя грамматическія формы употреблялись только въ опредѣленныхъ мѣстностяхъ и въ опредѣленное время. Многіе поддѣлыватели выдали себя благодаря своему невѣжеству въ этомъ отношеніи: отъ ихъ вниманія ускользнули современные слова и обороты; такъ удалось установить, что финикійскія надписи, найденныя въ Южной Америкѣ, были сдѣланы раньше такой-то нѣмецкой диссертаціи, по тому или иному вопросу финикійскаго синтаксиса. Если дѣло коснется государственныхъ актовъ, то разсматриваютъ формулы. Документъ, выдающій себя за меровингскую грамоту, несомнѣнно ложный, если въ немъ нѣтъ обычныхъ формулъ подлинныхъ меровингскихъ грамотъ. Наконецъ, обращается вниманіе на всѣ положительныя данныя, имѣющіяся въ документѣ, какъ-то: упомянутыя въ немъ событія и намёки на событія. Когда событія эти извѣстны изъ другого источника, который не могъ быть въ распоря-

женіи поддѣлывателя, достовѣрность документа установлена и время его написанія опредѣляется приблизительно между самымъ позднимъ извѣстнымъ его автору событіемъ и событіемъ, наиболѣе близкимъ къ предыдущему, о которомъ онъ, безъ сомнѣнія, упомянулъ бы, если бы зналъ о немъ. Принимается во вниманіе также и то, что о нѣкоторыхъ событіяхъ говорится съ особою любовью и что нѣкоторыя мнѣнія выражены умышленно такъ, что даютъ возможность возстановить по догадкѣ званіе, среду и характеръ автора.

Внутренній анализъ документа, во всѣхъ случаяхъ, когда онъ ведется тщательно, даетъ достаточныя указанія о его происхожденіи. Методическое сравненіе различныхъ элементовъ анализируемыхъ документовъ и соотвѣтствующихъ элементовъ однородныхъ документовъ извѣстнаго происхожденія дало возможность изобличить очень большое количество лжи [1]) и съ точностью опредѣлить обстоятельства происхожденія большинства достовѣрныхъ документовъ.

Результаты, достигнутые внутреннимъ анализомъ, дополняютъ и провѣряютъ, собирая всѣ внѣшнія свѣдѣнія (renseignements extérieurs) касательно подвергнутаго критикѣ документа, разсѣянныя по документамъ, относящимся къ той же или позднѣйшей эпохѣ, какъ-то: цитаты, біографическія подробности объ авторѣ и т. д. Иногда не оказывается никакихъ свѣдѣній подобнаго рода, и это имѣетъ большое значеніе: такой, напримѣръ, фактъ, что одинъ изъ документовъ, выдающій себя за меровингскую грамоту, не упоминался никѣмъ до XVII столѣтія и никогда никому не попадался въ руки, кромѣ ученаго XVII в., уличеннаго во лжи, даетъ право думать, что онъ позднѣйшаго происхожденія.

---

[1]) Э. Бернгеймъ (цит. соч., стр. 243 и слѣд.) даетъ значительный списокъ ложныхъ документовъ, въ настоящее время признанныхъ уже за таковые. Здѣсь достаточно напомнить только нѣсколько знаменитыхъ мистификацій: Санхоніаѳона, Клотильды Сюрвилльской и Осціана. Со времени изданія книги Бернгейма нѣкоторые знаменитые документы, никѣмъ до тѣхъ поръ не заподозрѣнные, выкинуты изъ списка достовѣрныхъ. См., напр., А. Піаже «Chronique des chanoines de Neuchâtel» (Невшатель, 1896).

II. До сихъ поръ мы разсматривали простѣйшій случай, когда критикуемый документъ представляетъ собою трудъ одного автора. Но существуютъ многочисленные документы, заключающіе въ себѣ дополненія, сдѣланныя въ различныя эпохи, которыя слѣдуетъ выдѣлить изъ первоначальнаго текста, чтобы не приписать X., автору текста, то, что принадлежитъ его непрошеннымъ сотрудникамъ Y. и Z. [1]). Дополненія бываютъ двоякаго рода: вставка (интерполяція) и продолженіе (continuation). Интерполяціей называютъ вставки въ текстъ словъ или фразъ, не стоявшихъ въ авторской рукописи [2]). Случайныя вставки являются слѣдствіемъ небрежности переписчиковъ и объясняются введеніемъ въ текстъ междустрочныхъ поправокъ или примѣчаній на поляхъ; ошибки же умышленныя состоятъ въ томъ, что переписчики умышленно прибавляли къ авторскимъ фразамъ фразы своего собственнаго изобрѣтенія (а иногда и замѣняли первыя вторыми), съ намѣреніемъ пополнить, прикрасить или сдѣлать текстъ болѣе выразительнымъ. Если бы мы имѣли ту самую рукопись, гдѣ были сдѣланы умышленныя вставки, то выскабливанія и приписки тотчасъ же бы ихъ обнаружили. Но почти всегда первый экземпляръ такого рода рукописи бываетъ утраченъ, а въ снятыхъ съ него копіяхъ всякіе слѣды дополненій или замѣны уже исчезаютъ.

Безполезно опредѣлять, что такое „продолженіе“. Извѣстно, что многія средневѣковыя хроники продолжались различными лицами, при чемъ ни одинъ изъ смѣнявшихъ другъ друга продолжателей не заботился объяснять, гдѣ начинается и гдѣ кончается его собственная работа.

Вставки и продолженія различаются безъ труда при операціяхъ, необходимыхъ для возстановленія содержанія документа, сохранившагося во многихъ экземплярахъ, когда нѣкоторые изъ этихъ экземпляровъ воспроизводятъ первоначаль-

---

[1]) Когда измѣненія первоначальнаго текста принадлежатъ самому автору, то это «передѣлка». Внутренній анализъ и сравненіе экземпляровъ, принадлежащихъ различнымъ изданіямъ документа, сейчасъ же ихъ выясняютъ.

[2]) См. Ф. Блассъ, цит. соч., стр. 254 и слѣд.

ный текстъ, свободный отъ всякихъ дополненій. Но если всѣ экземпляры сняты уже съ дополненныхъ копій, то нужно прибѣгнуть къ внутреннему анализу. Одинаковъ ли стиль всѣхъ частей документовъ? Проникнутъ ли онъ отъ начала до конца однимъ и тѣмъ же духомъ? Нѣтъ ли противорѣчій или пробѣловъ въ послѣдовательномъ развитіи мыслей? На практикѣ,— когда продолжатели и интерполяторы имѣли личныя особенности или явный умыселъ,—удается, путемъ анализа, изолировать первоначальный документъ отъ примѣсей, какъ бы съ ножницами въ рукахъ. Но когда все сдѣлано тонко, такъ что незамѣтно никакихъ склеиваній, то гораздо лучше примириться съ имѣющимся текстомъ и не пускаться въ догадки.

III. Задача критики происхожденія не оканчивается еще тогда, когда документъ, точно или приблизительно, локализированъ во времени и пространствѣ и когда знаютъ, наконецъ, все, что возможно, о его авторѣ или авторахъ [1]).

Достаточно ли знать, что такая-то книга написана въ 1890 г., въ Парижѣ, такимъ-то авторомъ, чтобы судить о „происхожденіи“ находящихся въ ней свѣдѣній, т. е. чтобы быть въ состояніи оцѣнить ихъ значеніе? Предположимъ, что такой-то буквально скопировалъ (безъ указанія источника) сочиненіе, написанное еще въ 1850 г. Очевидно, что отвѣчать и ручаться за заимствованныя части можетъ только авторъ 1850 г. Въ наше время плагіатъ преслѣдуется закономъ, считается безчестнымъ потому и случается рѣдко, но въ прежнія времена онъ былъ безнаказаннымъ, общепринятымъ обычаемъ. Много историческихъ документовъ, кажущихся оригинальными, въ дѣйствительности служатъ только отраженіемъ болѣе древнихъ (конечно безъ ссылки на послѣдніе) и историкамъ, благодаря этому, приходилось испытывать не разъ обманутыя

---

[1]) Въ принципѣ не важно, удалось или нѣтъ открыть имя автора документа. Тѣмъ не менѣе, въ «Histoire littéraire de la France» (XXVI, стр. 388) мы читаемъ: «Мы оставляли безъ вниманія анонимныя поученія: эти очень легкія произведенія не будутъ имѣть значенія для литературной исторіи, пока не будутъ извѣстны имена ихъ авторовъ». Будутъ ли они имѣть больше значенія, когда авторы ихъ будутъ извѣстны поименно?

ожиданія. У Эйнгарда, лѣтописца IX вѣка, есть мѣста, взятыя у Светонія, не имѣющія никакого значенія для исторіи IX в. Однако, что могло бы произойти, если бы это не было замѣчено? О какомъ-нибудь событіи повѣствуютъ трижды, три лѣтописца; но эти три свидѣтельства, поражающія своимъ сходствомъ, сводятся въ сущности къ одному, если констатировано, что два изъ трехъ лѣтописцевъ заимствовали свой разсказъ у третьяго, или что одинаковыя повѣствованія трехъ лѣтописцевъ заимствованы изъ одного и того же источника. Папскія посланія, средневѣковыя императорскія грамоты содержатъ витіеватыя тирады, которымъ не слѣдуетъ придавать значенія, потому что это была только извѣстная манера писать, и составители посланій и дипломовъ дословно копировали свои витіеватыя тирады изъ сборниковъ формулъ и образцовъ канцелярій.

Критика происхожденія обязана распознавать, насколько возможно, какими источниками пользовались авторы документовъ.

Задача, которую въ данномъ случаѣ слѣдуетъ разрѣшить, имѣетъ нѣкоторое сходство съ изложенною уже нами задачею, преслѣдуемой исправленіемъ текстовъ. Въ томъ и другомъ случаѣ исходною точкою служитъ положеніе, что тождественныя передачи текста имѣютъ одинъ общій источникъ: нѣсколько переписчиковъ, переписывая одинъ и тотъ же текстъ, не сдѣлаютъ точь-точь одинаковыхъ ошибокъ въ однихъ и тѣхъ же мѣстахъ; нѣсколько писателей, разсказывая объ однихъ и тѣхъ же событіяхъ не могутъ смотрѣть на нихъ съ одной и той же точки зрѣнія и не могутъ сказать совершенно одно и тоже въ одинаковыхъ выраженіяхъ. Въ виду крайней сложности историческихъ событій, совершенно неправдоподобно, чтобы два независимыхъ наблюдателя передали о нихъ одинаково. Изслѣдователи стараются группировать документы по родамъ (familles), подобно тому какъ классифицируютъ по родамъ рукописи и составляютъ параллельно генеалогическія таблицы.

Экзаменаторамъ, поправляющимъ сочиненія кандидатовъ на степень баккалавра, не разъ случалось замѣчать, что „копіи“ двухъ кандидатовъ (сидѣвшихъ рядомъ) имѣютъ нѣчто родственное между собою. Если имъ захочется установить,

какое изъ двухъ сочиненій списано съ другого, то они легко это узнаютъ, несмотря на небольшія хитрости (легкія измѣненія, пополненія, распространенія, резюмэ, исключенія, перемѣщенія) принятыя лицомъ, виновномъ въ плагіатѣ, съ цѣлью разсѣять подозрѣнія. Общихъ ошибокъ достаточно, чтобы изобличить виновныхъ; неловкости же и, въ особенности, собственныя ошибки плагіатора, источникъ которыхъ надо искать въ подробностяхъ копіи того лица, у котораго онъ списалъ, изобличаютъ наиболѣе виновнаго. Тоже самое, если мы возьмемъ два старинныхъ документа: когда авторъ одного скопировалъ непосредственно другой, то установить между ними сродство бываетъ очень легко: плагіаторъ, сокращаетъ ли онъ рукопись, излагаетъ ли онъ ее своими словами, онъ все-таки почти всегда выдаетъ себя отдѣльными мѣстами [1]).

Когда имѣются на лицо три сродные документа, то изобличить ихъ взаимныя отношенія, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, бываетъ уже болѣе трудно. Возьмемъ *A*, *B*, *C* Предположимъ, что *A* общій источникъ: возможно, 1) что *B* и *C* въ отдѣльности скопировали *A;* 2) что *C* зналъ общій источникъ только черезъ посредство *B;* 3) что *B* зналъ общій источникъ только черезъ посредство *C*. Если *B* и *C* сократили общій источникъ двумя различными способами, то ихъ частичныя копіи несомнѣнно независимы. Если *B* и *C* зависятъ другъ отъ друга, то мы возвращаемся къ самому простому случаю, описанному въ предшествующемъ параграфѣ. Но предположимъ, что авторъ *C* комбинировалъ *A* и *B*, и что, сверхъ того, *A* былъ уже утилизированъ *B*; въ такихъ случаяхъ генеалогическія отношенія перекрещиваются и затемняются.—Еще бо̀льшею сложностью отличаются тѣ случаи, когда приходится разбираться въ четырехъ, пяти или болѣе сродныхъ документахъ; тогда число возможныхъ комбинацій очень быстро возрастаетъ. Тѣмъ не

---

[1]) Въ очень благопріятныхъ случаяхъ, удавалось иногда опредѣлять, путемъ разсмотрѣнія неясностей, допущенныхъ плагіаторомъ, самый родъ письма, форматъ той рукописи-источника, которая была у него передъ глазами. Доказательства «критики источниковъ» иногда опираются, какъ и доказательства «критики текста», на палеографическую очевидность.

менѣе, если утрачено лишь небольшое число посредствующихъ передачъ, то критикѣ удается распутывать соотношенія путемъ сличеній и остроумныхъ кропотливыхъ комбинацій, путемъ безконечно повторяемыхъ сравненій. Современные ученые (напримѣръ, Б. Крюшъ (Krüsch), занимавшійся, главнымъ образомъ, агіографическими произведеніями меровингской эпохи) создали такимъ путемъ въ недавнее время самыя точныя и основательныя генеалогіи [1]).

Критика происхожденія, поскольку она примѣняется къ установленію родственной связи между документами,—даетъ двоякаго рода результаты. Съ одной стороны, она возстановляетъ утраченные документы. Предположимъ, что два лѣтописца, *B* и *C*, воспользовались, каждый отдѣльно, общимъ утраченнымъ источникомъ *X*. Выдѣляя и сличая выдержки, заключающіяся въ *B* и *C*, всегда будетъ возможно составить себѣ понятіе объ *X*, точно такъ же какъ составляютъ себѣ понятіе объ утерянной рукописи, сличая уцѣлѣвшія отъ нея частичныя копіи. Съ другой стороны, критика происхожденія разрушаетъ авторитетъ массы „подлинныхъ“ документовъ, т. е. не заподозрѣнныхъ въ фальсификаціи, доказавъ, что они производные и имѣютъ значеніе только постольку, поскольку имѣютъ его ихъ источники и что, когда они прикрашиваютъ свои источники фантастическими подробностями или риторическими фразами, то лишаются всякой цѣнности. Въ Германіи и Англіи издатели документовъ усвоили прекрасную привычку печатать мелкимъ шрифтомъ заимствованныя мѣста и болѣе крупнымъ мѣста оригинальныя или такія, источникъ, которыхъ неизвѣстенъ. Благодаря такому пріему съ перваго взгляда видно, что знаменитыя, часто цитировавшіяся (совершенно неосновательно) хроники есть не что иное, какъ компиляціи,

---

[1]) Работы г. Жюльена Гаве, собранныя въ томѣ его произведеній (Questions mérovingiennes, Парижъ, 1896 г.) считаются за образцовыя. Очень трудныя задачи разрѣшены тамъ съ безукоризненной ловкостью. Чтеніе мемуаровъ, гдѣ г. Л. Делиль разъясняетъ вопросы происхожденія источниковъ, также очень полезно. Рѣшеніемъ такого рода вопросовъ обыкновенно и создаютъ себѣ славу наиболѣе талантливые эрудиты.

не представляющія сами по себѣ никакой цѣнности; такимъ-то образомъ Flores historiarum такъ-называемаго Матвѣя Вестминстерскаго, самая популярная, быть можетъ, изъ англійскихъ средневѣковыхъ хроникъ, почти цѣликомъ заимствованы изъ оригинальныхъ работъ Вендовера (Wendover) и Матвѣя Парижскаго [1]).

IV.—Критика происхожденія гарантируетъ историковъ отъ громадныхъ ошибокъ. Результаты, достигаемые ею, поразительны. Услуги, оказанныя исключеніемъ ложныхъ документовъ, указаніемъ на ложныя присвоенія, опредѣленіемъ условій, въ которыхъ зародились документы, пострадавшіе отъ времени, и приближеніемъ ихъ къ первоисточникамъ [2]),—эти услуги такъ велики, что критика происхожденія источниковъ разсматривается въ настоящее время какъ „критика“ по преимуществу. Когда историкъ не чувствуетъ необходимости дѣлать различіе между документами, не относится никогда съ недовѣріемъ къ традиціоннымъ присвоеніямъ и принимаетъ всѣ старыя и новыя, плохія и хорошія свѣдѣнія, откуда бы они не исходили [3]).

[1]) См. изданіе Г. Р. Льюарда (Luard) (Лондонъ, т. I, 1890) въ Rerum britannicarum medii aevi scriptores.—Flores historiarum Матвѣя Вестминстерскаго фигурируютъ въ римскомъ «Index'ѣ» по причинѣ мѣстъ, заимствованныхъ изъ Chronica majora Матвѣя Парижскаго, между тѣмъ какъ сами Chronica majora избѣжали критики.

[2]) Поучительно было бы составить списокъ знаменитыхъ историческихъ работъ, вродѣ «Исторіи завоеванія Англіи Норманнами» Огюстена Тьерри, авторитетъ которыхъ совершенно палъ, съ тѣхъ поръ, какъ было изучено происхожденіе ихъ источниковъ. Ничто не забавляетъ больше публику, какъ изобличеніе историка въ томъ, что онъ строилъ свои теоріи на основаніи фальсифицированныхъ документовъ. Ничто такъ не способно покрыть стыдомъ историка, какъ то, что онъ позволилъ себѣ обмануться, принявъ за правду несуществующіе документы.

[3]) Одна изъ самыхъ грубыхъ (и вмѣстѣ съ тѣмъ самыхъ распространенныхъ) формъ «недостатка критики» заключается въ томъ, что принимаютъ за документы, и въ одинаковомъ съ ними значеніи, то, что высказано по поводу документовъ современными авторами. Новички не въ достаточной мѣрѣ различаютъ въ заявленіяхъ новыхъ авторовъ ихъ личныя прибавки къ оригинальнымъ источникамъ отъ самихъ источниковъ.

боясь потерять хоть одно изъ нихъ, то про него говорятъ просто, что у него „недостатокъ критики".

Это справедливо, но не слѣдуетъ довольствоваться такой формой критики и не слѣдуетъ ею злоупотреблять.

Крайняя недовѣрчивость въ такого рода вопросахъ влечетъ за собою почти такія же прискорбныя послѣдствія, какъ и крайнее легковѣріе. Патеръ Гардуэнъ, приписывавшій средневѣковымъ монахамъ произведенія Виргилія и Горація, былъ не меньше смѣшенъ, чѣмъ жертва Врэнъ-Лукаса. Примѣнять критику происхожденія ради удовольствія, безъ разбора, значитъ злоупотреблять ея пріемами. Неблагоразумныя личности, пользовавшіяся ими, чтобы возбудить споръ о подлогѣ такихъ превосходныхъ документовъ, какъ произведенія Гросвиты, Liguriпus и булла Unam Sanctam [1]), или для того, чтобы установить по поверхностнымъ признакамъ воображаемое сродство, между нѣкоторыми „Анналами", дискредитировали бы ихъ, если бы это было возможно. И затѣмъ, похвально, конечно, противодѣйствовать тѣмъ, кто никогда не сомнѣвается въ происхожденіи документовъ, но было бы преувеличеніемъ интересоваться исключительно тѣми періодами исторіи, документы о которыхъ сомнительнаго происхожденія. Документы по новой и современной исторіи ничуть не менѣе достойны интереса, чѣмъ документы, относящіеся къ древней или началу средневѣковой исторіи, ради того только, что ихъ видимое происхожденіе, будучи почти всегда истиннымъ, не возбуждаетъ тѣхъ щекотливыхъ вопросовъ объ авторѣ, гдѣ можетъ быть обнаружена виртуозность критиковъ [2]).

Однако не слѣдуетъ удовлетворяться одною критикою происхожденія Критика происхожденія, равно какъ и критика исправленія документовъ, имѣетъ подготовительный характеръ и результаты ея отрицательные. Въ концѣ анализа она при-

---

[1]) См. списокъ примѣровъ въ Lehrbuch Э. Бернгейма, стр. 283, 289.

[2]) Такъ какъ при изученіи древней и средневѣковой исторіи необходимо подвергать самой строгой критикѣ происхожденіе документовъ, то изученіе древности и среднихъ вѣковъ считается болѣе научнымъ, чѣмъ изученіе современной исторіи Въ дѣйствительности оно обставлено только большими предварительными трудностями.

водитъ лишь къ устраненію изъ документовъ негодныхъ и вводящихъ въ заблужденіе экземпляровъ и только. „Она научаетъ не употреблять плохихъ документовъ, но не учитъ пользоваться хорошими“ [1]; слѣдовательно, она не заключаетъ, въ себѣ исторической критики, а только часть ея [2]).

Глава IV.

Критическая классификація источниковъ.

Благодаря предыдущимъ операціямъ всѣ документы извѣстнаго рода или относящіеся къ данному предмету „найдены“, т. е. извѣстно, гдѣ они находятся; текстъ каждаго изъ нихъ, если было нужно, исправленъ и каждый изъ нихъ былъ подвергнутъ критикѣ происхожденія, т. е. извѣстно, откуда онъ исходитъ. Остается собрать и методически классифицировать провѣренные, такимъ образомъ, источники. Это послѣдняя изъ такъ называемыхъ подготовительныхъ операцій къ работамъ высшей критики (внутренней) и окончательной обработкѣ матеріала.

Каждый изучающій какой бы то ни было историческій вопросъ обязанъ предварительно классифицировать источники. Приведеніе въ порядокъ раціональнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ удобнымъ способомъ провѣренныхъ матеріаловъ, прежде чѣмъ ими пользоваться, составляетъ очень важную часть профессіи историка, хотя она и кажется на первый взглядъ не имѣющей особаго значенія. Тотъ, кто умѣетъ хорошо классифицировать источники, владѣетъ важнымъ преимуществомъ, а именно: из-

---

[1]) Revue philosophique, 1887, II, стр. 170.

[2]) Теорія критики происхожденія обработана теперь не varietur; она изложена подробно въ Lehrbuch Э. Бернгейма, стр. 242—340. Въ виду этого мы изложили ее въ общихъ чертахъ. На французскомъ языкѣ «Введеніе» г. Моно въ его «Etudes critiques sur les sources del' histoire mérovingienne» (Парижъ, 1872) содержитъ лишь элементарныя замѣчанія (Ср. Revue critique 1873 г., I, стр. 308).

бѣгаетъ лишняго труда и достигаетъ лучшихъ результатовъ, между тѣмъ какъ другіе тратятъ попусту время и старанія, а иногда и прямо чувствуютъ себя подавленными подъ тяжестью ими же самими накопленныхъ въ безпорядкѣ замѣтокъ, выписокъ, копій и т. п. Они, какъ кто-то сказалъ, напоминаютъ тѣхъ обремененныхъ дѣлами людей, которые всю жизнь переносятъ съ мѣста на мѣсто песчаникъ, не зная, гдѣ его класть, и подымаютъ, дѣлая это, цѣлыя облака ослѣпляющей пыли.

I. При собираніи текстовъ, большинство, надо сознаться, дѣйствуя по первому побужденію, не думаетъ о ихъ классификаціи, а отмѣчаетъ тексты одинъ за другимъ, по мѣрѣ ознакомленія съ ними. Многіе прежніе ученые (бумаги которыхъ дошли до насъ) и почти всѣ неопытные новички работали и работаютъ обыкновенно слѣдующимъ образомъ: у нихъ имѣются тетради, куда они заносятъ по мѣрѣ чтенія всѣ интересные, по ихъ мнѣнію, тексты. Это очень неудобный пріемъ. Необходимо всегда стараться съ самаго начала классифицировать собранные тексты, потому что позднѣе, когда понадобится изолировать изъ всей совокупности матеріала тексты, имѣющіе отношеніе къ какому-нибудь частному случаю, то будетъ невозможно обойтись безъ перечитыванія съ начала до конца всѣхъ тетрадей и придется до безконечности повторять подобное перелистываніе матеріаловъ каждый разъ, когда нужна будетъ какая-нибудь новая справка. Такой пріемъ работы соблазняетъ на первый взглядъ тѣмъ, что при немъ наблюдается экономія въ письмѣ; но это плохо понятая экономія, потому что она влечетъ за собою въ будущемъ безконечную массу розысковъ и стѣсняетъ комбинаціи отдѣльныхъ текстовъ.

Другіе ученые хорошо понимаютъ выгоды систематической классификаціи матеріаловъ и вслѣдствіе этого, выбирая интересующіе ихъ тексты, группируютъ ихъ по заранѣе намѣченнымъ въ своихъ тетрадяхъ рубрикамъ. Такимъ образомъ, всѣ однородные тексты помѣщаются въ одномъ и томъ же мѣстѣ.

— Но и эта система оставляетъ желать очень многаго, потому что при ней неудобно дѣлать прибавленія и разъ принятый планъ классификаціи долженъ оставаться неприкосновеннымъ, такъ какъ измѣнять его трудно. Многіе библіоте-

кари составляли нѣкогда такимъ способомъ каталоги, признанные теперь негодными.

Упомянемъ вскользь еще объ одномъ варварскомъ пріемѣ. Онъ состоитъ въ томъ, что изслѣдователь просто старается запомнить документы, ничего не записывая. Методъ этотъ былъ нѣкогда въ употребленіи. Историки, одаренные прекрасной памятью и къ тому же лѣнивые, довольствовались этой фантазіей,—въ результатѣ большинство ихъ цитатъ и ссылокъ отличалось неточностью. Полагаться въ такого рода работахъ на память—непростительная смѣлость.

Въ настоящее время всѣ признаютъ, что для запоминанія документовъ самое лучшее пользоваться картами (fiches). Каждый текстъ записывается на отдѣльномъ листочкѣ съ возможно точнымъ указаніемъ его происхожденія. Выгоды такого пріема очевидны: подвижность картъ позволяетъ классифицировать ихъ по желанію въ цѣлую массу различныхъ комбинацій и въ случаѣ надобности мѣнять ихъ мѣстами; при такой системѣ легко группировать вмѣстѣ всѣ однородные документы и по мѣрѣ ихъ нахожденія дѣлать дополненія въ каждой группѣ. Для документовъ, интересныхъ со многихъ точекъ зрѣнія, которые могутъ фигурировать съ одинаковымъ правомъ въ нѣсколькихъ группахъ, достаточно составить нѣсколько экземпляровъ одинаковыхъ картъ или же замѣнять эти послѣднія пустыми картами, ограничиваясь на нихъ простой отсылкой къ тѣмъ картамъ, на которыхъ выписаны соотвѣтственные тексты. Сверхъ того, физически невозможно классифицировать и утилизировать документы иначе, какъ при системѣ картъ, когда дѣло идетъ объ обширныхъ сборникахъ. Это констатировано въ настоящее время не только учеными, но также статистиками, финансистами, и, какъ говорятъ, даже производящими наблюденія литераторами.

Система картъ, въ свою очередь, не свободна отъ недостатковъ. Каждая карта должна быть снабжена точными ссылками на источникъ, откуда заимствовано ея содержаніе, а слѣдовательно, если одинъ и тотъ же документъ анализируется на пятидесяти различныхъ картахъ, то однѣ и тѣ же ссылки должны повторяться пятьдесятъ разъ. Это ничтожное осложненіе и побуждаетъ, несомнѣнно, нѣкоторыхъ изслѣдователей

предпочитать столь несовершенный методъ тетрадей методу картъ. Кромѣ того, карты и летучіе листки въ силу самой своей подвижности могутъ затеряваться, а когда карта потеряна, то какъ ее замѣнить? тѣмъ болѣе, что исчезновеніе ея можетъ быть даже не замѣчено; а если бы его и замѣтили, то, чтобы поправить бѣду, необходимо было бы передѣлать всѣ уже раньше выполненныя операціи? Въ дѣйствительности, самыя простыя предосторожности, указанныя опытомъ, даютъ возможность свести до minimum'а всѣ неудобства системы картъ, но здѣсь не мѣсто излагать ихъ подробно. Рекомендуютъ употребленіе прочныхъ картъ, одинаковаго размѣра, возможно скорѣйшую ихъ классификацію въ оберткахъ или въ ящикахъ и т. д. Впрочемъ, пусть каждый руководствуется въ данномъ случаѣ своими личными привычками, помня только заранѣе, что эти привычки оказываютъ непосредственное вліяніе на результаты ученой дѣятельности. „Личныя распоряженія библіотекой, говоритъ Э. Ренанъ, составляющія половину научной работы“ [1])... И это не преувеличеніе. Иной ученый обязанъ большею долею своей заслуженной репутаціи искусству дѣлать выборки изъ матеріаловъ; другой парализованъ, такъ сказать, своей неловкостью въ этомъ отношеніи [2]).

Собравъ документы, in extenso или въ сокращенномъ видѣ, на картахъ или на подвижныхъ листкахъ, приступаютъ къ ихъ классификаціи. По какому плану? Въ какомъ порядкѣ? Ясно, что это зависитъ отъ рода работы, и неосновательно было бы задаваться мыслью формулировать правила для всѣхъ отдѣльныхъ случаевъ. Но вотъ нѣкоторыя общія замѣчанія.

II. Нужно различать два случая: съ одной стороны историкъ классифицируетъ документы, имѣя въ виду написать историческое сочиненіе, съ другой классифицируетъ ихъ эру-

---

[1]) Э. Ренанъ, Feuilles détachées, стр. 103.

[2]) Очень было бы интересно имѣть свѣдѣнія о пріемахъ работы великихъ ученыхъ, именно тѣхъ, кому принадлежатъ большіе труды по собиранію и классификаціи источниковъ. Свѣдѣнія эти имѣются въ ихъ бумагахъ и иногда въ переписках. О пріемахъ работы Дю-Канжа, см. L. Feugère, Etude sur la vie et les ouvrages de Du-Cange (Парижъ, 1858 г.) стр. 62 и слѣд.

дитъ, составляющій сборникъ (regeste). Сборники (regestes отъ латинскаго слова regerere—записывать) и Corpus'ы есть не что иное, какъ методическія классифицированныя коллекціи историческихъ документовъ. Въ Corpus'ѣ документы воспроизводятся in extenso, въ „regeste" они анализируются и описываются.

Назначеніе сборниковъ и corpus'овъ помогать научнымъ работникамъ въ собираніи документовъ. Эрудиты посвящаютъ себя ихъ составленію, чтобы разъ навсегда выполнить работы по изысканію и классификаціи документовъ и избавить, такимъ образомъ, отъ нихъ на будущее время лицъ, занимающихся наукою.

Документы могутъ быть сгруппированы по времени ихъ написанія, по мѣсту происхожденія, по содержанію и по формѣ [1]).

Такимъ образомъ, получается четыре категоріи времени, мѣста, рода и формы; накладывая ихъ одна на другую получаютъ по желанію ограниченные отдѣлы. Задаются, напримѣръ, цѣлью сгруппировать всѣ документы такой-то формы, такой то страны, за такое-то время (французскія королевскія грамоты за царствованіе Филиппа Августа); или группируютъ

---

[1]) См. I. Г. Дройзенъ, Précis de la science de l'histoire, стр. 25. «Критическая классификація не должна руководиться исключительно хронологической точкою зрѣнія... Чѣмъ разнообразнѣе точки зрѣнія, съ которыхъ критика предполагаетъ группировать матеріалы. тѣмъ опредѣленнѣе пункты, обозначенные пересѣченіемъ линій».

Въ настоящее время отказались группировать документы въ corpus'ы и сборники, какъ это дѣлалось прежде, потому что они были еще не изданы или потому, что не было надежды на ихъ изданіе. Нѣкогда, компиляторы «Analecta», Relliquiae manuscriptorum, «сокровищъ anecdota», сборниковъ разныхъ бумагъ и т. д. печатали всѣ документы извѣстнаго рода, которые еще не были изданы и казались имъ интересными. Напротивъ того, Georgisch (Regesta chronologica diplomatica) Bréquigny (Table chronologique des diplômes, chartes et actes imprimés concernant l'histoire de France), Wauters (Table chronologique des chartes et diplômes imprimés concernant l'histoire de Belgique) классифицировали вмѣстѣ всѣ документы извѣстнаго рода, которые уже ранѣе были напечатаны.

всѣ документы одной формы (латинскія надписи) или одного рода (латинскіе гимны) за такую то эпоху (древности или среднихъ вѣковъ). Чтобы высказаться точнѣе, напомнимъ о существованіи Corpus inscriptionum graecarum, Corpus inscriptionum latinarum, Corpus scriptorum ecclesiasticorum latinorum, Regesta imperii I. Ф. Бёмера (Böhmer) и его продолжателей, Regesta pontificum romanorum г Ф. Яффе (Jaffé) и А. Поттаста (Potthast).

Независимо отъ того, по какому отдѣлу имѣется въ виду собрать документы, послѣдніе могутъ быть датированы и не датированы.

Если они датированы, какъ, напримѣръ, грамоты, исходящія изъ канцеляріи какого либо государя, то въ началѣ каждой карты проставляютъ дату (предварительно переведенную на новое лѣтосчисленіе), обозначенную въ документѣ. Ничего, слѣдовательно, не можетъ быть легче, какъ классифицировать въ хронологическомъ порядкѣ всѣ карты, или, иными словами, всѣ собранные документы. Хронологическая классификація въ принципѣ необходима, если только возможна. Тутъ можетъ быть только одно чисто практическое затрудненіе. Даже въ самыхъ благопріятныхъ случаяхъ нѣкоторые документы могутъ оказаться безъ датъ, тогда авторъ сборника обязанъ возстановить или попытаться возстановить время ихъ написанія, а для этого требуются продолжительныя, терпѣливыя изысканія.

Если документы не датированы, то приходится дѣлать выборъ между алфавитнымъ, географическимъ и систематическимъ порядкомъ. Исторія Corpus'а латинскихъ надписей доказываетъ, что выборъ этотъ не всегда легко сдѣлать. Со времени Сметіуса (Smetius) дѣлили на классы, т. е. различали по содержанію, не обращая вниманія на происхожденіе, надписи религіозныя, надгробныя, военныя, поэтическія, надписи, имѣющія общественный характеръ и частный и т. д. Бёкъ (Boeckh), хотя и предпочелъ для своего „Corpus inscriptionum" graecarum, географическій порядокъ, тѣмъ не менѣе держался того мнѣнія, что принятая до тѣхъ поръ группировка по содержанію была единственно возможной въ латинскомъ Corpus'ѣ... „Даже тѣ, кто предлагалъ во Франціи географическій

порядокъ" желали сдѣлать исключеніе для текстовъ, относящихся къ общей исторіи страны и, безъ сомнѣнія, римской имперіи; въ 1845 г., Цумптъ (Zumpt) защищалъ очень сложную эклектическую систему того же рода. Въ 1847 г. Т. Моммзенъ признавалъ географическій порядокъ только для муниципій и не измѣнилъ еще вполнѣ своего взгляда и въ 1852 г., когда издалъ надписи Неаполитанскаго королевства. Только тогда, когда ему было поручено берлинской академіей изданіе Corpus Inscr latin., наученный опытомъ, онъ отвергъ даже исключенія, предложенныя Эггеромъ для общей исторіи провинціи и счелъ обязательнымъ придерживаться чисто географическаго порядка" [1]). Между тѣмъ, въ виду эпиграфическаго характера документовъ, группировка по мѣсту происхожденія была единственно раціональной.

Въ теченіе послѣднихъ пятидесяти лѣтъ это положеніе получило полное подтвержденіе; но собиратели надписей пришли относительно этого къ соглашенію лишь послѣ двухъ столѣтій, потраченныхъ на попытки въ противоположномъ смыслѣ. Въ теченіе двухъ вѣковъ, составляли сборники латинскихъ надписей, не замѣчая, что „классифицировать надписи по содержанію значило издавать Цицерона, разбивая его рѣчи, трактаты и письма, чтобы группировать потомъ отрывки въ зависимости отъ тѣхъ вопросовъ, о которыхъ они трактуютъ"; что „эпиграфическіе памятники, принадлежащіе одной территоріи, помѣщенные одинъ около другого, взаимно объясняютъ другъ друга"; и, наконецъ, что „группировка по содержанію сотни тысячъ надписей, которыя всѣ почти относятся ко многимъ категоріямъ, почти неосуществима, въ то время какъ каждый памятникъ имѣетъ только одно мѣсто и притомъ мѣсто вполнѣ опредѣленное въ географическомъ порядкѣ" [2]). Алфавитный порядокъ очень удобенъ, когда не

---

[1]) I. П. Вальцингъ (Waltzing), Recueil général des inscriptions latines (Лувенъ, 1892 г.), стр. 41.

[2]) Ibidem. Когда принятъ географическій порядокъ, то является затрудненіе вслѣдствіе того, что происхожденіе многихъ документовъ неизвѣстно, такъ какъ многія сохранившіяся въ музеяхъ надписи неизвѣстно откуда туда занесены. Затрудненіе это аналогично съ тѣмъ,

подходитъ хронологическій и географическій порядокъ. Существуютъ документы, какъ напримѣръ, проповѣди, гимны и свѣтскія средневѣковыя пѣсни, неснабженные точнымъ обозначеніемъ ни времени, ни мѣста ихъ происхожденія. Ихъ классифицируютъ въ алфавитномъ порядкѣ incipit, т. е. въ алфавитномъ порядкѣ первыхъ словъ каждаго изъ нихъ [1]).

Систематическій, или дидактическій, порядокъ нельзя рекомендовать для составленія corpus'овъ или сборниковъ (regestes). Онъ произволенъ и приводитъ къ неизбѣжнымъ повтореніямъ и смѣшеніямъ. Къ тому же, достаточно снабдить коллекціи документовъ, расположенныя въ хронологическомъ, географическомъ или алфавитномъ порядкѣ, хорошими оглавленіями, чтобы онѣ могли съ успѣхомъ замѣнять систематическіе сборники, когда въ нихъ встрѣтится надобность. За одно изъ основныхъ правилъ составленія corpus'овъ и сборниковъ, искусство это достигло во второй половинѣ XIX в. высокой степени совершенства [2]) слѣдуетъ признать снабженіе этихъ коллекцій, какова бы ни была ихъ классификація, различными оглавленіями и указателями, способными облегчать пользованіе содержащимся въ нихъ матеріаломъ. Къ хронологическимъ сборникамъ слѣдуетъ прилагать списки incipit, къ алфавитнымъ сборникамъ по incipit—указатели собственныхъ именъ и датъ и т. д.

Составители corpus'овъ и сборниковъ собираютъ и класси-

какое возникаетъ при составленіи хронологическихъ сборниковъ благодаря не датированнымъ документамъ.

[1]) Затрудненія представляютъ только тексты, утратившіе свои incipit. Въ XVIII столѣтіи, Сегье (Séguier) посвятилъ большую часть своей жизни на составленіе въ алфавитномъ порядкѣ incipit каталога латинскихъ надписей, въ количествѣ 50.000, которыя были до того времени изданы. Онъ сдѣлалъ выписки изъ 12.000 сочиненій. Эта важная работа осталась неизданной и безполезной. Прежде чѣмъ предпринимать такія обширныя компиляціи, надо удостовѣриться, что планъ ихъ раціоналенъ и что столь тяжелый и неблагодарный трудъ не пропадетъ даромъ.

[2]) См. Вайцъ, Ueber die Herausgabe und Bearbeitung von Regesten, въ Historische Zeitschrift, XI, 1878 г., стр. 280—295.

фицируютъ для другихъ документы, которые ихъ не интересуютъ (или, если и интересуютъ, то не всѣ) и углубляются въ этотъ трудъ. Обыкновенные работники собираютъ и классифицируютъ только матеріалы, полезные для своихъ частныхъ работъ. Отсюда и разница въ пріемахъ тѣхъ и другихъ. Такъ, напримѣръ, заранѣе принятый систематическій порядокъ классификаціи документовъ, очень мало пригодный для составленія большихъ сборниковъ, оказывается наилучшимъ для тѣхъ, кто работаетъ за свой личный счетъ, имѣя въ виду писать монографіи. Но какъ бы то ни было, всегда хорошо соблюдать нѣкоторыя привычки, которыя опытъ научилъ цѣнить профессіональныхъ компиляторовъ, а именно: надписывать на заголовкѣ каждой карты мѣсто происхожденія и дату каждаго документа и, во всякомъ случаѣ, названіе рубрики [1]), умножать ссылки (cross-references) и указатели, вести списокъ (на особыхъ картахъ) всѣхъ утилизированныхъ источниковъ, чтобы не пришлось по оплошности вновь просматривать изученные уже документы, и т. д. Правильное соблюденіе этихъ практическихъ указаній дѣлаетъ болѣе легкими и болѣе основательными историческія работы, имѣющія научный характеръ. Основательное (хотя и не вполнѣ совершенное) умѣнье обращаться съ картами дало возможность Hauréau пользоваться въ теченіе всей жизни неоспоримымъ первенствомъ (maîtrise) въ очень спеціальномъ родѣ историческихъ работъ [2]).

---

[1]) За отсутствіемъ заранѣе установленнаго систематическаго порядка, и въ виду невозможности примѣнить хронологическій порядокъ, выгодно иногда временно классифицировать карты, т. е. документы, въ алфавитномъ порядкѣ словъ, избранныхъ для рубрикъ (Schlagwörter). Эта система называется «лексиконной» (du Dictionnaire).

[2]) См. Ланглуа, Manuel de bibliographie historique, I, стр. 88.

Глава V.

Критика подготовительная и эрудиты.

Вся совокупность операцій, описанныхъ въ предыдущихъ главахъ (какъ-то: исправленіе текстовъ, критика происхожденія, собираніе и классификація провѣренныхъ документовъ) составляетъ обширную область внѣшней или подготовительной критики [1]).

Подготовительная критика внушаетъ поверхностной большой публикѣ только одно презрѣніе. Наоборотъ, нѣкоторые изъ тѣхъ, кто ею занимается, склонны слишкомъ ее прославлять. Но есть середина между такимъ поношеніемъ и возвеличеніемъ.

Грубое мнѣніе людей, которые съ состраданіемъ и усмѣшкой смотрятъ на кропотливый анализъ внѣшней критики, не стоитъ оспаривать. Въ доказательство законности незамѣтныхъ, повидимому, работъ по подготовительной критикѣ историческихъ источниковъ и для внушенія къ нимъ уваженія, есть только одинъ аргументъ, но рѣшительный, а именно: они неизбѣжны. Безъ нихъ нѣтъ и исторіи. Non sunt contemnenda quasi parva, говоритъ св. Іеронимъ. sine quibus magna constare non possunt [2]).

---

[1]) Мы принимаемъ здѣсь терминъ «подготовительная критика» (critique d'érudition) за синонимъ «внѣшней критики». Въ разговорномъ языкѣ словомъ érudits обозначаютъ не только спеціалистовъ по «внѣшней критикѣ», но также историковъ, которые пишутъ, главнымъ образомъ, монографіи по техническимъ, узко спеціальнымъ вопросамъ, мало интереснымъ для публики.

[2]) Это доказательство, которое вообще легко развить, часто развивалось раньше и недавно еще г. Бедье въ Revue des Deux Mondes, 15 февр. 1894 г., стр. 932 и слѣд. Нѣкоторые охотно допускаютъ, что работы по внѣшней критикѣ текста полезны, но раздраженные спрашиваютъ: развѣ «сличеніе текста» или «разборъ готическаго пергамента» требуютъ «высшаго напряженія человѣческаго ума» и заслуживаютъ ли умственныя способности, необходимыя для внѣшней критики, или не заслуживаютъ того, «чтобы прославлять тѣхъ, кто ими обладаетъ?» Полемическія статьи по этому вопросу, не предста-

Съ другой стороны, профессіональные эрудиты, стараясь оправдать свою гордость своими работами, не ограничились ихъ должною оцѣнкою и позволили себѣ преувеличить ихъ значеніе. Говорили, что вѣрные пріемы внѣшней критики возвели исторію на степень науки и притомъ „точной науки“; что критика происхожденія „позволяетъ глубже познавать прошлое, чѣмъ всякое другое изслѣдованіе“; что привычка къ критикѣ текстовъ утончаетъ и даже прямо даетъ „историческое чутье“. Сверхъ того вообразили, что внѣшняя критика обнимаетъ собою всю историческую критику и что не существуетъ ничего больше, кромѣ исправленія, очищенія и классификаціи документовъ. Это достаточно распространенное среди спеціалистовъ заблужденіе слишкомъ грубо, а потому безполезно съ нимъ бороться. Въ дѣйствительности, не внѣшняя критика „позволяетъ глубже познать прошлое, чѣмъ всякое другое изслѣдованіе“, а психологическая критика толкованія, правдивости и точности текстовъ [1]). Историкъ, которому посчастливилось бы настолько, что всѣ документы, полезные для его изслѣдованія, были бы уже правильно изданы, критикованы съ точки зрѣнія происхожденія и классифицированы, все-таки не былъ бы въ состояніи воспользоваться ими для историческаго сочиненія, прежде, чѣмъ самъ лично не подвергъ бы ихъ нѣкоторой предварительной провѣркѣ. Что бы тамъ ни говорили, возможно обладать самымъ широкимъ историческимъ чутьемъ, никогда, ни въ переносномъ, ни въ буквальномъ смыслѣ, не стряхнувъ пыли съ историческихъ документовъ своими собственными руками, т. е. никогда не отыскавши и не исправивши самолично ни одной рукописи. Не слѣдуетъ истолковывать буквально, въ этимологическомъ смыслѣ, слова, сказанныя Э. Ренаномъ: „я не думаю, чтобы можно было пріобрѣсти ясное

вляющему впрочемъ особой важности, между г. Брюнетьеромъ, совѣтовавшимъ эрудитамъ скромность, и г. Бушери, настаивавшимъ, что они могутъ гордиться своими работами, помѣщены въ Revue des langues romanes, 1880 г., т. I и II.

[1]) Люди, умѣвшіе безукоризненно критиковать документы съ точки зрѣнія внѣшней критики, никогда не возвысились бы до помысла о высшей критикѣ, а, слѣдовательно, до пониманія исторіи.

понятіе объ исторіи, ея предѣлахъ и степени довѣрія, какое слѣдуетъ питать къ извѣстнымъ способамъ изслѣдованія, не имѣя привычки правильно обращаться (manier) съ оригинальными документами [1]; здѣсь подразумѣвается просто привычка прибѣгать къ непосредственнымъ источникамъ и изучать опредѣленные вопросы [2]). Безъ сомнѣнія, настанетъ время, когда всѣ документы, относящіеся къ исторіи классической древности, будутъ изданы и критикованы, такъ что въ этой области не будетъ больше мѣста ни критикѣ текстовъ (исправленію), ни критикѣ источниковъ (происхожденія), а между тѣмъ все также можно будетъ заниматься изученіемъ отдѣльныхъ періодовъ и всей совокупности древней исторіи. Еще разъ повторяемъ: внѣшняя критика имѣетъ вполнѣ подготовительный характеръ; она есть средство, а не цѣль; въ идеалѣ было бы желательно, чтобы примѣненіе ея на практикѣ привело въ концѣ-концовъ къ возможности обходиться безъ нея. Въ теоріи не только не обязательно, чтобы каждый намѣревающійся писать историческія сочиненія самъ подготовлялъ себѣ матеріалъ для своихъ работъ, но можно съ полнымъ основаніемъ задаться вопросомъ (которымъ часто и задавались), полезно ли даже это? [3]. Не лучше ли, чтобы лица, занятыя разработкой исторіи, спеціализировались? Однимъ—эрудитамъ—были бы предоставлены всѣ работы по внѣшней или подготовительной критикѣ; другіе, избавленные отъ этой тяжелой работы, могли бы съ большею свободою предаваться занятіямъ высшей критикой, историческимъ синтезомъ и построеніемъ. Таковъ былъ взглядъ Марка Паттисона, сказавшаго: History cannot be written from manuscripts, что значитъ: „Невозможно писать исторію по

---

[1]) Э. Ренанъ. Essais de morale et de critique, стр. 36.

[2]) «Хотя бы только съ точки зрѣнія строгой дисциплины ума, я не могъ бы отнестись съ уваженіемъ къ философу, который хотя одинъ разъ въ жизни не работалъ надъ выясненіемъ какого-нибудь спеціальнаго вопроса...» (Avenir de la science, стр. 136).

[3]) Относительно вопроса, необходимо ли, чтобы каждый дѣлалъ: «all the preliminary grubbing for himself» («всѣ предварительныя операціи для своихъ дальнѣйшихъ работъ») см. І. М. Робертсона, Buckle and his critics (Лондонъ, 1895 г., стр. 299).

документамъ, которые нужно еще самому приводить въ такое состояніе, чтобы ихъ можно было утилизировать".

Нѣкогда, дѣйствительно, профессія „эрудита" рѣзко различалась отъ профессіи „историка". „Историки" упражнялись тогда въ особомъ родѣ литературы, высокопарномъ и безсодержательномъ, называвшемся „исторіей", не стараясь стоять на уровнѣ работъ, выполненныхъ эрудитами. Послѣдніе, съ своей стороны, путемъ своихъ критическихъ изысканій, клали начало историческому знанію; но они не заботились о разработкѣ исторіи: довольствуясь собираніемъ, исправленіемъ и классификаціей историческихъ документовъ, они относились безучастно къ разработкѣ исторіи и не лучше понимали прошлое, чѣмъ самые обыкновеннѣйшіе смертные изъ ихъ современниковъ. Эрудиты дѣйствовали такъ, какъ будто бы цѣль эрудиціи заключалась въ ней самой, а историки поступали такъ, какъ будто бы могли возстановить исчезнувшую дѣйствительность одною силою мысли и искусства, приложенною къ документамъ низкаго качества, составлявшимъ всеобщее достояніе. Такое полное отчужденіе между эрудиціей и исторіей кажется теперь почти необъяснимымъ и, конечно, имѣло очень прискорбные результаты. Теперешніе сторонники раздѣленія труда въ исторіи, само собою разумѣется, не требуютъ ничего подобнаго. Необходимо, чтобы между міромъ историковъ и міромъ эрудитовъ установилась самая тѣсная связь, потому что работы послѣднихъ имѣютъ смыслъ лишь постольку, поскольку они полезны для первыхъ. Желательно только сказать, что нѣкоторые процессы анализа и всѣ процессы синтеза отнюдь не непремѣнно выполняются лучше, если ихъ продѣлываетъ одно и то же лицо; что если роли эрудита и историка могутъ быть совмѣщены, то, съ другой стороны, и въ раздѣленіи ихъ нѣтъ ничего незаконнаго, и что можетъ быть это раздѣленіе, столь часто являющееся неизбѣжнымъ на практикѣ, желательно и въ принципѣ.

На практикѣ дѣло происходитъ слѣдующимъ образомъ. Какой бы періодъ исторіи ни предполагалось изучить, могутъ представиться только три случая. Или источники, относящіеся къ данному періоду, уже провѣрены и классифицированы; или предварительная обработка источниковъ, никогда ранѣе не

производившаяся или производившаяся только отчасти, не представляетъ большихъ трудностей, или, наконецъ, необходимые для работы источники очень запутаны и для разработки ихъ нужна значительная затрата времени и труда. Скажемъ мимоходомъ, что, естественно, нѣтъ никакого отношенія между внутреннимъ значеніемъ предметовъ, подлежащихъ изученію, и количествомъ необходимыхъ предварительныхъ работъ. Такой предметъ изученія, представляющій самый высокій интересъ, какъ, напримѣръ, исторія происхожденія и первыхъ временъ христіанства, могъ быть удовлетворительно разработанъ только послѣ предварительныхъ изслѣдованій, занимавшихъ цѣлыя поколѣнія ученыхъ; между тѣмъ, какъ критика источниковъ по исторіи французской революціи, другому вопросу первостепенной важности, потребовала гораздо меньшихъ усилій. Рядомъ съ этимъ, сравнительно незначительные вопросы по средневѣковой исторіи будутъ разрѣшены только тогда, когда будутъ выполнены обширныя работы по внѣшней критикѣ документовъ.

Въ первыхъ двухъ случаяхъ вопросъ объ удобствѣ раздѣленія труда устраняется самъ собою. Разсмотримъ третій случай. Положимъ, кто-нибудь констатируетъ, что документы, необходимые для изученія намѣченнаго имъ вопроса, находятся въ очень плохомъ состояніи, т. е. разрознены, искажены, мало достовѣрны. Въ виду этого, онъ долженъ выбирать одно изъ двухъ: или отказаться отъ выбраннаго вопроса, такъ какъ не чувствуетъ влеченія къ подготовительнымъ работамъ, сознавая всю ихъ необходимость, и зная вмѣстѣ съ тѣмъ, что онѣ могутъ поглотить всю его дѣятельность, или же начать подготовительныя критическія работы, не скрывая отъ себя, что у него не хватитъ, быть можетъ, времени, чтобы самому воспользоваться провѣренными матеріалами и что, слѣдовательно, онъ можетъ проработать для будущаго, для другого. Останавливая свой выборъ на послѣднемъ, онъ становится, вопреки самому себѣ, профессіональнымъ эрудитомъ. Правда, ничто не мѣшаетъ a priori тому, чтобы тѣ, кто собираетъ обширныя коллекціи текстовъ и печатаетъ критическія изданія, сами пользовались своими собственными сборниками и изданіями для сочиненій по исторіи; и на самомъ дѣлѣ, мы видимъ многихъ ученыхъ,

занимавшихся одновременно и подготовительными критическими работами и болѣе возвышенными работами по окончательной обработкѣ историческаго матеріала; достаточно назвать только Вайца, Моммзена, Hauréau. Но такія сочетанія встрѣчаются очень рѣдко и по многимъ причинамъ. Прежде всего человѣческая жизнь коротка, а между тѣмъ есть громадныхъ размѣровъ каталоги, изданія текстовъ и сборники, составленіе которыхъ требуетъ такой массы труда, что поглощаетъ всѣ силы самыхъ усердныхъ работниковъ. Во-вторыхъ, работы по отысканію и исправленію историческихъ документовъ представляютъ для многихъ большую привлекательность; почти всѣ занимавшіеся ими долгое время находятъ въ нихъ особую прелесть и многіе посвящаютъ себя имъ, имѣя полную возможность не дѣлать этого.

Хорошо ли, само по себѣ, что научные работники погружаются, добровольно или нѣтъ, въ отысканіе историческихъ источниковъ? Безъ сомнѣнія,—да. При занятіяхъ исторіей, какъ въ промышленности, результаты раздѣленія труда одни и тѣ же и притомъ очень благопріятные, а именно: болѣе обильное, успѣшное и лучше регулированное производство. Критики, пріучившіеся путемъ долгой практики къ исправленію текстовъ, возстановляютъ ихъ съ поразительной ловкостью и увѣренностью; тѣ, кто предается исключительно критикѣ происхожденія, обладаютъ въ этомъ отношеніи такою интуиціей, какой нѣтъ у людей, менѣе посвященныхъ въ эту трудную спеціальность; люди, всю жизнь составляющіе инвентари и сборники, дѣлаютъ и то и другое гораздо легче, быстрѣе и лучше, чѣмъ новички. Итакъ, не только нѣтъ никакой выгоды въ томъ, чтобы всѣ „историки“ были одновременно „эрудитами“, занимающимися внѣшней критикой, но и между самими „эрудитами“ образуются различныя категоріи. То же самое, на верфи, нѣтъ никакой надобности, чтобы архитекторъ былъ одновременно рабочимъ и всѣ рабочіе имѣли одинаковыя спеціальности. Хотя большинство эрудитовъ не спеціализировались еще до сихъ поръ вполнѣ, и, ради удовольствія охотно выполняютъ различнаго рода подготовительныя работы, тѣмъ не менѣе, не трудно было бы указать нѣкоторыхъ изъ нихъ, работающихъ надъ составленіемъ описательныхъ каталоговъ и индексовъ (архивисты,

библіотекари и т. д.), другихъ, занимающихся преимущественно критикой (очищеніемъ, исправленіемъ и изданіемъ текстовъ) и, наконецъ, спеціалистовъ по составленію сборниковъ. „Съ того момента, когда было признано, что эрудиція имѣетъ цѣнность только по своимъ результатамъ, нельзя находить излишнимъ раздѣленіе научнаго труда“ [1]) и развитіе историческихъ наукъ соотвѣтственно все болѣе и болѣе узкой спеціализаціи ихъ тружениковъ. Если нѣкогда было возможно, что одинъ и тотъ же человѣкъ предавался послѣдовательно всѣмъ историческимъ работамъ, то это только потому, что люди компетентные не предъявляли большихъ требованій; теперь же отъ занимающихся критикой историческихъ памятниковъ требуютъ самой кропотливой тщательности, абсолютнаго совершенства работы, предполагающихъ настоящій профессіональный навыкъ. Историческія знанія достигли теперь такой степени развитія, когда остается только съ точностью разрабатывать ихъ подробности, такъ какъ главныя ихъ черты уже намѣчены и сдѣланы капитальныя открытія; теперь понятно, что знаніе прошлаго не можетъ болѣе прогрессировать иначе, какъ путемъ въ высшей степени широкихъ изслѣдованій и самаго глубокаго анализа, на которые способны только спеціалисты.

Но ничто такъ не оправдываетъ дѣленіе научныхъ работниковъ въ области исторіи на „эрудитовъ“ и „историковъ“ (и эрудитовъ по различнымъ спеціальностямъ внѣшней критики), какъ то обстоятельство, что нѣкоторые индивидуумы имѣютъ естественное призваніе къ извѣстнымъ спеціальнымъ работамъ. Однимъ изъ главныхъ основаній для высшаго преподаванія историческихъ наукъ, по нашему мнѣнію, служитъ то, что университетскій курсъ позволяетъ профессорамъ (предполагая, что они люди опытные) распознавать у студентовъ зачатки призванія къ изысканіямъ эрудита или же полную неспособность къ такого рода работамъ [2]). Criticus non fit, sed

[1]) Э. Ренанъ, l'Avenir de la science, стр. 230.

[2]) Профессоръ университета по своему положенію можетъ лучше чѣмъ кто-либо открывать и поощрять призванія, «но цѣль (т. е. критическій навыкъ) можетъ быть достигнута учащимся только благодаря личнымъ усиліямъ», какъ выразился Г. Вайцъ въ одной изъ своихъ академическихъ рѣчей; доля учителя въ этомъ дѣлѣ очень ничтожная...» Revue critique, 1874 г., II, стр. 232.

nascitur. Для лицъ, не обладающихъ нѣкоторыми врожденными дарованіями, карьера технической эрудиціи готовитъ только одни разочарованія и едва ли можно оказать лучшую услугу колеблющимся посвятить себя ей молодымъ людямъ иначе, какъ предупредивъ ихъ объ этихъ огорченіяхъ. Люди, посвящавшіе себя до сихъ поръ подготовительнымъ историческимъ работамъ, дѣлали такой выборъ или по призванію, или въ силу сознанія ихъ необходимости; съ нравственной точки зрѣнія заслуга первыхъ менѣе велика, нежели вторыхъ, но зато они достигали въ большинствѣ случаевъ лучшихъ результатовъ, потому что работали не по обязанности, а ради удовольствія, безъ всякой задней мысли. Важно, стало-быть, чтобы каждый, какъ въ собственныхъ интересахъ, такъ и въ интересахъ самого дѣла, съ полнымъ знаніемъ дѣла избиралъ себѣ наиболѣе подходящую спеціальность.

Разсмотримъ теперь природныя дарованія, дающія право на занятія работами по внѣшней критикѣ историческихъ источниковъ и недостатки, вредящіе качеству подобныхъ работъ. Въ заключеніе мы скажемъ нѣсколько словъ о наклонностяхъ, развивающихся благодаря машинальному упражненію въ профессіональныхъ работахъ эрудита.

I. Для того, чтобы выполнять съ полною добросовѣстностью работы по внѣшней критикѣ историческихъ матеріаловъ, нужно прежде всего находить въ нихъ удовольствіе. Люди, обладающіе исключительными дарованіями поэтовъ или мыслителей, способные, однимъ словомъ, къ творчеству, плохо мирятся съ мелкими техническими работами подготовительной критики; правда, они остерегаются выказывать къ нимъ презрѣніе и, если дальновидны, то относятся къ нимъ съ большимъ уваженіемъ, но не занимаются ими изъ опасенія, какъ говорятъ, разбивать булыжникъ бритвой (couper des cailloux avec un rasoir). „Я не расположенъ,—писалъ Лейбницъ Банажу, убѣждавшему его составить обширный Corpus неизданныхъ и уже напечатанныхъ документовъ по исторіи международнаго права,—я не расположенъ играть роль переписчика... И не кажется ли вамъ, что вы даете мнѣ подобный же совѣтъ, какъ человѣкъ, пожелавшій женить своего друга на злой женщинѣ? Потому что втянуть человѣка въ работу, которая будетъ зани-

матѣ его всю жизнь, то же „что женить“ [1]). Э. Ренанъ, говоря о тѣхъ обширныхъ подготовительныхъ работахъ“, „которыя сдѣлали возможными изслѣдованія высшей критики“ и опыты историческаго построенія, пишетъ: „тотъ, кто, обладая болѣе высокими умственными потребностями (чѣмъ авторы этихъ работъ), рѣшился бы въ настоящее время на такой актъ самоотреченія, былъ бы героемъ...“ [2]). Хотя Э. Ренанъ и руководилъ изданіемъ „Corpus inscriptionum semiticarum“ и хотя Лейбницъ былъ издателемъ „Scriptores rerum Brunsvicensium“, тѣмъ не менѣе, ни Лейбницъ, ни Ренанъ, ни подобные имъ люди, не имѣли, по счастью, героизма принести свои высшія умственныя способности въ жертву исключительно внѣшней критикѣ. Кромѣ выдающихся людей (и тѣхъ безконечно болѣе многочисленныхъ, которые ошибочно считаютъ себя таковыми), почти всѣ, какъ мы сказали, находятъ подъ конецъ удовольствіе въ мелочахъ подготовительной критики. Это происходитъ оттого, что упражненіе въ внѣшней критикѣ поощряетъ и развиваетъ очень распространенныя склонности къ собиранію коллекцій и разгадываніе ребусовъ. Собираніе коллекцій доставляетъ большое удовольствіе не только дѣтямъ, но и взрослымъ, независимо отъ того, что именно служитъ предметомъ коллекцій, варіанты текстовъ или почтовыя марки. Разгадываніе ребусовъ и рѣшеніе несложныхъ задачъ составляетъ привлекательное занятіе для многихъ умныхъ людей. Всякая находка доставляетъ радость; въ области же историческихъ документовъ можно дѣлать безконечныя находки, при чемъ однѣ изъ нихъ сопряжены съ большими трудностями, другія даются легко, а, слѣдовательно, могутъ доставлять удовольствіе какъ тѣмъ, кто любитъ преодолѣвать препятствія, такъ и тѣмъ, кто этого не любитъ. Всѣ видные эрудиты обладали въ значительной степени инстинктами коллекціонеровъ и разбирателей логогрифовъ, и многіе это сознавали: „Чѣмъ болѣе встрѣчалось намъ затрудненій на нашемъ пути,—говоритъ Hauréau, тѣмъ болѣе предпріятіе намъ улыбалось. Родъ

[1]) Цитиров. у Fr. X. von Wegele «Geschichte der deutschen Historiographie», Мюнхенъ, 1885 г., стр. 653.

[2]) Э. Ренанъ, цитир. сочин., стр. 125.

работы, называемый библіографіей (критика происхожденія, главнымъ образомъ, съ точки зрѣнія псевдо-эпиграфіи) не можетъ имѣть притязаній на одобреніе публики .... но онъ имѣетъ большую привлекательность для того, кто посвящаетъ себя ему. Да, безъ сомнѣнія, это очень скромное занятіе, но много ли найдется другихъ, которыя подобно ему вознаграждали бы за трудъ, позволяя такъ часто восклицать: „я нашелъ!“ [1]). Жюльенъ Гаве, „будучи уже извѣстнымъ европейскимъ ученымъ“, развлекался такими, повидимому, пустыми забавами, какъ разгадываніе четыреугольной надписи (mot carré) или разборъ криптограммы“ [2]). Глубокіе инстинкты и въ высшей степени плодотворные, несмотря на то, что у нѣкоторыхъ индивидуумовъ они проявляются въ ребяческихъ или смѣшныхъ извращеніяхъ! За всѣмъ тѣмъ, это формы, самыя первоначальныя формы научнаго мышленія. Тому, кто ихъ лишенъ, нечего дѣлать въ мірѣ ученыхъ. Но кандидатовъ на предварительную критику историческихъ матеріаловъ будетъ всегда много; работы по истолкованію, построенію и изложенію матеріаловъ требуютъ болѣе рѣдкихъ дарованій; тѣ, кто по недоразумѣнію началъ заниматься исторической наукой и желаетъ принести ей пользу, а между тѣмъ страдаютъ недостаткомъ психологическаго чутья и отсутствіемъ литературнаго таланта, всегда найдутъ себѣ удовольствіе въ простыхъ и спокойныхъ подготовительныхъ работахъ.

Но недостаточно одной любви къ работамъ по предварительному изученію историческихъ документовъ, чтобы выполнять ихъ съ успѣхомъ. Необходимы еще другія качества, „которыхъ не можетъ замѣнить воля“. Какія же это качества? Тѣ, кто задавался этимъ вопросомъ, отвѣтили очень неопредѣленно:

---

[1]) B. Hauréau, Notices et extraits de quelques manuscrits latins de la Bibliothèque nationale, I (Парижъ, 1890, стр. V).

[2]) Bibliothèque de l'École des chartes, 1896, стр. 88.— Ср. аналогичныя черты въ интересной, талантливо написанной біографіи эллениста, палеографа и библіографа Шарля Гро, написанной Э. Лависсомъ (Questions d'enseignement national). Парижъ, 1885 г., стр. 265 и слѣд.

„качества скорѣе нравственныя, чѣмъ умственныя: терпѣніе, честность ума...“

Нельзя ли опредѣлить точнѣе?

По опыту доказано, что нѣкоторые молодые люди, которые не чувствуютъ a priori отвращенія къ работамъ по внѣшней критикѣ, и даже не прочь были бы предпочесть ихъ другимъ спеціальностямъ,—бываютъ совершенно къ нимъ неспособны. Въ этомъ не было бы ничего удивительнаго, еслибы они обладали вмѣстѣ съ тѣмъ умственной слабостью, потому что ихъ неспособность въ данномъ отношеніи была бы тогда только проявленіемъ общаго слабоумія, или еслибы они не получали техническаго обученія. Но дѣло идетъ объ умныхъ, образованныхъ людяхъ, даже болѣе развитыхъ, чѣмъ другіе, вполнѣ вознагражденныхъ умственными дарованіями за указанный недостатокъ. О нихъ часто говорятъ: „онъ работаетъ плохо, у него склонность къ неточности“. Ихъ каталоги, ихъ сборники, ихъ изданія, ихъ монографіи кишатъ неточностями и не внушаютъ довѣрія; чтобы они ни дѣлали, они никогда не достигаютъ, я уже не говорю, абсолютной, но даже приличной правильности. Они страдаютъ „болѣзнью неточности“, типичнымъ представителемъ чего является англійскій историкъ Фроудъ (Froude). Фроудъ былъ хорошо одареннымъ историкомъ, но страдалъ слабостью никогда не писать правды; про него говорили, что онъ былъ constitutionnally inaccurate. Напримѣръ, онъ посѣтилъ городъ Аделаиду въ Австраліи. „Я видѣлъ,—говоритъ онъ по этому поводу,—у нашихъ ногъ, въ долинѣ, перерѣзанной рѣкою, городъ съ 150.000 жителей, изъ которыхъ ни одинъ никогда не зналъ и никогда не испытаетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что онъ будетъ питаться регуляро три раза въ день“; между тѣмъ Аделаида построена на возвышенности; по ней не протекаетъ никакой рѣки; ея населеніе не превышало 75.000 душъ и она страдала отъ голода въ тотъ моментъ, когда ее посѣтилъ Фроудъ и т. д. [1]).

Фроудъ признавалъ вполнѣ полезность критики и даже одинъ изъ первыхъ ввелъ въ Англіи изученіе исторіи на осно-

[1]) См. H. A. L. Fisher, въ Fortnightly Review, декабрь, 1891 г., стр. 815.

ваніи изданныхъ и неизданныхъ оригинальныхъ документовъ; но по складу своего ума, онъ былъ вполнѣ неспособенъ къ исправленію текстовъ, напротивъ, онъ портилъ ихъ невольно однимъ своимъ прикосновеніемъ. Подобно тому, какъ дальтонизмъ, порокъ органовъ зрѣнія, мѣшающій различать красные диски отъ зеленыхъ, лишаетъ возможности служить на желѣзной дорогѣ, такъ и болѣзнь „неточности" или болѣзнь Фроуда, діагнозъ которой очень не трудно произвести, должна считаться несовмѣстимой съ профессіей ученаго.

Болѣзнь Фроуда, какъ кажется, никогда не изучалась психологами, и, безъ сомнѣнія, это не есть какая-нибудь особая болѣзнь. Всѣ дѣлаютъ ошибки (по легкомыслію, недосмотру и т. д.). Ненормальность заключается собственно въ томъ, что эти ошибки допускаются постоянно, въ большомъ количествѣ, вопреки самому настойчивому старанію быть точнымъ. Это явленіе связано, по всей вѣроятности, съ ослабленіемъ вниманія и чрезмѣрной дѣятельностью непроизвольнаго (или безсознательнаго) воображенія, недостаточно контролируемаго волею неустойчиваго и слабохарактернаго субъекта. Непроизвольное воображеніе, примѣшиваясь къ умственнымъ процессамъ, извращаетъ ихъ, заполняетъ догадками пробѣлы памяти, преувеличиваетъ или умаляетъ значеніе реальныхъ фактовъ, смѣшиваетъ ихъ съ чистѣйшимъ вымысломъ и т. д. Большинство дѣтей извращаетъ все такимъ образомъ, довольствуясь приблизительнымъ; имъ трудно быть точными и добросовѣстными, т. е. управлять своимъ воображеніемъ. Многіе взрослые люди никогда не перестаютъ быть въ этомъ отношеніи дѣтьми.

Независимо отъ психологическихъ причинъ болѣзни Фроуда, человѣкъ наиболѣе здоровый и уравновѣшенный всегда можетъ испортить самыя простыя работы по предварительной критикѣ историческихъ документовъ, если онъ не посвящаетъ имъ необходимаго времени. Поспѣшность въ такомъ дѣлѣ служитъ источникомъ безчисленныхъ ошибокъ, а потому вполнѣ справедливо мнѣніе, что основную добродѣтель эрудита составляетъ терпѣніе. Легко, конечно, совѣтывать работать не торопясь, дѣйствовать какъ будто бы отсрочка всегда плодотворна, скорѣе воздерживаться, чѣмъ работать на скорую руку,—но чтобы сообразовать свое поведеніе со всѣми этими

предписаніями нуженъ выдержанный темпераментъ. Нервные „безпокойные“ люди, всегда спѣшащіе покончить съ однимъ предпріятіемъ, чтобы затѣять другое, желающіе ослѣплять и производить сенсацію, могутъ найти себѣ достойное занятіе въ другихъ областяхъ, въ области же внѣшней критики историческихъ документовъ они осуждены нагромождать только временныя работы, иногда больше вредныя, чѣмъ полезныя, способныя рано или поздно навлечь на нихъ непріятности. Настоящій эрудитъ долженъ быть хладнокровенъ, сдержанъ, осмотрителенъ; онъ не долженъ спѣшить за потокомъ бьющейся вокругъ него современной жизни. Да и зачѣмъ ему спѣшить? Ему важно, чтобы его работа была основательна, законченна, нетлѣнна. Лучше „въ теченіе долгаго времени отдѣлать небольшое образцовое произведеніе въ двадцать страницъ“ и убѣдить двухъ, трехъ европейскихъ ученыхъ въ подложности какой-нибудь грамоты или провести десять лѣтъ надъ возстановленіемъ возможно лучшаго текста искаженнаго документа, чѣмъ напечатать за то же время цѣлые тома „inedita“ посредственной достовѣрности, которые придется снова передѣлывать будущимъ эрудитамъ.

Въ какой бы отрасли изученія историческихъ матеріаловъ ни специализировался эрудитъ, онъ долженъ обладать осторожностью, особой силой вниманія и воли, сверхъ того наблюдательностью, полнымъ безпристрастіемъ и рѣшимостью работать въ виду отдаленныхъ проблематическихъ результатовъ, и притомъ почти всегда и для другихъ, а не для себя. Для критика текстовъ и источниковъ полезно, кромѣ того, врожденное влеченіе къ рѣшенію задачъ, т. е. быстрый, изобрѣтательный, плодовитый на гипотезы умъ, способный сразу схватывать и даже „угадывать“ сходства. Для работъ по описанію и собиранію источниковъ, составленію инвентарей, каталоговъ, corpus'овъ и сборниковъ абсолютно необходимы влеченіе къ собиранію коллекцій, исключительная страсть къ работѣ, склонность къ порядку, къ дѣятельности и настойчивость [1]). Таковы

[1]) Большинство эрудитовъ по призванію соединяютъ въ себѣ способность разрѣшать задачи съ любовью составлять коллекціи. Тѣмъ не менѣе, ихъ легко раздѣлить на двѣ категоріи, сообразно тому, вы-

надлежащія способности эрудита. Занятія внѣшней критикой настолько несладки для лицъ, не обладающихъ указанными способностями, и достигаемые результаты, въ такомъ случаѣ, такъ мало вознаграждаютъ за потраченное время, что прежде, чѣмъ „посвятить себя внѣшней критикѣ историческихъ матеріаловъ", слѣдуетъ самымъ заботливымъ образомъ провѣрить свои способности. Судьба тѣхъ, кто за недостаткомъ во время данныхъ просвѣщенныхъ совѣтовъ сбился на этотъ путь и напрасно истощаетъ на немъ свои силы, очень плачевна, въ особенности, если они имѣютъ основаніе думать, что они могли бы употребить свои силы съ большею пользою на что-нибудь другое [1]).

II. Такъ какъ занятія внѣшней критикой историческихъ документовъ всего лучше подходятъ къ темпераменту большинства нѣмцевъ, то дѣло изученія историческихъ матеріаловъ въ Германіи достигло въ XIX в. значительнаго развитія; вмѣстѣ съ тѣмъ въ Германіи же всего лучше наблюдаются уродства, порождаемыя у спеціалистовъ долговременнымъ занятіемъ работами по внѣшней критикѣ. Не проходитъ года, чтобы въ германскихъ университетахъ и внѣ ихъ, не разда-

---

казываютъ ли они предпочтеніе критическимъ работамъ по исправленію текстовъ и критикѣ происхожденія, или составленію коллекцій. Ж. Гаве, считавшійся мастеромъ въ области внѣшней критики, отказывался предпринять изданіе общаго сборника меровингскихъ королевскихъ грамотъ, котораго ожидали отъ него его друзья. Онъ объяснялъ это своимъ нерасположеніемъ «къ обширнымъ, требующимъ долгаго времени изданіямъ» (Bibliothèque de l'Ecole des chartes, 1896 г., стр. 222.)

[1]) Обыкновенно говорятъ, что занятія внѣшней критикой тѣмъ и отличаются отъ другихъ историческихъ работъ, что они доступны для лицъ съ посредственными способностями и что ими могутъ заниматься лица съ ограниченнымъ умомъ, лишь бы они получили должную выучку. Несомнѣнно, что люди не обладающіе высокимъ и сильнымъ умомъ могутъ посвящать себя подобнымъ работамъ, но все-таки у нихъ должны быть спеціально необходимыя для этого качества. Ошибочно думать, что при желаніи и выучкѣ ad hoc всякій безъ исключенія годится для работъ по внѣшней критикѣ. Между тѣми, кто къ нимъ способенъ и неспособенъ, есть люди умные и глупые.

валось протестовъ по поводу неправильной постановки работъ по изученію историческихъ матеріаловъ. Въ 1890 г. г. Филиппи, ректоръ гиссенскаго университета, энергично указывалъ на пропасть, образующуюся, по его мнѣнію, между подготовительной критикой и разрабатываніемъ исторіи, какъ науки вообще; критика текстовъ теряется въ ничтожныхъ мелочахъ, сличаютъ рукописи ради удовольствія, возстановляютъ съ самою тщательною предосторожностью не имѣющіе цѣнности документы и доказываютъ такимъ образомъ, что „придаютъ больше значенія матеріаламъ изученія, чѣмъ обобщеніямъ". Ректоръ видитъ въ многословіи германскихъ ученыхъ и въ рѣзкости ихъ полемикъ „дѣйствіе усвоенной ими чрезмѣрной озабоченности мелочами" [1]). Въ томъ же году то же самое было отмѣчено профессоромъ базельскаго университета г. І. Пфлугъ-Гартунгомъ (Pflugk-Hartung). „Самыя важныя части исторической науки—говоритъ этотъ авторъ въ своемъ сочиненіи Geschichtsbetrachtungen [2]), остаются въ пренебреженіи,—значеніе придается только микроскопическимъ наблюденіямъ, совершенству исправленія не имѣющихъ значенія мелочей. Критика текстовъ и источниковъ стала спортомъ,—малѣйшее нарушеніе правилъ игры считается непростительнымъ, между тѣмъ, какъ достаточно одного соблюденія этихъ правилъ, чтобы заслужить одобреніе знатоковъ, каково бы ни было истинное достоинство добытыхъ результатовъ. Между большинствомъ ученыхъ господствуетъ недоброжелательство и грубость; комическое тщеславіе доходитъ до того, что ученые принимаютъ за горы ими же вырытыя кротовыя норки; они напоминаютъ этимъ франкфуртскаго буржуа, говорившаго снисходительно: „Alles, was du durch jenen Bogenpfeiler erkennst, alles ist Frankfurter Land"! [3]).

Что касается насъ, то мы различаемъ три профессіональ-

---

[1]) А. Филиппи, Einige Bemerkungen über den philologischen Unterricht, Гиссенъ 1890 г., Revue critique, 1892 г. I, стр. 25.

[2]) І. Ф. Пфлугъ-Гартунгъ, Geschichtsbetrachtungen, Гота 1890 г.

[3]) І. Ф. Пфлугъ Гартунгъ, цит. сочин.: стр. 21.

ныхъ опасности, которымъ подвергаются лица, посвящающія себя предварительному изученію историческихъ документовъ: диллетантизмъ, придирчивость критики и безсиліе.

Безсиліе. Привычка къ критическому анализу имѣетъ на нѣкоторые умы разрушающее и парализующее дѣйствіе. Люди, естественно боязливые, констатируютъ, что, съ какой бы заботливостью они ни относились къ критикѣ, обнародованію и классификаціи документовъ, у нихъ всегда проскальзываютъ мелкія ошибки, а между тѣмъ полученное ими критическое воспитаніе внушило имъ ужасъ къ этимъ ошибкамъ. Констатированіе подобнаго рода погрѣшностей въ сдѣланной ими работѣ, когда невозможно уже ихъ исправить, причиняетъ имъ острое страданіе. У нихъ появляется болѣзненное состояніе тоски и безпокойства, мѣшающее имъ что бы то ни было дѣлать изъ боязни возможныхъ ошибокъ. Суровое испытаніе (examen rigorosum), налагаемое ими безпрестанно на самихъ себя, дѣлаетъ ихъ неподвижными. Они подвергаютъ также ему и чужія произведенія и доходятъ до того, что видятъ въ историческихъ книгахъ исключительно то, что касается критики, и въ самой критикѣ усматриваютъ только ошибки, подлежащія исправленію.

Придирчивость критики (l'hypercritique). Невоздержанность критики, такъ же какъ и грубое невѣжество, ведетъ къ промахамъ. Придирчивость критики заключается въ примѣненіи критическихъ пріемовъ къ такимъ случаямъ, которые имъ не подсудны; она находится въ такомъ же отношеніи къ истинной критикѣ, какъ подозрительность къ прозорливости. Нѣкоторымъ людямъ вездѣ мерещатся загадки, даже тамъ, гдѣ ихъ совсѣмъ нѣтъ. Они вдаются въ излишнія тонкости при изученіи вполнѣ ясныхъ текстовъ и, желая очистить ихъ отъ воображаемыхъ искаженій, дѣлаютъ ихъ сомнительными. Они различаютъ слѣды подлога въ самыхъ подлинныхъ документахъ. Странное состояніе ума! Остерегаясь легковѣрія, начинаютъ относиться подозрительно ко всему. Слѣдуетъ замѣтить, что чѣмъ больше достигаетъ положительныхъ результатовъ критика текстовъ и источниковъ, тѣмъ болѣе возрастаетъ опасность придирчивости критики. На самомъ дѣлѣ, когда критика всѣхъ историческихъ источниковъ будетъ про-

изведена съ должною правильностью (для нѣкоторыхъ періодовъ древней исторіи это совершится въ ближайшемъ будущемъ), то по здравому смыслу дальнѣйшее ея примѣненіе должно бы прекратиться. Но на это никогда не рѣшатся; по прежнему будутъ ломать голову, какъ ломаютъ ее и теперь, надъ текстами вполнѣ точно установленными, и тѣ, кто будетъ этимъ заниматься, дойдутъ роковымъ образомъ до чрезмѣрной придирчивости. „Особенность историческихъ наукъ и ихъ вспомогательныхъ дисциплинъ, филологическихъ наукъ,— говоритъ Э. Ренанъ,—заключается въ томъ, что онѣ, едва успѣвъ достигнуть относительнаго совершенства, начинаютъ сами себя разрушать [1])". Причиной этого служитъ придирчивость критики.

Дилеттантизмъ. Эрудиты по призванію и по профессіи имѣютъ тенденцію разсматривать внѣшнюю критику документовъ, какъ хитроумную, трудную игру, интересную (подобно шахматной игрѣ) уже въ силу одной сложности ея правилъ. Сущность дѣла, цѣли исторіи, какъ науки, отступаютъ для нихъ на задній планъ. Они занимаются критикой ради критики; изящество метода изслѣдованія играетъ въ ихъ глазахъ болѣе важную роль, чѣмъ его результаты, каковы бы они не были. Эти виртуозы не задаются никакими идейными цѣлями въ своихъ работахъ, они не ставятъ даже себѣ задачи критиковать, напримѣръ, систематически всѣ документы, относящіеся къ одному какому-нибудь вопросу, чтобы составить о немъ понятіе, а критикуютъ безразлично тексты, относящіеся къ очень разнообразнымъ вопросамъ, съ однимъ только условіемъ, чтобы эти документы были сильно искажены. Вооружившись критикой, они переносятся во всѣ историческія области, гдѣ какая-нибудь затруднительная загадка требуетъ ихъ вмѣшательства; разъ эта загадка разрѣшена или, по крайней мѣрѣ, подвергнута обсужденію, они ищутъ въ другихъ мѣстахъ другихъ загадокъ. Они оставляютъ послѣ себя не связное произведеніе, а разнообразную коллекцію по всевозможнаго рода вопросамъ, похожую, какъ говорилъ Карлейль, на антикварную лавку или архипелагъ острововъ.

---

[1]) Э. Ренанъ, l'Avenir de la Science, стр. XIV.

Дилеттанты защищаютъ свой дилеттантизмъ благовидными аргументами. Прежде всего, говорятъ они, все одинаково важно; въ исторіи нѣтъ документа, не имѣющаго цѣны. „Всякое научное произведеніе не безполезно, всякая истина полезна для науки...; въ исторіи нѣтъ мелкихъ вопросовъ"; отсюда слѣдуетъ, „что цѣнность труда зависитъ не отъ характера изучаемаго предмета, а отъ метода" [1]). Въ исторіи важно „не накопленіе познаній, а гимнастика мозга, умственный навыкъ, однимъ словомъ, научный умъ". Предположивъ даже, что существуетъ іерархія историческихъ данныхъ, сообразно ихъ значенію, никто не имѣетъ права заключать a priori, что такой-то документъ „безполезенъ". Что можетъ служить критеріемъ полезности въ такого рода вопросахъ? Сколько документовъ, остававшихся долгое время въ пренебреженіи, выдвинулись внезапно на первый планъ благодаря новымъ открытіямъ или измѣненію точки зрѣнія! „Всякое исключеніе безразсудно: нѣтъ изысканія, которое можно было бы заранѣе объявить безплоднымъ. То, что не имѣетъ цѣнности само по себѣ, можетъ имѣть ее, какъ необходимое средство". Можетъ быть, настанетъ день, когда явится возможность отбросить маловажные документы и факты, основываясь на томъ, что исторія станетъ уже вполнѣ сложившеюся наукою; но въ настоящее время мы не въ состояніи отличать излишнее отъ необходимаго и, по всей вѣроятности, всегда будетъ трудно провести между ними демаркаціонную линію. Этимъ оправдываются самыя спеціальныя и, повидимому, самыя тщетныя работы. Да и важно ли, въ крайнемъ случаѣ, если нѣкоторыя работы оказываются излишними? „Таковъ законъ научнаго знанія", какъ и творчества природы и „всѣхъ вообще человѣческихъ дѣлъ, выступать вначалѣ смутно, въ сопровожденіи массы излишняго".

Мы не будемъ оспаривать всѣхъ этихъ соображеній въ той мѣрѣ, какъ они того заслуживаютъ. Э. Ренанъ, обсуждавшій съ одинаковою силою все высказанное за и противъ по этому вопросу, заключилъ окончательно споръ въ слѣдующихъ выраженіяхъ.

---

[1]) Revue historique, LXIII (1897), стр. 320.

„Можно сказать, что есть безполезныя изысканія, въ томъ смыслѣ, что они поглощаютъ время, которое можно было бы лучше употребить на болѣе серьезные предметы... Хотя и нѣтъ необходимости, чтобы работникъ выполнялъ свою работу съ полнымъ знаніемъ дѣла, тѣмъ не менѣе было бы желательно, чтобы лица, предающіяся спеціальнымъ работамъ, имѣли представленіе о цѣломъ, которое одно только придаетъ цѣну ихъ изслѣдованіямъ. Еслибы столько усердныхъ тружениковъ, которымъ новѣйшая наука обязана своими успѣхами, имѣли философское пониманіе того, что они дѣлали, сколько было бы сохранено драгоцѣннаго времени!.. Эта громадная потеря человѣческихъ силъ, происходящая благодаря отсутствію направленія и недостатку яснаго сознанія имѣющейся въ виду цѣли, вызываетъ живѣйшее сожалѣніе [1]).

Дилеттантизмъ не совмѣстимъ съ извѣстной возвышенностью мысли и извѣстной степенью „нравственнаго совершенства“, но не отрицаетъ техническихъ достоинствъ. Нѣкоторые, самые превосходные критики представляютъ собою простыхъ практиковъ, никогда не размышлявшихъ о цѣляхъ своего искусства. Ошибочно было бы изъ этого заключать, тѣмъ не менѣе, что дилеттантизмъ не представляетъ опасности для самой науки. Эрудиты-дилеттанты, работающіе по волѣ своей фантазіи и „любознательности“, привлекаемые скорѣе трудностью задачъ, чѣмъ ихъ внутреннимъ значеніемъ, не даютъ историкамъ (т. е. научнымъ работникамъ, комбинирующимъ данныя въ видахъ высшихъ цѣлей исторіи) матеріаловъ, въ которыхъ послѣдніе испытываютъ самую настоятельную необходимость, а даютъ имъ не то, что нужно. Еслибы дѣятельность спеціалистовъ по внѣшней критикѣ примѣнялась исключительно къ вопросамъ, настоятельно требующимъ разрѣшенія, еслибы она была дисциплинирована и направляема сверху, она была бы болѣе плодотворной.

Мысль устранить опасности дилеттантизма путемъ раціо-

---

[1]) Э. Ренанъ, цит. сочин., стр. 122, 243. Та же самая мысль не разъ высказывалась въ другихъ выраженіяхъ г. Э. Лависсомъ въ его рѣчахъ къ парижскимъ студентамъ (Questions d'enseignement national, стр. 14, 86 и т. д.).

альной „организаціи“ „труда“ возникла давно. Уже пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ громко говорили о „контролѣ“ и „концентраціи“ разрозненныхъ силъ; мечтали объ „обширныхъ мастерскихъ“, организованныхъ по образцу современнаго крупнаго производства, гдѣ бы выполнялись en grand подготовительныя работы по изученію историческихъ матеріаловъ, насколько возможно лучше въ интересахъ науки. И дѣйствительно, почти во всѣхъ странахъ правительства (черезъ посредство комитетовъ и историческихъ комиссій), академіи и ученыя общества старались въ наше время, какъ это дѣлали при старомъ режимѣ монашескія конгрегаціи, группировать эрудитовъ, занимающихся подготовительной критикой историческихъ матеріаловъ, для обширныхъ коллективныхъ предпріятій и приводить въ соотвѣтствіе ихъ усилія. Но соединеніе спеціалистовъ по внѣшней критикѣ для работъ подъ наблюденіемъ компетентныхъ людей страдаетъ отъ большихъ матеріальныхъ трудностей. Задача „организаціи научнаго труда“ стоитъ еще на очереди дня [1]).

III. Какъ мы уже видѣли, ученыхъ, занимающихся изслѣдованіемъ историческихъ матеріаловъ, часто упрекали за гордость и чрезмѣрную рѣзкость въ сужденіяхъ о работахъ своихъ собратьевъ, видя въ этомъ признакъ преувеличенной „заботливости о мелочахъ“; въ особенности нападали на нихъ за это личности, подвергшіяся за свои работы суровому осужденію. Въ дѣйствительности есть скромные и благосклонные ученые—это вопросъ характера; профессіональная заботливость о мелочахъ не можетъ въ этомъ отношеніи измѣнить природныхъ наклонностей. „Добрякъ г. Дю-Канжъ,—какъ говорили бенедиктинцы,—былъ скроменъ до крайности“: „Нужны только,—

---

[1]) Одинъ изъ насъ (г. Ланглуа) предполагаетъ изложить въ другомъ мѣстѣ подробно все, что сдѣлано за триста лѣтъ, и главнымъ образомъ въ XIX столѣтіи, для организаціи историческихъ работъ въ главныхъ странахъ міра. Нѣкоторыя свѣдѣнія по этому поводу собраны уже Франклиномъ Джэмсономъ (Jameson) въ The expenditures of foreign gouvernments in behalf of history въ Annual Report of the American historical Association for 1891, стр. 38—61.

говорилъ онъ по поводу своихъ работъ,—глаза и пальцы, чтобы сдѣлать столько же и даже больше"; онъ, по принципу, никогда никого не порицалъ: „Если я изучаю, то ради удовольствія пріобрѣтать знаніе, а не для того, чтобы причинять страданіе другому, равно какъ и себѣ" [1]). Не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что большинство эрудитовъ изобличаютъ передъ публикой малѣйшія ошибки (lapsus) безъ всякой пощады, иногда грубымъ и высокомѣрнымъ тономъ, давая доказательство прискорбнаго усердія. Но оставя въ сторонѣ язвительность и грубость, нельзя не признать, что они правы, дѣйствуя такимъ образомъ. Они поступаютъ такъ потому, что, такъ же какъ и „ученые" въ собственномъ смыслѣ этого слова, химики, физики и т. д.—дорожатъ научной истиной и имѣютъ привычку изобличать нарушенія метода. И имъ удается такимъ способомъ закрыть доступъ къ своей профессіи неспособнымъ и дѣльцамъ, изобиловавшимъ тамъ еще недавно.

Среди молодыхъ людей, посвящающихъ себя изученію исторіи, есть лица, воодушевленныя скорѣе коммерческимъ, чѣмъ научнымъ духомъ, грубо стремящіяся къ положительнымъ успѣхамъ, говорящія себѣ in petto: „Для выполненія историческаго труда по всѣмъ правиламъ метода необходимы безконечныя предосторожности и старанія. Но развѣ не появляются историческія сочиненія, авторы которыхъ дѣлали болѣе или менѣе серьезныя погрѣшности противъ правилъ? Развѣ эти авторы не пользуются, тѣмъ не менѣе, уваженіемъ? Развѣ наибольшее уваженіе внушаютъ всегда наиболѣе добросовѣстные? Развѣ знаніе не можетъ быть замѣнено умѣньемъ"? Если на самомъ дѣлѣ знаніе можно было бы замѣнить умѣньемъ, то такъ какъ легче работать плохо, чѣмъ хорошо, и такъ какъ самое важное, по ихъ мнѣнію, имѣть успѣхъ, они охотно стали бы доказывать, что работать плохо не бѣда, разъ пользуешься успѣхомъ. Почему здѣсь не можетъ быть того же, что встрѣчается въ жизни, гдѣ успѣхъ далеко не обязательно выпадаетъ на долю наиболѣе достойныхъ? Только благодаря безжалостной строгости ученыхъ подобныя разсужденія стали признаваться не только низостью, но и гнуснымъ расчетомъ.

---

[1]) L. Feugère, цитир. произв., стр. 55, 58.

Въ концѣ второй имперіи во Франціи не существовало еще просвѣщеннаго общественнаго мнѣнія относительно историческихъ работъ. Плохія книги по изслѣдованію историческихъ документовъ издавались безнаказанно, и издатели ихъ пользовались даже незаслуженнымъ почетомъ. Первые задались мыслью противодѣйствовать такому порядку вещей основатели „Revue critique d'histoire et de littérature", считавшіе его съ полнымъ основаніемъ деморализующимъ. Желая положить ему конецъ, они подвергали публичному осужденію труды недобросовѣстныхъ или не придерживавшихся метода ученыхъ, давая имъ наставленія, способныя навсегда отбить охоту отъ внѣшней критики историческихъ матеріаловъ. Они приступили къ достопамятнымъ бичеваніямъ нѣкоторыхъ работъ не ради удовольствія, но съ твердымъ намѣреніемъ создать, при помощи террора, извѣстный контроль, а, слѣдовательно, водворить справедливость въ области историческихъ изслѣдованій. Плохіе работники подвергались съ этого момента преслѣдованію и если „Revue" не удалось пробудить сознательнаго отношенія къ дѣлу въ большой публикѣ, то все-таки его критика оказывала воздѣйствіе на значительный районъ, вдалбливая волей-неволей въ головы большинства заинтересованныхъ лицъ привычку къ правдивости и уваженіе къ методу. Въ теченіе послѣдующихъ двадцати пяти лѣтъ данный имъ толчокъ породилъ результаты, которые превзошли всѣ ожиданія.

Въ настоящее время стало очень затруднительно въ области исторической эрудиціи, если не вообще вводить въ заблужденіе, то, по крайней мѣрѣ, вводить въ заблужденіе на д о л г о е в р е м я. Отнынѣ въ историческихъ наукахъ, какъ и въ наукахъ въ собственномъ значеніи этого слова, никакое заблужденіе не можетъ удержаться долго и никакая истина не можетъ погибнуть. Можетъ пройти нѣсколько мѣсяцевъ или нѣсколько лѣтъ, прежде чѣмъ плохо выполненный химическій опытъ или на скорую руку изданная работа будутъ признаны таковыми, но неточные выводы, временно принятые за вѣрные, всегда рано или поздно, и въ большинствѣ случаевъ очень скоро, бываютъ замѣчены, указаны и отвергнуты. Теорія пріемовъ внѣшней критики такъ хорошо обработана, во всѣхъ странахъ

существуетъ такое большое число хорошо усвоившихъ себѣ ее спеціалистовъ, что теперь очень рѣдко случается, чтобы описательный каталогъ документовъ, сборникъ или монографія не подверглись тотчасъ же по выходѣ въ свѣтъ самой строгой оцѣнкѣ. Этого никогда не слѣдуетъ забывать. Въ настоящее время было бы большимъ неблагоразуміемъ рискнуть выпустить въ свѣтъ работу по изслѣдованію историческихъ матеріаловъ, не принявши предварительно всѣхъ мѣръ, чтобы она была неуязвима, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, она тотчасъ же подверглась бы нападкамъ и была бы признана несостоятельной. Впрочемъ, еще и теперь нѣкоторые наивные люди, не знающіе этого, отваживаются время отъ времени пускаться въ область внѣшней критики, безъ достаточной подготовки,—преисполненные добрыхъ намѣреній, съ искреннимъ желаніемъ „оказать услуги“ историческому знанію и убѣжденные, вѣроятно, что тамъ можно дѣйствовать, какъ и въ другихъ областяхъ (напр., въ области политики) по чутью или приблизительному расчету, „не обладая спеціальными знаніями“; имъ приходится горько раскаиваться въ своемъ рѣшеніи. Люди хитрые не пускаются на такой рискъ: работы по изученію историческихъ матеріаловъ, очень трудныя и скупыя на славу, не сулятъ имъ ничего заманчиваго; они слишкомъ хорошо знаютъ, что опытные спеціалисты, вообще не особенно благосклонные къ постороннимъ, приберегаютъ эти работы для себя, и сознаютъ, что въ этомъ направленіи имъ нечего дѣлать. Честная и строгая неподкупность ученыхъ предохраняетъ ихъ отъ непріятныхъ вторженій, грозящихъ еще иногда и теперь „историкамъ“ въ собственномъ смыслѣ этого слова. На самомъ дѣлѣ, плохіе научные работники, въ поискахъ за менѣе требовательной публикой, чѣмъ эрудиты, охотно ищутъ себѣ прибѣжища въ области историческаго изложенія. Тамъ правила метода менѣе очевидны или, выражаясь точнѣе, менѣе извѣстны. Въ то время, какъ критика текстовъ и критика источниковъ приняла уже научную форму, синтетическіе процессы въ исторіи совершаются еще на удачу. Сбивчивость понятій, невѣжество, небрежность, выступающія съ поразительною ясностью въ работахъ по внѣшней критикѣ источниковъ, въ историческихъ сочиненіяхъ маскируются до нѣкоторой степени

литературнымъ изложеніемъ, и читающая публика, не особенно освѣдомленная въ этихъ вопросахъ, не сознаетъ ихъ недостатковъ [1]). Короче говоря, на этой почвѣ, есть еще много шансовъ оставаться безнаказаннымъ. Однако, и эти шансы мало-по-малу уменьшаются; настанетъ время, и оно не особенно далеко, когда поверхностные умы, не способные къ правильному синтезу, такъ же мало будутъ пользоваться уваженіемъ, какъ не пользуются имъ теперь недобросовѣстные или неискусные спеціалисты по внѣшней подготовительной критикѣ. Развѣ критика не подточила уже теперь произведеній такихъ знаменитыхъ историковъ XIX столѣтія, только что умершихъ, какъ Огюстенъ-Тьерри, Ранке, Фюстель-де-Куланжъ и др.? Недостатки ихъ методовъ уже обнаружены, опредѣлены и подвергнуты осужденію. Но въ особенности должно показаться убѣдительнымъ,—для лицъ, не чувствительныхъ къ другимъ соображеніямъ, побуждающимъ работать честно въ исторіи,—то обстоятельство, что прошло то время или скоро пройдетъ, когда можно было, не опасаясь непріятностей, работать плохо.

---

[1]) Сами спеціалисты по внѣшней критикѣ столь дальновидные, когда дѣло касается работъ по ихъ спеціальности, позволяютъ ослѣплять себя такъ же легко, какъ и всѣ другіе, неправильными синтетическими построеніями, призраками «общихъ идей» и литературными пріемами, въ тѣхъ случаяхъ, когда они не относятся a priori съ презрѣніемъ ко всякому синтезу.

ОТДѢЛЪ II.

Внутренняя критика.

Глава VI.

Критика толкованія (герменевтика).

I. Когда зоологъ описываетъ форму и длину мускула или физіологъ объясняетъ направленіе движенія, ихъ выводы можно принять цѣликомъ, потому что извѣстно путемъ какого метода, какихъ пособій и какой системы они достигнуты [1]); но когда Тацитъ говоритъ о германцахъ: Arva per annos mutant, то заранѣе неизвѣстно, правильно ли онъ поступилъ, собирая свѣдѣнія, а также въ какомъ смыслѣ онъ употреблялъ слова arva и mutant; чтобы удостовѣриться въ этомъ, нужна предварительная операція [2]), носящая названіе внутренней критики.

Критика эта имѣетъ цѣлью распознавать, что можетъ быть принято въ историческомъ документѣ за истину. Документъ

---

[1]) Науки, основанныя на наблюденіи, также нуждаются въ извѣстнаго рода критикѣ. Наблюденія перваго встрѣчнаго не принимаются безъ провѣрки; принимаются только выводы людей, «умѣющихъ работать». Но эта критика производится быстро и касается автора, а не его работъ; историческая критика, напротивъ, вынуждена подробно останавливаться на каждой части документа.

[2]) См. выше, кн. II, гл. I, стр. 89.

представляетъ собою послѣдній результатъ длиннаго ряда процессовъ, подробностей котораго авторъ намъ не сообщаетъ. Легко можетъ случиться, что авторъ не съ одинаковой правильностью производилъ столь различныя другъ отъ друга операціи, какъ наблюденіе и собираніе фактовъ, составленіе фразъ и написаніе словъ. Нужно, слѣдовательно, анализировать продуктъ этой работы автора, чтобы различить, какіе процессы были совершены неправильно и отбросить сдѣланные на основаніи ихъ выводы. Итакъ, анализъ необходимъ для критики; всякая критика начинается съ анализа.

Чтобы быть логически полнымъ, анализъ долженъ бы былъ возстановить всѣ дѣйствія автора и разсмотрѣть ихъ каждое отдѣльно, съ цѣлью убѣдиться, что оно совершилось правильно. Пришлось бы пересмотрѣть всѣ послѣдовательные акты, создавшіе документъ съ того момента, когда авторъ видѣлъ событіе, служащее предметомъ документа, до движенія его руки, начертавшей буквы документа, или скорѣе слѣдовало бы идти, шагъ за шагомъ, въ обратномъ порядкѣ, отъ движенія руки до наблюденія. Этотъ методъ былъ бы такъ длиненъ и такъ скученъ, что ни у кого не хватило бы ни времени, ни терпѣнія его примѣнять.

Внутренней критикой нельзя заниматься, какъ внѣшней, ради одного удовольствія [1]); да она и не доставляетъ никакого непосредственнаго удовольствія, потому что не рѣшаетъ окончательно никакой задачи. Ею занимаются только по необходимости и стараются довести ее до minimum'а. Самые требовательные историки держатся въ этомъ случаѣ сокращеннаго метода, концентрирующаго всѣ операціи въ двѣ группы: 1) анализъ содержанія документа и положительная критика толкованія (интерпретаціи) текста, необходимые, чтобы увѣриться въ томъ, что хотѣлъ сказать авторъ; 2) анализъ условій, сопровождавшихъ появленіе документа, и отрицательная критика, необходимые для провѣрки заявленій автора. Но и эта двоякая критическая работа примѣняется только избранными. Даже историки, работающіе по всѣмъ правиламъ метода, имѣютъ естественную склонность читать текстъ документа съ един-

[1]) См. выше, стр. 97.

ственною заботою найти въ немъ непосредственно нужныя свѣдѣнія, не задаваясь мыслью представить себѣ съ точностью, что имѣлось въ умѣ у автора [1]). Такой образъ дѣйствія извинителенъ, самое большее, по отношенію къ документамъ XIX столѣтія, писаннымъ людьми, говорящими и мыслящими вполнѣ для насъ понятно, однимъ словомъ, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ возможно только одно толкованіе. Онъ дѣлается опаснымъ тотчасъ же, какъ только привычка автора выражаться и мыслить расходится съ образомъ мышленія и языкомъ историка, читающаго документъ, или, если смыслъ текста не представляется безспорнымъ и очевиднымъ. Всякій, кто читая текстъ, не заботится исключительно о томъ, чтобы его понять, поневолѣ читаетъ его сквозь призму своихъ собственныхъ впечатлѣній [2]); его поражаютъ въ документѣ отдѣльныя фразы и слова, отвѣчающія его собственнымъ мыслямъ и согласующіяся съ тѣмъ представленіемъ, какое онъ составилъ себѣ a priori о фактахъ; самъ того не замѣчая, онъ выдѣляетъ эти фразы и слова и создаетъ изъ нихъ воображаемый текстъ, принимаемый имъ за дѣйствительный текстъ автора [3]).

---

[1]) Тэнъ, повидимому, поступалъ такъ въ «Origines de la France contemporaine», т. II, la Révolution. Онъ сдѣлалъ извлеченія изъ неизданныхъ документовъ и помѣстилъ ихъ въ большомъ количествѣ въ своемъ сочиненіи, но не видно, чтобы онъ сдѣлалъ предварительно ихъ методическій анализъ, съ цѣлью опредѣлить ихъ смыслъ.

[2]) На нѣмецкомъ языкѣ есть очень точное слово, обозначающее это явленіе,— hineinlesen; на французскомъ же нѣтъ соотвѣтственнаго выраженія.

[3]) Фюстель-де-Куланжъ очень опредѣленно объясняетъ опасность такого метода: «Нѣкоторые ученые начинаютъ съ того, что составляютъ себѣ мнѣніе... и только послѣ этого читаютъ тексты. Они сильно рискуютъ не понять ихъ или понять ложно. Дѣло въ томъ, что между текстомъ и предубѣжденнымъ читателемъ происходитъ извѣстнаго рода скромный споръ; умъ читателя отказывается понимать то, что противорѣчитъ его мысли, и обычнымъ результатомъ такого столкновенія бываетъ не уступка ума очевидности текста, а скорѣе уступка текста, покоряющагося и примѣняющагося къ предвзятому мнѣнію ума... Такой методъ чтенія текста чрезъ призму своихъ собственныхъ мыслей субъективенъ. Изучающій думаетъ разсмотрѣть какой-нибудь

*

II. Здѣсь, какъ и вездѣ въ исторіи, методъ необходимъ для сопротивленія первому влеченію. Нужно прежде всего проникнуться тѣмъ очевиднымъ, но часто забываемымъ принципомъ, что документъ содержитъ только мысли писавшаго его лица, а потому слѣдуетъ принять за правило сначала понять текстъ самъ по себѣ, а потомъ уже задаваться вопросомъ, что можно извлечь изъ него для исторіи. Такимъ образомъ, приходятъ къ тому главному правилу метода, что изученіе каждаго документа должно начинать съ анализа содержанія, не имѣя въ виду никакой другой цѣли, кромѣ выясненія дѣйствительной мысли автора.

Такой анализъ представляетъ собою отдѣльную, независимую предварительную операцію. Здѣсь, какъ и при работахъ

предметъ, а разсматриваетъ свою собственную мысль о немъ; думаетъ наблюдать фактъ, а этотъ фактъ тотчасъ же принимаетъ смыслъ и окраску, желательную для его ума. Думаютъ, что читаютъ текстъ, а между тѣмъ фразы этого текста принимаютъ особое значеніе, согласно заранѣе составленному о немъ мнѣнію. Этотъ субъективный методъ внесъ самую большую смуту въ исторію эпохи Меровинговъ. Мало читать тексты, ихъ слѣдуетъ читать раньше, чѣмъ составилось свое убѣжденіе...» («Monarchie franque», стр. 31) На томъ же основаніи Фюстель-де-Куланжъ осуждалъ чтеніе одного документа съ помощью другого; онъ протестовалъ противъ обычая объяснять «Germania» Тацита «Варварскими законами». См. въ Revue des questions historiques, 1887 г., т. I, урокъ о методѣ (De l'analyse des textes historiques), данный по поводу одного комментарія къ Григорію Турскому, сдѣланнаго г. Моно. «Историкъ долженъ начинать свою работу точнымъ анализомъ каждаго документа... Анализъ текста состоитъ въ установленіи смысла каждаго слова, въ выдѣленіи истинной мысли автора... Вмѣсто того, чтобы искать смыслъ каждой фразы историка и высказанную въ ней мысль, онъ (г. Моно), комментируетъ каждую фразу при помощи того, что находится у Тацита или въ салическихъ законахъ. Слѣдуетъ хорошо условиться о томъ, что такое анализъ. О немъ много говорятъ, но мало его примѣняютъ. Анализъ долженъ внимательнымъ изученіемъ каждой подробности выяснить все, что есть въ текстѣ, и не долженъ вводить въ него того, чего въ немъ нѣтъ». Прочитавши эти прекрасные совѣты, поучительно будетъ прочесть и отвѣтъ г. Моно (въ Revue historique); изъ него можно узнать, что самъ Фюстель-де-Куланжъ не всегда примѣнялъ рекомендуемый имъ методъ.

по внѣшней критикѣ [1]), опытъ предписываетъ принять систему картъ. Каждая карта должна содержать анализъ или всего документа, или отдѣльной его части, или одного эпизода повѣствованія; анализъ долженъ выяснять не только общій смыслъ текста документа, но также, насколько возможно, цѣль и образъ мыслей автора. Равнымъ образомъ, хорошо воспроизводить на картахъ дословно выраженія, характерныя для мысли автора. Иногда бываетъ достаточно анализировать текстъ въ умѣ, сбходясь безъ писанія на картѣ сполна всего анализа, и отмѣчая на ней только тѣ черты, изъ которыхъ считается возможнымъ извлечь пользу. Но такъ какъ опасность принять за текстъ свое собственное впечатлѣніе всегда очень велика, то слѣдуетъ возвести въ правило,—какъ единственно надежную предосторожность,—принуждать себя не дѣлать выдержекъ изъ документа и частичныхъ его анализовъ, прежде чѣмъ не сдѣланъ анализъ документа во всей его совокупности [2]), по по крайней мѣрѣ въ умѣ.

Анализировать документъ—значитъ распознавать и изолировать всѣ мысли, выраженныя авторомъ. Такимъ образомъ анализъ сводится къ критикѣ толкованія документа (critique d'interprétation). Толкованіе бываетъ двоякое: толкованіе буквальнаго смысла и смысла дѣйствительнаго (le sens littéral et le sens réel).

III. Опредѣленіе буквальнаго смысла текста есть собственно дѣло лингвистики, вслѣдствіе чего филологія (Sprachkunde) и составляетъ одну изъ вспомогательныхъ наукъ исторіи. Чтобы понять текстъ документа, необходимо прежде всего понимать его языкъ. Но здѣсь недостаточно общаго знанія языка. Для истолкованія Григорія Турскаго мало знать вообще латынь; для примѣненія этого общаго знанія латинскаго языка къ Григорію Турскому необходимо еще спеціально историческое толкованіе.

---

[1]) См. выше, стр. 81.

[2]) За анализъ можетъ взяться спеціалистъ; это и бываетъ при изданіи сборниковъ и каталоговъ актовъ; если трудъ анализа выполненъ правильно составителемъ сборника, то передѣлывать его безполезно.

Существуетъ вполнѣ естественное стремленіе придавать одному и тому же слову одинъ и тотъ же смыслъ повсюду, гдѣ бы оно не встрѣчалось. Языкъ принимается инстинктивно за точную систему знаковъ. Таковъ, дѣйствительно, характеръ знаковъ, созданныхъ намѣренно для научнаго употребленія, какіе мы видимъ въ алгебрѣ, въ химіи; тамъ каждое выраженіе имѣетъ единственный, абсолютный, неизмѣнный точный смыслъ: оно выражаетъ анализированное и точно опредѣленное понятіе и при томъ всегда одно и то же, въ какомъ бы мѣстѣ оно не было употреблено, какой бы авторъ имъ не пользовался. Обычный же языкъ историческихъ документовъ очень расплывчатъ; каждое его слово выражаетъ сложное, неопредѣленное понятіе; одно и то же слово имѣетъ нѣсколько различныхъ значеній; оно принимаетъ различный смыслъ у одного и того же автора, сообразно другимъ окружающимъ его словамъ, и, кромѣ того, мѣняетъ смыслъ у различныхъ авторовъ и смотря по времени. Vel въ классической латыни всегда означаетъ или, въ нѣкоторыя же эпохи среднихъ вѣковъ оно означало и; suffragium, означающее въ классической латыни голосъ (мнѣніе), въ средніе вѣка употребляется въ смыслѣ помощи (secours). Нужно, слѣдовательно, остерегаться объяснять всѣ выраженія документа на основаніи классическаго или обычнаго смысла словъ. Грамматическое толкованіе текста, основанное на общихъ правилахъ языка, должно дополняться толкованіемъ историческимъ, основаннымъ на изслѣдованіи частнаго случая.

Методъ состоитъ въ установленіи спеціальнаго смысла словъ въ документѣ; онъ покоится на нѣсколькихъ очень простыхъ основаніяхъ.

1) Языкъ измѣняется благодаря непрерывному развитію. Каждая эпоха имѣетъ свой собственный языкъ, который нужно разсматривать какъ спеціальную систему знаковъ. Для пониманія документа необходимо, слѣдовательно, знать языкъ даннаго времени, т. е. смыслъ словъ и оборотовъ въ ту эпоху, когда былъ написанъ документъ. Смыслъ слова опредѣляется сопоставленіемъ различныхъ мѣстъ текстовъ, гдѣ оно употреблено; почти всегда оказывается на лицо такое мѣсто, гдѣ сопровождающая слово фраза не оставляетъ никакого сомнѣнія

относительно его смысла [1]). Подобными выясненіями занимаются такіе историческіе словари, какъ „Thesaurus linguae latinae“ или словари Дюканжа; въ этихъ словаряхъ статья, посвященная каждому слову, представляетъ собою собраніе фразъ, гдѣ встрѣчаются слова, снабженныя указаніемъ автора, опредѣляющимъ эпоху.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда языкъ документа былъ уже мертвымъ для его автора и изученъ имъ по сочиненіямъ,—что часто встрѣчается въ латинскихъ текстахъ конца среднихъ вѣковъ,—необходимо принимать во вниманіе, что слова могутъ быть употреблены въ произвольномъ смыслѣ и вводятся въ текстъ только ради щегольства, напримѣръ: consul (графъ), capite census (оброчный человѣкъ), agellus (большое владѣніе).

2) Употребленіе языка можетъ быть различно въ различныхъ мѣстностяхъ; нужно, слѣдовательно, знать языкъ той страны, гдѣ былъ написанъ документъ, т. е. знать, какой особый смыслъ придавался словамъ въ данной мѣстности.

3) У каждаго автора есть своя личная манера выражаться, а, слѣдовательно, нужно изучать языкъ автора, знать, какой особый смыслъ придавалъ онъ словамъ [2]). Для этого могутъ служить пособіемъ лексиконы языка какого-либо автора, вродѣ „Lexicon Caesarianum“ Мёзеля (Meusel), представляющій собою сборникъ всѣхъ мѣстъ, гдѣ авторъ употреблялъ каждое слово.

4) Выраженіе мѣняетъ смыслъ смотря по мѣсту нахожденія; въ виду этого не слѣдуетъ толковать въ отдѣльности каждое

---

[1]) Практическіе образцы такого пріема можно найти у Делоша, «La Trustis et l'antrustion royal», Парижъ, 1873 г. и въ особенности у Фюстель де-Куланжа. См. въ частности изслѣдованіе о словахъ marca (Recherches sur quelques problèmes d'histoire, стр. 322—356), mallus (ib. 372—402), alleu (l'Alleu et le domaine rural, стр. 140—170), portio (ib. стр. 239—252).

[2]) Теорія и примѣръ такого пріема находится у Фюстель-де-Куланжа. «Recherches sur quelques problèmes d'histoire», (стр. 189—289), по поводу сообщеній Тацита о германцахъ. См. въ особ. стр. 263—289 изслѣдованіе знаменитаго мѣста у этого автора о способѣ воздѣлыванія земли у германцевъ.

слово и каждую фразу, а принимать въ соображеніе общій смыслъ даннаго отрывка документа (contexte). Это основное правило толкованія, правило контекста (la règle du contexte) [1]). Оно предписываетъ прочитывать весь текстъ документа полностью, прежде чѣмъ пользоваться какою-либо отдѣльною его фразою; оно воспрещаетъ подбирать въ современномъ сочиненіи цитаты, т. е. отрывки фразъ, взятые изъ такого мѣста текста, гдѣ не видно спеціальнаго смысла, придававшагося имъ текстомъ документа (контекстомъ) [2]).

Если бы строго примѣнять эти правила, то они составили бы точный методъ толкованія, не оставляющій почти никакой возможности сдѣлать ошибку, но требующій громадной затраты времени. Сколько нужно потратить труда для выясненія путемъ спеціальнаго пріема смысла каждаго слова въ языкѣ извѣстнаго времени автора и документа! Такая работа необходима для хорошаго перевода; ее рѣшились выполнить только въ примѣненіи къ нѣкоторымъ произведеніямъ древности, представляющимъ собою въ высшей степени цѣнные литературные памятники; что же касается массы историческихъ документовъ, то по отношенію къ нимъ, на практикѣ, придерживаются сокращеннаго пріема.

Не всѣ слова одинаково подвержены перемѣнѣ смысла; большинство словъ сохраняютъ во всѣ эпохи и у всѣхъ авто-

---

[1]) Фюстель-де-Куланжъ формулируетъ его такъ: «никогда не слѣдуетъ выдѣлять два слова изъ ихъ контекста; такимъ путемъ можно только ошибаться въ ихъ значеніи» («Monarchie franque», стр. 228, прим. 1).

[2]) Вотъ какъ осуждаетъ этотъ пріемъ Фюстель-де-Куланжъ: «Я не говорю о ложныхъ ученыхъ, которые цитируютъ изъ вторыхъ рукъ и, самое большее, даютъ себѣ трудъ провѣрить, дѣйствительно ли цитированная фраза есть въ указанномъ мѣстѣ. Провѣрять цитаты совсѣмъ не то, что читать тексты, и то, и другое ведетъ часто къ противоположнымъ выводамъ. «Revue des questions historiques», 1888 г., т. I. См. также (Allen... стр. 171—198) урокъ, данный г. Глассону по поводу теоріи общиннаго владѣнія землей, здѣсь дѣло идетъ о 45 цитатахъ, изученныхъ, принимая въ соображеніе contexte, чтобы доказать, что ни одна изъ нихъ не имѣетъ смысла, приданнаго ей Глассономъ. Можно сличить отвѣтъ: Глассонъ: les Communaux et le domaine rural a l'époque franque, Парижъ, 1890 г.

ровъ почти одинаковый смыслъ. Можно, слѣдовательно, довольствоваться спеціальнымъ изученіемъ выраженій, способныхъ по самой своей природѣ принимать различные смыслы, а именно: 1) совсѣмъ готовыхъ, опредѣленныхъ выраженій, не измѣняющихся, подобно словамъ, входящимъ въ ихъ составъ, 2) и, главнымъ образомъ, словъ, обозначающихъ объекты, способные по самой своей природѣ послѣдовательно развиваться: классы населенія (miles, colonus, servus); учрежденія (conventus, justitia, judex); обычаи (alleu, bénéfice, élection), чувства, общеупотребительныя вещи. Неблагоразумно было бы предполагать, что всѣ эти слова имѣютъ всегда неизмѣнный смыслъ; необходимо прежде всего удостовѣриться, въ какомъ смыслѣ они употреблены въ подлежащемъ толкованію текстѣ.

„Изученіе смысла словъ,—говоритъ Фюстель-де-Куланжъ,—имѣетъ большое значеніе въ исторической наукѣ. Неправильно истолкованное выраженіе можетъ быть источникомъ большихъ ошибокъ [1]). Ему достаточно было, на самомъ дѣлѣ, примѣнить методически критику толкованія къ сотнѣ словъ, чтобы обновить изученіе эпохи меровинговъ.

IV. Проанализировавъ документъ и объяснивъ буквальный смыслъ фразъ, мы не можемъ еще быть увѣренными, что выяснена дѣйствительная мысль автора. Очень можетъ быть, что онъ употребилъ нѣкоторыя выраженія въ переносномъ смыслѣ; по самымъ разнообразнымъ мотивамъ, авторы документовъ прибѣгали къ аллегоріямъ или символамъ, шуткѣ или мистификаціи, намеку или подразумѣваемымъ словамъ, даже къ простымъ риторическимъ фигурамъ (метафорамъ, гиперболамъ и фигурѣ умолчанія) [2]). Во всѣхъ этихъ случаяхъ

---

[1]) Въ критикѣ толкованія текстовъ и проявлялась преимущественно оригинальная сторона таланта Фюстель-де-Куланжа; онъ не выполнилъ лично ни одной работы по внѣшней критикѣ, и его критика достовѣрности и точности источниковъ затруднялась уваженіемъ къ свидѣтельствамъ древнихъ, доходившемъ до легковѣрія.

[2]) Подобную же трудность представляетъ толкованіе фигурныхъ памятниковъ (figurés), которые не слѣдуетъ также понимать буквально. На Бегистанскомъ памятникѣ Дарій попираетъ ногами побѣжденныхъ вождей—это метафора. На средневѣковыхъ миніатюрахъ мы видимъ

нельзя удовлетворяться буквальнымъ смысломъ и слѣдуетъ добираться до дѣйствительнаго смысла, скрытаго добровольно авторомъ подъ неточною формою.

Вопросъ этотъ логически очень затруднителенъ, такъ какъ не существуетъ опредѣленнаго внѣшняго критерія для вѣрнаго распознаванія иносказательнаго смысла; самая сущность мистификаціи, ставшей въ XIX стол. литературнымъ родомъ, въ томъ именно и заключается, чтобы скрыть всѣ слѣды, могущіе изобличить шутку. По опыту установлено, что авторъ, ставящій себѣ главною цѣлью быть понятымъ, никогда не прибѣгаетъ къ выраженіямъ съ иносказательнымъ смысломъ; мало вѣроятности встрѣтить ихъ въ оффиціальныхъ документахъ, грамотахъ и историческихъ повѣствованіяхъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ общая форма документа позволяетъ предполагать, что онъ написанъ въ буквальномъ смыслѣ.

Напротивъ, всегда можно наткнуться на иносказательный смыслъ, если авторъ особенно не старался быть понятымъ или писалъ для публики, имѣвшей возможность понимать его намеки и подразумѣваемый смыслъ его словъ, или для посвященныхъ, которые должны были понимать его символы и фигуральныя выраженія. Такимъ способомъ написаны духовные тексты, частныя письма и всѣ литературныя произведенія, образующія собою значительную часть документовъ о древности. Искусство распознавать и объяснять скрытый смыслъ текстовъ занимало всегда видное мѣсто въ теоріи герменевтики [1]) (это греческое названіе критики толкованія) и въ экзегетикѣ (изъясненіи) священныхъ текстовъ и классическихъ авторовъ.

Многочисленные способы скрывать за непосредственнымъ смысломъ словъ и формъ рѣчи смыслъ иносказательный слишкомъ разнятся другъ отъ друга и находятся въ слишкомъ большой зависимости отъ индивидуальныхъ условій, въ силу

изображенія лицъ, лежащихъ на постели съ коронами на головахъ— это символъ королевскаго достоинства; художникъ не хотѣлъ этимъ сказать, что они спали въ коронахъ.

[1]) А. Бёкъ (Boeckh) изложилъ въ «Encyclopaedie und Methodologie der philologischen Wissenschaften», 1886 г., теорію герменевтики, на которую Э. Бернгеймъ удовольствовался одной ссылкой.

чего для выясненія ихъ нельзя установить общихъ правилъ. Можно только формулировать одно общее положеніе, что когда буквальный смыслъ нелѣпъ, безсвязенъ или теменъ, или противорѣчитъ мыслямъ автора и извѣстнымъ о немъ фактамъ, то за нимъ имѣется скрытый смыслъ.

Для выясненія скрытаго смысла слѣдуетъ употреблять тѣ же пріемы, какъ и для изслѣдованія языка автора: сравнивать мѣста текста, гдѣ находятся фразы, прикрывающія собою скрытый смыслъ, стараясь отыскать такое мѣсто, гдѣ бы текстъ позволялъ угадать его. Знаменитымъ примѣромъ такого пріема служитъ разоблаченіе аллегорическаго смысла „Звѣря“ въ Апокалипсисѣ. Но такъ какъ не существуетъ вѣрнаго метода для рѣшенія такихъ затрудненій, то не имѣютъ права утверждать, что обнаружены всѣ скрытыя намѣренія или намеки, содержащіеся въ текстѣ, и даже когда думаютъ, что нашли скрытый смыслъ, то поступятъ очень хорошо, не дѣлая никакихъ выводовъ изъ вполнѣ гадательнаго толкованія.

Слѣдуетъ также остерегаться искать повсюду аллегорическаго смысла, какъ это дѣлали неоплатоники съ произведеніями Платона или послѣдователи Сведенборга съ Библіей. Въ настоящее время отказались отъ этой гипергерменевтики, но все-таки еще не находятся въ безопасности отъ аналогичнаго стремленія искать всюду намековъ. Такое всегда гадательное изысканіе даетъ скорѣе удовлетвореніе самолюбію истолкователя, чѣмъ приводитъ къ полезнымъ для исторіи результатамъ.

V. Когда истинный смыслъ текста установленъ, процессъ положительнаго анализа считается оконченнымъ. Выводъ долженъ показать *построенія* автора, образы, бывшіе въ его умѣ, общія понятія, на основаніи которыхъ онъ представлялъ себѣ міръ. Такъ узнаются мнѣнія, догматы, знанія. Это цѣлый рядъ очень важныхъ свѣдѣній, составляющихъ группу такихъ историческихъ наукъ, какъ: исторіи различныхъ искусствъ и литературъ, исторія наукъ, исторія философскихъ и нравственныхъ доктринъ, миѳологія и исторія догматовъ (носящая неточное названіе исторіи религіозныхъ вѣрованій, такъ какъ она изучаетъ только оффиціальныя доктрины, не изслѣдуя, насколько имъ вѣрили),—исторія права, исторія оффи-

ціальныхъ учрежденій (поскольку не затрагивается вопросъ о ихъ примѣненіи на практикѣ), совокупность легендъ, традицій, мнѣній, народныхъ воззрѣній (называемыхъ неточно вѣрованіями), которыя соединяютъ подъ именемъ folklore.

Всѣ эти отрасли знанія нуждаются только во внѣшней критикѣ происхожденія и въ критикѣ толкованія; онѣ требуютъ меньшей степени обработки, чѣмъ фактическая исторія, а потому и методическое изученіе ихъ установилось быстрѣе.

Глава VII.

Отрицательная внутренняя критика достовѣрности и точности.

I. Анализъ и положительная критика истолкованія имѣютъ дѣло исключительно съ внутренней умственной работой автора историческаго документа и знакомятъ только съ его мыслями, не касаясь непосредственно внѣшнихъ фактовъ. Даже въ томъ случаѣ, когда авторъ могъ наблюдать факты, его текстъ показываетъ только, какъ онъ хотѣлъ ихъ передать, а не то, какъ онъ видѣлъ ихъ въ дѣйствительности, и еще менѣе даетъ понятіе о томъ, какъ они происходили на самомъ дѣлѣ. Съ одной стороны, авторъ могъ и не высказать того, что думалъ, потому что онъ могъ лгать; съ другой стороны, то, что онъ думалъ, не происходило непремѣнно въ дѣйствительности, такъ какъ онъ могъ ошибаться. Основательность этихъ предположеній очевидна. Тѣмъ не менѣе первое, естественное влеченіе заставляетъ насъ принимать за вѣрное всякое свидѣтельство, содержащееся въ документѣ, или иными словами, признавать, что ни одинъ авторъ никогда не лгалъ и не ошибался; и эта довѣрчивость, повидимому, очень велика, потому что она продолжаетъ существовать вопреки ежедневному опыту, убѣждающему насъ въ безчисленныхъ случаяхъ ошибокъ и лжи.

Историкамъ часто приходилось задумываться, встрѣчаясь съ документами, явно противорѣчившими другъ другу; въ виду такого противорѣчія приходилось волей-неволей сомнѣваться

въ достовѣрности сообщеній различныхъ авторовъ и, послѣ изученія, признавать ошибку или ложь; такимъ путемъ возникла необходимость отрицательной критики для устраненія изъ источниковъ ложныхъ или ошибочныхъ свидѣтельствъ. Но врожденная довѣрчивость человѣка такъ упорна, что она мѣшала до сихъ поръ даже спеціалистамъ создать такой правильно обоснованный методъ внутренней критики содержащихся въ документахъ свидѣтельствъ, какой выработанъ уже для внѣшней критики происхожденія. Не только историки въ своихъ сочиненіяхъ, но даже и теоретики историческаго метода [1]) остановились въ этомъ отношеніи на избитыхъ понятіяхъ и расплывчатыхъ формулахъ, составляющихъ поразительный контрастъ съ точной терминологіей внѣшней критики источниковъ. Они ограничиваются изслѣдованіемъ, былъ ли авторъ современникомъ событій, былъ ли онъ ихъ очевидцемъ, былъ ли онъ чистосердеченъ и хорошо освѣдомленъ, зналъ ли онъ истину и хотѣлъ ли онъ ее высказать, или даже, резюмируя все въ одну формулу, достоинъ ли онъ довѣрія.

Несомнѣнно, что и такая поверхностная критика предпочтительнѣе полнаго ея отсутствія; тѣмъ, кто ее примѣняетъ на практикѣ, она даетъ даже сознаніе неоспоримаго превосходства передъ тѣми, кто обходится совсѣмъ безъ критики; но она стоитъ на половинѣ пути между обыкновенной довѣрчивостью и научнымъ методомъ. Здѣсь, какъ во всякой наукѣ, исходной точкой должно быть методическое сомнѣніе (le doute méthodique) [2]). Все, что не доказано, должно считаться временно сомнительнымъ; прежде чѣмъ утверждать что-либо, необходимо представить доказательства. Въ примѣненіи къ историческимъ документамъ методическое сомнѣніе становится методическимъ недовѣріемъ (défiance méthodique). Историкъ дол-

---

[1]) Напр., П. де-Смедъ (Smedt), Тардифъ, Дройзенъ и даже Бернгеймъ.

[2]) Декартъ, жившій въ то время, когда исторія состояла еще изъ воспроизведеній прежнихъ повѣствованій, не находилъ возможнымъ примѣнять къ ней методическаго сомнѣнія; за то онъ отказался признать ее наукой.

женъ a priori относиться съ недовѣріемъ къ каждому свидѣтельству автора документа, такъ какъ онъ никогда не увѣренъ заранѣе, что оно не окажется лживымъ или ошибочнымъ. Оно представляетъ для него только вѣроятность. Принимать его на вѣру и повторять отъ своего имени, значитъ заявлять косвенно, что считаешь его за научную истину. Историкъ не имѣетъ права сдѣлать такого рѣшительнаго шага безъ солидныхъ основаній. Но умъ человѣческій такъ устроенъ, что часто такой шагъ дѣлаютъ, сами того не замѣчая (см. выше, кн. II, гл. I). Противъ такой опасной тенденціи у критики есть только одинъ оборонительный пріемъ. Историкъ не долженъ ждать, пока противорѣчія между свидѣтельствами различныхъ документовъ наведутъ его на сомнѣніе, онъ долженъ самъ начинать съ сомнѣнія. Онъ никогда не долженъ забывать различія между свидѣтельствомъ автора, каковъ бы онъ ни былъ, и научно установленной истиной и вполнѣ сознавать ту отвѣтственность, какую онъ беретъ на себя, когда воспроизводитъ чье-либо свидѣтельство.

Но даже рѣшивъ въ принципѣ идти наперекоръ врожденной довѣрчивости и проявлять недовѣріе, мы все-таки инстинктивно стараемся возможно скорѣе освободиться отъ этой тяжелой обязанности. По первому влеченію мы склонны обыкновенно критиковать цѣликомъ всего автора или, по крайней мѣрѣ, весь документъ, разбивать какъ авторовъ, такъ и документы на двѣ категоріи, отсылая направо овецъ и налѣво козлищъ, т. е. направо авторовъ достойныхъ довѣрія и хорошіе документы и налѣво авторовъ подозрительныхъ и плохіе документы. Послѣ этого, истощивъ весь запасъ недовѣрія, воспроизводятся уже безъ разсужденій всѣ свидѣтельства „хорошаго документа“. Соглашаясь относиться съ недовѣріемъ къ Свидѣ [1]) или Аймоину [2]), какъ къ подозрительнымъ авторамъ, передаютъ, какъ положительную истину все, что сказалъ Ѳукидидъ или Григорій Турскій [3]).

---

[1]) Свида—византійскій писатель X вѣка. *Прим. редакц.*

[2]) Аймоинъ — средневѣковый монахъ-лѣтописецъ (изъ монастыря Saint-Benoit- sur-Loire, во Франціи), жившій въ X в. *Прим. редакц.*

[3]) Самъ Фюстель-де Куланжъ не былъ свободенъ отъ этой робости · По поводу одной рѣчи, приписываемой Хлодвигу Григоріемъ Турскимъ'

Къ авторамъ историческихъ источниковъ примѣняется такимъ образомъ судебная процедура, классифицирующая свидѣтелей на правоспособныхъ и неправоспособныхъ; разъ допустивъ свидѣтелей, считаютъ себя обязанными соглашаться со всѣми ихъ показаніями, и если осмѣливаются сомнѣваться въ какомъ-либо ихъ свидѣтельствѣ, то только въ томъ случаѣ, когда для этого имѣются особенныя основанія. Инстинктивно берутъ сторону автора, котораго считаютъ достойнымъ довѣрія и въ концѣ концовъ, какъ и въ судахъ, заявляютъ, что „обязанность представить улику“ лежитъ на томъ, кто отвергаетъ законнаго свидѣтеля [1]).

Сбивчивость понятій усиливается еще болѣе благодаря заимствованному изъ юридическаго языка выраженію „подлин-

---

онъ говоритъ: «Безъ сомнѣнія, нельзя утверждать, что такія слова были дѣйствительно произнесены. Но не слѣдуетъ также идти противъ Григорія Турскаго и смѣло утверждать, что они не были произнесены .. Самое разумное признать текстъ Григорія.» Monarchie franque, стр. 66. Самое разумное, или скорѣе, самое научное признать, что неизвѣстно ничего о словахъ Хлодвига, потому что Григорій самъ не зналъ ихъ.

[1]) Одинъ изъ наиболѣе искусныхъ въ критикѣ историковъ древности, Эд. Мейеръ (Die Entstehung des Judenthums, Галле, 1896 г.), недавно еще высказалъ этотъ же странный юридическій аргументъ въ пользу повѣствованій Нееміи. Буше-Леклеркъ въ замѣчательномъ трудѣ «О царствованіи Селевка II Каллиникуса и исторической критикѣ» (Revue des Universités du Midi, апрѣль—іюнь, 1897) склоняется къ аналогичной теоріи, изъ противодѣйствія чрезмѣрно придирчивой критикѣ Нибура и Дройзена. «Изъ страха впасть въ совершенное невѣдѣніе, являющееся для исторической критики своего рода самоубійствомъ, или дать волю личной фантазіи, она должна выказывать нѣкоторую вѣру въ свидѣтельства, которыхъ она не можетъ контролировать, если они не опровергаются другими свидѣтельствами одинаковой съ ними цѣнности». Буше-Леклеркъ правъ въ отношеніи историка, который, «не признавъ никого изъ своихъ свидѣтелей, имѣетъ притязанія замѣнить ихъ и видитъ ихъ глазами совсѣмъ не то, что видѣли они сами». Но когда свидѣтельства недостаточны для научнаго знанія факта, то единственно правильнымъ является «агностицизмъ», т. е. признаніе въ своемъ невѣдѣніи; мы не имѣемъ права уклоняться отъ этого признанія на томъ основаніи, что случайно исчезли документы, противорѣчащіе этимъ свидѣтельствамъ.

ный" (authentique), относящееся въ сущности только къ происхожденію, а не къ содержанію документа; назвать документъ „подлиннымъ"—значитъ сказать только, что происхожденіе его не подлежитъ сомнѣнію, но отсюда не слѣдуетъ, что и содержаніе его заслуживаетъ довѣрія. Однако, „подлинность" документа вызываетъ къ нему извѣстное уваженіе и побуждаетъ принимать безъ разсужденій и его содержаніе. Сомнѣваться въ свидѣтельствѣ подлиннаго документа кажется самонадѣянностью и считается, по крайней мѣрѣ, обязательнымъ выждать подавляющихъ уликъ, прежде чѣмъ „заявить о подлогѣ" авторскаго свидѣтельства. Сами историки употребляютъ это выраженіе, заимствованное, по несчастію, изъ юридическаго языка.

II. Необходимо методическое сопротивленіе такимъ естественнымъ влеченіямъ. Документъ (а тѣмъ болѣе авторское произведеніе) не представляетъ собою однороднаго цѣлаго; онъ состоитъ изъ множества независимыхъ другъ отъ друга свидѣтельствъ, изъ которыхъ одни могутъ быть лживыми и ошибочными, между тѣмъ какъ другія точными и достовѣрными (и обратно), потому что каждое является продуктомъ цѣлаго ряда процессовъ, изъ которыхъ одни могутъ быть правильными, другіе неправильными. Въ виду этого недостаточно изслѣдовать документъ весь цѣликомъ (en bloc), нужно разсмотрѣть въ отдѣльности каждое содержащееся въ немъ свидѣтельство; критика можетъ производиться только съ помощью анализа.

Итакъ, внутренняя критика сводится къ двумъ главнымъ правиламъ:

1) Научная истина не устанавливается на основаніи свидѣтельства. Чтобы что-либо утверждать, нужно имѣть спеціальныя доказательства считать это истиннымъ. Возможно, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ свидѣтельство автора окажется достаточнымъ доказательствомъ для признанія истины, но этого нельзя знать заранѣе. Слѣдовательно, нужно принять за правило изслѣдовать всякое свидѣтельство съ цѣлью удостовѣриться, есть ли достаточныя основанія ему вѣрить. 2) Критиковать документъ полностью нельзя. Нужно принять за правило анализировать документъ по его составнымъ элементамъ, чтобы выдѣлить всѣ входящія въ него самостоятель-

ныя свидѣтельства и изслѣдовать каждое отдѣльно. Часто одна фраза содержитъ нѣсколько свидѣтельствъ; необходимо ихъ изолировать другъ отъ друга и критиковать каждое отдѣльно. Напр., въ актахъ о продажѣ нужно различать время, мѣсто, продавца, покупателя, предметъ, цѣну, каждое изъ условій договора.

На практикѣ такого рода критика и анализъ ведутся одновременно и, исключая документовъ, написанныхъ труднымъ языкомъ, они могутъ вестись одновременно съ анализомъ и критикой истолкованія. Понявши фразу, ее тотчасъ же анализируютъ и критикуютъ каждый изъ входящихъ въ ея составъ элементовъ. Критика, слѣдовательно, логически состоитъ изъ большого числа операцій. Описывая ихъ насколько нужно подробно, чтобы объяснить ихъ смыслъ и механизмъ, мы придадимъ имъ видъ слишкомъ медленнаго для примѣненія на практикѣ пріема. Такое впечатлѣніе производитъ неизбѣжно всякое описаніе сложнаго практическаго дѣйствія. Сравните время, нужное для описанія движенія при фехтованіи и время, необходимое для его выполненія; сравните длинноту грамматики и словаря съ быстротою чтенія. Какъ всякое практическое искусство, критика состоитъ въ привычкѣ къ нѣкоторымъ дѣйствіямъ; во время обученія, пока не пріобрѣтенъ навыкъ, приходится обдумывать отдѣльно каждый актъ, прежде чѣмъ его выполнить, и выполнять въ отдѣльности каждую операцію, вслѣдствіе чего дѣло подвигается медленно и трудно; но когда пріобрѣтенъ навыкъ, дѣйствія, ставши инстинктивными и безсознательными, дѣлаются легкими и быстрыми. Пусть, слѣдовательно, читатели не безпокоятся относительно медленности пріемовъ критики: ниже они увидятъ, какъ они сокращаются на практикѣ.

III. Итакъ, задача критики такова: передъ нами свидѣтельство, исходящее отъ человѣка, пріемы работы котораго намъ неизвѣстны, между тѣмъ какъ цѣнность свидѣтельства зависитъ исключительно отъ того, какимъ способомъ оперировалъ этотъ человѣкъ; требуется опредѣлить, правильно ли онъ дѣйствовалъ.

Самая постановка задачи показываетъ, что нельзя надѣяться на какое-либо прямое окончательное рѣшеніе: не достаетъ существенной данной—какъ оперировалъ авторъ. Критика оста-

навливается, стало быть, на косвенныхъ и временныхъ рѣшеніяхъ, ограничиваясь доставленіемъ данныхъ, требующихъ окончательной обработки.

Природный инстинктъ побуждаетъ насъ судить о цѣнности свидѣтельствъ по ихъ формѣ. Обыкновенно думаютъ, что можно съ перваго взгляда убѣдиться въ достовѣрности показаній автора и точности повѣствованія, на основаніи такъ-называемой „искренности тона“ и „впечатлѣнія правдивости“. Это почти неотразимое впечатлѣніе, но, тѣмъ не менѣе, оно представляетъ собою не что иное, какъ иллюзію. Не существуетъ никакого внѣшняго критерія достовѣрности и точности. „Искренность тона“—это кажущаяся убѣжденность; ораторъ, актеръ, привычный лжецъ легче достигнутъ его, обманывая публику, чѣмъ застѣнчивый человѣкъ, глубоко вѣрящій въ то, что онъ говоритъ. Смѣлость утвержденія не всегда доказываетъ силу убѣжденія, а только ловкость и безстыдство [1]). Точно также обиліе и точность подробностей хотя и производятъ впечатлѣніе на неопытныхъ читателей, тѣмъ не менѣе, не гарантируютъ точности фактовъ [2]): они знакомятъ только съ фантазіей автора въ томъ случаѣ, если онъ правдивъ, и съ его безстыдствомъ, если онъ лжетъ. Объ обстоятельныхъ повѣствованіяхъ часто слышится мнѣніе: „Такого рода вещи не могутъ быть вымысломъ“. Дѣйствительно, онѣ не могутъ быть вымысломъ, но онѣ легко переносятся съ одной личности на другую, а также изъ одной страны и эпохи въ иныя страны и эпохи. Никакой внѣшній характеръ документа не избавляетъ его отъ критики.

---

[1]) Мемуары Реца (Retz) даютъ въ этомъ отношеніи убѣдительный примѣръ; это—анекдотъ о привидѣніяхъ, встрѣченныхъ Рецемъ и Тюренемъ. Издатель Реца, А. Фейлле (A. Feillet, въ Collection des Grands Écrivains de la France) показалъ (т I, стр. 192), что эта, такъ живо разсказанная исторія, есть ложь отъ начала до конца.

[2]) Хорошимъ примѣромъ обаянія, которое производитъ обстоятельный разсказъ, служитъ легенда о происхожденіи союза трехъ древнѣйшихъ швейцарскихъ кантоновъ (Геслеръ и заговорщики долины Рютли), сфабрикованная въ XVI в. Чуди, ставшая классической со времени появленія «Вильгельма Телля» Шиллера, которую пришлось искоренять съ такимъ трудомъ. (См. Риллье (Rilliet), Origines de la Confédérarion suisse», Женева, 1869 г.).

Цѣнность заявленій автора зависитъ исключительно отъ условій, при которыхъ онъ работалъ. У критики нѣтъ другого средства, кромѣ изслѣдованія этихъ условій. Но нѣтъ необходимости возстановлять всѣ эти условія, достаточно отвѣтить только на одинъ вопросъ: правильно оперировалъ авторъ или нѣтъ? Къ этому вопросу можно приступить съ двухъ сторонъ.

1) Благодаря критикѣ происхожденія источниковъ часто бываютъ извѣстны о б щ і я условія, въ которыхъ дѣйствовалъ авторъ. Очень вѣроятно, что какое-нибудь изъ нихъ оказывало вліяніе на каждое изъ его отдѣльныхъ дѣйствій. Нужно, слѣдовательно, начинать съ изученія имѣющихся свѣдѣній объ авторѣ и составленіи документа, стараясь отыскать въ привычкахъ, чувствахъ, личномъ положеніи автора или въ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ творчество, всѣ мотивы, могущіе склонить его поступать неправильно, или, наоборотъ, съ исключительной правильностью. Чтобы замѣтить эти возможные мотивы, необходимо з а р а н ѣ е обратить на нихъ вниманіе. Тутъ дѣйствителенъ только одинъ пріемъ, а именно: составленіе общихъ в о п р о с н ы х ъ п у н к т о в ъ (questionnaire général) о причинахъ неправильности дѣйствій автора. Примѣняя эти вопросные пункты къ общимъ условіямъ составленія документа, обнаруживаютъ, какія изъ условій могли дѣлать пріемы автора неправильными и исказить его выводы. Но, поступая такимъ образомъ, даже въ исключительно благопріятныхъ случаяхъ, когда условія происхожденія хорошо извѣстны, получаютъ только о б щ і я указанія, недостаточныя для критики, потому что она всегда должна разсматривать каждое отдѣльное свидѣтельство.

2) Критика отдѣльныхъ свидѣтельствъ можетъ производиться только при помощи одного, до крайности парадоксальнаго пріема, а именно—изслѣдованія в с е о б щ и х ъ условій (conditions universelles) составленія документовъ. Тѣ свѣдѣнія, которыхъ не даетъ общее изученіе автора, можно найти въ знаніи необходимыхъ процессовъ дѣятельности человѣческаго ума, такъ какъ эти процессы, будучи всеобщими, должны присутствовать и въ каждомъ частномъ случаѣ. Извѣстно, напримѣръ, въ какомъ случаѣ человѣкъ склоненъ вообще добровольно искажать или извращать факты. Нужно разсмотрѣть, не дѣлалось ли

каждое показаніе при такихъ именно условіяхъ, когда можно предполагать, согласно обычнымъ наклонностямъ человѣчества, неправильность процесса творчества. Практическій пріемъ и здѣсь заключается въ составленіи вопросныхъ пунктовъ сообразно обычнымъ причинамъ неправильности. Такимъ образомъ, вся критика сводится къ составленію и заполненію двоякаго ряда вопросныхъ пунктовъ—одинъ рядъ вопросовъ имѣетъ цѣлью выяснить общія условія составленія документовъ, откуда вытекаютъ общіе мотивы довѣрія или недовѣрія, другой—дать возможность представить себѣ спеціальныя условія возникновенія каждаго отдѣльнаго свидѣтельства, изъ которыхъ вытекаютъ спеціальные мотивы довѣрія или недовѣрія. Этотъ двойной рядъ вопросовъ долженъ быть составленъ заранѣе такъ, чтобы направлять методически изслѣдованіе документа вообще и каждаго отдѣльнаго свидѣтельства въ частности; а такъ какъ вопросные пункты одинаковы для всѣхъ документовъ, то полезно установить ихъ разъ навсегда.

IV. Критическій вопросникъ (questionnaire) допускаетъ два ряда вопросовъ, соотвѣтствующихъ двумъ рядамъ процессовъ, путемъ которыхъ слагается документъ. Критика толкованія выясняетъ только то, что хотѣлъ сказать авторъ; остается выяснить: 1) что онъ дѣйствительно думалъ, потому что онъ могъ быть неискренень; 2) что онъ дѣйствительно зналъ, потому что онъ могъ ошибаться. Можно, слѣдовательно, различать критику достовѣрности (critique de sincérité), долженствующую выяснить, не лгалъ ли намѣренно авторъ, и критику точности (critique d'exactitude), цѣль которой опредѣлить, не ошибался ли онъ.

На практикѣ рѣдко встрѣчается надобность знать то, что думалъ авторъ; авторъ не интересуетъ непосредственно изслѣдователя, если только не имѣется въ виду спеціальнаго изученія его характера; вообще же онъ служитъ посредникомъ, при помощи котораго имѣется въ виду добраться до сообщаемыхъ имъ внѣшнихъ фактовъ. Цѣль критики—выяснить, точно ли передалъ эти факты авторъ. Если онъ сообщилъ неточныя свѣдѣнія, то безразлично, сдѣлалъ ли онъ это, желая солгать или по заблужденію; стараться выяснить это—значило бы безполезно осложнять изслѣдованіе. Почти нѣтъ никакого повода

заниматься отдѣльно критикой достовѣрности и можно сократить трудъ, соединивъ въ одномъ и томъ же спискѣ вопросныхъ пунктовъ всѣ мотивы неточности; но вопросы, требующіе отвѣта, для большей ясности слѣдуетъ все-таки располагать отдѣльно въ двухъ серіяхъ.

Первая серія вопросовъ поможетъ выяснить, есть ли какой-нибудь поводъ не довѣрять искренности свидѣтельства автора. Задаются вопросомъ, не находился ли авторъ въ одномъ изъ такихъ положеній, которыя побуждаютъ обыкновенно человѣка быть неискреннимъ. Нужно искать, каковы эти условія, вообще для всей совокупности документа, и въ частности для каждаго отдѣльнаго свидѣтельства. Отвѣтъ данъ опытомъ. Причиной какъ мелкой, такъ и крупной лжи служитъ особое намѣреніе автора произвести на своего читателя желательное впечатлѣніе. Такимъ образомъ, вопросные пункты сводятся къ списку намѣреній, могущихъ вообще побудить автора солгать. Вотъ самые важные случаи:

1-й *случай*. Авторъ старается обезпечить себѣ практическую выгоду; онъ хочетъ обмануть читателя документа съ цѣлью побудить его на какой-либо поступокъ или, напротивъ, отклонить отъ того или иного поступка; онъ умышленно сообщаетъ ложное свѣдѣніе, потому что ложь въ его интересахъ. Съ такимъ случаемъ приходится встрѣчаться въ большинствѣ оффиціальныхъ актовъ. Даже въ документахъ, составленныхъ безъ практическаго побужденія, всякое корыстное свидѣтельство можетъ оказаться ложнымъ. Чтобы выяснить, какія свидѣтельства подозрительны, слѣдуетъ задаться вопросомъ, какова *могла* быть вообще цѣль автора при написаніи документа въ его цѣломъ и въ частности при составленіи каждаго отдѣльнаго свидѣтельства, входящаго въ составъ документа. Отыскивая, какая выгода могла быть автору солгать, надо остерегаться, какъ бы не впасть въ заблужденіе и не приписать автору того интереса, какой *мы сами* имѣли бы на его мѣстѣ; слѣдуетъ, напротивъ, стараться выяснить, какую выгоду авторъ *самъ* видѣлъ въ своей лжи, а для этого нужно справляться съ его вкусами и идеаломъ. Съ другой стороны, не слѣдуетъ вдаваться въ крайность и принимать въ разсчетъ только *личную* выгоду автора; нужно предусматривать, что

авторъ могъ дать ложное свидѣтельство въ видахъ коллективной выгоды. Здѣсь-то и кроется одно изъ затрудненій для критики.

Авторъ является одновременно членомъ многихъ группъ: семьи, провинціи, отечества, религіозной секты, политической партіи, общественнаго класса,—группъ, имѣющихъ зачастую противоположные интересы; нужно, слѣдовательно, умѣть выдѣлить группу, наиболѣе интересовавшую автора, для которой онъ работалъ.

2-й случай. Авторъ былъ поставленъ въ положеніе, вынуждавшее его лгать. Это случается каждый разъ, когда авторъ, будучи поставленъ въ необходимость составить документъ согласно установившимся законамъ или привычкамъ, находился въ условіяхъ, въ чемъ-нибудь имъ противорѣчившихъ; ему приходилось тогда утверждать, что онъ дѣйствовалъ въ нормальныхъ условіяхъ, а, слѣдовательно, дѣлать ложное заявленіе по всѣмъ пунктамъ, гдѣ онъ не соблюдалъ узаконенныхъ формъ. Почти въ каждомъ протоколѣ есть нѣкоторая незначительная ложь относительно дня или часа, относительно мѣста, относительно числа или именъ присутствовавшихъ. Мы всѣ были свидѣтелями, если только не принимали въ нихъ сами участія, нѣкоторыхъ изъ такихъ мелкихъ фальсификацій. Но мы совсѣмъ забываемъ о нихъ, когда дѣло идетъ о критикѣ документовъ прошлаго. Признаніе подлинности документа содѣйствуетъ поддержанію иллюзіи; подлинность инстинктивно принимается за синонимъ достовѣрности. Строгія правила, предписываемыя при составленіи всякаго подлиннаго документа, кажутся гарантіей его достовѣрности; но они являются, напротивъ, поощреніемъ лжи, не относительно сущности фактовъ, но относительно второстепенныхъ обстоятельствъ. Изъ того, что какое-нибудь лицо подписываетъ актъ, можно заключить, что оно съ нимъ согласно, но нельзя заключать, что оно дѣйствительно присутствовало въ тотъ часъ, когда актъ указываетъ на его присутствіе.

3-й случай. Авторъ питалъ симпатію или антипатію къ какой-либо группѣ людей (націи, партіи, сектѣ, провинціи, городу, семьѣ) или къ совокупности доктринъ и учрежденій (религіи, философіи, политической сектѣ), побуждавшую его извращать факты ради того, чтобы выставить въ благопріятномъ

свѣтѣ своихъ друзей и въ неблагопріятномъ своихъ противниковъ. Это общія настроенія, дѣйствующія на всѣ свидѣтельства автора; къ тому же они настолько очевидны, что древніе дали даже имъ спеціальныя названія (studium и odium); съ древности у историковъ стало общимъ мѣстомъ увѣреніе, что они избѣжали и того и другого.

4-й случай. Авторъ былъ вызванъ на ложь личнымъ или групповымъ тщеславіемъ, съ цѣлью преувеличить значеніе своей личности или своей группы. Онъ дѣлалъ заявленія, способныя, по его мнѣнію, произвести на читателя впечатлѣніе, что онъ и его группа обладаютъ достойными уваженія качествами. Нужно, въ виду этого, изслѣдовать, не лежитъ ли въ основаніи свидѣтельствъ автора тщеславіе; но при этомъ не слѣдуетъ судить о тщеславіи автора съ своей собственной точки зрѣнія или съ точки зрѣнія нашихъ современниковъ. Предметъ тщеславія не вездѣ одинъ и тотъ же; надо, слѣдовательно, выяснить, на что направлено было тщеславіе автора; очень можетъ быть, что онъ лжетъ съ цѣлью приписать себѣ и своимъ поступки, могущіе показаться намъ позорными. Карлъ IX хвалился ложно тѣмъ, что подготовилъ Варѳоломеевскую ночь. Однако, есть свойственная всѣмъ причина тщеславія, а именно желаніе казаться занимающимъ высокое положеніе и играющимъ важную роль. Нужно, слѣдовательно, всегда относиться съ недовѣріемъ къ свидѣтельству, приписывающему автору или его группѣ значительное положеніе въ обществѣ [1]).

5-й случай. Авторъ хотѣлъ нравиться публикѣ или, по крайней мѣрѣ, старался не произвести непріятнаго на нее впечатлѣнія. Онъ выражалъ чувства и мысли, согласныя съ нравственностью или обычаями своей публики; онъ искажалъ факты, вопреки своему личному представленію о нихъ, примѣнительно къ ея страстямъ и предразсудкамъ. Самыми яркими типами такой лжи служатъ формы церемоніала, торжественныя слова, заявленія, предписываемыя этикетомъ, торжественныя привѣтствія, оффиціальныя формулы вѣжливости. Содержащіяся въ

---

[1]) Поразительные примѣры лжи ради тщеславія наполняютъ «Économies royales» Сюлли и мемуары Реца.

нихъ свидѣтельства такъ подозрительны, что изъ нихъ нельзя извлекать никакихъ свѣдѣній о передаваемыхъ фактахъ. Мы всѣ хорошо это знаемъ, когда дѣло касается современныхъ формулъ, употребляющихся ежедневно на нашихъ глазахъ, но часто забываемъ при критикѣ документовъ, въ особенности относящихся къ эпохамъ, бѣднымъ свидѣтельствами. Никому, конечно, не придетъ въ голову искать проявленія истинныхъ чувствъ человѣка въ увѣреніяхъ въ уваженіи, приписываемыхъ имъ въ концѣ писемъ. Между тѣмъ долгое время вѣрили въ смиреніе нѣкоторыхъ средневѣковыхъ духовныхъ сановниковъ, потому что въ день ихъ избранія они начинали съ отказа отъ предложеннаго сана, заявляя, что недостойны принять его, пока не убѣдились, наконецъ, путемъ сравненія, что такой отказъ былъ простымъ требованіемъ приличія. И теперь еще есть ученые, склонные искать, подобно бенедиктинцамъ XVIII столѣтія, въ оффиціальныхъ формулахъ канцелярій какого-либо государя свѣдѣній о его благочестіи или щедрости [1]).

Чтобы распознать эти увѣренія, требовавшіяся приличіями, необходимо двоякаго рода изслѣдованіе: одно, относящееся къ автору, и имѣющее цѣлью выяснить, къ какой публикѣ онъ обращался, такъ какъ въ каждой странѣ есть нѣсколько публикъ, стоящихъ одна надъ другою или тѣсно сплоченныхъ между собою, изъ которыхъ у каждой есть свой кодексъ морали и правилъ приличія; и другое, относящееся къ публикѣ и имѣющее цѣлью опредѣлить, въ чемъ состояли ея мораль и обычаи.

6-й случай. Авторъ старался понравиться публикѣ, пользуясь извѣстными литературными ухищреніями; онъ извращалъ факты, стараясь сдѣлать ихъ болѣе прекрасными, согласно

[1]) Даже самъ Фюстель-де Куланжъ видѣлъ въ формулахъ надписей въ честь императоровъ доказательство, что населеніе любило императорскій режимъ. «Пусть читаютъ надписи: въ нихъ всегда проявляется чувство удовлетворенности и признательности... Просмотрите сборникъ д'Орелли. Всего чаще встрѣчаются тамъ такія выраженія...» Перечисленіе титуловъ, выражающихъ уваженіе къ императорамъ, заканчивается такимъ, приводящимъ въ замѣшательство, афоризмомъ: «Думать, что во всемъ этомъ нѣтъ ничего, кромѣ лести, значило бы плохо знать человѣческую натуру». Это даже и не лесть, это только формулы.

своему представленію о красотѣ. Чтобы остерегаться мѣстъ, искаженныхъ согласно этому идеалу, надо изучить идеалъ автора и его времени. Можно, впрочемъ, заранѣе намѣтить обычные роды литературныхъ искаженій. Ораторское искаженіе состоитъ въ приписываніи дѣйствующимъ лицамъ благородныхъ положеній, поступковъ, чувствъ и въ особенности благородныхъ рѣчей; это естественное стремленіе молодыхъ людей, начинающихъ упражняться въ писательскомъ искусствѣ, и полуварварскихъ еще писателей; это общій недостатокъ всѣхъ средневѣковыхъ лѣтописцевъ [1]). Эпическое искаженіе прикрашиваетъ повѣствованіе, пополняя его живописными подробностями, рѣчами и цифрами и иногда даже именами дѣйствующихъ лицъ; такое искаженіе очень опасно, потому что обиліе подробностей создаетъ иллюзію правдивости [2]). Драматическое искаженіе заключается въ группировкѣ фактовъ съ цѣлью увеличить ихъ драматизмъ, сосредоточивая его на одномъ моментѣ, на одномъ лицѣ или одной группѣ разбросанныхъ фактовъ. Это самое опасное искаженіе,—искаженіе историковъ-художниковъ, Геродота, Тацита, итальянцевъ эпохи Возрожденія. Лирическое искаженіе преувеличиваетъ чувства и ощущенія автора и его друзей съ тѣмъ, чтобы придать имъ большую интенсивность; его нужно принимать въ соображеніе при изслѣдованіяхъ, имѣющихъ цѣлью возстановить психологію того или иного лица.

Литературное искаженіе мало коснулось архивныхъ документовъ (хотя съ нимъ и приходится встрѣчаться въ большей части грамотъ XI в.), но оно глубоко проникло во всѣ литературные памятники, въ томъ числѣ и въ повѣствованія историковъ. Между тѣмъ человѣкъ по природѣ больше склоненъ вѣрить талантливымъ писателямъ и легче соглашается съ свидѣтельствомъ, выраженнымъ въ красивой формѣ. Критикъ долженъ противодѣйствовать этой склонности, придерживаясь парадоксальнаго правила, что съ тѣмъ большимъ недовѣріемъ слѣдуетъ относиться къ свидѣтельству, чѣмъ бо́льшій интересъ

---

[1]) Образцомъ можетъ служить Сугерій въ «Vie de Louis VI».
[2]) Поразительнымъ примѣромъ является «Chronicon Helveticum» Чуди.

оно представляетъ съ художественной точки зрѣнія [1]). Ко всякому очень картинному и вмѣстѣ съ тѣмъ очень драматическому повѣствованію, гдѣ дѣйствующія лица принимаютъ благородныя положенія или обнаруживаютъ слишкомъ возвышенныя чувства, нужно относиться съ большою осторожностью.

Только что намѣченный первый рядъ вопросовъ дастъ предварительный результатъ, указывающій, какія свидѣтельства имѣютъ шансы быть ложными.

V. Второй рядъ вопросовъ поможетъ изслѣдовать, есть ли поводъ не довѣрять точности свидѣтельствъ. Не находился ли авторъ въ условіяхъ, вовлекающихъ человѣка въ ошибку? Здѣсь, какъ и въ вопросѣ о достовѣрности, слѣдуетъ разсмотрѣть эти условія вообще для всей совокупности документа и въ частности для каждаго изъ отдѣльныхъ его свидѣтельствъ.

Опытъ экспериментальныхъ наукъ показываетъ намъ условія точнаго знанія фактовъ. Для знанія факта существуетъ только одинъ научный пріемъ — наблюденіе (observation); необходимо, слѣдовательно, чтобы каждое свидѣтельство прямо или косвенно основывалось на наблюденіи и чтобы само наблюденіе было произведено правильно.

Вопросные пункты относительно поводовъ къ ошибкѣ могутъ быть составлены на основаніи опыта, выясняющаго намъ самые обычные случаи ошибокъ.

1-й случай. Авторъ занималъ положеніе, дававшее ему возможность наблюдать фактъ, и вообразилъ себѣ, что онъ дѣйствительно его наблюдалъ; но ему помѣшала сдѣлать это какая-нибудь внутренняя причина, которой онъ не сознавалъ: галлюцинація, иллюзія или простой предразсудокъ. Безполезно (да сверхъ того было бы и невозможно) опредѣлить, какая именно изъ этихъ причинъ дѣйствовала; достаточно выяснить только, склоненъ ли былъ вообще авторъ плохо наблюдать. Распознать, было ли извѣстное показаніе результатомъ галлю-

---

[1]) Два разительныхъ примѣра той силы, съ какою великіе писатели парализуютъ критику и вносятъ смуту въ знаніе фактовъ, представляютъ Аристофанъ и Демосѳенъ. Только въ концѣ XIX в. нашли, наконецъ, въ себѣ смѣлость откровенно сознаться въ недостаткѣ у нихъ достовѣрности.

цинаціи или иллюзіи—совершенно немыслимо. Въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ удается самое бо́льшее узнать, путемъ сравненій или справокъ, что у автора имѣется о б щ а я склонность къ такого рода заблужденіямъ.

Существуетъ гораздо больше шансовъ распознать, не явилось ли извѣстное показаніе продуктомъ предразсудка. Въ жизни или произведеніяхъ автора всегда остается слѣдъ его господствующихъ предразсудковъ; критикуя каждое отдѣльное свидѣтельство автора, слѣдуетъ задаваться вопросомъ, не есть ли оно продуктъ его предвзятаго взгляда на извѣстный родъ людей или извѣстный родъ фактовъ. Это изслѣдованіе сливается отчасти съ изслѣдованіемъ о причинахъ лжи: корысть, тщеславіе, симпатія или антипатія порождаютъ предубѣжденія, столь же вредящія истинѣ, какъ и сознательная ложь. Здѣсь, слѣдовательно, можно ограничиться тѣми же вопросами, какіе ставились для выясненія достовѣрности свидѣтельствъ, содержащихся въ историческихъ документахъ. Ихъ нужно пополнить только однимъ лишнимъ вопросомъ, а именно: не былъ ли авторъ вызванъ невольно на искаженіе при формулировкѣ извѣстнаго показанія въ силу того, что ему приходилось отвѣчать на заранѣе поставленный вопросъ? Это относится ко всѣмъ свидѣтельствамъ, добытымъ путемъ слѣдствія, допроса, истязанія. Даже помимо тѣхъ случаевъ, когда допрашиваемый старается угодить допрашивающему, отвѣчая то, что, по его мнѣнію, должно быть послѣднему пріятно, всякій вопросъ самъ по себѣ подсказываетъ отвѣтъ или, по крайней мѣрѣ, дѣлаетъ необходимымъ ввести факты въ заранѣе намѣченную рамку кѣмъ-то, не видавшимъ самыхъ фактовъ. Нужно, слѣдовательно, подвергать спеціальной критикѣ каждое показаніе, полученное путемъ допроса, разсматривая, какъ былъ поставленъ вопросъ и какое предубѣжденіе онъ могъ породить въ умѣ того, кому приходилось на него отвѣчать.

2-й с л у ч а й. Авторъ находился въ невыгодномъ для наблюденія положеніи. Наука выяснила уже условія правильнаго наблюденія: наблюдатель долженъ находиться въ такомъ положеніи, чтобы видѣть вѣрно, не долженъ руководиться никакими практическими соображеніями, никакимъ желаніемъ достигнуть заранѣе намѣченнаго вывода, никакой предвзятой мыслью о

выводѣ. Онъ долженъ отмѣчать свои наблюденія въ тотъ самый моментъ, когда они совершаются, по точно установленной системѣ и долженъ въ точности указать свой методъ наблюденія. Эти условія, предписываемыя опытными науками, никогда не выполнялись вполнѣ авторами историческихъ документовъ.

Безполезно, слѣдовательно, и спрашивать, были ли шансы на неправильность наблюденія: они есть всегда (этимъ именно и отличается свидѣтельство документа отъ наблюденія). Историку приходится только изслѣдовать очевидныя причины ошибки при извѣстныхъ условіяхъ наблюденія: 1) когда наблюдавшій былъ въ такомъ мѣстѣ, откуда онъ не могъ хорошо видѣть или слышать (напр., низшій служащій, который берется разсказать о тайныхъ совѣщаніяхъ совѣта сановниковъ); 2) когда вниманіе наблюдавшаго сильно отвлекалось необходимостью дѣйствовать (напр., на полѣ битвы) или 3) когда онъ слѣдилъ недостаточно внимательно за происходившимъ, потому что наблюдавшіеся факты его не интересовали; 4) когда наблюдавшему не доставало спеціальной опытности или общаго развитія для пониманія фактовъ; 5) когда онъ плохо анализировалъ свои впечатлѣнія и смѣшивалъ различные факты. Главнымъ же образомъ необходимо слѣдить за тѣмъ, когда онъ отмѣчалъ то, что видѣлъ или слышалъ. Это самый важный пунктъ: единственно точнымъ наблюденіемъ является то, которое заносится немедленно же; впечатлѣніе, записанное позднѣе, представляетъ собою уже не наблюденіе, а воспоминаніе, имѣвшее массу шансовъ перепутаться въ памяти съ другими воспоминаніями. Мемуары, писавшіеся много лѣтъ спустя послѣ событій, а нерѣдко даже въ концѣ жизни автора, вносили въ исторію безчисленныя заблужденія. Слѣдуетъ поставить себѣ за правило относиться къ мемуарамъ съ особымъ недовѣріемъ, какъ къ второстепеннымъ свидѣтельствамъ, несмотря на то, что они имѣютъ видъ свидѣтельствъ современниковъ.

3-й случай. Авторъ утверждаетъ факты, которые онъ могъ бы наблюдать, но не далъ себѣ труда на нихъ посмотрѣть. По лѣности или небрежности, онъ сообщилъ свѣдѣнія, основываясь на предположеніи или на авось, оказавшіяся очень ложными. Такая причина искаженія, встрѣчающаяся очень часто,

хотя этого и не предполагаютъ, можетъ быть заподозрѣна во всѣхъ случаяхъ, когда авторъ былъ вынужденъ для выполненія плана добыть мало интересовавшія его свѣдѣнія. Къ такого рода искаженіямъ относятся всѣ отвѣты на запросы властей (достаточно только посмотрѣть, какъ составляется въ наши дни большинство оффиціальныхъ изслѣдованій) и подробныя повѣствованія о публичныхъ церемоніяхъ или актахъ. Искушеніе составить такое повѣствованіе согласно заранѣе извѣстной программѣ или по обычному порядку совершенія акта, очень велико. Сколько отчетовъ о всевозможнаго рода засѣданіяхъ печатается репортерами, не присутствовавшими ни на одномъ изъ нихъ! Аналогичные вымыслы подозрѣваютъ и считаютъ даже доказанными у средневѣковыхъ лѣтописцевъ [1]). Должно, слѣдовательно принять за правило не довѣрять повѣствованіямъ, черезчуръ согласнымъ съ формулами.

4-й случай. Утверждаемый фактъ по самой своей природѣ таковъ, что не можетъ быть познанъ только путемъ наблюденія. Таковъ скрытый фактъ (напримѣръ, тайна алькова), внутреннее состояніе котораго нельзя видѣть, чувство, побужденіе, душевное колебаніе. Таковъ фактъ коллективный, очень растянутый и продолжительный, напр., дѣйствіе, общее цѣлой арміи, обычай, свойственный цѣлому народу или цѣлому столѣтію, статистическая цифра, добытая сложеніемъ безчисленныхъ единицъ, общее мнѣніе о характерѣ человѣка, группы, обычая, событія. Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ итогами или слѣдствіями наблюденій: авторъ не могъ получить ихъ непосредственно и пришелъ къ нимъ, исходя изъ данныхъ наблюденій, обработанныхъ путемъ логическихъ процессовъ, абстракціи, обобщенія, разсужденія, вычисленія. Здѣсь нужно отвѣтить на два вопроса: работалъ ли авторъ, имѣя въ своемъ распоряженіи достаточныя данныя? Не оперировалъ ли онъ надъ своими данными неправильно?

Относительно вѣроятныхъ погрѣшностей автора можно имѣть общія свѣдѣнія; изучая его произведеніе, можно видѣть, какъ онъ оперировалъ, умѣлъ ли онъ абстрагировать,

---

[1]) Напримѣръ, повѣствованіе объ избраніи Оттона I въ Gesta Ottonis Витукинда.

разсуждать, обобщать и какія сдѣлалъ онъ ошибки. Для выясненія достоинства данныхъ слѣдуетъ критиковать каждое показаніе отдѣльно: нужно вообразить себѣ условія, въ которыхъ находился авторъ, и задаться вопросомъ, могъ ли онъ добыть себѣ данныя, нужныя для его показанія. Осторожность необходима по отношенію ко всѣмъ большимъ числамъ и всѣмъ описаніямъ народныхъ обычаевъ, потому что всегда есть вѣроятность, что авторъ получилъ свою цифру при помощи гадательнаго исчисленія (обычный случай для числа сражавшихся или мертвыхъ) или, соединяя отдѣльныя цифры, далеко не всѣ точныя; есть также вѣроятность, что онъ распространилъ на цѣлый народъ, на цѣлую страну, на цѣлый періодъ то, что было вѣрно только относительно небольшой извѣстной ему группы [1]).

VI. Перечисленныя выше двѣ первыя серіи вопросовъ о достовѣрности и точности свидѣтельствъ документа, предполагаютъ, что авторъ самъ наблюдалъ фактъ. Это общее условіе наблюденій во всѣхъ экспериментальныхъ наукахъ. Но въ исторіи бѣдность непосредственныхъ наблюденій, даже несовершеннымъ образомъ выполненныхъ, такъ велика, что приходится извлекать пользу изъ документовъ, которыми не захотѣла бы пользоваться никакая другая наука [2]). Возьмите наудачу повѣствованіе, даже современника, и вы увидите, что наблюдавшіеся авторомъ факты образуютъ всегда только часть цѣлаго. Почти въ каждомъ документѣ большая часть показаній исходитъ не непосредственно отъ автора, а воспроизводитъ свидѣтельства другого. Генералъ, разсказывая даже о сраженіи, которымъ самъ руководилъ, сообщаетъ не свои собственныя наблюденія, а наблюденія своихъ офицеровъ: его разсказъ является уже въ значительной мѣрѣ „документомъ изъ вторыхъ рукъ“ [3]).

---

[1]) Напримѣръ, цифры о населеніи, торговлѣ и богатствѣ европейскихъ странъ, сообщенныя венеціанскими послами XVI в. и описанія обычаевъ германцевъ въ Germania Тацита.

[2]) Интересно посмотрѣть, что бы осталось отъ римской исторіи и исторіи меровинговъ, если бы относительно ихъ стали пользоваться только документами, представляющими непосредственное наблюденіе.

[3]) Этимъ объясняется, почему мы не опредѣляли и не изучали отдѣльно «свидѣтельствъ изъ первыхъ рукъ». Дѣло въ томъ, что вопросъ

Для критики подобнаго рода свидѣтельствъ недостаточно изслѣдовать только условія, сопровождавшія работу автора документа, такъ какъ авторъ является въ данномъ случаѣ лишь передаточнымъ орудіемъ; истинный авторъ утвержденія тотъ, кто далъ ему то или иное свѣдѣніе. Нужно, слѣдовательно, перемѣнить почву критики и задаться вопросомъ, правильно ли оперировало лицо, доставившее свѣдѣніе; а если оно добыло свое свѣдѣніе отъ третьяго лица, что случается всего чаще, то необходимо переходить отъ одного посредника къ другому въ поискахъ за первымъ лицомъ, пустившимъ въ свѣтъ данное показаніе, и задаться вопросомъ, было ли это лицо исправнымъ наблюдателемъ.

Логически такой розыскъ наблюдателя источника (observateur-source) не представляется немыслимымъ; древніе сборники арабскихъ преданій даютъ, напримѣръ, рядъ послѣдовательныхъ ручательствъ за достовѣрность передачи этихъ преданій, но на практикѣ почти всегда не достаетъ данныхъ, позволяющихъ добраться до наблюдателя: наблюдатель остается анонимомъ. Тогда на сцену выступаетъ общій вопросъ: какъ производить критику анонимнаго показанія? Дѣло касается не только „анонимныхъ документовъ", составленныхъ прямо неизвѣстнымъ авторомъ, но также и извѣстнаго автора съ цѣлью выясненія неизвѣстнаго источника его утвержденій.

Критика дѣйствуетъ, мысленно воспроизводя условія труда автора; имѣя же дѣло съ анонимнымъ свидѣтельствомъ, ей почти не за что ухватиться. Она можетъ воспользоваться только однимъ пріемомъ: изучить общій характеръ документа. Можно разсмотрѣть, нѣтъ ли черты, общей всѣмъ показаніямъ доку-

---

былъ плохо поставленъ историками. Различіе должно бы относиться къ показаніямъ, а не къ документамъ. Существуютъ показанія изъ первыхъ, вторыхъ и третьихъ рукъ, а не документы. То, что называютъ «документомъ изъ первыхъ рукъ», почти всегда состоитъ отчасти изъ свидѣтельствъ, полученныхъ изъ вторыхъ рукъ относительно фактовъ, которыхъ самъ авторъ не зналъ. Документомъ изъ вторыхъ рукъ называютъ такой, въ которомъ не содержится ничего изъ первыхъ рукъ; таковъ, напр., Титъ Ливій; но это очень грубое различіе, недостаточное для того, чтобы руководить критикой свидѣтельствъ

мента, указывающей, что всѣ они исходятъ отъ людей, обладающихъ одинаковыми предразсудками или одинаковыми страстями; въ этомъ случаѣ передача фактовъ, которой придерживается авторъ, носитъ извѣстную „окраску"; преданіе, записанное Геродотомъ, носитъ аѳинскій и дельфійскій отпечатокъ. Въ данномъ случаѣ, относительно каждаго факта нужно задаваться вопросомъ, не былъ ли онъ искаженъ изъ расчета, тщеславія или благодаря предразсудкамъ извѣстной группы. Можно также задаться вопросомъ, не принимая даже во вниманіе автора, былъ ли какой-либо поводъ для искаженія или, наоборотъ, какой-нибудь поводъ наблюдать правильно, свойственный всѣмъ людямъ извѣстнаго времени или страны, гдѣ должно было производиться наблюденіе, напримѣръ, каковы были у грековъ пути для полученія свѣдѣній и предразсудки относительно скиѳовъ во времена Геродота.

Изъ всѣхъ этихъ общихъ справокъ самая полезная относится къ передачѣ анонимныхъ свидѣтельствъ, называемыхъ преданіемъ (tradition). Всякое свидѣтельство, исходящее изъ вторыхъ рукъ, представляетъ цѣнность только постольку, поскольку оно воспроизводитъ свой первоначальный источникъ; все то, что оно къ нему добавляетъ, представляетъ собою искаженіе и должно быть устранено; точно такъ же всѣ посредствующіе источники имѣютъ значеніе только какъ копіи оригинальнаго свидѣтельства, явившагося непосредственнымъ результатомъ наблюденія. Критикѣ необходимо знать, сохранили ли эти послѣдовательныя передачи въ неприкосновенности или исказили первоначальное свидѣтельство и въ особенности было ли передаваемое документомъ преданіе письменное или устное. Письмо закрѣпляетъ свидѣтельство и дѣлаетъ передачу его вѣрной; напротивъ, устное свидѣтельство остается впечатлѣніемъ, подверженнымъ искаженію даже въ памяти самого наблюдателя, путемъ смѣшенія съ другими впечатлѣніями; переходя устно отъ одного лица къ другому, оно искажается при каждой новой передачѣ [1]) и, такъ какъ оно

[1]) Искаженіе угрожаетъ въ меньшей степени впечатлѣніямъ, облеченнымъ въ правильную или разительную форму, стихамъ, правиламъ, пословицамъ,

искажается по самымъ разнообразнымъ причинамъ, нѣтъ возможности ни выяснить значенія искаженія, ни выправить его.

Устное преданіе, по самой своей природѣ, является безпрерывнымъ искаженіемъ; въ виду этого экспериментальныя науки не признаютъ иной передачи, кромѣ писанной. У историковъ нѣтъ основательной причины поступать иначе, по крайней мѣрѣ, когда дѣло касается установленія частнаго факта. А потому слѣдуетъ отыскивать въ писанныхъ документахъ свидѣтельства, дошедшія путемъ устной передачи, чтобы держать ихъ въ подозрѣніи. Получить на этотъ счетъ свѣдѣнія прямымъ путемъ очень трудно, потому что авторы, черпавшіе свѣдѣнія изъ устныхъ преданій, неохотно въ этомъ признаются [1]). Приходится прибѣгать къ косвеннымъ путямъ, а именно: констатировать, что въ извѣстный моментъ не *могло* быть писанной передачи даннаго факта, послѣ чего станетъ ясно, что фактъ могъ дойти до автора только путемъ устнаго преданія. Въ виду этого приходится задаться вопросомъ: существовалъ ли обычай записывать подобнаго рода факты у людей данной эпохи? Если отвѣтъ получится отрицательный, то это будетъ значить, что фактъ дошелъ до автора путемъ устной передачи.

Самую разительную форму устнаго преданія представляетъ *легенда*. Она возникаетъ въ группѣ людей, не владѣющихъ другимъ способомъ передачи, кромѣ слова, въ варварскихъ обществахъ или мало культурныхъ классахъ, среди крестьянъ, солдатъ. Тогда вся *совокупность* фактовъ передается устно и принимаетъ легендарную форму. У каждаго народа въ началѣ существованія есть легендарный періодъ: въ Греціи, въ Римѣ, у всѣхъ германскихъ и славянскихъ народовъ самыя отдаленныя воспоминанія образуютъ рядъ легендъ. Въ циви-

---

[1]) Объ этомъ предупреждаетъ иногда *форма* фразы, когда среди подробныхъ повѣствованій, очевидно легендарнаго происхожденія, встрѣчается короткое и сухое упоминаніе, написанное лѣтописнымъ стилемъ, явно скопированное съ писаннаго документа. На это можно наткнуться у Тита Ливія (см. Нитчъ (Nitzsch), *Die römische Annalistik*... Лейпцигъ, 1873) и у Григорія Турскаго (см. Лёбель (Loebell), *Gregor von Tours*, Лейпцигъ, 1868).

лизованныя эпохи народъ продолжаетъ имѣть свою народную легенду о поражающихъ его событіяхъ [1]). Легенда исключительно устное преданіе.

Даже послѣ того какъ народъ выйдетъ уже изъ легендарнаго періода и начнетъ записывать событія своей жизни, устное преданіе не перестаетъ существовать; но область его суживается, оно ограничивается только незаписанными фактами: либо тайными по своему характеру, либо такими, которые не стоитъ труда записывать: интимными дѣлами, словами, подробностями событій. Это уже анекдотъ; его прозвали „легендой цивилизованныхъ". Онъ складывается, какъ и легенда, изъ сбивчивыхъ воспоминаній, намековъ, ошибочныхъ толкованій, всевозможнаго происхожденія вымысловъ, относящихся къ нѣкоторымъ личностямъ или событіямъ.

Легенды и анекдоты являются по существу народными воззрѣніями, приписанными произвольно историческимъ лицамъ; они составляютъ часть folklor'a, но не исторіи [2]). Необходимо, слѣдовательно, энергично противостоять искушенію разсматривать легенду, какъ смѣшеніе точныхъ и ошибочныхъ фактовъ, изъ котораго путемъ анализа можно выдѣлить „частицы" исторической истины. Легенда представляетъ собою смѣсь, гдѣ есть, быть можетъ, нѣкоторая частица истины; можно даже анализировать ея составные элементы, но нѣтъ никакого средства распознать, взяты ли эти элементы изъ дѣйствительности или созданы воображеніемъ. Это, по выраженію Нибура, „миражъ, порождаемый невидимымъ предметомъ, согласно неизвѣстному закону преломленія".

---

[1]) Событія, поражающія воображеніе народа и передающіяся путемъ легенды, обыкновенно не относятся къ тѣмъ, которыя кажутся намъ самыми важными. Герои Chansons de gestes едва извѣстны исторіи. Эпическія бретонскія пѣсни относятся не къ крупнымъ историческимъ событіямъ, какъ заставлялъ думать сборникъ Вилльмарке, а къ неизвѣстнымъ мѣстнымъ эпизодамъ. Тоже самое можно сказать и о скандинавскихъ сагахъ: онѣ относятся, въ большинствѣ случаевъ, къ спорамъ между поселянами Исландіи и Аркадскихъ острововъ.

[2]) Теорія легенды одна изъ самыхъ разработанныхъ частей критики. Э. Бернгеймъ (цит. сочин., стр. 380—90) хорошо ее резюмируетъ и даетъ ея библіографію.

Самый примитивный пріемъ анализа заключается въ удаленіи изъ легендарнаго разсказа подробностей, кажущихся невозможными, чудесными, противорѣчивыми или абсурдными и признаніи за историческое разумныхъ остатковъ. Такъ поступали протестанты-раціоналисты въ XVIII в. съ библейскими разсказами, такъ же слѣдовало бы отбросить чудесное изъ волшебной сказки, уничтожить кота въ сапогахъ и сдѣлать такимъ путемъ изъ маркиза Караба историческую личность. Болѣе утонченный, но не менѣе опасный методъ состоитъ въ сличеніи различныхъ легендъ, съ цѣлью выяснить ихъ общее историческое основаніе. Гротъ [1]), изучая греческія сказанія, доказалъ невозможность извлечь какимъ бы то ни было методомъ изъ легенды какое-либо вѣрное свѣдѣніе [2]). Нужно примириться со взглядомъ на легенду, какъ на продуктъ народнаго воображенія; на основаніи ея можно знакомиться съ воззрѣніями народа, но не съ внѣшними фактами, совершавшимися передъ глазами послѣдняго. Итакъ, при изученіи исторіи должно считаться правиломъ устраненіе всякаго свидѣтельства легендарнаго происхожденія; при этомъ нельзя ограничиваться только повѣствованіями легендарной формы; слѣдуетъ отбрасывать также и повѣствованія по виду историческаго характера, но составленныя по легендарнымъ даннымъ, въ родѣ первыхъ главъ Ѳукидида.

Въ случаѣ писанной передачи приходится выяснить, воспроизвелъ ли авторъ свой источникъ безъ искаженія. Такое изслѣдованіе входитъ въ критику источниковъ [3]), насколько возможно воспользоваться сравненіемъ текстовъ, но когда источникъ исчезъ, возможна лишь одна внутренняя критика. Прежде всего ставится вопросъ: могъ ли имѣть авторъ точныя

---

[1]) «Histoire de la Grèce», фр перев., т. II. Можно сравнить Ренана «Histoire du peuple d' Israël» т. I, Парижъ, 1879 г. Введеніе.

[2]) Это не помѣшало Нибуру составить на основаніи римской легенды цѣлую теорію о борьбѣ патриціевъ съ плебеями, отъ которой пришлось отказаться, а также Курціусу искать, двадцать лѣтъ спустя послѣ Грота, историческихъ факговъ въ греческой легендѣ.

[3]) См. выше стр. 74 и слѣд.

свѣдѣнія, такъ какъ въ противномъ случаѣ его свидѣтельство лишено всякаго значенія. Затѣмъ нужно удостовѣриться, была ли у него вообще привычка искажать источники и въ какомъ смыслѣ, и въ частности относительно каждаго отдѣльнаго изъ заимствованныхъ свидѣтельствъ слѣдуетъ убѣдиться, есть ли оно точное воспроизведеніе или переработка. Узнается это по формѣ: мѣсто, не подходящее по стилю къ стилю автора и выдѣляющееся благодаря этому изъ всей совокупности текста, представляетъ собою отрывокъ изъ болѣе ранняго документа; чѣмъ буквальнѣе вопроизведеніе, тѣмъ драгоцѣннѣе отрывокъ, потому что можетъ содержать въ себѣ точныя свѣдѣнія только такія, которыя были въ его источникѣ.

VII. Несмотря на всѣ эти изслѣдованія, критикѣ никогда не удается установить происхожденія всѣхъ свѣдѣній, чтобы имѣть возможность сказать, кѣмъ наблюдался каждый фактъ и даже кѣмъ онъ былъ отмѣченъ. Въ большинствѣ случаевъ, въ результатѣ свидѣтельство признается анонимнымъ.

Такимъ образомъ мы стоимъ лицомъ къ лицу съ фактомъ, неизвѣстно кѣмъ и какъ наблюдавшимся и неизвѣстно когда и какъ записаннымъ. Ни одна изъ другихъ наукъ не признаетъ фактовъ при такихъ условіяхъ, безъ возможности контроля и съ неисчислимыми шансами на ошибку. Но исторія можетъ извлекать изъ нихъ пользу, потому что ей нѣтъ надобности, какъ другимъ наукамъ, добираться до трудно констатируемыхъ фактовъ.

Познаніе факта (notion de fait), опредѣляемое съ точностью, сводится къ установленію свѣдѣній о внѣшней дѣйствительности. Пріемы, приводящіе къ этому результату, отличаются большей или меньшей трудностью, и шансы ошибиться бываютъ болѣе или менѣе велики, смотря по природѣ требующихъ констатированія фактовъ дѣйствительности и степени точности, какую желаютъ придать формулѣ. Химіи и біологіи приходится имѣть дѣло съ трудно уловимыми фактами, быстрыми движеніями, преходящими состояніями и измѣрять ихъ въ точныхъ цифрахъ. Исторія можетъ оперировать съ гораздо болѣе грубыми фактами, очень долговременными или очень распространенными (существованіе обычая, человѣка, группы, даже народа), грубо выраженными неясными словами, безъ

точнаго измѣренія. По отношенію къ этимъ фактамъ, легче доступнымъ наблюденію, она можетъ быть не особенно требовательной и насчетъ условій наблюденія. Она возмѣщаетъ несовершенство своихъ пріемовъ для собиранія данныхъ (procédés d'information) способностью довольствоваться легче добываемыми справками.

Документы даютъ почти всегда плохо констатированные факты, и историку всегда грозитъ большая вѣроятность наткнуться на ложь или ошибку. Но есть факты, относительно которыхъ очень трудно солгать или ошибиться. Послѣдній рядъ вопросовъ, какіе должна ставить себѣ критика, имѣютъ цѣлью распознать, на основаніи самой природы фактовъ, тѣ изъ нихъ, которые, имѣя мало шансовъ быть искаженными, могутъ считаться съ очень большою вѣроятностью точными. Въ общемъ извѣстно, какого рода факты находятся въ такихъ благопріятныхъ условіяхъ, а, слѣдовательно, можно составить общіе вопросные пункты и примѣнять ихъ къ каждому отдѣльному факту документа, задаваясь вопросомъ, подходитъ ли онъ къ одному изъ предусмотрѣнныхъ случаевъ.

1-й случай. Фактъ такого свойства, что ложь невѣроятна. Лгутъ, желая производить впечатлѣніе, а потому нѣтъ основанія лгать по такому вопросу, гдѣ всякое ложное впечатлѣніе считается безполезнымъ или всякая ложь недѣйствительной. Чтобы узнать, находился ли авторъ въ такомъ положеніи, нужно задаться нѣсколькими вопросами: 1) Не находится ли утверждаемый фактъ въ очевидномъ противорѣчіи съ тѣмъ впечатлѣніемъ, какое хотѣлъ произвести авторъ? Противорѣчитъ ли онъ интересу, честолюбію, чувствамъ, литературнымъ вкусамъ автора или его группы, а также мнѣнію, которое онъ старался щадить? Тогда достовѣрность становится вѣроятной. Но пользоваться этимъ критеріемъ очень опасно; имъ часто злоупотребляли двоякимъ образомъ: принимали за признаніе то, что было простымъ хвастовствомъ (примѣръ: Карлъ IX, заявляющій, что онъ подготовилъ Варѳоломеевскую ночь), или вѣрили, не провѣряя, аѳинянину, дурно отзывавшемуся объ аѳинянахъ, протестанту, обвинявшему другихъ протестантовъ. Между тѣмъ авторъ могъ имѣть иное понятіе, чѣмъ мы, о своемъ инте-

ресѣ и своей чести [1]), или, кромѣ того, онъ могъ желать оклеветать соотечественниковъ другой партіи или единовѣрцевъ другой секты, чѣмъ онъ. Такимъ критеріемъ нужно пользоваться умѣренно, исключительно въ тѣхъ случаяхъ, когда точно извѣстно, какое дѣйствіе считалъ полезнымъ произвести авторъ и интересовавшая его группа.

2) Былъ ли утверждаемый фактъ настолько очевидно извѣстенъ публикѣ, что авторъ, даже склонный лгать, воздержался отъ лжи изъ страха быть навѣрное уличеннымъ? Этотъ случай относится къ фактамъ, которые легко провѣрить, къ матеріальнымъ фактамъ, близкимъ во времени и пространствѣ, долговременнымъ и распространеннымъ, въ особенности, если въ интересахъ общества было контролировать эти факты. Но боязнь контроля не всегда дѣйствуетъ сдерживающимъ образомъ; ея дѣйствіе ослабѣваетъ каждый разъ, когда у автора есть какой-нибудь поводъ обмануть; кромѣ того, она дѣйствуетъ неодинаково на различные умы: сдерживая очень сильно людей образованныхъ и спокойныхъ, имѣющихъ ясное представленіе о своей публикѣ, и слабо дѣйствуя въ варварскія времена и на страстныя натуры [2]). Въ виду этого подобный критерій слѣдуетъ примѣнять только тогда, когда извѣстно, какъ авторъ представлялъ себѣ свою публику и имѣлъ ли онъ достаточно хладнокровія, чтобы съ нею считаться.

3) Былъ ли утверждаемый фактъ настолько безразличенъ для автора, что у него не было ни малѣйшаго искушенія его исказить? Это относится къ общимъ фактамъ, обычаямъ, учрежденіямъ, предметамъ, лицамъ, отмѣчаемымъ авторомъ случайно. Даже лживое повѣствованіе не можетъ состоять исключительно изъ ложныхъ сообщеній; чтобы локализировать свои факты, автору приходится обставить ихъ точными данными. Эти послѣднія не интересовали его: ихъ знали всѣ его современники. Но для насъ они поучительны и вѣрны потому, что авторъ не старался насъ обмануть.

---

[1]) См. выше, стр. 133.

[2]) Часто говорятъ: «Авторъ не осмѣлился бы написать этого, если бы это не было вѣрно». Такое разсужденіе не примѣнимо къ мало цивилизованнымъ обществамъ. Людовикъ VII осмѣлился написать, что Іоаннъ Безземельный былъ осужденъ судомъ своихъ пэровъ.

2-й случай. Фактъ по самому своему свойству дѣлаетъ ошибку невѣроятной. Какъ бы ни были многочисленны шансы ошибки, существуютъ такіе „крупные“ факты, что ихъ трудно видѣть не такими, какъ они есть въ дѣйствительности. Надо, слѣдовательно, рѣшить вопросъ, легко ли было констатировать фактъ: 1) очень ли долго онъ продолжался, такъ что его часто видѣли (напр., памятникъ, человѣкъ, обычай, продолжительное событіе?) 2) Былъ ли онъ настолько распространенъ, что его видѣло много людей (битва, война, обычай цѣлаго народа?) 3) Выраженъ ли онъ въ столь общихъ чертахъ, что достаточно самаго поверхностнаго наблюденія, чтобы его схватить (существованіе вообще человѣка, города, народа обычая?) Это тѣ простые факты, которые образуютъ прочно обоснованную часть историческаго знанія.

3-й случай. Фактъ такого свойства, что самое сообщеніе о немъ служитъ ручательствомъ за его точность. Человѣкъ не утверждаетъ, что онъ видѣлъ или слышалъ неожиданный фактъ, противорѣчащій его привычкамъ, иначе какъ подъ давленіемъ наблюденія. Фактъ, кажущійся очень невѣроятнымъ тому, кто о немъ сообщаетъ, имѣетъ много шансовъ быть точнымъ. Надо, слѣдовательно, отвѣтить на вопросъ, былъ ли подтверждаемый фактъ въ противорѣчіи съ другими понятіями автора, было ли это явленіе неизвѣстнаго автору рода, дѣйствіе, обычай, казавшійся ему непонятнымъ или слова, значеніе которыхъ было выше его пониманія (какъ слова Христа въ Евангеліи или отвѣты Жанны д'Аркъ на допросѣ во время суда). Тутъ нужно только остерегаться смѣшенія своихъ собственныхъ понятій съ понятіями автора; когда люди, привыкшіе вѣрить въ чудесное, говорятъ о чудовищахъ, вѣдьмахъ, колдунахъ, то это для нихъ не неожиданные факты, и указанный выше критеріумъ къ нимъ не примѣнимъ.

VIII. Наше описаніе критическихъ пріемовъ закончилось; оно было длинно потому, что приходилось описать одну за другой операціи, совершающіяся на практикѣ одновременно. Въ дѣйствительности критика производится слѣдующимъ образомъ.

Если текстъ сомнительнаго толкованія, то изслѣдованіе дѣлится на двѣ части; первая часть состоитъ въ чтеніи самаго

текста съ цѣлью выяснить его смыслъ, прежде чѣмъ извлекать изъ него какое-либо свѣдѣніе; критическое изученіе фактовъ, содержащихся въ документахъ, составляетъ вторую часть изслѣдованія. Въ отношеніи документовъ, смыслъ которыхъ очевиденъ, можно при первомъ же чтеніи приступать къ критическому изслѣдованію, за исключеніемъ мѣстъ со спорнымъ смысломъ, подлежащихъ отдѣльному изученію.

Сначала собираются о б щ і я свѣдѣнія о документѣ и авторѣ, при чемъ стараются выяснить условія, которыя могли оказывать воздѣйствіе на составленіе документа: время, мѣсто, цѣль, перипетіи творчества; общественное положеніе автора, его родину, партію, секту или семью, интересы, страсти, предразсудки, особенности языка, пріемы труда, средства освѣдомленія, образованіе, способности и недостатки авторскаго ума, характеръ и форму передачи фактовъ. Всѣ эти свѣдѣнія уже подготовлены критикой происхожденія; ихъ собираютъ, слѣдя мысленно за своими общими критическими вопросными пунктами; послѣдніе слѣдуетъ усваивать себѣ заранѣе, потому что необходимо будетъ ихъ имѣть въ умѣ во все продолженіе операцій.

Подготовившись такимъ образомъ, приступаютъ къ документу. По мѣрѣ его чтенія, производится мысленно анализъ, разрушающій всѣ комбинаціи автора, устраняющій всѣ его литературныя формы, чтобы добраться до факта, который нужно формулировать себѣ простымъ, точнымъ языкомъ. Такимъ образомъ, освобождаются отъ художественнаго благоговѣнія и подчиненія авторскимъ понятіямъ, способнымъ сдѣлать невозможной всякую критику.

Анализированный такимъ способомъ документъ превращается въ длинный рядъ авторскихъ понятій и свидѣтельствъ о фактахъ. Относительно каждаго изъ этихъ показаній задаются вопросомъ, не было ли поводовъ для лжи или заблужденія, или исключительныхъ побужденій быть правдивымъ и точнымъ, слѣдя по критическимъ вопроснымъ пунктамъ, составленными для отдѣльныхъ фактовъ. Эти вопросные пункты нужно всегда имѣть въ умѣ. Въ началѣ это покажется, быть можетъ, обременительнымъ и даже педантичнымъ, но такъ какъ ихъ придется примѣнять болѣе ста разъ на одной страницѣ документа, то

въ концѣ-концовъ такая работа будетъ выполняться почти безсознательно; при чтеніи текста всѣ мотивы довѣрія или недовѣрія будутъ выступать разомъ, соединенные въ одно цѣльное впечатлѣніе.

Когда анализъ и критическіе вопросы сдѣлаются инстинктивными, пріобрѣтется методически аналитическое направленіе ума, недовѣрчивое и непочтительное, обозначающееся часто мистическимъ терминомъ „критическій складъ ума“ и въ сущности представляющее собою только безсознательную привычку къ критикѣ.

Глава VIII.

Опредѣленіе частныхъ фактовъ.

Критическій анализъ приводитъ лишь къ констатированію идей и свидѣтельствъ, сопровождаемыхъ замѣчаніями о вѣроятной достовѣрности утверждаемыхъ фактовъ. Остается изслѣдовать, какимъ путемъ можно извлечь отсюда частные историческіе факты для историческаго знанія. Идеи и свидѣтельства представляютъ собою двоякаго рода результаты, которые должно разсматривать двумя различными методами.

I. Всякая идея (conception), выраженная въ рукописи или въ фигурномъ изображеніи, есть достовѣрный, окончательно пріобрѣтенный фактъ. Самое выраженіе идеи указываетъ на то, что она была постигнута (если не авторомъ, воспроизводящимъ, можетъ быть, формулу, не понимая ее, то, по крайней мѣрѣ, творцомъ формулы). Одного случая выраженія идеи достаточно, чтобы знать о ея существованіи, одного документа достаточно, чтобы ее доказать. Поэтому довольно анализа и истолкованія для составленія инвентаря фактовъ, служащихъ матеріаломъ для исторіи искуствъ, наукъ, доктринъ [1]).

---

[1]) См. выше стр. 123. Точно такъ же частные факты, служащіе матеріаломъ для исторіи формъ (палеографія, лингвистика), устанавливаются непосредственно анализомъ документа.

Обязанность внѣшней критики локализировать эти факты, указавъ эпоху, страну, автора каждой мысли. Вопросъ о продолжительности во времени, географическомъ протяженіи, происхожденіи, развѣтвленіи идей является дѣломъ историческаго синтеза. Для внутренней критики нѣтъ здѣсь мѣста; фактъ извлекается непосредственно изъ документа.

Можно подвинуться еще на шагъ. Идеи сами по себѣ представляютъ только психологическіе факты; но воображеніе не создаетъ само предметовъ, оно беретъ ихъ элементы изъ дѣйствительности. Описанія воображаемыхъ фактовъ дѣлаются на основаніи внѣшнихъ фактовъ, которые авторъ видѣлъ вокругъ себя. Можно попытаться выдѣлить эти запасы знанія. Изучая періоды и такого рода факты, относительно которыхъ сохранилось мало документовъ, какъ, напр., древность и обычаи частной жизни, пытались привлечь къ дѣлу литературныя произведенія, эпическія поэмы, романы, театральныя піесы [1]). Въ этомъ пріемѣ нѣтъ ничего неправильнаго, но подъ условіемъ соблюденія нѣсколькихъ ограниченій, о которыхъ сплошь и рядомъ забываютъ.

1) Такой пріемъ непримѣнимъ къ внутреннимъ соціальнымъ фактамъ, къ нравственности, къ художественному идеалу; нравственныя или эстетическія понятія документа выражаютъ, самое большее, личный идеалъ автора; они еще не даютъ права выводить заключенія о нравственности или эстетическомъ вкусѣ его времени. Слѣдуетъ, по крайней мѣрѣ, сличить различныхъ авторовъ того же времени.

2) Даже описаніе матеріальныхъ фактовъ можетъ быть личной комбинаціей автора, созданной его воображеніемъ; вполнѣ реальны въ немъ только одни элементы; можно, слѣдовательно, утверждать только отдѣльное существованіе неразлагаемыхъ элементовъ, формы, матеріи, цвѣта, числа. Когда поэтъ

---

[1]) Первобытная Грецiя изучалась по гомеровскимъ поэмамъ. Средневѣковая частная жизнь была возстановлена, главнымъ образомъ, по chansons des gestes (См. ch. V. Langlois, les Travaux sur l'histoire de la Société française au moyen age d'après les sources littéraires; Revue historique, мартъ—апрѣль 1897 г.).

говоритъ о золотыхъ воротахъ или серебряныхъ щитахъ, нельзя считать за достовѣрное, что существовали золотыя ворота или серебряные щиты; вѣрно только, что существовали ворота, щиты, золото и серебро. Анализъ долженъ, слѣдовательно, простираться до элемента, поневолѣ взятаго авторомъ изъ опыта (вещи, ихъ назначеніе, общеупотребительныя дѣйствія).

3) Понятіе о вещи или о дѣйствіи доказываетъ только ихъ существованіе, но ничего не говоритъ о ихъ распространенности; вещь или дѣйствіе могутъ быть единственными въ своемъ родѣ или, по крайней мѣрѣ, ограниченными очень небольшимъ кругомъ; поэты и романисты охотно избираютъ себѣ образцы въ исключительномъ мірѣ.

4) Факты, узнанные путемъ такого пріема, не локализированы ни во времени, ни въ пространствѣ: авторъ могъ ихъ взять не изъ современной ему эпохи и не въ своей странѣ.

Всѣ эти ограниченія могутъ быть резюмированы слѣдующимъ образомъ: прежде чѣмъ брать изъ литературнаго произведенія какое-либо свѣдѣніе объ обществѣ, въ которомъ жилъ авторъ, нужно спросить себя: какую цѣнность для изученія нашихъ нравовъ представило бы такого же характера свѣдѣніе, заимствованное у одного изъ нашихъ современныхъ романистовъ.

Добытые такимъ путемъ внѣшніе факты, какъ и понятія, могутъ устанавливаться однимъ документомъ; но пользоваться ими, благодаря тому, что они очень ограничены и плохо локализированы, можно только послѣ сопоставленія ихъ съ другими подобными же фактами, что является уже дѣломъ синтеза.

Къ фактамъ, вытекающимъ изъ понятій, можно приравнять внѣшніе факты маловажные и очень простые, упомянутые авторомъ почти безсознательно. Логически мы не имѣемъ права признавать ихъ за достовѣрные, потому что есть люди, ошибающіеся даже относительно самыхъ простыхъ фактовъ и способные лгать даже относительно маловажныхъ фактовъ. Но эти случаи настолько рѣдки, что нѣтъ большого риска признавать факты такого рода, установленные только однимъ документомъ, за достовѣрные; на практикѣ такъ и поступаютъ для мало извѣстныхъ эпохъ. Учрежденія галловъ и германцевъ описываются по одному только тексту Цезаря или

Тацита. Такіе, легко констатируемые факты, должны были импонировать на автора описаній подобно тому, какъ импонируютъ на поэта явленія природы.

II. Совершенно обратно, свидѣтельство одного документа о внѣшнемъ фактѣ (fait extérieur) [1]) никогда не можетъ считаться достаточнымъ для установленія такого факта. Въ данномъ случаѣ есть много шансовъ наткнуться но ложь или ошибку, и условія, вліявшія на свидѣтельство, слишкомъ мало извѣстны, чтобы быть увѣреннымъ, что оно избѣжало всѣхъ этихъ опасностей. Критическое изслѣдованіе не даетъ въ такомъ случаѣ окончательнаго рѣшенія; будучи необходимымъ для устраненія ошибокъ, оно не приводитъ, тѣмъ не менѣе, къ истинѣ.

Критика не можетъ доказать ни одного факта, она опредѣляетъ только вѣроятность фактовъ. Путемъ критики каждый документъ разлагается на отдѣльныя свидѣтельства, снабженныя указаніями насчетъ ихъ вѣроятной цѣнности: свидѣтельства, не имѣющія никакой цѣнности, свидѣтельства подозрительныя (въ большей или меньшей степени), свидѣтельства вѣроятныя или очень вѣроятныя, свидѣтельства неизвѣстной цѣнности. Изъ всѣхъ этихъ разнородныхъ выводовъ окончателенъ только одинъ: свидѣтельство автора, который не могъ быть освѣдомленъ объ утверждаемомъ имъ фактѣ, недѣйствительно, его нужно отбрасывать, какъ отбрасываютъ подложный документъ [2]).

Въ данномъ случаѣ критика только опровергаетъ лживыя свѣдѣнія и не даетъ съ своей стороны достовѣрныхъ. Неопровержимыми результатами критики служатъ только одни отрицательные результаты. Всѣ положительные результаты остаются сомнительными; они, въ сущности, говорятъ

---

[1]) Внѣшнимъ фактомъ здѣсь называется, въ противоположность идеѣ (представляющей собой внутренній фактъ), всякій фактъ, происходящій въ объективной дѣйствительности.

[2]) Большая часть историковъ, прежде чѣмъ отбросить легенду, ждетъ, пока будетъ доказана ея ложность, и если, случайно, не сохранилось противорѣчащаго ей документа, они временно ее признаютъ; это, напр., дѣлается еще для пяти первыхъ столѣтій римской исторіи. Такой пріемъ, къ несчастію пользующійся еще общимъ распространеніемъ, мѣшаетъ исторіи стать наукой.

только: „есть шансы за и противъ истинности того или иного утвержденія". Шансы и только шансы, такъ какъ сомнительное показаніе можетъ оказаться точнымъ, показаніе вѣроятное можетъ оказаться ложнымъ; подобные примѣры повторяются безпрестанно, и мы никогда не знаемъ съ достаточной полнотою условій наблюденія авторовъ историческихъ свидѣтельствъ, чтобы рѣшить, правильно ли оно было произведено.

Для того, чтобы придти къ окончательному выводу, нужно продѣлать еще одну послѣднюю операцію. Послѣ критической разработки, свидѣтельства представляются вѣроятными или невѣроятными, но даже самыя вѣроятныя изъ нихъ, взятыя отдѣльно, такъ и остались бы простыми вѣроятностями; рѣшительнаго шага, который долженъ превратить ихъ въ научное положеніе, не имѣютъ права сдѣлать; научное положеніе есть неоспоримое утвержденіе, данныя же критики не таковы. Во всякой экспериментальной наукѣ принято за общее правило не дѣлать научнаго заключенія по единичному наблюденію; прежде, чѣмъ утверждать какое-либо положеніе, ждутъ обыкновенно, чтобы фактъ былъ констатированъ цѣлымъ рядомъ независимыхъ другъ отъ друга наблюденій. Исторія, со своими несовершенными пріемами освѣдомленія, менѣе, чѣмъ всякая другая наука, имѣетъ право уклоняться отъ этого правила. Историческое свидѣтельство, даже въ самомъ благопріятномъ случаѣ, представляетъ собою посредствующимъ путемъ полученное наблюденіе и нуждается въ подтвержденіи другими наблюденіями. Всякое научное знаніе слагается изъ сопоставленія цѣлаго ряда наблюденій: научные факты суть не что иное, какъ пункты, относительно которыхъ согласуются различныя наблюденія [1]). Каждому отдѣльному наблюденію грозитъ опасность ошибки, устранить которую вполнѣ нельзя; но если цѣлый рядъ наблюденій согласуется между собою, то это сходство не можетъ явиться результатомъ пов-

---

[1]) О логическомъ оправданіи этого принципа въ исторіи, см. Ш. Сеньобосъ, Revue philosophique, іюль — августъ 1887 г. Полная научная достовѣрность дается только согласіемъ наблюденій, получаемыхъ путемъ различныхъ методовъ; она находится въ пунктѣ пересѣченія двухъ различныхъ путей изысканія.

торенія одной и той же ошибки; самой вѣроятной причиной сходства служитъ то, что наблюдатели видѣли одну и ту же дѣйствительность и всѣ описали ее точно. Личныя ошибки склонны различаться—согласуются же точныя наблюденія. Въ примѣненіи къ исторіи этотъ принципъ ведетъ къ послѣднему ряду операцій, составляющему посредствующее звено между чисто аналитической критикой и процессами синтеза: сравненію свидѣтельствъ.

Прежде всего классифицируютъ выводы критическаго анализа, собирая свидѣтельства объ одномъ и томъ же фактѣ. На практикѣ работа эта облегчается примѣненіемъ карточекъ (будетъ ли отмѣчаться каждое свидѣтельство на особой карточкѣ, будетъ ли существовать для каждаго факта только одна карточка, на которой будутъ отмѣчаться различныя свидѣтельства объ этомъ фактѣ по мѣрѣ того, какъ они будутъ встрѣчаться—это безразлично). Сопоставленіе выясняетъ состояніе нашихъ знаній о фактѣ; окончательный выводъ зависитъ отъ отношенія между различными свидѣтельствами. Слѣдуетъ изучить отдѣльно могущіе представиться случаи.

III. Всего чаще, за исключеніемъ современной исторіи, мы находимъ въ документахъ относительно одного какого-либо факта только одно свидѣтельство. Всѣ другія науки, кромѣ исторіи, придерживаются въ подобномъ случаѣ неизмѣннаго правила: изолированное наблюденіе не входитъ въ науку, его цитируютъ (съ именемъ наблюдателя), но не дѣлаютъ на основаніи его заключеній. У историковъ нѣтъ никакого основательнаго повода поступать иначе. Когда у нихъ имѣется для установленія факта свидѣтельство только одного человѣка, какъ бы ни былъ онъ честенъ, они должны бы были не утверждать существованіе этого факта, а ограничиваться, какъ дѣлаютъ натуралисты, упоминаніемъ свѣдѣнія (Ѳукидидъ утверждаетъ, Цезарь говоритъ, что...)—это все, на что они имѣютъ право. Въ дѣйствительности, всѣ сохранили средневѣковую привычку утверждать существованіе фактовъ, основываясь на авторитетѣ Ѳукидида или Цезаря; многіе доводятъ свою наивность до того, что утверждаютъ даже существованіе такихъ фактовъ отъ своего лица. Не чувствуя стѣсненія, налагаемаго точными науками, историки, въ силу свойственной

человѣку довѣрчивости, доходятъ до того, что признаютъ за истину, на основаніи недостаточно вѣроятнаго единственнаго документа, всякое свидѣтельство, не опровергаемое другимъ документомъ. Страннымъ послѣдствіемъ такого отношенія къ дѣлу является то обстоятельство, что исторія болѣе утвердительна и кажется лучше установленной въ отношеніи мало извѣстныхъ періодовъ, отъ которыхъ уцѣлѣлъ какой-нибудь одинъ писатель, чѣмъ въ отношеніи фактовъ, извѣстныхъ изъ тысячи противорѣчивыхъ документовъ. Мидійскія войны, описанныя однимъ Геродотомъ, приключенія Фредегонды, разсказанныя однимъ только Григоріемъ Турскимъ, менѣе подвергаются оспариванію, чѣмъ событія великой французской революціи, переданныя сотнями современниковъ. Чтобы вывести исторію изъ такого позорнаго положенія, нуженъ переворотъ въ умахъ историковъ.

IV. Когда относительно одного и того же факта существуетъ много свидѣтельствъ, то они или противорѣчатъ другъ другу, или согласуются между собою. Для того, чтобы быть увѣреннымъ въ томъ, что свидѣтельства дѣйствительно противорѣчатъ другъ другу, слѣдуетъ, прежде всего, убѣдиться, что они касаются одного и того же факта: два показанія, повидимому противорѣчивыя, могутъ быть на самомъ дѣлѣ только параллельными; они могутъ не относиться въ точности къ однимъ и тѣмъ же моментамъ, одинаковымъ мѣстамъ, одинаковымъ лицамъ и эпизодамъ событія и могутъ быть вмѣстѣ съ тѣмъ оба точными [1]). Изъ этого не слѣдуетъ, однако, заключать, что они подтверждаются одно другимъ; каждое относится къ категоріи единичныхъ свидѣтельствъ.

Если между свидѣтельствами замѣчается прямое противорѣчіе, то несомнѣнно, что одно изъ нихъ, по крайней мѣрѣ, ложно. Естественная склонность къ примиренію побуждаетъ въ такомъ случаѣ искать компромисса, средства для устраненія противорѣчія. Этотъ примирительный духъ составляетъ противоположность научному духу. Если одинъ говоритъ, что $2\times2=4$, а другой, что $2\times2=5$, то не слѣдуетъ говорить, что

[1]) Этотъ случай разобранъ на хорошемъ примѣрѣ Бернгеймомъ, цитиров. сочин., стр. 421.

$2 \times 2 = 4^1/_2$; нужно разслѣдовать, кто изъ двухъ правъ; это долгъ критики. Почти всегда, по крайней мѣрѣ, одно изъ такихъ противорѣчивыхъ показаній сомнительно: его нужно устранить, если другое, противоположное ему, очень вѣроятно. Если другое также сомнительно, то не слѣдуетъ дѣлать заключенія; точно также надо поступать, если нѣсколько сомнительныхъ свидѣтельствъ согласуются между собою противъ одного несомнительнаго [1]).

V. Когда имѣется на лицо нѣсколько согласныхъ между собою свидѣтельствъ, все-таки не слѣдуетъ поддаваться естественной склонности думать, что фактъ доказанъ. По первому побужденію человѣкъ склоненъ считать всякій документъ за источникъ свѣдѣній. Изъ дѣйствительной жизни извѣстно, однако, что люди склонны копировать другъ друга, что одинъ и тотъ же разсказъ служитъ часто источникомъ для многихъ повѣствователей, что многимъ газетамъ случается печатать одну и ту же корреспонденцію, многимъ репортерамъ соглашаться предоставить составленіе какого-либо отчета одному изъ своей среды. Такимъ образомъ, получается нѣсколько документовъ, даже нѣсколько свидѣтельствъ объ одномъ и томъ же событіи, но имѣется ли столько же наблюденій? Очевидно нѣтъ. Свидѣтельство, являющееся воспроизведеніемъ другого свидѣтельства, не представляетъ собою новаго наблюденія и даже въ томъ случаѣ, если одно наблюденіе воспроизведено сотней различныхъ авторовъ, это только сто копій, свидѣтельствующихъ все-таки объ одномъ наблюденіи. Считать ихъ за сто самостоятельныхъ наблюденій было бы равносильно тому, какъ если бы мы вздумали считать за сто документовъ сто печатныхъ экземпляровъ одной и той же книги. Но уваженіе къ „историческимъ документамъ“ иногда пересиливаетъ очевид-

---

[1]) Едва ли есть надобность предупреждать противъ наивнаго пріема, заключающагося въ подсчитываніи числа документовъ, составленныхъ въ одномъ и томъ же смыслѣ и рѣшеніи вопроса по большинству; утвержденіе одного автора, хорошо освѣдомленнаго о фактѣ, очевидно болѣе цѣнно, чѣмъ сто показаній лицъ, ничего о немъ не знающихъ. Уже давно формулировано правило: Non numerentur, sed ponderentur. (Слѣдуетъ не считать, а взвѣшивать).

ность. Одно и то же свидѣтельство, повторяемое во многихъ отдѣльныхъ документахъ различными авторами, создаетъ иллюзію существованія нѣсколькихъ свидѣтельствъ, одинъ и тотъ же фактъ, разсказанный въ десяти различныхъ документахъ, тотчасъ же кажется установленнымъ десятью согласными между собою наблюденіями. Не слѣдуетъ поддаваться такому впечатлѣнію. Сходство служитъ доказательствомъ только тогда, когда согласныя показанія передаютъ независимыя другъ отъ друга наблюденія. Прежде чѣмъ дѣлать какой-либо выводъ на основаніи сходства, нужно разсмотрѣть, есть ли это сходство между самостоятельными наблюденіями; вопросъ этотъ рѣшается съ помощью слѣдующихъ двухъ операцій.

1) Прежде всего стараются выяснить, самостоятельны ли свидѣтельства и не служатъ ли они воспроизведеніемъ одного и того же единичнаго наблюденія. Отчасти это дѣло внѣшней критики источниковъ [1]); но критика источниковъ изучаетъ только отношенія между писанными документами; она ограничивается выясненіемъ того, какія мѣста документа заимствованы однимъ авторомъ у другого. Заимствованныя мѣста безспорно подлежатъ исключенію. Остается выполнить ту же работу надъ свидѣтельствами, не принявшими письменной формы. Нужно сравнивать свидѣтельства объ одномъ и томъ же фактѣ съ цѣлью выяснить, исходятъ ли они отъ различныхъ наблюдателей или, по крайней мѣрѣ, представляютъ ли они собою результатъ различныхъ наблюденій?

Принципъ этой работы аналогиченъ съ принципомъ критики источниковъ. Подробности соціальнаго факта настолько сложны и существуетъ такъ много различныхъ способовъ видѣть одинъ и тотъ же фактъ, что два самостоятельные наблюдателя не имѣютъ никакой вѣроятности сойтись во всѣхъ пунктахъ; когда два свидѣтельства сообщаютъ одинаковыя подробности въ одномъ и томъ же мѣстѣ, это означаетъ, что они явились результатомъ одного общаго наблюденія; различныя наблюденія всегда расходятся въ нѣсколькихъ пунктахъ. Часто можно рѣшать вопросъ a priori: если фактъ былъ такого характера, что не могъ быть наблюдаемъ и сообщенъ, иначе

[1]) См, выше, стр. 75.

какъ однимъ наблюдателемъ, значитъ, всѣ источники происходятъ отъ этого единственнаго наблюденія. Эти принципы [1]) позволяютъ распознавать много случаевъ различныхъ наблюденій и еще большее число случаевъ воспроизведенныхъ наблюденій.

Остаются въ большемъ количествѣ сомнительные случаи. Обыкновенно ихъ склонны считать за самостоятельныя свидѣтельства, но съ научной точки зрѣнія было бы правильнѣе обратное, а именно: пока самостоятельность свидѣтельствъ не доказана, мы не имѣемъ права признавать, что ихъ сходство убѣдительно.

Только установивши предварительно отношеніе между различными свидѣтельствами, ихъ можно считать дѣйствительно различными и изслѣдовать, согласны ли они между собою. Здѣсь также нужно дѣйствовать осторожно: сходство дѣйствительно убѣдительное отнюдь не состоитъ въ полномъ совпаденіи двухъ повѣствованій, какъ естественно могло бы казаться съ перваго взгляда; оно заключается въ скрещиваніи двухъ различныхъ повѣствованій, похожихъ другъ на друга только въ нѣкоторыхъ пунктахъ. Обыкновенно склонны считать сходство за подтвержденіе тѣмъ болѣе убѣдительное, чѣмъ оно полнѣе; между тѣмъ слѣдуетъ, наоборотъ, признать то парадоксальное правило, что сходство доказываетъ больше, когда оно ограничено небольшимъ числомъ совпаденій. Сходные пункты разнородныхъ свидѣтельствъ и составляютъ собственно научно установленные историческіе факты.

2) Прежде, чѣмъ покончить съ критикой, остается удостовѣриться, вполнѣ ли *самостоятельны различныя* наблюденія одного и того же факта; дѣло въ томъ, что они могли дѣйствовать одно на другое въ такой степени, что первое обусловило всѣ послѣдующія и тогда ихъ сходство не можетъ уже быть убѣдительнымъ. Надо остерегаться слѣдующихъ случаевъ:

---

[1]) Здѣсь невозможно останавливаться на спеціальныхъ случаяхъ примѣненія означенныхъ принциповъ на практикѣ: когда авторъ, стараясь скрыть свое заимствованіе, ввелъ различія съ цѣлью сбить съ толку читателей; когда авторъ скомбинировалъ подробности двухъ различныхъ наблюденій.

1-й случай. Различныя наблюденія сдѣланы однимъ авторомъ, записавшимъ ихъ или въ одномъ и томъ же документѣ, или въ различныхъ документахъ; въ данномъ случаѣ требуются спеціальныя основанія допускать, что авторъ дѣйствительно нѣсколько разъ наблюдалъ одинъ и тотъ же фактъ, а не ограничился повтореніемъ единичнаго наблюденія.

2-й случай. Было нѣсколько наблюдателей, но они поручили одному изъ своей среды составить единственный документъ; этотъ случай относится къ протоколамъ собраній. Здѣсь нужно удостовѣриться, представляетъ ли документъ только показаніе редактора, или и другіе наблюдатели контролировали его редакцію.

3-й случай. Нѣсколько наблюдателей записали свое наблюденіе въ различныхъ документахъ, но при одинаковыхъ условіяхъ; слѣдуетъ примѣнить къ документамъ критическіе вопросные пункты, чтобы выяснить, не дѣйствовали ли на всѣхъ нихъ однѣ и тѣ же причины, заставляющія лгать или ошибаться (одинаковый интересъ, одинаковое тщеславіе, одинаковые предразсудки и т. д.).

Несомнѣнно, самостоятельныя наблюденія содержатся только въ различныхъ документахъ, написанныхъ различными авторами, принадлежащими къ различнымъ группамъ и дѣйствовавшими въ различныхъ условіяхъ. Изъ этого слѣдуетъ, что случаи вполнѣ убѣдительнаго сходства очень рѣдки, исключая новѣйшихъ періодовъ.

Возможность доказать историческій фактъ зависитъ отъ числа сохранившихся независимыхъ другъ отъ друга документовъ относительно этого факта; сохранились или нѣтъ нужные документы, зависитъ вполнѣ отъ случая, этимъ и объясняется роль случая въ составленіи исторіи.

Легче другихъ возможно установить факты, распространенные и долговременные (называемые иногда общими фактами, faits généraux): обычаи, вѣрованія, учрежденія, крупныя событія; ихъ было легче наблюдать и легче доказать. Однако, историческій методъ нельзя считать самого по себѣ безсильнымъ и для установленія быстро проходящихъ и ограниченныхъ въ пространствѣ фактовъ (называемыхъ фактами частными, faits particuliers), каковы, напр., слово, поступокъ, длившійся одно

*

мгновеніе. Достаточно, чтобы нѣсколько лицъ присутствовало при фактѣ, отмѣтило его и чтобы ихъ свидѣтельства дошли до насъ. Такъ, напримѣръ, извѣстна фраза, произнесенная Лютеромъ на вормскомъ сеймѣ; извѣстно также, что онъ сказалъ не то, что ему приписываетъ преданіе. Такое стеченіе благопріятныхъ условій становится все чаще и чаще, по мѣрѣ распространенія газетъ, введенія стенографическихъ отчетовъ и организаціи хранилищъ документовъ.

Историческое знаніе древности и среднихъ вѣковъ ограничивается общими фактами, благодаря недостатку документовъ. Въ современный періодъ оно можетъ все болѣе и болѣе распространяться на частные факты. Публика представляетъ себѣ обратное; она не довѣряетъ современнымъ фактамъ, видя, что относительно ихъ циркулируютъ противорѣчивыя повѣствованія и безъ колебанія вѣритъ фактамъ древности, которыхъ никто не оспариваетъ. Maximum ея довѣрія выпадаетъ на долю той области исторіи, которую нѣтъ средствъ знать; ея скептицизмъ возрастаетъ по мѣрѣ увеличенія способовъ знанія.

VI. Сходство между документами не приводитъ еще къ вполнѣ окончательнымъ выводамъ. Для пополненія и подкрѣпленія выводовъ остается изучить согласіе между фактами.

Нѣсколько фактовъ, недостаточно доказанныхъ, если ихъ разсматривать отдѣльно, могутъ подтверждать другъ друга, давая увѣренность въ цѣломъ. Факты, представляющіеся въ документахъ изолированными другъ отъ друга, въ дѣйствительности были иногда достаточно близкими между собою, чтобы ихъ можно было связать одни съ другими. Къ такого рода фактамъ относятся послѣдовательныя дѣйствія одного и того же человѣка или одной и той же группы, привычки одной и той же группы въ смежныя эпохи или похожихъ группъ въ одну и ту же эпоху. Каждый изъ этихъ фактовъ могъ, правда, происходить отдѣльно отъ другого, и увѣренность въ томъ, что одинъ изъ нихъ произошелъ, не позволяла бы еще утверждать о существованіи другого. Между тѣмъ, согласованіе нѣсколькихъ такихъ фактовъ, изъ которыхъ каждый въ отдѣльности недостаточно доказанъ, даетъ нѣкотораго рода увѣренность; въ строгомъ смыслѣ они не доказываются одни другими, но

подтверждаютъ другъ друга [1]). Сомнѣніе, тяготѣвшее надъ каждымъ изъ нихъ порознь, разсѣевается; достигается извѣстнаго рода увѣренность, производимая сцѣпленіемъ (связью) фактовъ. Такъ, путемъ согласованія сомнительныхъ еще заключеній, получается нравственное убѣжденіе въ достовѣрности цѣлаго. Въ маршрутѣ государя дни и мѣста проѣзда подтверждаются другъ другомъ, когда они согласуются одни съ другими, образуя связное цѣлое. Обычай или учрежденіе какого-либо народа устанавливается согласіемъ свѣдѣній, относящихся до различныхъ мѣстъ или моментовъ, въ отдѣльности представляющихся только вѣроятными.

Примѣненіе этого метода сопряжено съ большими трудностями. Согласіе—понятіе гораздо болѣе неопредѣленное, чѣмъ сходство. Невозможно вообще опредѣлить съ точностью, какіе факты достаточно связаны между собою, чтобы образовать цѣлое, въ которомъ согласіе отдѣльныхъ частей будетъ убѣдительно, а также опредѣлить заранѣе продолжительность и протяженность того, что составляетъ одно цѣлое. Факты, взятые за полстолѣтія и на сто миль разстоянія, могутъ подтверждать другъ друга, давая возможность установить обычай народа (напр., германцевъ); но они ничего не доказали бы, если бы были взяты въ разнородномъ обществѣ, гдѣ быстро совершается эволюція (напр., французское общество въ 1750 и 1800, въ Эльзасѣ и Провансѣ). Здѣсь нужно изучать отношенія между фактами. Это уже начало историческаго построенія; такъ совершается переходъ отъ аналитическихъ процессовъ къ процессамъ синтетическимъ.

VII. Но намъ остается еще разсмотрѣть случай разногласія между фактами, установленными при помощи документовъ и другими, установленными инымъ способомъ. Случается, что фактъ, добытый путемъ историческаго заключенія, оказывается въ противорѣчіи со всей совокупностью исторически извѣстныхъ фактовъ, или со всей совокупностью нашихъ знаній о человѣчествѣ, основанныхъ на непосредственномъ наблюденіи,

---

[1]) Мы ограничиваемся здѣсь лишь указаніемъ принципа метода подтвержденія фактовъ (la méthode de confirmation); изученіе его примѣненія потребовало бы слишкомъ много времени.

или, наконецъ, съ научнымъ закономъ, установленнымъ правильнымъ методомъ точной науки. Въ первыхъ двухъ случаяхъ фактъ находится въ противорѣчіи только съ исторіей или психологіей и соціологіей, все плохо установившимися науками и называется только неправдоподобнымъ (invraisemblable); если же онъ противорѣчитъ выводамъ точной науки, онъ становится чудомъ (miracle). Какъ слѣдуетъ поступать съ неправдоподобнымъ или чудеснымъ фактомъ? Слѣдуетъ ли принимать его послѣ изслѣдованія документовъ или отбрасывать, какъ невозможный, по предварительному разсмотрѣнію?

Неправдоподобность—не научное понятіе, оно измѣняется, смотря по индивидууму: каждый находитъ неправдоподобнымъ то, что онъ не привыкъ видѣть; для крестьянина телефонъ гораздо болѣе неправдоподобенъ, чѣмъ привидѣніе; одинъ сіамскій король отказался вѣрить въ существованіе льда. Нужно, слѣдовательно, съ точностью опредѣлить, кому казался фактъ неправдоподобнымъ. Быть можетъ, массѣ, незнакомой съ наукой? Для нея научная истина болѣе неправдоподобна, чѣмъ чудо, физіологія, чѣмъ спиритизмъ; ея понятіе о неправдоподобномъ не имѣетъ никакой цѣны. Казалось ли это неправдоподобнымъ научно-образованному человѣку? Тогда дѣло идетъ о неправдоподобности для научнаго ума и было бы точнѣе сказать, что фактъ противорѣчитъ даннымъ науки, такъ какъ обнаруживается разногласіе между непосредственными наблюденіями ученыхъ и косвенными показаніями документовъ.

Какъ должно разрѣшаться это столкновеніе? Вопросъ не имѣетъ большого практическаго интереса; почти всѣ документы, сообщающіе о чудесныхъ фактахъ, подозрительны уже по другимъ причинамъ и были бы и безъ того устранены правильной критикой; но вопросъ о чудесномъ такъ волновалъ умы, что не лишнее указать, какъ представляется онъ историкамъ [1]).

Общераспространенная вѣра въ чудеса наполнила чудесными фактами историческіе документы почти всѣхъ народовъ,

[1]) P. de Smedt посвятилъ этому вопросу часть своихъ Principes de la critique historique (Парижъ, 1887).

Историческое существованіе дьявола гораздо болѣе доказано, чѣмъ существованіе Пизистрата; до насъ не дошло ни одного слова современника о томъ, что онъ видѣлъ Пизистрата, а между тѣмъ, тысячи „очевидцевъ" заявляютъ, что видѣли дьявола; мало найдется историческихъ фактовъ, подтверждаемыхъ такимъ громадныхъ числомъ самостоятельныхъ свидѣтельствъ. Тѣмъ не менѣе, мы не колеблясь отрицаемъ теперь существованіе дьявола и признаемъ существованіе Пизистрата; это потому, что существованіе дьявола противорѣчитъ законамъ всѣхъ точныхъ наукъ.

Для историка рѣшеніе противорѣчія очевидно [1]). Наблюденія, содержащіяся въ историческихъ документахъ, никогда не могутъ имѣть такого значенія, какъ наблюденія современныхъ ученыхъ (мы уже говорили почему). Косвенный методъ исторіи стоитъ несравненно ниже прямыхъ методовъ наукъ, основанныхъ на наблюденіи. Если выводы исторіи не согласуются съ выводами этихъ послѣднихъ, то уступать приходится ей; она не можетъ имѣть притязанія, располагая своими несовершенными способами изслѣдованія, контролировать, оспаривать или подтверждать выводы другихъ наукъ; она должна, напротивъ, пользоваться ихъ выводами для повѣрки своихъ собственныхъ. Успѣхи опытныхъ наукъ измѣняютъ иногда историческое толкованіе; фактъ, установленный непосредственнымъ наблюденіемъ, приноситъ пользу для пониманія и критики историческихъ документовъ: случаи язвъ (stigmates) и нервной анестезіи, доказанные путемъ научнаго наблюденія, заставили признать историческія повѣствованія объ аналогичныхъ фактахъ

---

[1]) Иначе этотъ вопросъ разрѣшается для наукъ, пользующихся непосредственнымъ наблюденіемъ, напр., для наукъ біологическихъ. Наука не знаетъ возможнаго и невозможнаго, она знаетъ только факты, подвергшіеся правильному или неправильному наблюденію; явленія, объявленныя сначала невозможными, признаны были за несомнѣнныя. Самое понятіе о чудѣ относится къ области метафизики; оно предполагаетъ извѣстное общее міросозерцаніе, выходящее за предѣлы наблюденія. См. Wallace. «Les miracles et le spiritualisme moderne», пер. съ англ. Парижъ, 1887.

(язвы нѣкоторыхъ святыхъ, бѣсноватыя изъ Лудена [1]) (Loudun). Но исторія не можетъ приносить пользу успѣхамъ положительныхъ наукъ. Косвенные способы изслѣдованія удерживаютъ исторію въ отдаленіи отъ дѣйствительности, и ей приходится принимать законы, выработанные науками, находящимися въ непосредственномъ соприкосновеніи съ дѣйствительностью. Для опроверженія одного изъ такихъ законовъ потребовались бы новыя непосредственныя наблюденія. Такой переворотъ можетъ осуществиться, но только въ центрѣ; исторія не въ силахъ взять на себя въ этомъ иниціативу.

Относительно фактовъ, стоящихъ въ противорѣчіи лишь со всею совокупностью историческихъ знаній или съ зародышами наукъ о человѣкѣ, рѣшеніе менѣе ясно. Оно зависитъ отъ того, какого мы мнѣнія о значеніи этихъ наукъ. Можно, по крайней мѣрѣ, считать за правило, что для того, чтобы оспаривать исторію, психологію или соціологію, необходимо имѣть очень солидные документы; а такого случая почти никогда не бываетъ.

---

[1]) Луденъ — небольшой французскій городокъ въ департаментѣ Вьенны (Vienne), въ 54 килом. къ с.-з. отъ Пуатье, возникшій въ средніе вѣка вокругъ укрѣпленнаго замка, построеннаго въ концѣ X вѣка. Прим. редакц.

КНИГА III.

Синтетическіе процессы.

Глава I.

Общія условія историческаго построенія.

Критика документовъ даетъ только изолированные факты. Чтобы сгруппировать эти факты въ научное цѣлое, нуженъ цѣлый рядъ синтетическихъ процессовъ. Изученіе этихъ пріемовъ историческаго построенія образуетъ вторую часть методологіи.

Въ основу построенія не можетъ быть положено идеальнаго научнаго плана, который мы пожелали бы начертать; оно зависитъ отъ находящагося въ нашемъ распоряженіи матеріала. Было бы химерой задаваться планомъ, не имѣя необходимаго для его выполненія матеріала,—это значило бы стремиться построить Эйфелеву башню изъ песку. Существенный недостатокъ философіи исторіи въ томъ и заключается, что она забываетъ объ этой практической необходимости.

I, Разсмотримъ сначала матеріалы исторіи. Каковъ ихъ характеръ и форма? Чѣмъ они отличаются отъ матеріаловъ другихъ наукъ?

Историческіе факты устанавливаются путемъ критическаго анализа сохранившихся документовъ и получаются послѣ него разбитыми на элементарныя свидѣтельства; одна фраза документа содержитъ иногда нѣсколько отдѣльныхъ показаній, при

чемъ критика принимаетъ часто одни изъ нихъ и отвергаетъ другія; каждое изъ такихъ свидѣтельствъ составляетъ фактъ.

Историческіе факты имѣютъ то общее свойство, что они всѣ заимствуются изъ документовъ; но отличаются вмѣстѣ съ тѣмъ большимъ разнообразіемъ.

1) Историческіе факты представляютъ собою явленія очень различнаго свойства. Изъ одного и того же документа заимствуются данныя относительно письма, языка, стиля, вѣрованій, обычаевъ, событій. Надпись Меша даетъ свѣдѣнія о письмѣ и языкѣ моавитянъ, о вѣрѣ въ бога Хамоса, о культѣ этого бога, факты изъ войны моавитянъ съ израильтянами. Всѣ факты получаются нами, такимъ образомъ, безпорядочно, безъ различія по ихъ свойству. Эта смѣсь разнородныхъ фактовъ составляетъ одну изъ особенностей, отличающихъ исторію отъ другихъ наукъ. Экспериментальныя науки сами намѣчаютъ себѣ факты для изученія и систематически ограничиваются наблюденіемъ надъ однородными фактами. Науки, черпающія свои свѣдѣнія изъ документовъ, получаютъ готовые факты изъ рукъ авторовъ документовъ, сообщающихъ свои наблюденія въ безпорядкѣ. Чтобы извлечь ихъ изъ этого безпорядка, нужно сортировать и группировать ихъ по родамъ; для этого необходимо прежде всего точно знать, что собственно составляетъ въ исторіи родъ (espèce) фактовъ и на основаніи какого принципа должна производиться классификація историческихъ фактовъ. Между тѣмъ, относительно этихъ двухъ капитальныхъ вопросовъ историкамъ не удалось еще формулировать точныхъ правилъ.

2) Существуютъ очень различныя степени общности историческихъ фактовъ, начиная отъ фактовъ очень распространенныхъ, свойственныхъ цѣлому народу и длившихся цѣлые вѣка (учрежденія, обычаи, вѣрованія) и кончая самыми кратковременными дѣйствіями одного человѣка (слово или движеніе). Въ этомъ заключается еще одно отличіе исторіи отъ экспериментальныхъ наукъ, которыя правильно отправляются отъ частныхъ фактовъ и методически работаютъ надъ ихъ обобщеніемъ. Чтобы образовать группы фактовъ, нужно привести факты къ одной и той же степени общности, для чего необходимо выяснить, какой степенью общности можно и должно ограничивать

различные роды фактовъ. Относительно этого историки не могутъ еще придти между собою къ соглашенію.

3) Историческіе факты локализированы; они существовали въ данную эпоху и въ данной странѣ; если отнять отъ нихъ указанія о времени и мѣстѣ, гдѣ они совершались, они теряютъ историческій характеръ и могутъ быть утилизированы только для общаго знанія человѣчества (какъ это случается съ фактами folklore'a, неизвѣстнаго происхожденія) Такая необходимость локализаціи неизвѣстна общимъ наукамъ; она ограничена только областью описательныхъ наукъ, изучающихъ географическое распредѣленіе и эволюцію явленій. Исторіи она ставитъ въ обязательство изучать отдѣльно факты различныхъ странъ и различныхъ эпохъ.

4) Факты, добытые путемъ критическаго анализа изъ документовъ, сопровождаются критическимъ указаніемъ на ихъ достовѣрность [1]).

Всякій разъ, когда критика не убѣдилась въ полной достовѣрности факта, когда фактъ только вѣроятенъ и тѣмъ болѣе когда фактъ сомнителенъ, критика передаетъ его историку съ указаніемъ на эти его качества, котораго историкъ не имѣетъ права отбросить и которое мѣшаетъ факту перейти въ область положительнаго знанія. Даже факты, вполнѣ установленные, послѣ сопоставленія ихъ съ другими фактами, все-таки проходятъ черезъ это временное состояніе, какъ клиническіе случаи, скопляющіеся въ медицинскихъ обозрѣніяхъ, прежде чѣмъ будутъ достаточно доказаны для того, чтобы стать научными фактами.

Итакъ, историческое построеніе должно совершаться при помощи несвязной массы мелкихъ фактовъ, ненужныхъ подробностей. Это все разнородные матеріалы, отличающіеся другъ отъ друга по своему предмету, положенію, по степени своей достовѣрности и общности. Для ихъ классификаціи практика историковъ не выработала метода; исторія, будучи вначалѣ извѣстнымъ родомъ литературы, осталась и понынѣ наименѣе методической изъ наукъ.

II. Во всякой наукѣ, ознакомившись съ фактами, система-

[1]) См. выше, стр. 156.

тически задаются вопросами [1]); всякая наука образуется изъ ряда отвѣтовъ на рядъ методическихъ вопросовъ. Во всѣхъ экспериментальныхъ наукахъ, даже когда объ этомъ не думали заранѣе, установленные наблюденіемъ факты подсказываютъ вопросы и заставляютъ ихъ выяснять. Но у историковъ нѣтъ этой выправки; привыкнувъ подражать художникамъ, многіе изъ историковъ не думаютъ даже задаваться вопросомъ о томъ, чего они собственно доискиваются: они берутъ изъ документовъ поразившія ихъ черты, часто по личному побужденію, воспроизводятъ ихъ, мѣняя языкъ и добавляютъ къ этому всевозможнаго рода размышленія, приходящія имъ на умъ.

Исторія, изъ опасенія запутаться въ обиліи сбивчивыхъ своихъ матеріаловъ, должна поставить себѣ за правило всегда оперировать съ помощью вопросовъ, какъ и другія науки [2]). Но какъ ставить вопросы въ наукѣ, столь отличной отъ другихъ наукъ? Это основная задача метода. Ее можно разрѣшить, только начавъ съ опредѣленія существеннаго характера историческихъ фактовъ, отличающаго эти факты отъ фактовъ другихъ наукъ.

Экспериментальныя науки имѣютъ дѣло съ реальными и цѣльными предметами. Наука, самая близкая къ исторіи по своему предмету, описательная зоологія, дѣйствуетъ, изслѣдуя реальное и цѣлое животное. Организмъ животнаго видятъ во всей его совокупности, затѣмъ разсѣкаютъ, чтобы разложить на составныя части, а разсѣченіе—это анализъ въ истинномъ смыслѣ этого слова (ἀναλύειν значитъ „разчленять“). Сверхъ того, можно вновь собрать вмѣстѣ всѣ отдѣльныя части организма, чтобы видѣть строеніе цѣлаго, — это реальный синтезъ. Можно разсмотрѣть далѣе реальныя движенія, составляющія функціонированіе органовъ, чтобы наблюдать взаимодѣйствіе частей организма. Наконецъ можно сравни-

---

[1]) Гипотеза въ экспериментальныхъ наукахъ есть форма вопроса, сопровождаемаго предварительнымъ отвѣтомъ.

[2]) Фюстель-де-Куланжъ предвидѣлъ эту необходимость. Въ предисловіи къ «Recherches sur quelques problèmes d'histoire» (Парижъ, 1885), онъ заявляетъ, что даетъ свои изысканія «въ первоначальной формѣ всѣхъ моихъ работъ, т. е. въ формѣ вопросовъ, которые я себѣ ставлю и стараюсь разъяснить».

вать реальныя единицы и видѣть, чѣмъ они походятъ другъ на друга, получая, такимъ образомъ, возможность классифицировать ихъ сообразно ихъ дѣйствительнымъ сходствамъ. Наука есть объективное знаніе, основанное на реальныхъ анализѣ, синтезѣ и сравненіи; непосредственный видъ предметовъ руководитъ ученымъ и подсказываетъ ему, какіе нужно ставить вопросы.

Въ исторіи ничего подобнаго. Часто говорятъ, что исторія есть „видѣніе“ (vision) фактовъ прошедшаго и что она дѣйствуетъ путемъ „анализа“; это двѣ опасныя метафоры, если позволить ими себя обмануть [1]). Въ исторіи не видятъ ничего реальнаго, кромѣ исписанной бумаги и иногда памятниковъ и предметовъ производства. Историкъ не можетъ дѣйствительнымъ образомъ анализировать никакого предмета; онъ не можетъ ничего ни разложить на составныя части, ни вновь возстановить. Историческій анализъ не болѣе реаленъ, чѣмъ видъ историческихъ фактовъ: онъ представляетъ собою абстрактный пріемъ, чисто интеллектуальный процессъ.

Анализируя документъ, отыскиваютъ мысленно содержащіяся въ немъ свѣдѣнія, чтобы критиковать ихъ по одиночкѣ. Анализируя фактъ, распознаютъ мысленно различныя детали даннаго факта (эпизоды событія, свойства учрежденія), сосредоточивая послѣдовательно вниманіе на каждой изъ отдѣльныхъ подробностей; это-то и называется изслѣдованіемъ различныхъ „сторонъ“ факта; еще одна метафора. Первоначально умъ, по самому своему свойству, получаетъ только сбивчивыя впечатлѣнія; для выясненія ихъ необходимо задаться вопросомъ, изъ какихъ частныхъ впечатлѣній слагается впечатлѣніе цѣлаго, чтобы опредѣлить ихъ съ точностью, разсматривая одно за другимъ. Это неизбѣжная операція, но не

---

[1]) Фюстель де-Куланжъ, кажется, самъ обманывался на этотъ счетъ: «Исторія—наука; она не выдумываетъ, она только видитъ». (Monarchie franque, стр. 1). «Исторія, какъ и всякая наука, состоитъ въ констатированіи фактовъ, анализѣ ихъ, сопоставленіи и объясненіи ихъ связи... Историкъ... ищетъ и получаетъ факты путемъ кропотливаго наблюденія надъ текстами, подобно тому, какъ химикъ констатируетъ свои факты, съ помощью кропотливо производимыхъ опытовъ» (ib., стр. 39).

слѣдуетъ преувеличивать ея значенія. Это не объективный методъ, заставляющій открывать реальные предметы, а методъ субъективный, позволяющій усмотрѣть отвлеченные элементы, образующіе наши впечатлѣнія [1]). По самому свойству своихъ матеріаловъ исторія есть строго субъективная наука. Незаконно было бы распространять на этотъ интеллектуальный анализъ субъективныхъ впечатлѣній правила реальнаго анализа реальныхъ вещей.

Исторія должна, слѣдовательно, защищаться отъ соблазна подражать методу біологическихъ наукъ. Историческіе факты такъ отличны отъ фактовъ другихъ наукъ, что для изученія ихъ необходимъ совершенно особый методъ.

III. Документы, единственный источникъ историческаго знанія, даютъ свѣдѣнія о трехъ категоріяхъ фактовъ.

1) Живыя существа и матеріальные предметы.—Документы сообщаютъ о существованіи человѣческихъ существъ, матеріальныхъ условій, предметовъ производства. Всѣ эти факты были матеріальными явленіями, которыя авторъ документа познавалъ путемъ чувственныхъ воспріятій. Но для насъ они уже только интеллектуальныя явленія, факты, видимые „черезъ призму авторскаго воображенія“, или, выражаясь точнѣе, образы, воспроизводящіе впечатлѣнія автора, образы, создаваемые нами по аналогіи съ его образами. Іерусалимскій храмъ былъ матеріальнымъ предметомъ, видимымъ для современниковъ, но мы не можемъ уже его видѣть, мы можемъ только создать себѣ мысленно его образъ, аналогичный съ тѣмъ, какой былъ у людей, его видѣвшихъ и описавшихъ.

2) Человѣческія дѣйствія.—Документы сообщаютъ о дѣйствіяхъ (и словахъ) нѣкогда жившихъ людей, которыя также были матеріальными фактами, видѣнными и слышанными авторами, но сдѣлались теперь для насъ только авторскими воспоминаніями, переданными посредствомъ субъективныхъ образовъ. Ударъ кинжала, полученный Цезаремъ, въ свое время видѣли, слова его убійцъ слышали; но для насъ это только

---

[1]) Субъективный характеръ исторіи очень сильно подчеркнулъ философъ Г. Зиммель (Simmel) въ Die Probleme der Geschichtsphilosophie, Лейпцигъ, 1892 г.

образы. Дѣйствія и слова, записанныя авторами документовъ, были дѣйствительно дѣйствіями и словами индивидуумовъ; воображеніе можетъ представлять себѣ только индивидуальныя дѣйствія по образу тѣхъ, какія мы воспринимаемъ путемъ непосредственнаго наблюденія. Такъ какъ эти дѣйствія суть дѣло людей, живущихъ въ обществѣ, то большинство изъ нихъ совершалось одновременно нѣсколькими индивидуумами, и нѣкоторыя были дажеразсчитаны на достиженіе одного общаго результата и представляютъ собою коллективныя дѣйствія, но для воображенія, какъ и для непосредственнаго наблюденія, они сводятся всегда къ суммѣ индивидуальныхъ дѣйствій. „Соціальный фактъ", въ томъ смыслѣ, какъ признаютъ его многіе соціологи, есть философское построеніе, а не историческій фактъ.

3) Мотивы и понятія.—Причины человѣческихъ дѣйствій лежатъ не въ нихъ самихъ; каждое дѣйствіе вызывается какимъ-либо мотивомъ. Это неопредѣленное слово означаетъ одновременно побужденіе (l'impulsion), заставляющее совершить дѣйствіе, и сознательное представленіе о дѣйствіи, бывающее въ моментъ его выполненія. Мы не можемъ себѣ представить побужденіе, иначе какъ въ мозгу человѣка въ формѣ неопредѣленныхъ внутреннихъ представленій, аналогичныхъ съ тѣми, какія мы имѣемъ о нашихъ собственныхъ внутреннихъ состояніяхъ; мы не можемъ выражать ихъ иначе, какъ словами, обыкновенно метафорическими. Это психическіе факты (называемые по-просту чувствами и идеями). Документы показываютъ намъ троякаго рода психическіе факты: 1) побужденія и понятія, выраженныя авторами; 2) побужденія и идеи, приписанныя авторами документовъ своимъ современникамъ, поступки которыхъ они видѣли; 3) побужденія, руководившія, какъ мы можемъ сами предположить, дѣйствіями, разсказанными въ документахъ, которыя мы представляемъ себѣ по образцу нашихъ собственныхъ дѣйствій.

Матеріальные факты, индивидуальныя и коллективныя человѣческія дѣйствія, психическіе факты—вотъ всѣ предметы историческаго знанія; историкъ не наблюдаетъ ихъ непосредственно, а воспроизводитъ при помощи воображенія. Историки почти всѣ, сами того не сознавая и думая, что наблюдаютъ реальности, имѣютъ всегда дѣло только съ образами.

IV. Какъ же вообразить себѣ факты, которые не были бы вполнѣ вымышленными? Воображаемые историкомъ факты строго субъективны; это служитъ однимъ изъ основаній отказывать исторіи въ научномъ характерѣ. Но субъективное не есть синонимъ нереальнаго. Воспоминаніе есть не что иное, какъ образъ, но это не химера, а представленіе прошедшей реальности. Правда, историкъ, работая надъ документами, не имѣетъ въ своемъ распоряженіи личныхъ воспоминаній, но онъ создаетъ себѣ образы на основаніи своихъ воспоминаній. Онъ предполагаетъ, что исчезнувшіе факты (предметы, дѣйствія, побужденія), наблюдавшіеся нѣкогда авторами документовъ, были похожи на современные факты, видимые имъ самимъ и сохранившіеся въ его воспоминаніи. Это постулатъ всѣхъ наукъ, строящихся на основаніи документовъ. Если бы былое человѣчество не походило на настоящее, то въ документахъ нельзя было бы ничего понять. Исходя изъ этого сходства, историкъ составляетъ себѣ картину историческихъ фактовъ прошлаго, подобную его собственнымъ воспоминаніямъ о видѣнныхъ имъ фактахъ.

Эта работа, выполняющаяся безсознательно, служитъ одной изъ главныхъ причинъ заблужденія въ исторіи. Факты прошлаго, которые нужно себѣ вообразить, не вполнѣ сходны съ фактами настоящаго, которые можно видѣть; мы не видали ни одного человѣка, тождественнаго съ Цезаремъ или Хлодвигомъ, и мы не переживали тѣхъ же самыхъ внутреннихъ состояній, какія переживали они. Въ экспериментальныхъ наукахъ также приходится оперировать съ фактами, наблюдавшимися другими наблюдателями, и представлять себѣ ихъ по аналогіи; но эти факты выражены точными терминами, указывающими, какіе неизмѣнные элементы должны входить въ представленіе о нихъ. Даже въ физіологіи понятія настолько точно установлены, что одно и то же слово вызываетъ у всѣхъ натуралистовъ сходное представленіе объ органѣ или движеніи. Это происходитъ оттого, что каждое понятіе, обозначенное извѣстнымъ словомъ, образовалось при помощи метода наблюденія и абстракціи, съ точностью опредѣлившаго и описавшаго всѣ черты, свойственныя этому понятію.

Но по мѣрѣ того, какъ знаніе подходитъ ближе къ невиди-

мымъ внутреннимъ фактамъ, понятія становятся менѣе ясными и языкъ менѣе точнымъ. Намъ не удается выразить человѣческія дѣйствія, даже самые простыя, соціальныя условія, побужденія, чувства, иначе какъ самыми неопредѣленными терминами (король, воинъ, сражаться, избирать). По отношенію къ болѣе сложнымъ явленіямъ языкъ отличается такой неопредѣленностью, что невозможно даже придти къ согла шенію насчетъ необходимыхъ элементовъ явленія. Что такое племя, армія, производство, рынокъ, революція? Здѣсь исторія имѣетъ сходство по неопредѣленности со всѣми гуманитарными науками, психологическими и соціальными. Но ея косвенный пріемъ представленія путемъ образовъ дѣлаетъ эту неопредѣленность еще болѣе опасной. Наши историческіе образы должны были бы воспроизводить хотя существенныя черты образовъ, бывшихъ въ умѣ непосредственныхъ наблюдателей фактовъ прошлаго: между тѣмъ выраженія, которыми они передали свои образы, никогда не объясняютъ намъ точно, каковы были ихъ существенные элементы.

Итакъ, вотъ данныя исторіи: это факты, которыхъ мы не видѣли, описанные въ выраженіяхъ, не позволяющихъ намъ представить ихъ себѣ точно. Историкъ, вынужденный, однако, представлять себѣ образы фактовъ, обязанъ постоянно заботиться о томъ, чтобы создавать свои образы изъ точныхъ элементовъ, стараясь воображать себѣ факты такъ, какъ если бы онъ могъ ихъ видѣть и наблюдать самъ [1]). Но для созданія образа ему нужно больше элементовъ, чѣмъ даютъ документы. Пусть постараются представить себѣ сраженіе или церемонію по даннымъ разсказа: какъ бы онъ ни былъ подробенъ, тотчасъ же окажется, сколько чертъ необходимо къ нему прибавить. Эта необходимость очень чувствительна при возстановленіи памятниковъ, основанномъ на описаніи (напр.: возстановленіе іерусалимскаго храма), когда пишутся картины, имѣющія притязаніе представить историческія сцены, при составленіи рисунковъ иллюстрированныхъ журналовъ.

---

[1]) Это высказано въ краснорѣчивой формѣ Карлейлемъ и Мишле. Тотъ же смыслъ содержится въ знаменитыхъ словахъ Ранке: «Я хочу сказать, какъ это было въ дѣйствительности» (wie es eigentlich gewesen).

Всякій историческій образъ содержитъ, стало быть, значительную долю вымысла. Историкъ не можетъ отъ этого освободиться, но онъ можетъ знать, какіе реальные элементы входятъ въ его образы и дѣлать свои построенія только на основаніи этихъ послѣднихъ, т. е. элементовъ, заимствованныхъ имъ изъ документовъ. Если ему нужно, чтобы понять борьбу между Цезаремъ и Аріовистомъ, вообразить себѣ ихъ арміи, то онъ долженъ тщательно стараться не дѣлать никакихъ заключеній изъ общаго вида этихъ армій, созданнаго его воображеніемъ, а разсуждать только на основаніи реальныхъ подробностей, содержащихся въ документахъ.

V. Задача историческаго метода выяснилась, наконецъ, такимъ образомъ: на основаніи чертъ, разсѣянныхъ по документамъ, мы создаемъ образы. Нѣкоторыя изъ этихъ чертъ, чисто матеріальнаго свойства, доставляемыя вещественными памятниками, представляютъ непосредственно одну изъ реальныхъ сторонъ прошедшаго. Большинство же,—сюда относятся всѣ изображенія психическихъ фактовъ,—составлены на основаніи сходства изображеній, нарисованныхъ въ старину и современныхъ фактовъ, наблюдавшихся нами самими. Факты прошлаго походили только отчасти на факты настоящаго, а между тѣмъ интересъ исторіи именно и заключается въ этихъ различіяхъ. Какъ же представить себѣ отличительныя черты фактовъ прошедшаго, не имѣя ихъ образца? Мы не видали войска, похожаго на франкскихъ воиновъ, не переживали лично чувствъ Хлодвига, отправлявшагося воевать съ вестготами. Какъ представить себѣ эти факты такъ, чтобы они согласовались съ былою дѣйствительностью?

На практикѣ происходитъ вотъ что. Какъ только прочитана фраза документа, въ нашемъ умѣ тотчасъ создается образъ прошлаго путемъ самопроизвольнаго процесса, управлять которымъ не въ нашихъ силахъ. Этотъ образъ, являющійся продуктомъ поверхностной аналогіи, бываетъ обыкновенно совершенно ложнымъ. Каждый изъ насъ можетъ, вѣроятно, припомнить, какъ нелѣпо онъ представлялъ себѣ въ началѣ сцены и лица далекаго прошлаго. Работа исторіи состоитъ въ постепенномъ исправленіи нашихъ первоначальныхъ образовъ, при помощи замѣны ложныхъ чертъ чертами точными. Мы

видѣли людей съ рыжими волосами, щиты и франциски [1]) (или рисунки этихъ вещей); мы сопоставляемъ эти черты, стараясь исправить созданный нами первоначально образъ франкскихъ воиновъ. Такимъ образомъ, историческій образъ является въ концѣ-концовъ комбинаціей чертъ, заимствованныхъ изъ различныхъ опытовъ.

Недостаточно представлять себѣ только изолированныя существа и дѣйствія. Люди и поступки составляютъ часть цѣлаго, общества и его эволюціи; нужно, слѣдовательно, представлять себѣ также отношенія между людьми и дѣйствіями (націи, правительства, законы, войны).

Но чтобы представить себѣ отношенія, нужно вообразить общую картину, а между тѣмъ документы даютъ намъ только отдѣльныя черты. Здѣсь историкъ еще разъ вынужденъ прибѣгать къ субъективному пріему. Онъ воображаетъ себѣ общество или эволюцію и включаетъ въ эти воображаемыя рамки черты, заимствованныя изъ документовъ. Такимъ образомъ, въ то время, какъ біологическая классификація руководится объективно наблюдаемымъ реальнымъ рядомъ явленій, историческая классификація можетъ совершаться только согласно субъективно воображаемому ряду явленій.

Прошедшую реальность мы не наблюдаемъ; мы знаемъ ее только по ея сходству съ существующей реальностью. Чтобы представить себѣ, при какихъ условіяхъ совершались факты прошлаго, надо изучать, путемъ наблюденія современнаго человѣчества, при какихъ условіяхъ происходятъ аналогичные факты настоящаго. Исторія должна была бы, такимъ образомъ, являться примѣненіемъ описательныхъ наукъ о человѣчествѣ (описательной психологіи, соціологіи или соціальной науки), но все это еще науки плохо опредѣлившіяся, и ихъ слабость замедляетъ превращеніе исторіи въ науку.

Тѣмъ не менѣе, существуютъ столь необходимыя и столь очевидныя условія человѣческой жизни, что для установленія ихъ достаточно самаго простого наблюденія. Это условія,

---

[1]) Франциска—это родъ сѣкиры съ короткой рукоятью; она употреблялась у франковъ въ качествѣ метательнаго оружія или въ рукопашномъ бою. Прим. редакц.

общія всему человѣчеству; они порождаются физіологической организаціей, создающей матеріальныя потребности человѣка или психологической (organisation psychologique), создающей привычки его поведенія. Ихъ можно предусмотрѣть и составить общіе вопросные пункты, пригодные для всѣхъ случаевъ. Подобно исторической критикѣ и въ силу той же невозможности непосредственнаго наблюденія, историческое построеніе также вынуждено пользоваться методомъ вопросныхъ пунктовъ (questionnaire).

Человѣческія дѣйствія, составляющія предметъ исторіи, различаются между собою по времени и мѣсту, какъ различались люди и общества, и эти-то именно различія и есть настоящій предметъ изученія исторіи. Если бы люди всегда имѣли одно и то же правительство или говорили однимъ и тѣмъ же языкомъ, то не было бы надобности изучать исторію правительственныхъ учрежденій или исторію языковъ. Но эти различія заключены въ предѣлы общихъ условій человѣческой жизни; они суть не что иное, какъ разновидности извѣстныхъ способовъ дѣйствій и существованія, свойственныхъ всему человѣчеству или, по крайней мѣрѣ, громадному большинству людей. Намъ неизвѣстно заранѣе, какое правительство или какой языкъ былъ у того или иного народа; дѣло исторіи установить эти факты. Но заранѣе и для всѣхъ случаевъ можно предвидѣть, что народъ имѣлъ языкъ и правительство.

Составляя списокъ основныхъ явленій, которыя можно найти въ жизни всякаго человѣка, всякаго народа, получаютъ общій списокъ вопросовъ, правда, не особенно полный, но достаточный для классификаціи массы историческихъ фактовъ въ извѣстное число естественныхъ группъ, каждая изъ которыхъ образуетъ спеціальную отрасль исторіи. Этотъ общій планъ группировки даетъ канву для историческаго построенія.

Общій рядъ вопросовъ касается только обычныхъ явленій; нельзя предвидѣть тысячи мѣстныхъ или случайныхъ фактовъ, составляющихъ жизнь человѣка или націи; недостаточно, слѣдовательно, поставить всѣ вопросы, на которые долженъ отвѣтить историкъ, чтобы получить полную картину прошлаго. Подробное изученіе фактовъ потребуетъ болѣе детальныхъ вопросовъ, различныхъ смотря по свойству фактовъ, людей и об-

ществъ, подлежащихъ изученію. Чтобы формулировать ихъ, можно начать отмѣчать частные вопросы, возникающіе при самомъ чтеніи документовъ; но для классификаціи этихъ вопросовъ и часто даже для пополненія ихъ перечня, необходимо прибѣгать къ пріему методическаго изслѣдованія. Между различными, хорошо извѣстными (путемъ ли точнаго наблюденія или изъ исторіи) родами фактовъ, личностями и обществами, отыскиваютъ такіе, которые похожи на факты, лицо или общество, подлежащіе изученію. Анализируя готовыя уже рамки (cadres) знанія для этихъ извѣстныхъ случаевъ, видятъ, какіе нужно ставить себѣ вопросы по поводу аналогичнаго изучаемаго случая. Само собою разумѣется, что выборъ плана-образца (cadre-modèle) долженъ быть сдѣланъ съ знаніемъ дѣла; къ варварскому обществу не слѣдуетъ примѣнять программы изслѣдованія (вопросныхъ пунктовъ), составленной по примѣру изученія цивилизованныхъ націй, не слѣдуетъ стремиться, напримѣръ, изслѣдовать, какіе агенты въ феодальномъ домэнѣ соотвѣтствовали нашимъ министрамъ, какъ это сдѣлалъ Бутарикъ (Boutaric) въ своей работѣ объ управленіи Альфонса, графа Пуату.

Такой вопросный методъ, благодаря которому все историческое построеніе покоится на пріемѣ à priori, былъ бы недопустимъ, если бы исторія была дѣйствительно экспериментальной наукой; быть можетъ его найдутъ даже смѣшнымъ по сравненію съ апостеріорнымъ методомъ естественныхъ наукъ. Но оправданіе его очень просто: это единственно примѣнимый методъ въ исторіи, да другого никогда и не существовало. Какъ только историкъ пожелаетъ привести въ порядокъ факты, содержащіеся въ документахъ, онъ прежде всего создаетъ, на основаніи имѣющагося у него знанія человѣческихъ поступковъ, планъ изложенія (cadre d'exposition), что равносильно формулировкѣ ряда вопросныхъ пунктовъ, или же принимаетъ планъ кого-нибудь изъ своихъ предшественниковъ, выработанный путемъ такого же пріема. Когда эта работа совершается безсознательно, планъ получается неполный и сбивчивый. Такимъ образомъ, дѣло идетъ не о томъ, чтобы рѣшать, какъ нужно оперировать—съ помощью или безъ помощи à priori выработаннаго ряда вопросовъ, потому что безъ него нѣтъ возможности обойтись,—выборъ приходится дѣлать между безсозна-

тельнымъ, сбивчивымъ и неполнымъ рядомъ вопросовъ, съ одной стороны, и сознательнымъ, полнымъ и точнымъ, съ другой.

VI. Теперь можно намѣтить планъ историческаго построенія о предѣлить рядъ синтетическихъ процессовъ, необходимыхъ ля возведенія научнаго зданія.

Критическій анализъ документовъ даетъ матеріалы для историческаго построенія въ видѣ разрозненныхъ историческихъ фактовъ. Историкъ, сначала, воображаетъ ихъ себѣ по образцу фактовъ настоящаго, предполагая послѣдніе аналогичными фактамъ прошлаго. Онъ старается, комбинируя отдѣльныя черты, заимствованныя изъ реальности, получить образъ, наиболѣе похожій на тотъ, какой дало бы непосредственное наблюденіе факта прошедшаго времени. Это первый синтетическій процессъ, неразрывно связанный съ самымъ чтеніемъ документовъ. Мы отказались отъ намѣренія посвятить ему особую главу, думая, что достаточно здѣсь выяснить его характеръ [1]).

Полученные указаннымъ выше путемъ факты группируютъ согласно плану, созданному по образцу совокупности явленій, наблюдаемой въ дѣйствительности, предполагая, что совокупность явленій настоящаго аналогична съ совокупностью явленій прошлаго. Это второй процессъ; онъ выполняется съ помощью ряда вопросовъ и приводитъ къ выдѣленію изъ массы разнородныхъ историческихъ фактовъ однородныхъ частей, пока всѣ историческіе факты прошлаго не будутъ сгруппированы въ одну цѣльную картину. Послѣ того, какъ всѣ факты, извлеченные изъ документовъ, бываютъ размѣщены соотвѣтственнымъ образомъ, всегда оказываются очень значительные пробѣлы, даже огромные для всѣхъ частей исторіи, не изобилующихъ сохранившимися документами. Историкъ пытается заполнить нѣкоторые изъ этихъ пробѣловъ въ рядахъ фактовъ посредствомъ умозаключеній (raisonnements), исходя изъ достовѣрно извѣстныхъ фактовъ. Это третій синтетическій процессъ, увеличивающій массу историческихъ знаній путемъ логической работы.

Но и послѣ этой работы получается только масса фактовъ,

[1]) См выше, стр. 176—179.

расположенныхъ въ извѣстномъ порядкѣ. Ихъ нужно свести къ нѣкоторымъ формуламъ, чтобы попытаться далѣе выяснить общіе признаки отношенія. Это четвертый процессъ. Онъ приводитъ къ окончательнымъ выводамъ и вѣнчаетъ историческое построеніе съ научной точкой зрѣнія.

Такъ какъ передача другимъ историческаго знанія, крайне сложнаго и громоздкаго по своей природѣ, отличается исключительной трудностью, то остается еще отыскать пріемы изложенія результатовъ исторической работы.

VII. Не трудно понять, что указанный рядъ процессовъ никогда не выполнялся въ совершенствѣ. Этому мѣшали матеріальныя трудности, не принимаемыя во вниманіе методологическими теоріями, трудности, которымъ нужно, однако, взглянуть прямо въ лицо, чтобы посмотрѣть, насколько онѣ непреодолимы.

Историческія операціи, начиная отъ нахожденія документа до конечнаго формулированія вывода, такъ многочисленны и требуютъ такихъ тщательныхъ предосторожностей, такихъ природныхъ способностей и столь разнообразныхъ навыковъ, что одинъ человѣкъ не можетъ выполнить всей работы своими единоличными усиліями ни по одному вопросу. Исторія, менѣе чѣмъ всякая другая наука, можетъ обходиться безъ раздѣленія труда, а между тѣмъ она менѣе всѣхъ другихъ наукъ прибѣгаетъ къ нему. Случается, что ученые, спеціалисты по отдѣльнымъ отраслямъ историческихъ знаній, пишутъ общія исторіи, сочиняя факты по волѣ своего воображенія [1]) и лица, занимающіяся историческими построеніями, оперируютъ съ матеріалами, не удостовѣрившись предварительно въ ихъ цѣнности [2]). Это происходитъ отъ того, что раздѣленіе труда предполагаетъ соглашеніе между работниками, а въ исторической наукѣ такого соглашенія не существуетъ. Каждый, исключая подготовительныхъ операцій внѣшней критики, поступаетъ по своему личному вдохновенію, не руководясь общимъ методомъ и не заботясь о всей совокупности работы, среди которой долженъ занять мѣсто и его личный трудъ.

---

[1]) Курціусъ въ своей «Греческой исторіи», Моммзенъ въ своей «Римской исторіи» (до временъ имперіи), Лампрехтъ въ своей «Исторіи Германіи».

[2]) Достаточно указать на Огюстена Тьерри, Мишле и Карлейля.

Ни одинъ историкъ не можетъ съ полной увѣренностью воспользоваться выводами другого историка, какъ это дѣлаютъ ученые, занимающіеся точными науками, потому что онъ не знаетъ, при помощи какихъ пріемовъ добыты эти выводы. Наиболѣе добросовѣстные доходятъ до того, что, прежде чѣмъ согласиться съ какимъ-либо выводомъ, продѣлываютъ сами всю необходимую работу надъ документами; такъ поступалъ Фюстель-де-Куланжъ. Такая чрезмѣрная требовательность можетъ быть удовлетворена, да и то съ трудомъ, когда дѣло касается очень плохо извѣстныхъ періодовъ исторической жизни, относительно которыхъ сохранилось лишь незначительное число документовъ, содержащихся въ нѣсколькихъ томахъ, а, между тѣмъ, возвели въ догматъ, что историкъ никогда не долженъ работать изъ вторыхъ рукъ [1]). Однако послѣднее дѣлается необходимостью, когда документы слишкомъ многочисленны и не могутъ быть всѣ прочитаны; объ этомъ, впрочемъ, не говорится изъ боязни скандала.

Лучше было бы откровенно сознаться въ дѣйствительномъ положеніи дѣла. Такая сложная наука, какъ исторія, гдѣ прежде, чѣмъ формулировать выводъ, приходится, обыкновенно, накоплять факты милліонами, не можетъ основываться на подобномъ вѣчномъ начинаніи снова. Историческое построеніе не дѣлается прямо по документамъ, точно такъ же какъ исторія „не пишется по рукописямъ“ на одномъ и томъ же основаніи— ради сбереженія времени. Чтобы двигать впередъ науку, нужно комбинировать выводы, добытые тысячами частичныхъ работъ.

Какъ же, однако, быть, если заранѣе извѣстно, что методъ, примѣненный въ большинствѣ работъ сомнителенъ, если не прямо неправиленъ? Чрезмѣрная довѣрчивость такъ же неизбѣжно привела бы къ ошибкѣ, какъ чрезмѣрное недовѣріе приводитъ къ безсилію. Самое лучшее, въ данномъ случаѣ, читать работы историковъ съ тѣми же самыми критическими предосторожностями, съ какими читаютъ документы. Природный инстинктъ побуждаетъ искать въ этихъ работахъ главнымъ образомъ вы-

---

[1]) См. у П. Гиро. Fustel de Coulanges (Парижъ 1896 г., стр. 164, есть рус. пер. Москва 1898 г.) очень справедливыя замѣчанія относительно такого притязанія.

воды и принимать послѣдніе, какъ установленныя истины; слѣдуетъ же, наоборотъ, при помощи безпрерывнаго анализа, искать въ нихъ факты доказательства, отрывки документовъ, короче сказать—матеріалы. Вся работа автора будетъ, такимъ образомъ, продѣлана вновь, но гораздо скорѣе, потому что всего больше тратится времени на собираніе матеріаловъ; что же касается выводовъ, то изъ нихъ будутъ приняты только тѣ, которые окажутся доказанными.

Глава II.

Группировка фактовъ.

Историку, очутившемуся лицомъ къ лицу съ хаосомъ историческихъ фактовъ, является прежде всего необходимымъ ограничить поле своихъ изысканій. Какіе факты выберетъ онъ для изученія въ океанѣ всемірной исторіи? Затѣмъ, въ выбранной массѣ фактовъ ему придется различать группы и отдѣлы. Наконецъ, въ каждомъ отдѣлѣ придется подбирать факты одинъ къ одному. Такимъ образомъ, всякое историческое построеніе должно начинаться съ отысканія принципа для выбора, приведенія въ порядокъ и включенія въ извѣстныя рамки историческихъ фактовъ. Принципъ этотъ можно искать или во внѣшнихъ условіяхъ, при которыхъ совершались факты, или во внутренней природѣ самихъ фактовъ.

Классификація на основаніи внѣшнихъ условій самая простая и легкая. Каждый историческій фактъ происходилъ въ опредѣленное время и въ опредѣленномъ мѣстѣ и относился къ одному лицу или къ цѣлой группѣ лицъ — вотъ удобныя рамки для разграниченія и классификаціи фактовъ. Такимъ путемъ является на свѣтъ исторія какого-либо періода, страны, націи, человѣка (біографія); историки древности и эпохи Возрожденія не прибѣгали ни къ какой другой классификаціи. Подраздѣленія въ этомъ общемъ планѣ производятся на основаніи того же самаго принципа, и факты подбираются въ порядкѣ времени, мѣста или группъ. Что касается выбора фак-

товъ, подлежащихъ классификаціи по этимъ планамъ, то его производили долгое время, не руководствуясь никакимъ опредѣленнымъ принципомъ: историки выбирали, по своему личному усмотрѣнію, изъ фактовъ, совершившихся въ извѣстный періодъ времени, въ извѣстной странѣ или у извѣстнаго народа все, что казалось имъ интереснымъ и любопытнымъ. Титъ Ливій и Тацитъ разсказывали въ перемежку съ войнами и революціями, о наводненіяхъ, эпидеміяхъ и рожденіяхъ уродовъ. Классификація на основаніи природы фактовъ ввелась весьма поздно и привилась очень медленно; она зародилась внѣ исторіи, въ спеціальныхъ отрасляхъ изученія нѣкоторыхъ сторонъ человѣческой дѣятельности: языка, литературы, искусствъ, права, политической экономіи, религіи, которое сначала было догматическимъ и мало-по-малу стало историческимъ. На основаніи руководящаго принципа этой классификаціи, выбираются и группируются вмѣстѣ факты, относящіеся къ одному роду дѣйствій, при чемъ каждая изъ такихъ группъ становится матеріаломъ для спеціальной отрасли исторіи. Совокупность фактовъ распредѣляется, такимъ образомъ, по общимъ рубрикамъ (casier), которыя могутъ быть построены a priori, разсматривая въ цѣломъ всю человѣческую дѣятельность, и предетавляютъ собою ту общую программу вопросовъ (questionnaire), о которой говорилось въ предыдущей главѣ.

Помѣщаемая ниже таблица представляетъ собою попытку общей классификаціи историческихъ фактовъ [1]), основанной на характерѣ условій и проявленій человѣческой дѣятельности.

I. Матеріальныя условія. 1) Изученіе организма. *A*. Антропологія (этнологія), анатомія и физіологія, ано-

---

[1]) Классификація г. Лакомба (De l'histoire considérée comme science, глава VI), основанная на побудительныхъ причинахъ дѣйствій и потребностяхъ, которымъ они должны удовлетворять, съ философской точки зрѣнія очень справедлива, но не отвѣчаетъ практическимъ нуждамъ историковъ; она покоится на отвлеченныхъ психическихъ категоріяхъ (мотивы экономическій, половой, симпатическій, мотивъ чести) и сваливаетъ въ одно цѣлое очень отличныя другъ отъ друга проявленія человѣческой дѣятельности (военныя учрежденія рядомъ съ экономической жизнью).

маліи и патологическія особенности. *B.* Демографія (количество населенія, полъ, возрастъ, рождаемость, смертность, болѣзни). 2) Изученіе среды. *A.* Естественная географическая среда (рельефъ, климатъ, воды, почва, флора и фауна). *B.* Искусственная среда (культура растеній, постройки, пути сообщенія, орудія и т. п.).

II. Духовный бытъ. 1) Языкъ (словарь, синтаксисъ, фонетика, семіотика), Письменность. 2) Искусства: *A.* Пластическія искусства (условія творчества, понятія, пріемы, произведенія). *B.* Изобразительныя искусства, музыка, танцы, литература. 3) Науки (условія научной работы, методы, выводы). 4) Философія и нравственность (понятія, правила, дѣйствительное примѣненіе). 5) Религія (вѣрованія, обряды) [1]).

III. Матеріальный бытъ). 1) Матеріальная жизнь: *A.* Питаніе (питательные продукты, приправы, возбуждающія вещества). *B.* Одежда и украшенія. *C.* Жилище и домашняя утварь. 2) Частная жизнь: *A.* Препровожденіе времени (туалетъ, уходъ за тѣломъ, принятіе пищи). *B.* Общественный церемоніалъ (похороны, свадьба, празднества, этикетъ). *C.* Развлеченія (спортъ и охота, зрѣлища и игры, собранія, путешествія).

IV. Экономическій бытъ. 1) Добывающая промышленность: *A.* Земледѣліе и разведеніе домашняго скота. *B.* Разработка минеральныхъ богатствъ. 2) Промышленность обрабатывающая. Транспортъ и разные виды промышленности [2]) (техническіе пріемы, раздѣленіе труда, пути сообщенія. 3) Торговля: обмѣнъ и продажа, кредитъ. 4) Распредѣленіе: режимъ собственности, переходъ изъ однѣхъ рукъ въ другія, договоры, распредѣленіе продуктовъ.

V. Общественныя учрежденія. 1) Семья: *A.* Организація, власть, положеніе женщинъ и дѣтей. *B.* Экономи-

---

[1]) Религіозныя учрежденія составляютъ часть правительства; въ нѣмецкихъ учебникахъ «Древностей» они фигурируютъ между учрежденіями, между тѣмъ какъ религія относится въ нихъ къ искусствамъ.

[2]) Транспортъ относится часто въ рубрику торговли, но въ дѣйствительности составляетъ одинъ изъ видовъ промышленности.

ческая организація [1]). Семейная собственность, право наслѣдованія. 2) Воспитаніе и образованіе (цѣль, пріемы, личный составъ). 3) Общественные классы (принципъ дѣленія, отношенія между ними).

VI. Государственныя учрежденія. 1) Политическія учрежденія: *A.* Верховная власть (личный составъ, процедура). *B.* Администрація, вѣдомства (военное, судебное, финансовое) и т. д. *C.* Выборныя власти, собранія, избирательныя корпораціи (полномочія, процедура). 2) Духовныя учрежденія (тѣ же вопросы). 3) Международныя учрежденія: *A.* Дипломатія. *B.* Война (военные обычаи и военное искусство). *C.* Частное право и международная торговля.

Группировка фактовъ по ихъ характеру соединяется съ группировкою по времени и мѣсту, гдѣ они происходили, такъ, чтобы въ каждой серіи были отдѣлы хронологическіе, географическіе или національные. Исторія одного какого-либо рода явленій (языка, живописи, правительства) подраздѣляется на исторію отдѣльныхъ періодовъ, странъ, націй (исторія греческаго языка въ древности, исторія французскаго правительства въ XIX вѣкѣ).

На основаніи тѣхъ же самыхъ принциповъ устанавливается порядокъ, въ которомъ размѣщаются факты. Необходимость располагать факты одинъ за другимъ принуждаетъ принять за правило методическую послѣдовательность (une règle méthodique de succession). Можно излагать послѣдовательно или всѣ факты, происшедшіе въ одно и тоже время, или въ одной и той же странѣ, или всѣ факты одного и того же рода. Всякій историческій матеріалъ можетъ быть распредѣленъ согласно тремъ различнымъ порядкамъ: порядку хронологическому (порядокъ времени), порядку географическому (порядокъ мѣстностей, часто совпадающій съ порядкомъ націй) и порядку по родамъ дѣйствій, называемому обыкновенно порядкомъ логическимъ. Придерживаться исключительно одного какого-нибудь изъ этихъ порядковъ невозможно: въ каж-

[1]) Собственность — учрежденіе смѣшанное: экономическое, общественное и политическое.

домъ хронологическомъ изложеніи приходится дѣлать отступленія въ сторону географическаго или логическаго порядка, переходить отъ одной страны къ другой, отъ одного рода фактовъ къ другому и обратно. Но всегда слѣдуетъ рѣшать заранѣе, какой порядокъ классификаціи будетъ господствующимъ, въ отношеніи котораго другіе будутъ только подраздѣленіями.

Выборъ между этими тремя порядками очень затруднителенъ; дѣлая его, нужно принимать во вниманіе предметъ изслѣдованія и родъ публики, для которой оно предназначается.

II. Какъ только начинаютъ сортировать историческіе факты для классификаціи, тотчасъ же наталкиваются на вопросъ, вызывающій горячіе споры.

Каждый человѣческій актъ по своему свойству есть индивидуальный, преходящій фактъ, совершающійся въ одинъ только моментъ и въ одномъ мѣстѣ, такъ что каждый фактъ единственный въ своемъ родѣ. Но каждый актъ человѣка походитъ на другой актъ его же самого или другихъ людей той же группы и часто сходство бываетъ настолько велико, что эти дѣйствія смѣшиваютъ и обозначаютъ однимъ наименованіемъ; такіе сходные акты, непреодолимо группирующіеся въ человѣческомъ умѣ, называютъ привычками, обычаями, учрежденіями. Все это не что иное, какъ умственныя построенія, но они съ такою силою навязываются человѣческому уму, что многія становятся обязательными правилами; привычки эти представляютъ собою коллективные факты, обладающіе извѣстной прочностью и извѣстной распространенностью. Историческіе факты можно, слѣдовательно, разсматривать съ двухъ противоположныхъ точекъ зрѣнія, отмѣчая, что есть въ каждомъ фактѣ индивидуальнаго, частнаго, преходящаго или, что имѣется въ немъ коллективнаго, общаго, продолжительнаго. Въ первомъ пониманіи исторія есть непрерывное повѣствованіе о происшествіяхъ съ людьми прошлаго; во второмъ—это картина послѣдовательно измѣняющихся привычекъ человѣчества.

На этой почвѣ велась, въ особенности въ Германіи, борьба между сторонниками исторіи цивилизаціи (Culturgeschichte) [1]) и историками по профессіи, остававшимися вѣрными ста-

[1]) Для ознакомленія съ исторіей и библіографіей этого движенія смот. Бернгейма цит. соч., стр. 45—55.

ринной традиціи; во Франціи велась борьба между исторіей учрежденій, нравовъ и идей и исторіей политической, которую ея противники презрительно называли „l'histoire-bataille“ (военной исторіей).

Это несогласіе объясняется разницей въ документахъ, которыми обыкновенно пользовались историки этихъ двухъ партій. Историки, занимавшіеся, главнымъ образомъ, политической исторіей, видѣли индивидуальныя и скоропреходящія дѣйствія правителей, гдѣ очень трудно усмотрѣть какую-либо общую черту. Въ спеціальныхъ исторіяхъ, наоборотъ (исключая исторіи литературы), документы свидѣтельствуютъ только объ общихъ фактахъ, о формѣ языка, о церковномъ обрядѣ, о юридическомъ законѣ; нужно особое усиліе воображенія, чтобы представить себѣ человѣка, произнесшаго это слово, совершавшаго этотъ обрядъ, примѣнявшаго этотъ законъ.

Въ этомъ спорѣ нѣтъ надобности становиться на чью-либо сторону. Полное историческое построеніе предполагаетъ изученіе фактовъ съ обѣихъ указанныхъ точекъ зрѣнія. Картина духовнаго и матеріальнаго быта людей составляетъ, очевидно, капитальную часть исторіи. Но тѣмъ не менѣе, если бы соединить всѣ дѣйствія всѣхъ индивидуумовъ, съ цѣлью вывести заключеніе, что въ нихъ есть общаго, у насъ всегда бы остался остатокъ, который мы не имѣли бы права отбросить, потому что онъ представлялъ бы собою чисто историческій элементъ; остатокъ этотъ и объясняется тѣмъ, что нѣкоторыя дѣйствія были дѣйствіями одного человѣка или одной группы людей въ одинъ данный моментъ. Въ планѣ историческаго построенія, ограниченномъ одними общими фактами политической жизни, не было бы мѣста для фарсальской побѣды или для взятія Бастиліи, какъ фактовъ случайныхъ, скоропреходящихъ, но безъ нихъ исторія римскихъ или французскихъ учрежденій не была бы понятной.

Такимъ образомъ, исторія вынуждена соединять изученіе общихъ фактовъ съ изученіемъ нѣкоторыхъ частныхъ. Она имѣетъ смѣшанный характеръ, средній между знаніемъ общихъ явленій и повѣствованіемъ о происшествіяхъ. Трудность отнести эту помѣсь къ одной изъ категорій человѣческой мысли часто выражалась въ ребяческомъ вопросѣ: есть ли исторія искусство или наука?

III. Общій планъ классификаціи, изложенный нами выше, можетъ служить для установленія всѣхъ родовъ привычки (обычаевъ, учрежденій), исторію которыхъ можно пытаться изучить. Но прежде чѣмъ примѣнить этотъ общій планъ къ какой бы то ни было группѣ историческихъ привычекъ: языку, религіи, частнымъ обычаямъ или политическимъ учрежденіямъ, нужно всегда разрѣшить одинъ предварительный вопросъ: кто собственно придерживался тѣхъ привычекъ, которыя имѣется въ виду изучить? Онѣ были свойственны большому числу индивидуумовъ и это собраніе индивидуумовъ съ однѣми и тѣми же привычками мы называемъ группой. Первымъ условіемъ для изученія привычки является, слѣдовательно, опредѣленіе придерживавшейся ея группы. Здѣсь нужна большая осмотрительность, такъ какъ малѣйшая оплошность при опредѣленіи группы можетъ повредить всему историческому построенію.

Существуетъ естественная склонность представлять себѣ человѣческую группу по образцу группъ животныхъ, какъ совокупность совершенно похожихъ другъ на друга людей. Берутъ группу, соединенную очень поверхностнымъ признакомъ: націю, связанную однимъ оффиціальнымъ правительствомъ (римлянъ, англичанъ, французовъ), народъ, говорящій однимъ языкомъ (грековъ, германцевъ), и производятъ изученіе, какъ будто бы всѣ члены такихъ группъ во всѣхъ отношеніяхъ походили другъ на друга и имѣли одинаковые обычаи.

На дѣлѣ, ни одна реальная группа, даже централизованное общество, не представляетъ собою однороднаго цѣлаго. Для большой части человѣческой дѣятельности,—языка, искусства, науки, религіи, экономической жизни,—группа остается подвижной. Что такое группа людей, говорящая по-гречески, христіанская группа, группа новѣйшей науки? Даже группы, установленныя оффиціальной организаціей,—государства и церкви,—представляютъ собою только кажущееся единство, въ дѣйствительности же состоятъ изъ разнородныхъ элементовъ. Въ составъ англійской націи входятъ валлійцы, шотландцы, ирландцы; католическая церковь состоитъ изъ вѣрующихъ, разсѣянныхъ по всему міру и отличающихся другъ отъ друга во всемъ, кромѣ религіи. Не существуетъ такой группы, всѣ члены

которой имѣли бы одинаковыя привычки во всѣхъ отношеніяхъ. Одинъ и тотъ же человѣкъ является одновременно членомъ многихъ группъ и въ каждой группѣ разнится отъ своихъ товарищей. Французъ изъ Канады представляетъ собою одновременно члена: британскаго государства, католической церкви и группы людей, говорящихъ на французскомъ языкѣ. Такимъ образомъ, группы перемѣшиваются однѣ съ другими, дѣлая невозможнымъ дѣленіе человѣчества на вполнѣ различныя, рядомъ стоящія общества.

Встрѣчающіяся въ историческихъ документахъ наименованія группъ, употреблявшіяся современниками, въ большинствѣ случаевъ основываются только на поверхностномъ сходствѣ. Прежде чѣмъ принимать ихъ, слѣдуетъ поставить себѣ за правило ихъ критиковать и опредѣлять съ точностью характеръ и размѣръ группы, задаваясь вопросами: изъ какихъ людей группа состояла? какія узы ихъ соединяли? какія у нихъ были общія привычки и какими родами дѣятельности они отличались другъ отъ друга? Только тогда станетъ ясно, для какихъ формъ быта данная группа можетъ обозначать рамки изслѣдованія, при чемъ придется выбирать родъ группы сообразно роду изучаемыхъ фактовъ. Для изученія интеллектуальныхъ привычекъ (языка, религіи, искусства, науки) придется брать за образецъ не націю, какъ политическое цѣлое, но группу людей, придерживавшихся сообща этихъ привычекъ; для изученія экономическихъ фактовъ—группу, связанную общностью экономическихъ условій; политическую группу придется приберегать для изученія соціальныхъ и политическихъ фактовъ, раса [1]) же будетъ устранена вполнѣ.

---

[1]) Нѣтъ болѣе необходимости доказывать безполезность понятія «расы» (race). Оно примѣнялось къ неопредѣленнымъ группамъ, образованнымъ націей или языкомъ, потому что расы историковъ (греческая, римская, германская, кельтская, славянская) не имѣли ничего общаго, кромѣ названія, съ расою въ антропологическомъ смыслѣ, представляющей группу людей, надѣленныхъ по наслѣдству одинаковыми признаками. Она была приведена къ абсурду, благодаря злоупотребленію со стороны Тэна. Хорошую критику понятія «расы» можно найти у Лакомба цит. сочин., гл. XVIII и у Робертсона «The Saxon and the Celt», Лондонъ, 1897 г.

Если въ извѣстныхъ отношеніяхъ группа и является однородной, то никогда этого не замѣчается вполнѣ; она раздѣляется на подгруппы, члены которыхъ отличаются другъ отъ друга нѣкоторыми второстепенными привычками; языкъ дѣлится на нарѣчія, религія на секты, нація на народности. И обратно, одна группа можетъ походить на другія и приближаться къ нимъ по многимъ своимъ качествамъ; въ общей классификаціи можно распознавать „семьи“ языковъ, искусствъ, народовъ. Нужно, слѣдовательно, задаваться такими вопросами: какъ подраздѣлялась группа? часть какого цѣлаго она составляла?

Тогда становится возможнымъ изучать методически привычку или даже совокупность привычекъ въ данное время и данномъ мѣстѣ, слѣдуя приведенному выше списку. Со стороны метода, дѣло не представляетъ никакихъ трудностей для всѣхъ родовъ фактовъ, являющихся въ формѣ индивидуальныхъ и произвольныхъ привычекъ, каковы: языкъ, искусство, наука, понятія, частные обычаи; тутъ достаточно констатировать, въ чемъ состояла каждая привычка. Слѣдуетъ только стараться различать персоналъ, создававшій или поддерживавшій привычки (художниковъ, ученыхъ, философовъ, творцовъ моды) и перенимавшую ихъ массу.

Но когда приходится изучать соціальныя или политическія привычки (называемыя учрежденіями), то встрѣчаются новыя условія, создающія неизбѣжную иллюзію. Члены одной и той же соціальной или политической группы имѣютъ не только привычку къ *сходнымъ* дѣйствіямъ, но дѣйствуютъ другъ на друга посредствомъ *взаимныхъ* дѣйствій: они повелѣваютъ другъ другу, принуждаютъ и содѣйствуютъ одни другимъ. Привычки становятся *отношеніями* между членами группы; если онѣ древняго происхожденія, формулированы въ оффиціальныя правила, признаны обязательными фактической властью и за выполненіемъ ихъ слѣдитъ спеціальный персоналъ, то онѣ занимаютъ такое мѣсто въ жизни, что производятъ на людей, ихъ выполняющихъ, впечатлѣніе внѣшнихъ реальностей. Сами люди, специализировавшіеся на выполненіи извѣстныхъ занятій или обязанностей, ставшихъ господствующими привычками ихъ жизни, кажутся сгруппированными въ

различныя категоріи (классы, корпораціи, церкви, правительства), и эти категоріи кажутся реальными существами или, по меньшей мѣрѣ, органами, на каждый изъ которыхъ возложена опредѣленная обязанность въ реальномъ существѣ, представляющемъ собою общество. По аналогіи съ тѣломъ животнаго, описываютъ „строеніе“ (structure) и „функціонированіе“ общества или даже его „анатомію“ и его „физіологію“. Это, конечно, только метафоры. Структура общества — это обычаи и правила, распредѣляющіе занятія, пользованіе благами и обязанности между людьми; функціонированіе—это обычныя дѣйствія, при помощи которыхъ каждый человѣкъ вступаетъ въ сношенія съ другими людьми. Если находятъ удобнымъ употреблять эти термины, то слѣдуетъ помнить, что за ними скрываются только привычки.

Тѣмъ не менѣе, изученіе учрежденій обязываетъ задаваться спеціальными вопросами о личностяхъ и лежащихъ на нихъ обязанностяхъ.

При изученіи общественныхъ учрежденій и экономическихъ условій быта слѣдуетъ изслѣдовать, каково было въ дѣйствительности раздѣленіе труда и раздѣленіе на классы; какіе существовали профессіи и классы, какъ они составлялись, въ какихъ отношеніяхъ находились между собою члены различныхъ профессій и классовъ. При изученіи политическихъ учрежденій, освященныхъ обязательными законами и фактической властью, выдвигается два новыхъ ряда вопросовъ: 1) каковъ былъ персоналъ, облеченный властью? Когда власть раздѣлена, нужно изслѣдовать распредѣленіе функцій, анализировать персоналъ по его различнымъ группамъ (высшій и подвѣдомственный, центральный и мѣстный) и различать спеціальныя учрежденія. Для каждаго рода правящихъ лицъ, нужно задаваться вопросомъ: какъ они набирались? какова была ихъ оффиціальная власть и ихъ способы дѣйствія? 2) Каковы были оффиціальныя постановленія? Ихъ форма (обычай, повелѣнія, законъ, прецеденты)? Ихъ содержаніе (предписанія права)? Способъ ихъ примѣненія (процедура)? И въ особенности, какъ выполнялись эти постановленія на практикѣ (злоупотребленія властью, эксплоатація, столкновенія между агентами власти, не соблюдавшіяся постановленія)?

Выяснивъ всѣ факты, дающіе картину жизни одного общества, остается только перенести это общество въ совокупность обществъ одной и той же эпохи. Это дало бы возможность изучить международныя учрежденія, интеллектуальныя, экономическія, политическія (дипломатію, военные обычаи); здѣсь пришлось бы ставить тѣ же вопросы, какъ и при изученіи политическихъ учрежденій. Это изученіе слѣдовало бы дополнять изслѣдованіемъ привычекъ, общихъ многимъ обществамъ, и отношеній, не принимающихъ оффиціальныхъ формъ. Но это одна изъ частей историческаго построенія, всего менѣе подвинувшихся впередъ.

IV. Вся эта работа позволяетъ воспроизвести картину человѣческой жизни въ извѣстный моментъ; она знакомитъ съ состояніемъ общества (по-нѣмецки Zustand). Но исторія не ограничивается изученіемъ одновременныхъ фактовъ, взятыхъ въ состояніи покоя (часто говорятъ—въ статическомъ состояніи). Она изучаетъ также состоянія общества въ различные моменты и констатируетъ различія между этими состояніями. Привычки человѣчества и условія его матеріальной жизни измѣняются въ различныя эпохи; даже тогда, когда они кажутся сохранившимися въ прежнемъ видѣ, они все-таки не остаются вполнѣ тождественными. Нужно изслѣдовать эти измѣненія, и это значитъ—изучать факты въ ихъ послѣдовательности.

Для историческаго построенія наиболѣе интересны тѣ изъ этихъ измѣненій, которыя совершаются въ одномъ и томъ же смыслѣ [1]), такъ что путемъ постепенныхъ измѣненій обычай или состояніе общества преобразуется въ иной обычай или различное отъ первоначальнаго состояніе или, выражаясь проще, люди одной эпохи придерживаются привычекъ, сильно отличающихся отъ привычекъ ихъ предшественниковъ, не переживъ никакого внезапнаго переворота. Это—эволюція.

Эволюція совершается во всѣхъ чѣловѣческихъ привычкахъ. Для изслѣдованія ея достаточно отвѣтить на вопросы, прила-

[1]) Относительно того, какое мѣсто должно быть отведено въ исторіи измѣненіямъ въ противоположномъ смыслѣ, т. е. колебаніямъ, приводящимъ ходъ вещей обратно къ точкѣ отправленія, существуетъ разногласіе.

*

гавшіеся къ воспроизведенію картины общества. Въ отношеніи всѣхъ фактовъ, условій, обычаевъ, персонала, облеченнаго властью, оффиціальныхъ постановленій, ставится вопросъ: какова была эволюція даннаго факта?

При изученіи эволюціи какого-либо факта требуется: 1) установить фактъ, эволюцію котораго имѣютъ въ виду изучить; 2) опредѣлить время, въ теченіе котораго она совершалась; періодъ времени долженъ быть выбранъ такъ, чтобы преобразованіе было очевиднымъ и чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ оставалась связь между точкою отправленія и конечною точкою изслѣдованія; 3) установить послѣдовательные моменты эволюціи; 4) изслѣдовать, какимъ способомъ она совершалась.

V. Содержаніе исторіи не можетъ быть исчерпано даже полнымъ рядомъ состояній всѣхъ обществъ и всѣхъ ихъ эволюцій. Остаются единичные факты, безъ которыхъ нельзя обойтись, потому что они объясняютъ происхожденіе обществъ и начало эволюцій. Какъ изучать учрежденія и эволюцію Франціи, не говоря ничего о покореніи Галліи Цезаремъ и о нашествіи варваровъ?

Эта необходимость изученія единичныхъ фактовъ послужила поводомъ къ утвержденію, что исторія не можетъ быть наукою, потому что предметомъ всякой науки должны быть не частныя, а общія явленія. Въ данномъ случаѣ исторія имѣетъ сходство съ геологіей, космографіей, наукой о видахъ животныхъ; она не есть отвлеченное знаніе отношеній между фактами, а о б ъ я с н и т е л ь н о е изученіе (étude explicative) дѣйствительности; дѣйствительность же эта существовала только одинъ разъ. Была одна только эволюція земли, животной жизни, человѣчества. Въ каждой изъ этихъ эволюцій факты, слѣдовавшіе одинъ за другимъ, были не продуктомъ абстрактныхъ законовъ, а продуктомъ стеченія въ каждый данный моментъ многихъ различнаго рода фактовъ. Это стеченіе обстоятельствъ, называемое иногда случаемъ, производило рядъ происшествій, которыя опредѣлили собой особый ходъ эволюціи [1]). Чтобы

[1]) Теорія случайности обработана положительнымъ образомъ Курно въ «Considérations sur le marche des idées et des événements dans les temps modernes», Парижъ 1872 г., 2 тома.

понять эволюцію, нужно изучить эти случайности; здѣсь исторія оказывается въ одинаковомъ положеніи съ геологіей и палеонтологіей.

Такимъ образомъ, научная исторія можетъ обратиться къ случайностямъ (accidents), собраннымъ основанной на преданіи исторіей по литературнымъ соображеніямъ, потому что они поражали воображеніе авторовъ, и утилизировать ихъ при изученіи эволюціи. Можно, слѣдовательно, изыскивать факты, дѣйствовавшіе на эволюцію каждой изъ человѣческихъ привычекъ; каждый случай займетъ мѣсто въ свое время въ эволюціи, на которую онъ воздѣйствовалъ. Затѣмъ достаточно будетъ собрать всевозможные роды происшествія и классифицировать ихъ въ порядкѣ географическомъ и хронологическомъ, чтобы имѣть общую картину эволюціи.

Поступая такимъ образомъ, мы получимъ сверхъ *спеціальныхъ* исторій, гдѣ факты подобраны по чисто отвлеченнымъ категоріямъ (искусство, религія, частная жизнь, политическія учрежденія), *общую* конкретную исторію, которая соединитъ различныя спеціальныя исторіи, показавъ эволюцію цѣлаго, господствовавшую надъ всѣми спеціальными эволюціями. Каждый изъ различныхъ родовъ фактовъ, изучаемыхъ отдѣльно (религія, искусство, право, государственное устройство), не образуетъ собою замкнутаго міра, гдѣ факты развивались бы послѣдовательно, при помощи извѣстнаго рода внутренней силы, какъ склонны воображать спеціалисты. Эволюція обычая или учрежденія (языка, религіи, церкви, государства) есть не что иное, какъ метафора: обычай — это абстракція; абстракція не развивается послѣдовательно; развиваются послѣдовательно (эволюціонируютъ), въ собственномъ смыслѣ этого слова, только конкретныя *существа* (êtres) [1]. Если обнаруживается измѣненіе въ обычаѣ, то это значитъ, что

[1]) Лампрехтъ въ пространной статьѣ, «Was ist Kulturgeschichte», напечатанной въ Deutsche Zeitschrift für Geschichtswissenschaft (нов. сер. т. I, 1896 г.), пытался обосновать исторію цивилизаціи на теоріи коллективной души общества, которая будто бы производитъ «соціально-политическія» явленія, свойственныя цѣлому обществу и различныя въ каждый отдѣльный періодъ. Это не болѣе, какъ метафизическая гипотеза.

придерживавшіеся его люди перемѣнились. Люди же не дѣлятся на непроницаемые отдѣлы (религіозные, юридическіе, экономическіе), гдѣ происходили бы внутреннія изолированныя явленія; случай, мѣняющій ихъ положеніе (état), измѣняетъ одновременно и самыя разнородныя ихъ привычки.

Вторженіе варваровъ оказало одновременно вліяніе на языки, частную жизнь, политическія учрежденія. Нельзя, слѣдовательно, понять эволюціи, замкнувшись въ спеціальной отрасли исторіи; наоборотъ, спеціалистъ, желающій написать полную исторію только своей отрасли, долженъ заглядывать за предѣлы своей спеціальности въ область общихъ событій. Въ томъ-то и состоитъ заслуга Тэна, что онъ заявилъ, по поводу англійской литературы, что литературная эволюція зависитъ не только отъ литературныхъ событій, но и отъ общихъ фактовъ (faits généraux).

Общая исторія единичныхъ фактовъ сложилась раньше спеціальныхъ исторій. Она представляетъ собою собраніе всѣхъ фактовъ, не занявшихъ мѣста въ спеціальныхъ исторіяхъ, и сокращается по мѣрѣ того, какъ создаются и выдѣляются изъ нея спеціальныя отрасли изслѣдованія. Такъ какъ общіе факты имѣютъ, главнымъ образомъ, политическій характеръ и такъ какъ ихъ труднѣе организовать въ спеціальную отрасль, то общая исторія оказалась въ сущности смѣшанной съ политической исторіей (Staatengeschichte) [1]). Такимъ образомъ политическіе историки были вынуждены становиться піонерами въ дѣлѣ разработки общей исторіи и сохранять въ своихъ исторіяхъ всѣ общіе факты (переселенія народовъ, религіозныя реформаціи, изобрѣтенія и открытія), необходимыя для пониманія эволюціи.

Чтобы написать общую исторію, нужно отыскать всѣ факты, которые могутъ объяснить либо состояніе общества, либо одну изъ его частныхъ эволюцій, потому что они произвели въ немъ перемѣны. Факты эти должны быть самаго разнороднаго характера; они должны касаться перемѣщенія населенія, худо-

[1]) Наименованіе исторіи національной, введенное благодаря патріотическимъ тенденціямъ, обозначаетъ то же самое: исторія націи на дѣлѣ сливается съ исторіей государства.

жественныхъ, научныхъ, религіозныхъ, техническихъ нововведеній, смѣны правящаго персонала, революцій, войнъ, открытій новыхъ странъ.

Важно, чтобы фактъ имѣлъ рѣшающее дѣйствіе. Въ виду этого не слѣдуетъ поддаваться естественной склонности дѣлить факты на крупные и мелкіе. Странно какъ-то допускать, что ничтожныя причины могутъ порождать важныя слѣдствія, что носъ Клеопатры могъ оказывать вліяніе на судьбу римской имперіи. Но отвращеніе это не имѣетъ никакого реальнаго основанія и происходитъ отъ предвзятаго взгляда на управленіе міромъ. Во всѣхъ наукахъ, изучающихъ явленія эволюціи, встрѣчаются частные факты, служащіе исходною точкою цѣлаго ряда великихъ преобразованій. Табунъ лошадей, вывезенный испанцами, населилъ всю Южную Америку. Во время наводненія стволъ дерева можетъ преградить теченіе потока и измѣнить видъ долины.

Въ эволюціи человѣчества встрѣчаются великія преобразованія, не имѣющія другой понятной причины, кромѣ одного частнаго случая [1]).

Англія въ XVI столѣтіи три раза мѣняла религію вслѣдствіе смерти государя (Генриха, Эдуарда, Маріи). Важность событій должна измѣряться не значеніемъ начальнаго факта, но значеніемъ фактовъ, явившихся его слѣдствіемъ. Нельзя, слѣдовательно, а ргіогі отрицать дѣйствія отдѣльныхъ личностей и устранять частные факты. Нужно изслѣдовать, находилась ли личность въ положеніи, дававшемъ ей возможность оказывать сильное воздѣйствіе. Этого можно ожидать въ двухъ случаяхъ: 1) когда дѣйствіе лица служило примѣромъ для массы людей и создало традицію, — случай, часто встрѣчающійся въ искусствѣ, наукѣ, религіи и техникѣ; 2) когда лицо обладало властью отдавать приказанія и давать направленіе массѣ людей, какъ случается съ главами государствъ, арміи, церкви. Въ такихъ случаяхъ эпизоды изъ жизни одного человѣка становятся важными фактами.

Такимъ образомъ въ планѣ исторіи нужно удѣлять мѣсто личностямъ и событіямъ.

---

[1]) См. Курно, цит. соч. I, стр. IV.

VI. При всякомъ изученіи послѣдовательныхъ фактовъ является необходимость опредѣлить себѣ начальный и конечный пункты работы, чтобы имѣть возможность выдѣлить изъ огромной массы фактовъ извѣстные хронологическіе пласты; эти пласты составляютъ періоды; построеніе ихъ такъ же старо, какъ сама исторія. Въ нихъ чувствуется потребность не только въ общей исторіи, но и въ спеціальныхъ исторіяхъ, какъ только изучается достаточно продолжительное время, чтобы эволюція была чувствительна. Средство для разграниченія періодовъ даютъ событія.

Въ спеціальныхъ исторіяхъ, рѣшивъ, какія измѣненія привычекъ должны считаться за самыя глубокія, признаютъ эти измѣненія за обозначающія собою дату въ эволюціи и затѣмъ изслѣдуютъ, какое событіе ихъ произвело. Событіе, произведшее образованіе или измѣненіе привычки, становится началомъ или концомъ періода. Эти краеугольныя событія бываютъ иногда однородными съ тѣми фактами, эволюція которыхъ изучается, т. е. фактами литературными въ исторіи литературы, фактами политическими въ политической исторіи. Но всего чаще они принадлежатъ къ фактамъ другого рода, и спеціальная исторія бываетъ вынуждена заимствовать ихъ изъ всеобщей исторіи.

Во всеобщей исторіи періоды должны опредѣляться сообразно съ эволюціей многихъ родовъ фактовъ; приходится отыскивать событія, обозначающія періодъ одновременно въ нѣсколькихъ отрасляхъ человѣческой дѣятельности (вторженіе варваровъ, реформація, великая французская революція). Тогда является возможность построить періоды, общіе нѣсколькимъ отраслямъ эволюціи, для которыхъ началомъ и концомъ служитъ одно и то же событіе. Такъ производилось традиціонное дѣленіе всемірной исторіи. Выдѣленіе подъ-періодовъ (sous-périodes) достигается съ помощью того же самаго пріема, принимая за ихъ границы событія, произведшія второстепенныя измѣненія. Построенные, такимъ образомъ, на основаніи событій періоды бываютъ не одинаковой продолжительности. Этотъ недостатокъ симметріи не долженъ внушать безпокойства: періодъ не долженъ представлять собою опредѣленнаго количества лѣтъ, но время, потраченное на отдѣльную часть эволюціи. Эволю-

ція же не представляетъ собою правильнаго движенія: проходитъ долгій рядъ лѣтъ безъ всякаго значительнаго измѣненія, затѣмъ наступаютъ моменты быстраго преобразованія. Это различіе послужило поводомъ Сенъ-Симону для дѣленія періодовъ на органическіе (съ медленнымъ измѣненіемъ) и критическіе (съ быстрымъ измѣненіемъ).

Глава III.

Разсужденіе при историческомъ построеніи.

I. Документы никогда не доставляютъ всѣхъ историческихъ фактовъ, необходимыхъ для заполненія всего плана историческаго построенія; имѣющіеся на лицо факты не даютъ прямого отвѣта на многіе вопросы; часто недостаетъ необходимыхъ чертъ для того, чтобы нарисовать полную картину состоянія общества, эволюціи или отдѣльныхъ событій. Чувствуется непреодолимая потребность пополнить эти пробѣлы.

Когда недостаетъ какого-либо факта въ извѣстномъ ряду въ наукахъ, основанныхъ на непосредственномъ наблюденіи, то его стараются установить путемъ новаго наблюденія. Въ исторіи, не располагающей этимъ средствомъ, пытаются увеличить знаніе, прибѣгая къ разсужденію (raisonnement). Исходя изъ фактовъ, извѣстныхъ по документамъ, стараются вывести заключеніе о новыхъ фактахъ. Такой способъ знанія законенъ, если разсужденіе ведется правильно.

Но опытъ показываетъ, что изъ всѣхъ пріемовъ историческаго знанія, всего труднѣе вести правильно разсужденіе и что ему именно обязаны своимъ происхожденіемъ наиболѣе важныя ошибки въ исторіи. Разсужденіемъ нужно пользоваться лишь принявъ заранѣе всѣ мѣры предосторожности, чтобы никогда не терять изъ виду опасности.

1) Никогда не слѣдуетъ смѣшивать разсужденіе съ анализомъ документа; когда позволяютъ себѣ вводить въ текстъ документа то, что не высказано прямо авторомъ, то пополняютъ

автора, заставляя его говорить то, чего онъ не хотѣлъ сказать [1]).

2) Никогда не слѣдуетъ смѣшивать факты, добытые непосредственно изъ документовъ, съ результатами разсужденія. Когда утверждаютъ фактъ, извѣстный только путемъ разсужденія, не должны давать повода думать, что онъ найденъ въ документахъ, а обязаны предупреждать, при помощи какого пріема онъ добытъ.

3) Разсужденіе должно вестись всегда сознательно, иначе оно легко можетъ быть неправильнымъ. Достаточно принудить себя вести разсужденіе согласно правиламъ логики; въ неправильномъ разсужденіи общая посылка бываетъ обыкновенно достаточно чудовищной, чтобы заставить отступить отъ дальнѣйшей работы.

4) Если разсужденіе оставляетъ хоть малѣйшее сомнѣніе, не слѣдуетъ пытаться дѣлать выводъ; процессъ долженъ оставаться въ формѣ предположенія, ясно отличающейся отъ окончательно пріобрѣтенныхъ выводовъ.

5) Никогда не слѣдуетъ возвращаться къ предположенію и пытаться превратить его въ увѣренность. Наибольшими шансами на точность обладаетъ первое впечатлѣніе; размышляя надъ предположеніемъ, осваиваются съ нимъ и въ заключеніе находятъ его болѣе обоснованнымъ, чѣмъ въ началѣ, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности только больше къ нему привыкаютъ. Неудачныя заключенія свойственны людямъ, долго размышляющимъ надъ незначительнымъ числомъ текстовъ.

Существуетъ два способа вести разсужденіе: одинъ отрицательный, другой положительный; разсмотримъ каждый изъ нихъ въ отдѣльности.

II. Отрицательное разсужденіе, называемое также „аргументомъ молчанія“ (argument du silence), отправляется отъ отсутствія указанія на фактъ [2]). Изъ того обстоятельства, что

---

[1]) Выше, на стр. 115, мы уже указывали на эту погрѣшность противъ метода.

[2]) Обсужденіе этого аргумента, бывшаго нѣкогда въ большомъ ходу въ исторіи религіи, сильно занимало древнихъ авторовъ, писавшихъ о методологіи, и теперь еще занимаетъ большое мѣсто въ Principes de la critique historique П. де-Смеда (Smedt).

фактъ не былъ упомянутъ ни въ какомъ документѣ, дѣлаютъ заключеніе, что онъ не существовалъ; это доказательство примѣняется ко всякаго рода фактамъ, всякаго рода обычаямъ, эволюціямъ, событіямъ. Оно основывается на впечатлѣніи, выражающемся въ жизни въ простомъ изреченіи: „если бы это случилось, объ этомъ бы знали“; оно предполагаетъ положеніе, которое должно бы формулироваться такъ: „если бы фактъ существовалъ, то былъ бы указывающій на его существованіе документъ“.

Чтобы имѣть право такъ разсуждать, нужно было бы, чтобы всякій фактъ наблюдался и отмѣчался письменно и чтобы всѣ указанія на него сохранились; между тѣмъ, большинство написанныхъ въ свое время документовъ затерялось и большинство происходящихъ фактовъ не записывается. Разсужденіе было бы ложнымъ въ большинствѣ случаевъ; нужно, слѣдовательно, ограничить его только тѣми случаями, гдѣ предполагаемыя имъ условія осуществлены.

1) Документъ, упоминающій о фактѣ, долженъ отсутствовать не только въ настоящее время, но и въ прошломъ. Если документы утрачены, то нельзя дѣлать никакихъ выводовъ. Доводъ молчанія (argument du silence), долженъ, слѣдовательно, употребляться тѣмъ рѣже, чѣмъ больше затерялось документовъ, онъ можетъ гораздо меньше служить для древности, чѣмъ для XIX столѣтія. Чтобы избавиться отъ этого ограниченія, была сдѣлана попытка признать, что утраченные документы не содержали ничего интереснаго; если они затерялись, говорили нѣкоторые, то это означаетъ, что не стоило труда ихъ сохранять. На дѣлѣ, всякій рукописный документъ находится во власти малѣйшей случайности: отъ случая зависитъ, сохранится онъ или затеряется.

2) Нужно, чтобы фактъ былъ такого свойства, что его поневолѣ должны были наблюдать и отмѣтить. Изъ того, что фактъ не былъ отмѣченъ, не слѣдуетъ еще, что его не видали. Какъ только организуется собираніе какого-либо рода фактовъ, всегда констатируютъ, насколько эти факты повторяются чаще, чѣмъ думали, и сколько случаевъ проходили незамѣченными или оставались незаписанными. Такой участи подвергались случаи землетрясеній, водобоязни и т. п. Сверхъ

того, много фактовъ, даже хорошо извѣстныхъ современникамъ, остаются неотмѣченными, потому что оффиціальныя власти мѣшаютъ ихъ разглашать; это всего чаще случается въ отношеніи тайныхъ правительственныхъ дѣйствій и жалобъ низшихъ классовъ населенія. Такое ничего недоказывающее молчаніе производитъ сильное впечатлѣніе на недальновидныхъ историковъ; оно служитъ началомъ сильно распространеннаго софизма о „добромъ старомъ времени". Ни одинъ документъ не разоблачаетъ злоупотребленій должностныхъ лицъ или жалобъ крестьянъ: это значитъ, что все шло правильно и никто не страдалъ. Прежде чѣмъ выводить слѣдствіе изъ молчанія, слѣдовало бы задать себѣ вопросъ: могъ ли неупомянутый фактъ пройти незамѣченнымъ для авторовъ, находящихся въ нашемъ распоряженіи документовъ? Доказательно не отсутствіе всякаго документа о фактѣ, но молчаніе о немъ въ документѣ, гдѣ онъ долженъ бы былъ упоминаться.

Отрицательное разсужденіе ограничено, такимъ образомъ, ясно опредѣленными случаями: 1) авторъ документа, гдѣ фактъ не упомянутъ, хотѣлъ систематически отмѣчать всѣ факты такого рода и долженъ былъ всѣ ихъ знать. (Тацитъ старался перечислить всѣ народы Германіи; Notitia dignitatum указываетъ всѣ провинціи имперіи; отсутствіе въ этихъ спискахъ одного народа или одной провинціи доказываетъ, что они тогда не существовали). 2) Если бы фактъ существовалъ, то онъ настолько импонировалъ бы воображенію автора, что поневолѣ вошелъ бы въ его представленія. (Если бы существовали правильныя народныя собранія у франковъ, то Григорій Турскій не могъ бы представить себѣ и описать жизнь франкскихъ королей, не упомянувъ о нихъ).

III. Положительное разсужденіе отправляется отъ факта (или отсутствія факта), установленнаго документами, чтобы сдѣлать выводъ о другомъ фактѣ (или его отсутствіи), не указанномъ въ документахъ. Оно является примѣненіемъ основного принципа исторіи, аналогіи настоящаго человѣчества съ прошлымъ человѣчествомъ. Въ настоящемъ наблюдается, что человѣческіе факты связаны между собою. Когда происходитъ извѣстный фактъ, то за нимъ слѣдуетъ также и другой, или потому, что первый служитъ причиной второго, или

потому, что онъ является его слѣдствіемъ, или потому, что оба они служатъ слѣдствіями одной и той же причины. Признается, что и въ прошломъ подобные факты такимъ же образомъ были связаны между собою, и эта вѣроятность укрѣпляется непосредственнымъ изученіемъ прошлаго по документамъ. Изъ одного факта прошлаго можно, слѣдовательно, вывести заключеніе, что происходили и другіе, связанные съ нимъ, факты.

Такое разсужденіе примѣняется ко всякаго рода фактамъ, обычаямъ, преобразованіямъ, частнымъ случаямъ. Отправляясь отъ всякаго извѣстнаго факта, можно попытаться сдѣлать выводъ о неизвѣстныхъ фактахъ. Человѣческія же дѣйствія, имѣющія всѣ свою причину въ одномъ общемъ центрѣ, которымъ является человѣкъ, всѣ связаны между собою, при чемъ связь существуетъ не только между однородными, но и между самыми разнородными фактами. Существуетъ связь не только между отдѣльными фактами въ области религіи, нравовъ, политики, но и между фактами изъ области религіи и фактами изъ области искусства, политики, нравовъ, такъ что изъ фактовъ одного какого-либо рода можно дѣлать выводъ о фактахъ всѣхъ другихъ родовъ.

Изслѣдовать связь между фактами, которые могутъ служить базисомъ для разсужденій, значило бы нарисовать картину всѣхъ извѣстныхъ отношеній между человѣческими актами, т. е. перечислить всѣ установленные эмпирически законы соціальной жизни. Это такая обширная работа, что ея хватило бы на цѣлую книгу [1]). Мы ограничимся здѣсь указаніемъ общихъ правилъ разсужденія и тѣхъ предосторожностей, какія слѣдуетъ принимать противъ самыхъ обычныхъ ошибокъ.

Разсужденіе покоится на двухъ положеніяхъ: одномъ—общемъ, заимствованномъ изъ хода человѣческихъ дѣлъ; другомъ—частномъ, заимствованномъ изъ документовъ. На практикѣ приходится начинать съ частнаго положенія, т. е. съ историческаго факта. Напримѣръ: Саламинъ носитъ финикійское названіе. Затѣмъ ищутъ общую посылку. Языкъ наименованія

---

[1]) Эту именно работу пытался выполнить Монтескье въ «Esprit des lois». Въ одномъ изъ курсовъ, читанныхъ въ Сорбоннѣ, я пытался намѣтить эскизъ этой картины. (Ш. С.).

города есть языкъ народа, основавшаго городъ. Отсюда—выводъ: Саламинъ, съ финикійскимъ наименованіемъ, былъ основанъ финикіянами.

Чтобы заключеніе было вѣрно, необходимы два условія:

1) Общее положеніе должно быть точно; два факта, предполагаемые имъ стоящими въ связи другъ съ другомъ, должны дѣйствительно находиться въ такой зависимости одинъ отъ другого, чтобы второй никогда не происходилъ безъ перваго. Если бы это условіе было дѣйствительно выполнено, то получался бы законъ въ научномъ смыслѣ этого слова; но въ области фактовъ изъ жизни человѣчества, исключая матеріальныхъ условій существованія, законы которыхъ установлены точными науками, приходится оперировать только съ эмпирическими законами, добытыми путемъ довольно грубыхъ констатированій цѣлой совокупности фактовъ безъ анализа отдѣльныхъ фактовъ, дающаго возможность выдѣлить ихъ причины. Такіе эмпирическіе законы бываютъ почти точными только въ тѣхъ случаяхъ, когда они касаются совокупности многочисленныхъ фактовъ, потому что не вполнѣ хорошо извѣстно, въ какой мѣрѣ каждый изъ нихъ необходимъ, чтобы вызвать слѣдствіе. Объясненіе языка наименованія города слишкомъ мало обосновано, чтобы быть всегда точнымъ. Петербургъ—нѣмецкое наименованіе, Сиракузы въ Америкѣ—названіе греческое. Нужно знать другія условія, чтобы быть увѣреннымъ, что наименованіе было связано съ національностью основателей. Итакъ, слѣдуетъ оперировать только съ обоснованнымъ положеніемъ.

2) Для того, чтобы общее положеніе было обоснованнымъ, самый частный историческій фактъ долженъ быть извѣстенъ подробно; такъ какъ только установивши его, можно искать общій эмпирическій законъ, необходимый для разсужденія. Нужно, слѣдовательно, начинать съ изученія частныхъ условій извѣстнаго явленія (положенія Саламина, привычекъ грековъ и финикіянъ) и оперировать не надъ подробностью, а надъ цѣлымъ.

Такимъ образомъ, въ историческомъ разсужденіи должны быть на лицо: 1) точное общее положеніе, 2) обстоятельное знаніе фактовъ прошлаго. Нельзя хорошо оперировать, допустивъ ложное общее положеніе, позволивъ себѣ думать, напримѣръ,

какъ Огюстенъ Тьерри, что всякая аристократія имѣетъ своимъ началомъ завоеваніе. Нельзя также оперировать хорошо, начавъ разсуждать, отправляясь отъ изолированной подробности (названія города). Самое свойство происходящихъ отсюда ошибокъ указываетъ на необходимыя предосторожности.

1) Самопроизвольно мы беремъ за базисъ разсужденія „истины здраваго смысла", составляющія еще почти все наше знаніе соціальной жизни; но большинство изъ нихъ отчасти ложно, потому что знаніе соціальной жизни еще не выработалось. Въ особенности эти истины опасны тѣмъ, что мы употребляемъ ихъ безсознательно. Самой надежной предосторожностью въ этомъ случаѣ служитъ постоянная формулировка мнимаго закона, на основаніи котораго имѣется въ виду построить разсужденіе: всякій разъ, когда происходитъ такой-то фактъ, навѣрное произойдетъ и другой. Если это предположеніе очевидно ложно, то это сейчасъ же будетъ замѣчено; если оно очень обще, то будетъ видно, какія нужно къ нему добавить новыя условія, чтобы оно стало точнымъ.

2) Самопроизвольно мы стараемся выводить заключенія изъ малѣйшаго отдѣльнаго факта (или скорѣе, представленіе о каждомъ фактѣ пробуждаетъ въ насъ тотчасъ же, по ассоціаціи, представленіе о другихъ фактахъ). Это естественный пріемъ литературной исторіи. Каждая черта жизни автора даетъ матеріалъ для размышленій; путемъ предположенія выясняютъ себѣ всѣ вліянія, какимъ онъ могъ подвергаться, и признаютъ, что онъ имъ подвергался. Всѣ отрасли исторіи, изучающія факты одного какого-нибудь порядка, изолированнаго отъ другихъ порядковъ (языка, искусства, частнаго права, религіи), подвержены той же опасности, потому что они видятъ только обрывки человѣческой жизни, а не всю ея совокупность.

Между тѣмъ положительными выводами могутъ быть только выводы, основанные на совокупности явленій. Нельзя давать діагнозъ на основаніи одного симптома: необходима совокупность симптомовъ. Ради предосторожности не слѣдуетъ оперировать надъ изолированной подробностью или отвлеченнымъ фактомъ. Слѣдуетъ представлять себѣ людей среди главныхъ условій ихъ жизни.

Нельзя ожидать, чтобы условія, необходимыя для вѣрнаго

умозаключенія, часто оказывались налицо; мы слишкомъ мало знаемъ законы соціальной жизни и слишкомъ рѣдко намъ бываютъ извѣстны точныя подробности историческаго факта. Вслѣдствіе этого, большинство умозаключеній даютъ только вѣроятность, но не увѣренность. Но въ отношеніи умозаключеній можно сказать то же, что и въ отношеніи документовъ [1]). Когда многія вѣроятности совпадаютъ между собою по смыслу, онѣ подтверждаютъ другъ друга и порождаютъ законную увѣренность. Исторія пополняетъ часть своихъ пробѣловъ накопленіемъ умозаключеній. Остаются сомнѣнія о финикійскомъ происхожденіи многихъ греческихъ городовъ, но не остается сомнѣнія относительно присутствія финикіянъ въ Греціи.

Глава IV.

Построеніе общихъ формулъ.

I. Если бы были классифицированы по методическому плану всѣ историческіе факты, установленные анализомъ документовъ и путемъ умозаключеній, то получилось бы ясное, обоснованное описаніе всей исторіи; трудъ, касающійся установленія фактовъ, былъ бы оконченъ. Но должна ли успокоиться на этомъ исторія? Вопросъ этотъ вызвалъ оживленные споры и рѣшенія; его нельзя избѣжать, потому что это практическій вопросъ.

Эрудиты, привыкшіе собирать всѣ факты, не отдавая лично ни однимъ изъ нихъ предпочтенія, склонны требовать, главнымъ образомъ, полнаго, точнаго и объективнаго собиранія фактовъ. Всѣ историческіе факты имѣютъ одинаковое право на мѣсто въ исторіи; сохранять одни изъ нихъ, какъ болѣе важные, и устранять другіе, какъ менѣе важные, значило бы дѣлать субъективный выборъ, зависящій отъ личнаго усмотрѣнія; исторія не должна жертвовать ни однимъ фактомъ.

Этому очень раціональному пониманію, можно противопоставить только одну матеріальную трудность, а именно не-

[1]) См. выше, стр. 164.

возможность создать и передать другимъ полное знаніе. Но этого практическаго соображенія, играющаго роль во всѣхъ наукахъ, впрочемъ, вполнѣ достаточно. Исторія, въ которой не былъ бы опущенъ ни одинъ фактъ, должна бы была содержать въ себѣ всѣ дѣйствія, всѣ мысли, всѣ приключенія всѣхъ людей, во всѣ различные моменты. Это было бы полное знаніе, котораго никто не могъ бы охватить не за недостаткомъ матеріаловъ, но за недостаткомъ времени. На такую участь обречены уже слишкомъ многотомные сборники документовъ; такъ, напримѣръ, сборники парламентскихъ дебатовъ содержатъ въ себѣ всю исторію собраній, но на то, чтобы отыскать ее тамъ, не хватило бы человѣческой жизни.

Всякая наука должна принимать въ соображеніе практическія условія жизни, по крайней мѣрѣ постольку, поскольку она предназначается стать дѣйствительнымъ знаніемъ, знаніемъ, доступнымъ изученію. Всякій взглядъ, затрудняющій знаніе, мѣшаетъ развиваться наукѣ.

Наука есть экономія времени и усилій, достигнутая при помощи пріема, дѣлающаго факты доступными быстрому изученію и понятными; она состоитъ въ медленномъ собираніи множества частныхъ фактовъ и подведеніи ихъ подъ удобныя и неоспоримыя формулы. Исторіи, изобилующей подробностями болѣе, чѣмъ всякая другая отрасль знанія, приходится выбирать одно изъ двухъ: быть полной, но недоступной для изученія, или быть доступной для изученія, но неполной. Всѣ другія науки избрали второе: онѣ сокращаютъ и излагаютъ сжато свои данныя, предпочитая подвергаться риску изувѣчить и произвольно комбинировать факты, чѣмъ навѣрняка не быть въ состояніи ни понять ихъ, ни передать другимъ. Эрудиты предпочли замкнуться въ древнихъ періодахъ исторіи, гдѣ случай, уничтожившій почти всѣ источники, избавилъ ихъ отъ отвѣтственности за выборъ фактовъ, не оставивъ имъ почти никакихъ способовъ ихъ узнать.

Исторія, чтобы стать наукою, должна обрабатывать факты, предоставляемые ей въ видѣ сырого матеріала. Она должна сжать ихъ въ описательныя качественныя и количественныя формулы. Она должна отыскать связь между фактами, образующую послѣдній выводъ всякой науки.

II. Сложные и разнообразные факты человѣческой жизни не могутъ быть сведены къ нѣсколькимъ простымъ формуламъ, какъ химическіе факты. Исторія, какъ и всѣ науки о жизни, нуждается въ описательныхъ формулахъ для выраженія свойствъ различныхъ явленій.

Формула должна быть краткой, чтобы удобно было ею пользоваться; она должна быть точной, чтобы давать вѣрное понятіе о фактѣ. Между тѣмъ, точность знанія о фактахъ человѣческой жизни достигается только путемъ изученія характерныхъ подробностей, потому что только онѣ однѣ даютъ возможность понять, чѣмъ одинъ фактъ отличался отъ другихъ и что въ немъ было своеобразнаго. Такимъ образомъ, является противорѣчіе между потребностью сокращать, ведущей къ отыскиванію конкретныхъ формулъ и необходимостью оставаться точнымъ, ставящей въ обязанность брать подробныя формулы. Слишкомъ краткія формулы дѣлаютъ науку неясной и обманчивой, слишкомъ длинныя формулы загромождаютъ ее и дѣлаютъ безполезной. Избѣжать этой альтернативы удается только при помощи безпрерывнаго компромисса, принципъ котораго заключается въ томъ, чтобы сокращать факты, устраняя все, что не строго необходимо для того, чтобы ихъ себѣ представить, и во время воздерживаться отъ сокращенія, лишь только послѣднее грозитъ отнять у факта его отличительную особенность.

Этотъ трудный самъ по себѣ процессъ осложняется еще состояніемъ фактовъ, которые требуется формулировать. Согласно характеру документовъ, откуда берутся историческіе факты, они обладаютъ всѣми различными степенями опредѣленности, начиная съ подробнаго разсказа мельчайшихъ эпизодовъ (битва при Ватерлоо), до упоминанія однимъ словомъ (побѣда австразійцевъ [1]) при Тестри). Мы имѣемъ множество безконечно другъ отъ друга отличающихся подробностей о фактахъ одного и того же свойства, смотря потому, даютъ ли намъ документы полное описаніе событій или ограничиваются однимъ упоминаніемъ о нихъ. Какъ соединить въ одно цѣлое знанія,

[1]) Одна изъ составныхъ частей государства франковъ называлась Австразіей. *Прим. редакціи.*

точность которыхъ до такой степени различна? Факты, переданные однимъ только общимъ и неяснымъ словомъ, трудно передать въ менѣе общихъ и болѣе опредѣленныхъ выраженіяхъ; если же, не зная подробностей, добавлять ихъ по догадкѣ, то получится историческій романъ. Такимъ образомъ и поступалъ Огюстенъ Тьерри въ своихъ „Récits mérovingiens“. Подробно переданные факты всегда легко сообщить въ болѣе общихъ выраженіяхъ, отбросивъ при передачѣ отличительныя детали; такъ поступаютъ авторы сокращенныхъ исторій. Но въ результатѣ вся исторія обратилась бы въ массу неясныхъ общихъ мѣстъ, одинаковыхъ для всѣхъ временъ, исключая собственныхъ именъ и чиселъ. Чтобы свести всѣ факты на одну степень общности, ихъ пришлось бы обратить въ состояніе наименѣе извѣстныхъ фактовъ, что привело бы къ очень вредной симметріи. Необходимо, слѣдовательно, чтобы описательныя формулы сохраняли всегда отличительныя черты фактовъ въ тѣхъ случаяхъ, когда документы сообщаютъ подробности.

Для построенія этихъ формулъ нужно вернуться къ ряду вопросовъ, выработанныхъ для группировки фактовъ, отвѣтить на каждый изъ нихъ, затѣмъ сопоставить отвѣты. Послѣ этого факты можно будетъ резюмировать въ насколько возможно сжатую и опредѣленную формулу, тщательно стараясь придавать каждому слову точный смыслъ. Это вопросъ стиля,—скажутъ намъ, и тѣмъ не менѣе здѣсь это не только способъ изложенія, необходимый для того, чтобы быть понятнымъ читателямъ, а предосторожность, которую авторъ долженъ принимать ради самого себя. Чтобы справиться съ такими трудно уловимыми фактами, какъ соціальные, необходимъ ясный, точный языкъ: безъ хорошаго языка не можетъ быть совершеннаго историка.

Самое удобное употреблять какъ можно болѣе описательныя и конкретныя выраженія: ихъ смыслъ всегда ясенъ. Благоразумно было бы не обозначать коллективныхъ группъ иначе, какъ коллективными именами, а не отвлеченными существительными (королевство, государство, демократія, реформація, революція) и избѣгать олицетворенія отвлеченныхъ понятій. Поступая такъ, думаютъ, что употребляютъ только метафору, и увлекаются силою словъ. Отвлеченные термины, конечно,

*

представляютъ большой соблазнъ: они придаютъ предложенію научный видъ. Но это только одна внѣшность, подъ которой живо можетъ проскользнуть схоластика; слово, не имѣющее конкретнаго смысла, представляетъ собою простое сочетаніе звуковъ (такова, напр., снотворная сила, о которой говоритъ Мольеръ). До тѣхъ поръ, пока понятія объ общественныхъ явленіяхъ не будутъ переложены въ дѣйствительно научныя формулы, будетъ болѣе научнымъ выражать ихъ общепринятыми терминами.

Чтобы построить формулу, нужно заранѣе знать, какіе элементы должны въ нее входить. Тутъ слѣдуетъ различать общіе факты (привычки и эволюціи) и единичные (событія).

III. Общіе факты состоятъ изъ часто повторяющихся дѣйствій, свойственныхъ многимъ людямъ. Нужно опредѣлить ихъ свойства, распространенность и продолжительность.

Чтобы формулировать свойства, собираютъ всѣ черты, опредѣляющія извѣстный фактъ (привычку, учрежденіе) и отличающія его отъ другого. Въ ту же самую формулу включаются всѣ очень сходные отдѣльные случаи, оставляя въ сторонѣ частныя измѣненія.

Такая концентрація производится безъ всякаго усилія, когда дѣло касается такихъ внѣшнихъ привычекъ, какъ языкъ, письмо и всѣ интеллектуальные навыки. Практиковавшіе ихъ люди формулировали уже эти привычки, и историку достаточно собрать эти формулы. Тоже самое можно сказать и о всѣхъ учрежденіяхъ, освященныхъ точно формулированными законами (регламенты, законы, частные статуты). Благодаря этому, спеціальныя исторіи первыя обогатились методическими формулами. Зато ихъ формулы обнимаютъ только поверхностные, условные факты, но не дѣйствительныя дѣйствія или дѣйствительныя мысли въ языкѣ—писанныя слова, а не дѣйствительное произношеніе; въ религіи—догматы и обряды, но не дѣйствительныя вѣрованія массы общества; въ морали—признанныя правила, но не дѣйствительныя понятія; въ учрежденіяхъ—оффиціальныя постановленія, но не дѣйствительное ихъ примѣненіе. Во всѣхъ этихъ отрасляхъ историческаго изученія знаніе условныхъ формулъ должно со временемъ дополниться изученіемъ дѣйствительныхъ привычекъ.

Гораздо труднѣе охватить въ формулѣ привычку, сложившуюся изъ реальныхъ дѣйствій, какъ это мы видимъ въ экономической, частной и политической жизни; здѣсь необходимо, изучая разнообразныя дѣйствія, отыскать общіе признаки, составляющіе привычку; или, если эта работа выполнена уже въ документахъ и резюмирована въ формулѣ (что обыкновенно и бываетъ), то нужно произвести критику этой формулы, чтобы удостовѣриться, дѣйствительно ли она обнимаетъ собою однородную привычку.

Такую же трудность представляетъ построеніе формулы какой-либо группы; необходимо описать признаки, общіе всѣмъ членамъ группы и найти точно обозначающее ее коллективное наименованіе. Въ документахъ нѣтъ недостатка въ наименованіяхъ группъ; но такъ какъ эти наименованія порождены обычаемъ, то многія изъ нихъ плохо соотвѣтствуютъ дѣйствительнымъ группамъ; необходимо подвергать ихъ критикѣ, опредѣлять съ точностью, а часто и исправлять ихъ смыслъ.

Эта первая работа должна дать формулы, выражающія условные и дѣйствительные признаки всѣхъ привычекъ различныхъ группъ.

Для опредѣленія распространенности привычки, нужно отыскать самые отдаленные пункты, гдѣ она проявляется (мы получимъ, такимъ образомъ, площадь ея распространенія) и раіонъ, гдѣ она встрѣчается всего чаще (центръ). При этой работѣ прйходится иногда прибѣгать къ составленію карты (напримѣръ, карты французскихъ tumuli и долменовъ) [1]). Слѣдуетъ также обозначать, какія группы лицъ придерживались той или другой привычки и подъ-группы, въ которыхъ она отличалась наибольшей интенсивностью.

Формула должна также обозначать продолжительность существованія привычки. Необходимо отыскивать крайніе случаи, когда появляется впервые и исчезаетъ совсѣмъ форма, доктрина, обычай, учрежденіе, группа. Но недостаточно указать только два изолированные случая, самый древній и самый новѣйшій; нужно опредѣлить также періодъ, когда данная привычка играла наиболѣе дѣятельную роль.

[1]) Такъ называются курганы и гробницы, сложенныя изъ громадныхъ камней или каменныхъ плитъ; сооруженіе относится еще къ доисторическому періоду. *Примѣч. редакціи.*

Формула эволюціи должна показывать послѣдовательныя измѣненія привычки, опредѣляя съ точностью предѣлы распространенности и продолжительности каждаго изъ измѣненій. Затѣмъ, сравнивая совокупность измѣненій, можно будетъ построить формулу общаго хода эволюціи; эта формула покажетъ, гдѣ и когда началась и кончилась эволюція и въ какомъ направленіи она совершалась. Всѣ эволюціи совершаются при наличности нѣкоторыхъ общихъ условій, позволяющихъ прослѣдить ихъ послѣдовательность. Всякая привычка (обычай или учрежденіе) въ началѣ бываетъ самопроизвольнымъ дѣйствіемъ нѣсколькихъ индивидуумовъ; когда другіе люди начинаютъ подражать этимъ дѣйствіямъ, они становятся обычаемъ. Точно также общественныя дѣла ведутся въ началѣ персоналомъ, берущимъ ихъ на себя добровольно, затѣмъ завѣдываніе ими принимаютъ на себя другія лица и становятся оффиціальнымъ персоналомъ. Это первая фаза: личная иниціатива, подражаніе и добровольное принятіе массой. Добровольно принятый обычай, ставшій традиціоннымъ, превращается въ обязательное правило; добровольный персоналъ, вѣдающій общественныя дѣла, ставъ постояннымъ, преобразуется въ персоналъ, облеченный властью употреблять нравственное или матеріальное принужденіе. Это фаза традиціи и власти; она очень часто бываетъ послѣдней и длится до разрушенія общества. Но, вотъ, обычай ослабѣваетъ, законы нарушены, правящему персоналу отказано въ повиновеніи; это фаза возмущенія и разложенія. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ цивилизованныхъ обществахъ наступаетъ время, когда законъ подвергается критикѣ, правящій персоналъ порицанію, часть населенія предписываетъ раціональное преобразованіе и надзоръ за правящимъ персоналомъ; это фаза реформы и контроля.

IV. Что касается единичныхъ фактовъ, то одна формула не можетъ обнять нѣсколькихъ фактовъ такого рода, потому что каждый изъ нихъ происходитъ только разъ. Тѣмъ не менѣе, необходимость побуждаетъ прибѣгать къ сокращенію: невозможно передавать въ исторіи всѣхъ дѣйствій всѣхъ членовъ какого-либо собранія или всѣхъ должностныхъ лицъ государства. Приходится жертвовать многими лицами и многими фактами.

Какъ же производить выборъ? Личные вкусы или патріотизмъ могутъ побудить отдавать предпочтеніе симпатичнымъ личностямъ и мѣстнымъ событіямъ; но одинъ только руководящій принципъ для выбора можетъ быть общимъ для всѣхъ историковъ: это—роль, сыгранная событіемъ или лицомъ въ эволюціи человѣчества. Необходимо давать мѣсто въ исторіи лицамъ и событіямъ, оказавшимъ явное воздѣйствіе на ходъ эволюціи. Отличительнымъ признакомъ такихъ лицъ и событій служитъ то, что нельзя изобразить эволюціи, не говоря о нихъ. Къ такимъ людямъ относятся лица, измѣнившія состояніе общества, либо какъ творцы или иниціаторы какой-нибудь привычки (художники, ученые, изобрѣтатели, основатели, апостолы), либо какъ руководители движенія, главы государствъ, партій, армій. Къ такимъ событіямъ принадлежатъ факты, произведшіе измѣненія въ привычкахъ или состояніи обществъ.

Для построенія описательной формулы исторической личности нужно выбирать черты въ ея біографіи и привычкахъ. Изъ біографіи личности нужно заимствовать факты, опредѣлившіе ея карьеру, образовавшіе ея привычки и приведшіе къ поступкамъ, при помощи которыхъ она оказала воздѣйствіе на общество. Такими фактами служатъ физіологическія условія (сложеніе, темпераментъ, состояніе здоровья) [1]), воспитательныя вліянія, которымъ подвергалась личность и общественныя условія. Исторія литературы пріучила насъ къ такого рода изысканіямъ.

При изученіи привычекъ человѣка нужно выдѣлять его основныя понятія въ области тѣхъ фактовъ, на которые онъ оказывалъ воздѣйствіе, его взглядъ на жизнь, его знанія, его преобладающіе вкусы, его обычныя занятія и способы поведенія. Изъ этихъ, до безконечности разнообразныхъ деталей, образуется впечатлѣніе „характера“ и собраніе такихъ отличительныхъ чертъ составляетъ „портретъ„ или, какъ любятъ въ настоящее время выражаться, „психологію“ личности. Такая

---

[1]) Мишле дискредитировалъ изслѣдованіе физіологическихъ вліяній благодаря чрезмѣрному злоупотребленію ими въ послѣдней части своей Histoire de France; тѣмъ не менѣе оно необходимо для пониманія жизни личности.

работа, пользующаяся почетомъ еще и теперь, ведетъ свое начало съ того времени, когда исторія была однимъ изъ видовъ изящной литературы; сомнительно, чтобы она могла стать научнымъ пріемомъ. Нѣтъ вполнѣ вѣрнаго метода резюмировать характеръ даже живого человѣка, а тѣмъ болѣе это трудно, когда его приходится изучать косвеннымъ путемъ по документамъ. Споры относительно истолкованія поведенія Александра [1]) служатъ хорошимъ примѣромъ этой неизвѣстности.

Если, тѣмъ не менѣе, кто-либо отважится отыскивать формулу характера, то долженъ будетъ остерегаться двухъ естественныхъ соблазновъ: 1) Не слѣдуетъ строить характеръ на основаніи заявленій самой изучаемой личности. 2) Изученіе воображаемыхъ персонажей (драмы и романа) пріучило насъ искать логической связи между различными чувствами и различными дѣйствіями человѣка; въ литературѣ характеръ создается логически. При изученіи дѣйствительныхъ людей не слѣдуетъ стараться отыскивать цѣльности характера. Мы меньше рискуемъ этимъ въ отношеніи людей, наблюдаемыхъ нами въ современной жизни, потому что видимъ много чертъ, которыя не вмѣстились бы въ связную формулу. Но отсутствіе документовъ, при изученіи историческихъ личностей, скрывая отъ насъ тѣ черты, которыя могли бы насъ стѣснять, побуждаетъ устанавливать, въ извѣстномъ порядкѣ, по образцу театральныхъ характеровъ, то небольшое количество чертъ, какое имѣется въ нашемъ распоряженіи. Благодаря этому великіе люди древности кажутся намъ болѣе логичными, чѣмъ наши современники.

Какъ построить формулу событія? Непреодолимая потребность упрощенія побуждаетъ насъ соединять подъ однимъ наименованіемъ громадную массу мелкихъ фактовъ, замѣченныхъ разомъ, между которыми мы смутно чувствуемъ связь (битва, война, реформа). Соединяются, такимъ образомъ, обыкновенно, всѣ дѣйствія, способствовавшія одному и тому же результату. Такъ образуется обыкновенное понятіе о событіи, и у насъ нѣтъ болѣе научнаго. Нужно, слѣдовательно, группировать факты согласно ихъ результату; факты, не оставившіе по себѣ

[1]) Александра Великаго. *Прим. редакціи.*

видимыхъ результатовъ, исчезаютъ, остальные сливаются между собою, смотря по одинаковымъ результатамъ, и составляютъ событія.

Для того, чтобы описать событіе, нужно опредѣлить съ точностью 1) его характеръ, 2) его протяженіе.

1) Характеръ событія, это черты, отличающія его отъ всякаго другого событія, при чемъ здѣсь должны приниматься во вниманіе не только внѣшнія условія времени и мѣста, но также и то, какимъ образомъ совершалось событіе и его непосредственныя причины. Вотъ указанія, какія должна содержать формула. Одинъ или нѣсколько человѣкъ при наличности такого-то душевнаго настроенія (ихъ взгляды и мотивы дѣйствія), дѣйствуя въ такихъ-то матеріальныхъ условіяхъ (мѣстность, орудіе), совершили такіе-то поступки, имѣвшіе послѣдствіемъ такое-то измѣненіе. Для опредѣленія мотивовъ поступковъ не существуетъ другого пріема, кромѣ сопоставленія поступковъ, съ одной стороны, съ заявленіями лицъ, ихъ совершившихъ, съ другой—съ истолкованіемъ этихъ поступковъ людьми, побуждавшими ихъ совершить. Часто возникаетъ сомнѣніе, именно когда дѣло происходитъ на почвѣ полемики между партіями: каждый объясняетъ поступки своей партіи благородными побужденіями, а поступки противной партіи низкими мотивами. Но поступки, описанные безъ указанія мотивовъ, были бы непонятными.

2) Протяженіе событія должно опредѣляться въ пространствѣ (мѣстность, гдѣ оно совершилось, а также мѣстность, затронутая его прямыми слѣдствіями) и во времени (моментъ, когда событіе началось и моментъ, когда былъ достигнутъ результатъ).

V. Описательныя формулы признаковъ, будучи только качественными, даютъ одно отвлеченное представленіе о фактахъ; количество необходимо, чтобы представить себѣ, какое мѣсто эти факты занимали въ дѣйствительности. Не безразлично, практиковался ли извѣстный обычай сотнями или милліонами людей.

Для формулированія количества имѣется въ наличности нѣсколько пріемовъ, одинъ несовершеннѣе другого, достигающихъ цѣли все съ меньшей и меньшей точностью. Вотъ эти пріемы въ порядкѣ убывающей точности:

1) Мѣра (la mesure) пріемъ вполнѣ научный, потому что равныя цифры обозначаютъ строго точныя величины. Но для этого необходимы общія единицы мѣры, а таковыя имѣются только для времени и для вещественныхъ фактовъ (длинноть, поверхностей, тяжестей). Указаніе цифръ производства и денежныхъ суммъ составляетъ существенную часть экономическихъ и финансовыхъ фактовъ. Но психическіе факты остаются внѣ всякой мѣры.

2) Исчисленіе (le dénombrement), представляющее собою статистическій пріемъ [1]), примѣняется ко всѣмъ фактамъ, имѣющимъ сообща опредѣленный признакъ, которымъ пользуются для ихъ подсчета. Соединенные, такимъ образомъ, въ одной цифрѣ факты не однородны; они могутъ имѣть только одинъ общій признакъ, отвлеченный (преступленіе, тяжба) или условный (рабочій, квартира); цифра подсчета подсказываетъ только, въ сколькихъ случаяхъ встрѣчался данный признакъ; но она не обозначаетъ однороднаго цѣлаго. Человѣкъ склоненъ смѣшивать число и размѣръ и воображать, что онъ знаетъ факты съ научной точностью, потому что можно было примѣнить къ нимъ цифры; слѣдуетъ остерегаться такой иллюзіи и не принимать цифру переписи населенія или арміи за мѣрило ихъ значенія [2]). Исчисленіе даетъ, тѣмъ не менѣе, необходимое указаніе для построенія формулы извѣстной группы. Но оно ограничено случаями, когда можно знать всѣ однородныя единицы въ данныхъ границахъ, потому что сначала ихъ надо отмѣтить, а затѣмъ подсчитать. Прежде, чѣмъ предпринять ретроспективное исчисленіе, слѣдуетъ удостовѣриться, что документы достаточно полны для того, чтобы дать всѣ единицы, которыя требуется подсчитать. Что же касается цифръ, доставляемыхъ документами, то къ нимъ слѣдуетъ относиться съ недовѣріемъ.

---

[1]) Относительно статистики, представляющей собою вполнѣ сложившійся методъ, хорошее резюме и библіографію см. въ Handwörterbuch der Staatswissenschaften, Іена, 1890—94.

[2]) Какъ Bourdeau (l' Histoire et les Historiens, Парижъ, 1888), предлагающій свести всю исторію на рядъ статистическихъ данныхъ.

3) Приблизительное исчисленіе или оцѣнка (l'évaluation), производимое въ ограниченной части поля изслѣдованія, въ томъ предположеніи, что и въ остальномъ полѣ соотношенія будутъ одни и тѣ же. Въ исторіи приходится часто прибѣгать къ этому способу, когда имѣется налицо неравномѣрное количество документовъ. Получающійся выводъ сомнителенъ, если нѣтъ увѣренности въ томъ, что исчисленная часть въ точности похожа на другія части.

4) Типическое исчисленіе (échantillonnage), ограниченное нѣсколькими единицами, взятыми въ различныхъ мѣстахъ поля изслѣдованія; вычисляется отношеніе случаевъ, гдѣ встрѣчается данный признакъ (положимъ 90 на 100) и допускается, что отношеніе будетъ одинаковое для всей совокупности случаевъ; когда есть нѣсколько категорій, высчитывается отношеніе между этими категоріями. Пріемъ этотъ примѣнимъ въ исторіи ко всякаго рода фактамъ, либо для установленія отношенія различныхъ формъ или различныхъ обычаевъ въ извѣстный періодъ времени или въ данной мѣстности, либо для опредѣленія соотношенія различнаго рода членовъ въ разнородныхъ группахъ. Онъ даетъ приблизительное понятіе о повторяемости фактовъ и объ отношеніи элементовъ общества; онъ можетъ также показать, какого рода факты встрѣчаются всего чаще вмѣстѣ, а, слѣдовательно, кажутся имѣющими между собою связь. Для правильнаго примѣненія этого пріема необходимо, чтобы изслѣдуемые образцы были типичными для цѣлаго, а не для одной его части, могущей находиться въ исключительныхъ условіяхъ. Ихъ нужно, слѣдовательно, выбирать въ очень различныхъ пунктахъ и условіяхъ такъ, чтобы исключенія уравновѣшивались. Недостаточно брать образцы для изслѣдованія въ отдаленныхъ другъ отъ друга пунктахъ, напримѣръ, на различныхъ границахъ страны, потому что самый фактъ существованія образца на границѣ есть исключительное условіе. Для повѣрки могутъ служить пріемы антропологовъ, устанавливающихъ среднія данныя.

5) Обобщеніе (généralisation) есть не что иное, какъ инстинктивный способъ упрощенія. Подмѣтивъ въ предметѣ извѣстный признакъ, распространяютъ его на всѣ другіе не-

много похожіе предметы. Благодаря сложности фактовъ во всѣхъ областяхъ человѣческихъ дѣйствій и отношеній, обобщенія дѣлаются безсознательно; обыкновенно распространяютъ на цѣлый народъ привычки нѣсколькихъ индивидуумовъ или первой попавшейся группы народа, которую удалось узнать; распространяютъ на цѣлый періодъ привычки, констатированныя въ какой-нибудь одинъ историческій моментъ. Это одна изъ самыхъ главныхъ причинъ ошибокъ въ исторіи, она дѣйствуетъ повсюду: при изученіи обычаевъ, учрежденій, даже при оцѣнкѣ нравственности народа [1]). Обобщеніе покоится на смутномъ представленіи, что всѣ факты, смежные или сходные въ какомъ-нибудь пунктѣ, сходны и во всѣхъ остальныхъ пунктахъ. Въ сущности это не что иное, какъ плохо выполненное безсознательное изученіе по типамъ. Его можно, слѣдовательно, сдѣлать правильнымъ, поставивъ въ условія хорошо построеннаго типическаго изслѣдованія. Нужно изслѣдовать случаи, на основаніи которыхъ хотятъ дѣлать обобщенія и задаться вопросомъ: какое имѣютъ право обобщать, т. е. какое имѣется основаніе предполагать, что констатированный въ этихъ случаяхъ признакъ будетъ встрѣчаться въ тысячахъ другихъ случаевъ, что эти случаи будутъ равны среднему?

Единственно законнымъ основаніемъ можетъ быть то, что эти случаи типичны для цѣлаго. Такимъ образомъ, приходится возвращаться къ методическому пріему типическаго изслѣдованія.

Оперировать слѣдуетъ такимъ образомъ: 1) Нужно точно опредѣлить поле, въ которомъ считаютъ возможнымъ сдѣлать обобщеніе (т. е. допустить сходство всѣхъ случаевъ), разграничить страну, группу, классъ, эпоху, въ отношеніи которыхъ будетъ дѣлаться обобщеніе. Слѣдуетъ остерегаться брать слишкомъ большое поле для обобщенія, смѣшивая часть съ цѣлымъ (греческій или германскій народъ со всей совокупностью грековъ или германцевъ). 2) Нужно удостовѣриться, что факты, содержащіеся въ полѣ изслѣдованія, сходны въ тѣхъ пунктахъ, на основаніи которыхъ хотятъ обобщать; а, слѣдовательно, остерегаться неопредѣленныхъ наименованій, прикрывающихъ

[1]) См. хорошій примѣръ у Лакомба, цит. соч., стр. 146.

очень различныя между собою группы (христіане, французы, арійцы, романскіе народы). 3) Нужно удостовѣриться, что случаи, на основаніи которыхъ будетъ дѣлаться обобщеніе, типичны. Необходимо также, чтобы они дѣйствительно входили въ поле изслѣдованія, такъ какъ случается принимать за образецъ одной группы людей и факты другой группы. Не слѣдуетъ, чтобы они имѣли исключительный характеръ, что можно ожидать отъ всѣхъ случаевъ, происходящихъ при исключительныхъ условіяхъ. Авторы документовъ склонны оказывать въ своихъ повѣствованіяхъ предпочтеніе тому, что ихъ изумляетъ, вслѣдствіе чего исключительные случаи занимаютъ въ документахъ мѣсто, несоотвѣтствующее ихъ дѣйствительному количеству; это одинъ изъ главныхъ источниковъ ошибки. 4) Число образцовъ, необходимыхъ для обобщенія, должно быть тѣмъ болѣе велико, чѣмъ меньше причинъ сходства между всѣми случаями, входящими въ поле изслѣдованія. Оно можетъ быть невелико, когда изучаются такія стороны человѣческой природы или отношеній, гдѣ люди склонны сильно походить другъ на друга, либо по подражанію или договору (языкъ, обряды, церемоніи), либо вслѣдствіе обычаевъ или обязательныхъ постановленій (общественныя учрежденія, политическія учрежденія въ тѣхъ странахъ, гдѣ власть пользуется повиновеніемъ). Оно должно быть значительно больше при изученіи фактовъ, гдѣ сильнѣе проявляется личная иниціатива (искусство, наука, нравственность); при изученіи частныхъ отношеній обобщеніе обыкновенно даже невозможно.

VI. Описательныя формулы ни въ одной наукѣ не служатъ завершеніемъ работы. Остается еще распредѣлить факты такъ, чтобы обнять ихъ во всей совокупности и изслѣдовать отношенія между ними, т. е. сдѣлать общія заключенія. Исторія, по причинѣ несовершенства своихъ пріемовъ, нуждается еще въ одной предварительной операціи, имѣющей цѣлью выяснить значеніе достигнутыхъ знаній [1]).

---

[1]) Намъ казалось безполезнымъ обсуждать здѣсь, должна ли исторія, согласно традиціи древности, выполнять еще другую функцію, а именно, должна ли она с у д и т ь событія и людей, т. е. сопровождать описаніе фактовъ выраженіемъ одобренія или порицанія, либо во имя

Критическая работа дала намъ только массу отдѣльныхъ замѣчаній относительно цѣнности знанія, достигнутаго благодаря историческимъ документамъ. Нужно соединить вмѣстѣ всѣ эти замѣчанія. Для этого берется цѣлая группа фактовъ, классифицированныхъ въ однѣхъ и тѣхъ же рамкахъ,—родъ фактовъ, страна, періодъ, событіе и резюмируются результаты критики отдѣльныхъ фактовъ, съ цѣлью получить общую формулу. Слѣдуетъ разсматривать: 1) объемъ, 2) цѣнность нашего знанія.

1) Прежде всего, ставится вопросъ, каковы пробѣлы, оставленные документами? Слѣдя за общимъ рядомъ вопросовъ, выработанныхъ для группировки фактовъ, не трудно констатировать, о какомъ родѣ фактовъ у насъ нѣтъ свѣдѣній. Относительно эволюціи, придерживаясь того же пріема, мы легко замѣтимъ, какихъ звеньевъ недостаетъ въ цѣпи послѣдовательныхъ измѣненій; относительно событій—какихъ недостаетъ намъ эпизодовъ, какихъ группъ дѣятелей, какія побужденія остаются для насъ неизвѣстными, какіе факты выступаютъ передъ нами какъ бы безъ начала и исчезаютъ какъ бы безъ конца. Мы должны составить себѣ, по крайней мѣрѣ, мысленно картину нашего невѣжества, чтобы напомнить себѣ разстояніе, отдѣляющее имѣющееся у насъ знаніе отъ знанія совершеннаго.

2) Цѣнность нашего знанія зависитъ отъ цѣнности нашихъ документовъ. Критика показала намъ цѣнность документовъ въ отдѣльности для каждаго случая; ее нужно резюмировать въ нѣсколькихъ чертахъ для всей совокупности фактовъ. Откуда мы почерпнули наше знаніе—изъ непосредственнаго наблюденія, изъ писанной или устной передачи? Владѣемъ ли

общаго или частнаго нравственнаго идеала (идеала секты, партіи, націи), либо съ практической точки зрѣнія, разсматривая, какъ Полибій, хорошо или плохо были комбинированы историческія дѣйствія въ видахъ ихъ успѣха. Такое дополненіе могло бы дѣлаться во всѣхъ описательныхъ изученіяхъ: натуралистъ могъ бы выражать свою симпатію или удивленіе къ животному, порицать тигра за хищность, хвалить привязанность курицы къ своимъ цыплятамъ. Но, очевидно, что исторіи, какъ и всякой другой области знанія, этотъ судъ долженъ быть чуждъ.

мы нѣсколькими различно освѣщенными передачами или одной? Владѣемъ ли разнородными документами или однородными? Какія имѣются въ нашемъ распоряженіи свѣдѣнія: неопредѣленныя или точныя, подробныя или краткія, литературныя или достовѣрныя, оффиціальныя или секретныя?

При построеніи обыкновенно склонны пренебрегать выводами критики документовъ, забывать о томъ, что имѣется несовершеннаго и сомнительнаго въ нашемъ знаніи. Сильное желаніе увеличить насколько возможно массу нашихъ свѣдѣній и заключеній побуждаетъ насъ освобождаться отъ всякихъ ограниченій критики. Благодаря этому, рискъ составить себѣ, на основаніи отрывочныхъ и подозрительныхъ свѣдѣній, такое представленіе о совокупности явленій какъ будто бы мы располагаемъ полною ихъ картиною — очень великъ. Обыкновенно очень легко забываютъ о существованіи фактовъ, не описанныхъ документами (фактовъ экономическихъ, положенія рабовъ въ древности) и отводится гораздо болѣе важное мѣсто хорошо извѣстнымъ фактамъ (греческому искусству, римскимъ надписямъ, средневѣковымъ монастырямъ). Инстинктивно оцѣнивается значеніе фактовъ по количеству свидѣтельствующихъ о нихъ документовъ. Забывается объ особенномъ характерѣ документовъ, а если они всѣ одного и того же происхожденія, то упускается изъ виду, что они подвергли факты одинаковому искаженію и что общность ихъ происхожденія дѣлаетъ контроль невозможнымъ; покорно сохраняется окраска передачи фактовъ (римская, ортодоксальная, аристократическая).

Чтобы избавиться отъ этихъ естественныхъ склонностей, достаточно принять за правило—раньше всякой попытки вывести общее заключеніе, дѣлать общій обзоръ фактовъ и ихъ передачи.

VII. Описательныя формулы выражаютъ особое свойство каждой небольшой группы фактовъ. Чтобы получить общее заключеніе, нужно соединить всѣ эти отдѣльные выводы въ одну общую формулу. При этомъ слѣдуетъ сопоставлять не однѣ только изолированныя подробности или второстепенные признаки[1]),

[1]) Сравненіе между двумя частными фактами, принадлежащими къ очень различнымъ группамъ (Абдъ-ель-Кадера съ Югуртой, Наполеона со Сфорцей) является бьющимъ въ глаза пріемомъ изложенія, но не средствомъ придти къ научному выводу.

но группы фактовъ, сходныхъ между собою по совокупности признаковъ.

Такимъ образомъ получается связное цѣлое изъ однородныхъ фактовъ (учрежденій, человѣческихъ группъ, событій) и опредѣляются, согласно указанному выше методу, характерные признаки: распространенность, продолжительность, количество или значеніе. Образуя все болѣе и болѣе общія группы, на каждой новой ступени обобщенія, отбрасываютъ несходные признаки и удерживаютъ признаки, свойственные цѣлому ряду явленій. Такая работа продолжается до тѣхъ поръ, пока дойдутъ до признаковъ, общихъ всему человѣчеству.

Въ выводѣ получается формула, выражающая общій характеръ извѣстнаго разряда фактовъ, языка, религіи, искусства, экономической организаціи, общества, правительства, сложнаго событія (каковы, напр., вторженіе варваровъ или реформація).

Пока эти общія формулы будутъ оставаться изолированными, заключеніе не является полнымъ, а такъ какъ больше невозможно уже ихъ сопоставлять и сливать вмѣстѣ, то чувствуется потребность сличить ихъ и сдѣлать попытку классифицировать. Пытаться классифицировать формулы можно двумя способами:

1) Можно сравнивать сходныя категоріи спеціальныхъ фактовъ, языка, религіи, искусства, правительства, беря ихъ во всемъ человѣчествѣ, сравнивая между собою и классифицируя въ одно цѣлое наиболѣе похожія другъ на друга категоріи. Такимъ путемъ получаются семьи языковъ, религій, правительствъ, которыя можно затѣмъ попытаться классифицировать въ свою очередь. Это будетъ отвлеченная классификація, изолирующая одинъ родъ фактовъ изъ всѣхъ остальныхъ родовъ, отказывающаяся добираться до ихъ причинъ. Она имѣетъ то преимущество, что можетъ быть выполнена быстро и дать въ результатѣ краткій техническій сборникъ, который можетъ быть удобенъ для указанія фактовъ.

2) Можно сравнивать дѣйствительныя группы дѣйствительныхъ индидуумовъ, брать историческія данныя общества и классифицировать ихъ на основаніи ихъ сходствъ. Это будетъ конкретная классификація, аналогичная зоологическимъ классификаціямъ, гдѣ классифицируются не отдѣльныя функціи, а жи-

вотныя, взятыя въ ихъ цѣломъ. Правда, группы будутъ менѣе разграничены, чѣмъ въ зоологіи; вѣдь не существуетъ еще и соглашенія относительно признаковъ, на основаніи которыхъ должно устанавливаться сходство. Будетъ ли это экономическая или политическая организація, или интеллектуальное развитіе? Пока не установлено еще никакого принципа классификаціи.

Исторія не достигла еще научной классификаціи цѣлаго. Быть можетъ, человѣческія группы недостаточно однородны, чтобы давать солидное основаніе для сравненія и недостаточно рѣзко разграничены, чтобы давать сравнимыя величины.

VIII. Изученіе отношеній между одновременнымн фактами заключается въ отысканіи связующихъ нитей между всѣми разнородными фактами, происходящими въ одномъ и томъ же обществѣ. Смутно чувствуется, что различныя привычки, мысленно обособленныя путемъ абстракціи и классифицированныя въ отдѣльныя категоріи (искусство, религія, политическія учрежденія), въ дѣйствительности отнюдь не изолированы, имѣютъ общіе признаки и настолько связаны между собою, что извѣстное измѣненіе въ одномъ изъ нихъ влечетъ за собою измѣненіе и въ другомъ. Такова основная мысль „Духа законовъ“ Монтескьё. Германская школа (Савиньи, Нибуръ) назвали эту связь, именовавшуюся иногда consensus,—Zusammenhang. Изъ этого понятія возникаетъ теорія „народнаго духа“ (Volksgeist), контрафакція которой проникла нѣсколько лѣтъ тому назадъ во Францію подъ именемъ „національной души“ (l'âme nationale). Она же положена въ основу теоріи „соціальной души“ Лампрехта.

Если отбросить всѣ эти мистическія концепціи исторіи, то все-таки останется очень смутный, но неоспоримый фактъ „солидарности“ между различными привычками одного и того же народа. Чтобы изучить эту связь съ точностью, слѣдовало бы ее анализировать, а связь не анализируется. Естественно, стало быть, что эта часть соціальныхъ наукъ осталась убѣжищемъ тайны и мрака.

Сравнивая различныя общества съ тѣмъ, чтобы установить, въ какихъ отношеніяхъ похожи или отличаются другъ отъ друга тѣ изъ нихъ, между которыми существуетъ сходство или различіе въ извѣстномъ данномъ отношеніи (религіи, правитель-

ства), можетъ быть можно получить интересные эмпирическіе выводы. Но чтобы объяснить consensum, нужно добраться до фактовъ, порождающихъ эти сходства или различія, до общихъ причинъ различныхъ привычекъ. Такимъ образомъ является необходимость отыскивать причины явленій, и изслѣдователь вступаетъ въ такъ называемую философскую исторію, потому что она отыскиваетъ то, что нѣкогда называлось философіей фактовъ, т. е. ихъ постоянныя отношенія.

IX. Существенная потребность всѣхъ наукъ возвыситься надъ простымъ констатированіемъ фактовъ и объяснить ихъ собственными причинами дала, наконецъ, себя чувствовать и въ изученіи исторіи. Отсюда возникли системы философіи исторіи и различныя попытки съ цѣлью выясненія историческихъ законовъ или причинъ. Мы отказываемся произвести здѣсь критическій обзоръ этихъ столь многочисленныхъ въ XIX столѣтіи попытокъ, но постараемся, по крайней мѣрѣ, указать, какими путями подходили къ рѣшенію задачи и что помѣшало достиженію ея научнаго рѣшенія.

Самый естественный способъ объясненія историческихъ явленій состоитъ въ признаніи, что высшая, сверхчувственная причина, Провидѣніе направляетъ всѣ историческія явленія къ предначертанной Богомъ цѣли [1]). Такое объясненіе является ничѣмъ инымъ, какъ метафизическимъ завершеніемъ научнаго построенія, такъ какъ свойство науки заниматься только изученіемъ побудительныхъ причинъ. Историку, такъ же какъ химику или естественнику, нѣтъ надобности отыскивать первопричину или конечныя цѣли существующаго. Въ настоящее время, на самомъ дѣлѣ, и не занимаются больше обсужденіемъ теоріи Провидѣнія въ исторіи, въ ея теологической формѣ.

Но стремленіе объяснять историческіе факты сверхъестественными причинами (causes transcendantes) продолжаетъ существовать въ новѣйшихъ теоріяхъ, гдѣ метафизика скрывается подъ научными формами. Историки XIX в. испытали

---

[1]) Этой системы придерживаются еще многіе современные авторы, какъ, напр., бельгійскій юристъ Лоранъ въ своихъ «Etudes sur l'histoire de l'humanité». нѣмецъ Рохольль и даже англійскій историкъ философіи исторіи Флинтъ.

на себѣ такое сильное вліяніе философскаго образованія, что большинство изъ нихъ, иногда даже помимо желанія, вводитъ въ историческое построеніе метафизическія формулы. Достаточно перечислить эти системы и показать ихъ метафизическій характеръ, чтобы серьезные историки стали къ нимъ относиться съ осторожностью.

Теорія разумнаго характера исторіи покоится на идеѣ, что всякій реальный историческій фактъ въ то же самое время разуменъ (rationnel), т. е. согласенъ съ разумнымъ планомъ всего существующаго; обыкновенно признается, какъ нѣчто подразумѣваемое, что всякій соціальный фактъ имѣетъ свое raison d'être въ развитіи общества, т. е., что въ концѣ-концовъ все совершается къ выгодѣ общества; это приводитъ къ объясненію причины всякаго учрежденія общественной потребностью, которой оно должно было отвѣчать при своемъ возникновеніи [1]). Такова основная идея гегельянства, если не у самого Гегеля, то, по крайней мѣрѣ, у его учениковъ-историковъ (Ранке, Моммзена, Дройзена, Тэна и Мишле). Идея эта есть не что иное, какъ форма теоріи конечныхъ причинъ. Это утѣшительное, но не научное апріорное положеніе, такъ какъ наблюденіе историческихъ фактовъ не доказываетъ ни того, что все всегда происходитъ наиболѣе выгоднымъ для человѣчества или раціональнымъ образомъ, ни того, что учрежденія имѣютъ иную причину помимо интересовъ тѣхъ, кто ихъ устанавливаетъ; наблюденіе скорѣе доказало бы противное.

Изъ того же метафизическаго источника вытекаетъ также гегеліанская теорія идей, осуществляющихся послѣдовательно въ исторіи черезъ посредство смѣняющихъ другъ друга народовъ. Теорія эта, популяризированная во Франціи Кузеномъ и Мишле, отжила свой вѣкъ даже и въ Германіи, но отголосокъ ея существуетъ еще, особенно въ Германіи, въ формѣ исторической миссіи (Beruf), приписываемой народамъ или отдѣльнымъ личностямъ. Достаточно указать, что самыя ме-

[1]) Такъ именно объясняетъ Тэнъ въ своемъ сочин. «Les origines de la France contemporaine» образованіе привиллегій стараго режима услугами, оказанными нѣкогда привиллегированными классами.

тафоры, „идея“ и „миссія“ содержатъ въ себѣ трансцедентальную, антропоморфическую причину.

Изъ того же оптимистическаго понятія о разумномъ управленіи міромъ вытекаетъ и теорія безпрерывнаго и необходимаго прогресса человѣчества. Теорія эта, хотя и принята позивистами, тѣмъ не менѣе, представляетъ собою метафизическую гипотезу. Въ обыкновенномъ смыслѣ „прогрессъ“ есть не что иное, какъ субъективное выраженіе для обозначенія перемѣнъ, совершающихся въ желательномъ для насъ смыслѣ. Но, даже беря это слово въ объективномъ смыслѣ, приданномъ ему Спенсеромъ (увеличеніе разнообразія и координаціи общественныхъ явленій), изученіе историческихъ фактовъ не указываетъ на безпрерывный, единый прогрессъ человѣчества, оно обнаруживаетъ только перемежающіеся частичные успѣхи и не даетъ никакого основанія приписывать ихъ постоянной причинѣ, присущей всему человѣчеству, а не ряду мѣстныхъ случайностей [1]).

Болѣе научныя попытки объясненія историческаго процесса возникли въ спеціальныхъ исторіяхъ (языковъ, религій, права). Изучая въ отдѣльности послѣдовательность однородныхъ фактовъ, спеціалисты пришли къ констатированію правильнаго возобновленія одной и той же послѣдовательности фактовъ и выразили это въ формулахъ, называющихся иногда законами (напримѣръ, законъ тоническаго ударенія); законы эти—чисто эмпирическіе, они указываютъ только послѣдовательность фактовъ, не объясняя ея, потому что не открываютъ ея побудительной причины. Пораженные правильной преемственностью фактовъ, спеціалисты, естественно, стали разсматривать эволюцію обычаевъ (слова, обряда, догмата, постановленія права) какъ органическое развитіе, аналогичное росту растенія; говорили о „жизни словъ“, о „вымираніи догматовъ“, о „ростѣ миѳовъ“. Затѣмъ, позабывъ, что все это чистыя абстракціи, признали, не высказывая этого опредѣленно, силу, присущую слову, обряду, закону, производящую якобы его эволюцію. Это

[1]) Хорошую критику теоріи прогресса можно найти въ цитированной работѣ П. Лакомба.

теорія развитія (Entwickelung) обычаевъ и учрежденій; пущенная въ ходъ въ Германіи „исторической школой", она получила господство во всѣхъ спеціальныхъ исторіяхъ. Пока одной только исторіи языка удалось уже почти отъ нея освободиться [1]). Подобно тому, какъ ассимилировали обычаи съ существами, одаренными собственной жизнью, олицетворяли также рядъ индивидуумовъ, составляющихъ общественныя корпораціи (сенатъ, парламентъ), приписывая ей непрерывную волю, которую разсматривали какъ дѣйствительную силу. Такимъ образомъ, позади историческихъ фактовъ создался міръ мнимыхъ существъ. Чтобы оградить себя отъ этой обманчивой миѳологіи достаточно одного правила: не отыскивать причинъ историческихъ фактовъ, не представивъ себѣ этихъ фактовъ конкретнымъ образомъ, въ формѣ дѣйствующихъ или думающихъ индивидуумовъ. Если же думаютъ пользоваться отвлеченными существительными, то нужно избѣгать всякой метафоры, навязывающей имъ дѣйствія живыхъ существъ.

Сравнивая эволюціи различнаго рода фактовъ въ одномъ и томъ же обществѣ, „историческая школа" была вынуждена констатировать ихъ взаимную связь (Zusammenhang). Но прежде, чѣмъ начать отыскивать ея причины путемъ анализа, предположили общую, постоянную причину, которая должна была заключаться въ самомъ обществѣ. Привыкнувъ олицетворять общество, стали приписывать ему спеціальный темпераментъ, особый геній націи или расы, проявляющійся въ различныхъ областяхъ общественной дѣятельности и объяснявшій ихъ взаимную связь [2]). Это было не что иное, какъ гипотеза, внушенная животнымъ міромъ, гдѣ каждый родъ имѣетъ постоянные признаки. Она оказалась недостаточной, потому что, когда понадобилось объяснять, какимъ образомъ одно и то же обще-

---

[1]) См. очень ясныя заявленія одного изъ главныхъ представителей языковѣдѣнія во Франціи В. Анри (V. Henry) Antinomies linguistiques. Парижъ, 1866 г.

[2]) Лампрехтъ, въ цитир. статьѣ (стр. 213), сопоставивъ художественную, религіозную, экономическую эволюцію Германіи въ средніе вѣка и констатировавъ, что эволюцію во всѣхъ этихъ областяхъ можно раздѣлить на періоды одинаковой продолжительности, объясняетъ одно-

ство мѣняло характеръ въ различныя эпохи (греки между V'II и IV' стол., англичане между XV' и XIX ст.), то потребовалось вмѣшательство внѣшнихъ причинъ. Гипотеза эта безсильна и потому, что всѣ историческія общества являются группами людей, не имѣющими антропологическаго единства и общихъ наслѣдственныхъ признаковъ.

Рядомъ съ этими метафизическими и метафорическими объясненіями историческаго процесса, были сдѣланы попытки примѣнить къ изысканію причинъ въ исторіи классическій пріемъ естественныхъ наукъ: сравненіе параллельныхъ рядовъ послѣдовательныхъ фактовъ для выясненія того, какіе изъ нихъ встрѣчаются всегда вмѣстѣ. „Сравнительный методъ" примѣнялся различными способами. Избирали предметомъ изученія какое-нибудь частное явленіе общественной жизни (обычай, учрежденіе, вѣрованіе, законъ), взятое абстрактно; сравнивали послѣдовательное развитіе его въ различныхъ обществахъ такъ, чтобы опредѣлить общую эволюцію, которую можно было бы отнести къ одной общей причинѣ. Такимъ путемъ сложились сравнительное языковѣдѣніе, миѳологія и право. Предполагалось также (въ Англіи) сдѣлать сравненіе болѣе точнымъ, воспользовавшись „статистическимъ" методомъ; дѣло шло о систематическомъ сравненіи всѣхъ извѣстныхъ обществъ и подведеніи статистики всѣмъ случаямъ, гдѣ два обычая встрѣчаются вмѣстѣ. Это принципъ таблицъ сходства (tables de concordance) Бекона; но есть опасеніе, что онъ не дастъ большихъ результатовъ. Недостатокъ всѣхъ этихъ пріемовъ заключается въ томъ, что оперируютъ съ отвлеченными понятіями, отчасти произвольными, а иногда даже пользуясь сопоставленіями словъ, не зная совокупности условій, при которыхъ совершались факты.

Можно было бы изобрѣсти болѣе конкретный методъ и сравнивать не отдѣльные ряды однородныхъ фактовъ, а цѣлыя общества со всѣми совершающимися въ нихъ процессами, беря

временныя преобразованія различныхъ обычаевъ и учрежденій въ одномъ и томъ же обществѣ «преобразованіями коллективной соціальной души». Это только другая форма одной и той же гипотезы.

либо одно и то же общество въ два различные момента его эволюціи (Англія XVI и XIX вв.), либо эволюціи нѣсколькихъ обществъ, современныхъ одно другому (Англію и Францію) или различныхъ эпохъ (Римъ и Англія). Методъ этотъ можетъ приносить пользу въ отрицательномъ смыслѣ, для подтвержденія того, что одинъ фактъ не служитъ непремѣннымъ слѣдствіемъ другого, потому что они не всегда встрѣчаются въ связи одинъ съ другимъ (напримѣръ, эманципація женщинъ и христіанство). Но отъ него совсѣмъ нельзя ожидать положительныхъ результатовъ, потому что существованіе двухъ фактовъ въ нѣсколькихъ рядахъ не указываетъ еще, служатъ ли они причиной одинъ другого или являются только слѣдствіемъ одной и той же причины.

Методическое изслѣдованіе причинъ извѣстнаго факта требуетъ анализа условій, при которыхъ фактъ совершался, чтобы выдѣлить, такимъ образомъ, непремѣнное условіе, служащее его причиной; оно предполагаетъ, слѣдовательно, совершенное знаніе этихъ условій. Въ исторіи именно этого-то и не достаетъ, вслѣдствіе чего приходится отказаться отъ выясненія причинъ при помощи прямого метода (méthode directe), какъ это дѣлается въ другихъ наукахъ.

Тѣмъ не менѣе, историки на дѣлѣ часто пользуются понятіемъ причинности, необходимымъ, какъ указано выше, для формулированія событій и построенія періодовъ. Это объясняется тѣмъ, что они узнаютъ причины фактовъ либо отъ авторовъ документовъ, наблюдавшихъ факты, либо по аналогіи съ причинами, дѣйствующими въ настоящее время и наблюдавшимися каждымъ изъ насъ. Всякая исторія событій является очевиднымъ и безспорнымъ сцѣпленіемъ частичныхъ случаевъ, изъ которыхъ каждый служитъ побудительной причиной другого. Причиной смерти короля Генриха II былъ ударъ копья графа Монгомери; смерть короля была причиной захвата власти Гизами, послужившаго, въ свою очередь, причиной возстанія протестантовъ.

Наблюденіе причинъ авторами документовъ ограничено сцѣпленіемъ случайныхъ наблюдавшихся ими фактовъ; да, въ дѣйствительности, это причины наиболѣе достовѣрно извѣстныя. Исторія, въ противоположность другимъ наукамъ, лучше знаетъ причины частныхъ случаевъ, нежели причины общихъ пре-

образованій, потому что въ первомъ случаѣ она находитъ въ документахъ уже выполненную работу.

Для изысканія причинъ общихъ фактовъ историческое построеніе можетъ пользоваться только аналогіей между прошлымъ и настоящимъ. Если у него и есть шансы найти причины, объясняющія эволюцію ранѣе существовавшихъ обществъ, то только при помощи непосредственнаго наблюденія преобразованій современныхъ обществъ.

Методъ такого изученія еще не вполнѣ опредѣлился, а потому здѣсь можно только указать его принципы:

1) Чтобы добраться до причинъ взаимодѣйствія между различными привычками въ одномъ и томъ же обществѣ, нужно оставить въ сторонѣ отвлеченную и условную форму, которую факты принимаютъ на языкѣ документовъ (догматъ, законъ, обрядъ, учрежденіе) и добраться до реальныхъ конкретныхъ центровъ, которыми всегда служатъ думающіе и дѣйствующіе люди. Тамъ только соединяются различные роды дѣятельности, раздѣляемые путемъ абстракціи въ языкѣ. Ихъ взаимодѣйствіе должно, слѣдовательно, объясняться какой-нибудь господствующей чертой человѣческой природы или положенія этихъ людей, отражающейся во всѣхъ различныхъ проявленіяхъ человѣческой дѣятельности. Взаимодѣйствіе не можетъ быть одинаково между всѣми родами дѣятельности; оно будетъ сильнѣе между тѣми родами дѣятельности, гдѣ индивидуумъ находится въ тѣсной зависимости отъ дѣйствій массы (экономическая, соціальная и политическая жизнь), болѣе слаба въ областяхъ умственной дѣятельности (искусствахъ, наукахъ), гдѣ личная иниціатива проявляется свободнѣе [1]). Документы упоминаютъ разомъ о большинствѣ привычекъ (вѣрованіяхъ, обычаяхъ, учрежденіяхъ), не различая индивидуумовъ, а между тѣмъ въ одномъ и томъ же обществѣ привычки сильно разнятся въ зависимости отъ человѣка. Необходимо распознавать эти различія изъ опасенія впасть въ ошибку и объяснять поступки художниковъ и ученыхъ вѣрованіями и привычками ихъ государя или ихъ поставщиковъ.

---

[1]) Историки литературы, которые съ самаго начала стали отыскивать связь между искусствомъ и остальными сторонами общественной жизни, тѣмъ самымъ прежде всего поставили на очередь этотъ самый трудный вопросъ.

2) Чтобы добраться до причинъ эволюціи, необходимо обратиться къ единственнымъ существамъ, которыя могутъ послѣдовательно развиваться, а именно къ людямъ. Причиной всякой эволюціи служитъ перемѣна въ матеріальныхъ условіяхъ существованія или привычкахъ нѣкоторыхъ людей. Наблюденіе показываетъ намъ двоякаго рода измѣненіе: или люди остаются такими же, какъ были раньше, но мѣняютъ свой образъ дѣйствій или мыслей, либо добровольно, изъ подражанія, либо по принужденію; или же люди, державшіеся стараго обычая, сходятъ со сцены и замѣняются другими людьми, не придерживающимися больше стараго обычая, или чужестранцами, или потомками прежнихъ людей, но иначе воспитанными. Такая смѣна поколѣній кажется въ наше время наиболѣе дѣятельной причиной эволюціи. Существуетъ тенденція думать, что то же было и въ прошломъ: эволюція совершалась тѣмъ медленнѣе, чѣмъ больше молодыя поколѣнія придерживались привычекъ своихъ предшественниковъ.

Слѣдовало бы поставить еще одинъ вопросъ: всегда ли люди отличаются другъ отъ друга только по условіямъ жизни (воспитанію, средствамъ существованія) и не совершалась ли эволюція только путемъ измѣненія этихъ условій? Или, быть можетъ, существуютъ группы людей, отличающихся другъ отъ друга въ силу наслѣдственности, (hérédilaire-ment différents), которые рождаются съ наклонностями къ различнаго рода дѣятельности и способностями различнымъ образомъ развиваться, такъ что и эволюція происходитъ, можетъ быть, по крайней мѣрѣ отчасти, въ зависимости отъ увеличенія, уменьшенія или перемѣщенія этихъ группъ? Что касается крайнихъ случаевъ,—черной, бѣлой и желтой расъ, то различіе ихъ способности развиваться кажется очевиднымъ; ни одинъ черный народъ не цивилизовался. Вѣроятно, что малѣйшія наслѣдственныя различія должны были вліять на событія. Историческая эволюція обусловливалась, быть можетъ, отчасти физіологическими и антропологическими причинами. Но исторія не даетъ никакого вѣрнаго способа для опредѣленія дѣйствія наслѣдственныхъ различій среди людей: она выясняетъ лишь условія ихъ существованія. Послѣдній вопросъ въ исторіи неразрѣшимъ при помощи историческихъ пріемовъ.

Глава V.

Изложеніе.

Намъ остается разсмотрѣть вопросъ, представляющій очевидный практическій интересъ. Въ какой формѣ являются историческія сочиненія? Формы эти очень многочисленны; между ними есть очень устарѣлыя и далеко не всѣ законныя; лучшія страдаютъ недостатками. Нужно, слѣдовательно, задаться не только вопросомъ о томъ, въ какихъ формахъ являются историческія сочиненія, но и томъ, какія изъ существующихъ формъ представляютъ собою дѣйствительно раціональные типы изложенія.

Мы понимаемъ здѣсь подъ „историческими сочиненіями“ всѣ сочиненія, имѣющія цѣлью излагать результаты работы историческаго построенія, каковы бы ни были ихъ величина и значеніе. Критическія работы надъ документами, имѣющія чисто подготовительный характеръ (о которыхъ говорилось во II книгѣ), естественно, отсюда исключаются.

Историки могутъ различаться и различались до настоящаго времени во многихъ существенныхъ пунктахъ. Они не всегда понимали (да и теперь не понимаютъ) всѣ одинаково цѣль историческаго сочиненія, а, слѣдовательно, и свойства избираемыхъ ими фактовъ, способъ раздѣленія предмета, т. е. приведенія въ извѣстный порядокъ фактовъ и пріемы ихъ изображенія и ихъ доказательства. Здѣсь было бы умѣстнымъ отмѣтить, какъ послѣдовательно развивались „пріемы писанія исторіи“. Но такъ какъ исторія „пріемовъ“ этихъ не обработана еще хорошо [1]), то мы ограничимся лишь очень общими указаніями

[1]) Для древнихъ эпохъ см. хорошія исторіи греческой, римской и средневѣковой литературы, въ которыхъ есть главы, посвященныя «историкамъ». Для новаго времени см. «Введеніе» Г. Моно въ I т. Revue historique; Ф. Вегеле. Geschichte der deutschen Historiographie (1885), ограничена Германіей и очень посредственна. «Notes sur l'histoire en France au XIX siècle» были напечатаны К. Жюльяномъ (Jullian), въ видѣ введенія къ его

относительно періодовъ, предшествовавшихъ второй половинѣ XIX ст., указаніями, строго необходимыми для пониманія современнаго положенія вещей.

I. Исторія понималась вначалѣ, какъ повѣствованіе о достопамятныхъ событіяхъ. Во времена Ѳукидида и Тита Ливія цѣлью исторіи было сохранить воспоминаніе и распространить знаніе фактовъ, замѣчательныхъ или важныхъ для одного человѣка, семьи или народа. Параллельно съ этимъ, исторія съ ранняго времени разсматривалась, какъ собраніе примѣровъ (прецедентовъ), а знаніе исторіи — какъ практическая подготовка къ жизни, въ особенности къ жизни политической (военной и гражданской). Полибій и Плутархъ писали ради поученія; они имѣли притязаніе давать рецепты для дѣятельности.

Такимъ образомъ, предметомъ исторіи въ классической древности были, главнымъ образомъ, политическія событія, войны и революціи. Обычной рамкой историческаго изложенія (гдѣ факты располагались въ хронологическомъ порядкѣ) была жизнь какого-нибудь лица, вся совокупность или отдѣльный періодъ жизни народа; что же касается общей исторіи, то въ древности ограничились лишь нѣсколькими попытками въ этомъ отношеніи. Такъ какъ историки ставили себѣ цѣлью нравиться или поучать, или нравиться и поучать одновременно, то исторія была однимъ изъ видовъ литературы, а потому историки не были очень добросовѣстны насчетъ доказательствъ; тѣ изъ нихъ, которые работали по документамъ, принимали часто за текстъ подлинника свой собственный вымыселъ; они воспроизводили повѣствованія своихъ предшественниковъ, украшая ихъ подробностями, и иногда даже (подъ предлогомъ точности) цифрами, рѣчами, размышленіями и разными прикрасами. Ихъ пріемы можно сразу понять, если сравнить греческихъ и римскихъ историковъ, напримѣръ, Эфора и Тита Ливія съ ихъ источниками.

Писатели эпохи Возрожденія являются непосредственными подражателями древнихъ. Для нихъ исторія была также ро-

---

«Extraits des historiens français du XIX siècle» (Пауриъ, 1897 г.) Исторіи новѣйшей исторіографіи пока еще не существетъ. Частичный опытъ см. у Бернгейма, цит. соч., стр. 13 и слѣд.

домъ литературы съ стремленіями къ аналогіи и поученію, а въ Италіи очень часто средствомъ снискать милость государей и темой для декламацій. Такъ продолжалось очень долго. Мезерэ, жившій въ XVII в., былъ еще историкомъ въ духѣ своихъ собратьевъ классической древности.

Тѣмъ не менѣе въ исторической литературѣ эпохи Возрожденія заслуживаютъ вниманія два нововведенія, въ которыхъ безспорно сказывается средневѣковое вліяніе. Съ одной стороны, видно постоянное предпочтеніе плану, созданному католическими историками конца римской имперіи (Орозіемъ и Евсевіемъ) и очень любимому въ средніе вѣка, плану, который не ограничивался одной только исторіей единичной личности, семьи или народа, а обнималъ всемірную исторію и не былъ знакомъ древности. Съ другой стороны, былъ введенъ новый пріемъ изложенія, весьма распространенный въ средневѣковыхъ школахъ (глоссы) и приведшій къ послѣдствіямъ первостепенной важности. Съ тѣхъ поръ вошло въ обычай прибавлять къ тексту печатныхъ историческихъ книгъ особыя примѣчанія [1]), позволявшія различать историческое повѣствованіе отъ подкрѣплявшихъ его документовъ, отсылавшія читателя къ источникамъ и дававшія возможность устранять изъ текста позднѣйшія прибавленія и выяснять его смыслъ. Прежде всего начали снабжать примѣчаніями сборники документовъ и критическія диссертаціи, а затѣмъ тотъ же пріемъ проникъ мало-по-малу и въ другія историческія работы. Второй періодъ начинается въ XVIII вѣкѣ. „Философы“ стали смотрѣть на исторію, какъ на изученіе жизни человѣчества, и отказывались изучать событія для событій. Это побудило ихъ интересоваться не только фактами политическаго характера, но и эволюціей наукъ, искусствъ, промышленности и нравовъ. Носителями такихъ стремленій были Монтескьё и Вольтеръ. Первой попыткой осуществленія такого взгляда на исторію, представляющей собою

---

[1]) Интересно было бы выяснить, какія изъ печатныхъ старинныхъ книгъ были раньше всего снабжены примѣчаніями по новѣйшему образцу. Спрошенные нами библіофилы не знаютъ этого: этотъ вопросъ никогда не останавливалъ на себѣ ихъ вниманія.

въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ образцовое произведеніе, служитъ „Опытъ о нравахъ и духѣ народовъ“ (Essai sur les moeurs). Существеннымъ содержаніемъ исторіи по-прежнему продолжали считать подробное повѣствованіе о политическихъ и военныхъ событіяхъ, но усвоили привычку прибавлять къ этимъ повѣствованіямъ, всего чаще въ формѣ добавленій и приложеній, очеркъ „успѣховъ человѣческаго духа“. Выраженіе „исторія цивилизаціи“ появилось передъ концомъ XVIII столѣтія.

Одновременно съ этимъ университетскіе профессора въ Германіи, главнымъ образомъ, въ Гёттингенѣ, создали для нуждъ преподаванія новую форму „руководства“ (manuel) по исторіи,—методическій сборникъ старательно доказанныхъ фактовъ, безъ всякихъ литературныхъ и иныхъ притязаній. Уже въ древности существовали сборники историческихъ фактовъ, составленные съ цѣлью толкованія литературныхъ текстовъ или ради простого интереса къ древности; но сборники Аѳинея [1]) и Авла Геллія [2]), а также болѣе обширныя и лучше составленныя средневѣковыя компиляціи и сборники эпохи Возрожденія нельзя ни въ какомъ случаѣ сравнивать съ „научными руководствами“, образцы которыхъ были даны германскими профессорами. Сверхъ того, эти профессора содѣйствовали выясненію общаго смутнаго представленія философовъ XVIII в. о „цивилизаціи“, потому что они положили начало спеціальному изученію исторіи языковъ, литературъ, искусствъ, религій, права, экономической жизни и т. п.

Такимъ образомъ, предѣлы исторіи значительно расширились, и научное, т. е. простое, объективное изложеніе начало соперничать съ заимствованными у древности витіеватыми или поучительными, патріотическими или философскими формами.

Соперничество, сначало робкое и скрытое, обновило историческую литературу, такъ какъ начало XIX в. ознаменовалось литературнымъ возрожденіемъ. Подъ вліяніемъ роман-

---

[1]) Аѳиней—греческій риторъ и грамматикъ, жившій въ концѣ II и въ началѣ III в. по Р. Хр. *Прим. редакціи.*

[2]) Авлъ Геллій—римскій писатель II в. по Р. Хр. *Прим. редакціи.*

тизма, историки не удовлетворялись пріемами изложенія своихъ предшественниковъ и старались найти болѣе живыя формы, способныя поражать и „трогать“ читателей и давать имъ поэтическое представленіе объ исчезнувшемъ прошломъ.

Одни тратили старанія на то, чтобы сохранить окраску оригинальныхъ документовъ, и прилаживались къ нимъ: „очарованный повѣствованіями современниковъ, — говоритъ Барантъ,—я старался составить связный разсказъ, заимствующій у нихъ оживляющую ихъ занимательность“. Другіе думали, что необходимо передать факты прошлаго съ волненіемъ зрителя: „У Тьерри,—говоритъ Мишле, восхваляя его,—когда онъ разсказываетъ намъ о Хлодвигѣ, видно вдохновеніе, тревога незадолго передъ тѣмъ подвергшейся нашествію Франціи“... Мишле „видѣлъ задачу исторіи въ воскрешеніи жизни во всей ея совокупности, со всѣми ея внутренними, глубокими процессами“. При выборѣ предмета, плана, доказательствъ, стиля всѣ историки-романтики заботились, главнымъ образомъ, о томъ, чтобы произвести впечатлѣніе на читателей; это была, конечно, забота литературная, но не научная. Нѣкоторые изъ историковъ-романтиковъ, все болѣе и болѣе подчиняясь подобной склонности, спустились до писанія „историческаго романа“. Всѣмъ извѣстно, въ чемъ состоитъ этотъ родъ литературы, который процвѣталъ начиная съ аббата Бартелеми и Шатобріана до Меримэ и Эберса, и который въ настоящее время тщетно стараются обновить. Его цѣль—„воскресить самые укромные уголки прошедшаго и представить передъ читателемъ въ видѣ драматическихъ картинъ, артистически выполненныхъ въ живыхъ, яркихъ краскахъ, со всѣми мельчайшими подробностями, характеризующими жизнь предковъ.Очевидный недостатокъ этого пріема въ томъ, что читателю не даютъ возможности отличать, что въ такихъ произведеніяхъ заимствовано изъ документовъ и что является плодомъ вымысла, не говоря уже о томъ, что, въ большинствѣ случаевъ, утилизированные документы бываютъ различнаго происхожденія, такъ что, если цвѣтъ каждаго отдѣльнаго камешка и „вѣренъ“, за то цвѣтъ всей мозаики ложенъ. При помощи этого пріема написаны: „Rome au siècle d'Auguste“ Дезобри (Dezobry), „Récits mérovingiens“ Огюстена Тьерри и другія „картины“, набросанныя въ ту же эпоху,

страдающія всѣми недостатками историческихъ романовъ въ собственномъ смыслѣ слова [1]).

Въ заключеніе можно сказать, что почти до 1850 г. исторія оставалась и для историковъ и для публики однимъ изъ видовъ литературы. Блестящимъ доказательствомъ служитъ то, что у историковъ было тогда въ обычаѣ переиздавать свои сочиненія по истеченіи многихъ лѣтъ, ничего въ нихъ не измѣняя, и публика терпѣла такой образъ дѣйствій. Между тѣмъ всякое научное сочиненіе должно постоянно исправляться, пересматриваться, приводиться въ соотвѣтствіе съ успѣхами, сдѣланными наукой. Люди науки, въ собственномъ смыслѣ этого слова, не имѣютъ притязанія давать своимъ трудамъ неизмѣнную форму (ne varietur) и разсчитывать на то, что ихъ будетъ читать потомство; они не претендуютъ на личное безсмертіе; для нихъ достаточно, если результаты ихъ изысканій, исправленные или даже преобразованные позднѣйшими изысканіями, будутъ включены въ совокупность знаній, составляющихъ научное достояніе человѣчества. Никто не читаетъ Ньютона или Лавуазье; для славы Ньютона и Лавуазье достаточно, что ихъ научныя открытія послужили точкою отправленія для огромной массы другихъ работъ, смѣнившихъ ихъ собственныя, которыя, рано или поздно, въ свою очередь, уступятъ свое мѣсто дальнѣйшимъ трудамъ. Только произведенія искусства останутся вѣчно юными. И публика прекрасно это понимаетъ: никому не пришло бы на умъ изучать естественную исторію по Бюффону, каковы ни были достоинства этого стилиста, но та же публика охотно изучаетъ исторію по Огюстену Тьерри, Маколею, Карлейлю и Мишле, и книги крупныхъ писателей, писавшихъ на тѣ или иныя историческія темы, перепечатываются въ своемъ первоначальномъ видѣ спустя пятьдесятъ лѣтъ со смерти авторовъ, хотя, очевидно, онѣ не стоятъ уже болѣе на уровнѣ добытыхъ наукою знаній. Ясно, что въ исторіи для

[1]) Само собою разумѣется, что романтическіе пріемы, имѣвшіе цѣлью сохранить мѣстный колоритъ и «воскресить» прошлое, оказывавшіеся часто ребяческими въ рукахъ искусныхъ писателей, являются совершенно нетерпимыми, когда ихъ употребляютъ люди не талантливые. См. хорошій примѣръ (критика г. Моно на книгу г. Мурена (Mourin) въ Revue critique, 1874 г., II, стр. 163 и слѣд.

многихъ людей, форма беретъ верхъ надъ содержаніемъ и что историческое сочиненіе, если не исключительно, то главнымъ образомъ, является для нихъ произведеніемъ искусства [1]).

II. Только пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ выдѣлились и сложились научныя формы историческаго изложенія, въ соотвѣтствіе съ общимъ взглядомъ, что исторія не должна ставить себѣ цѣлью нравиться или давать практическія наставленія относительно поведенія, но только познавать.

Мы разсмотримъ сначала: 1) монографіи, 2) работы общаго характера.

Монографію пишутъ, когда задаются цѣлью выяснить спеціальный вопросъ, какой-нибудь фактъ или ограниченную совокупность фактовъ, напримѣръ, часть жизни или всю жизнь отдѣльной личности, событіе или родъ событій, происшедшихъ въ недалекомъ другъ отъ друга времени и т. д. Трудно было бы перечислить образцы возможныхъ сюжетовъ монографіи, потому что историческій матеріалъ можетъ безконечно раздробляться и при томъ безчисленными способами. Но не всѣ подраздѣленія одинаково основательны и, что бы тамъ ни говорили, въ исторіи, какъ и въ другихъ наукахъ, есть нелѣпые сюжеты для монографій и монографіи, представляющія собою безполезно потраченный трудъ, несмотря на то, что онѣ хорошо выполнены [2]). Люди ограниченнаго ума и недальновидные, которыхъ

---

[1]) Это общее мѣсто; но заблужденіе также утверждать, въ противоположномъ смыслѣ, что работы «эрудитовъ» живутъ, между тѣмъ какъ работы историковъ старѣютъ, такъ что «эрудиты» пріобрѣли себѣ болѣе прочную извѣстность, чѣмъ историки; заблужденіе говорить: «никто не читаетъ больше Даніеля, но всегда читаютъ Ансельма». Работы «эрудитовъ» также старѣютъ, и тотъ фактъ, что не всѣ части работы Анселъма замѣнены другими трудами (потому-то имъ и пользуются еще), не долженъ вводить въ заблужденіе: громадное большинство работъ «эрудитовъ», какъ и работъ ученыхъ въ собственномъ смыслѣ этого слова, имѣютъ временное значеніе и осуждены на забвеніе.

[2]) Профессіональные историки напрасно старались злоупотреблять этимъ: въ прошломъ не все интересно. «Не написать ли намъ жизнь герцога Ангулемскаго, сказалъ Пекюшэ.—Но вѣдь это глупецъ, возразилъ Буваръ.—Что за важность! Второстепенныя личности имѣли иногда огромное значеніе и этотъ, можетъ быть, держалъ въ своихъ рукахъ управленіе дѣлами». (Флоберъ, цит. соч., 157).

часто называютъ „любопытными“ (curieux), охотно затрогиваютъ незначительные вопросы [1]) и это настолько характерно, что читая списокъ заглавій монографій, написанныхъ [2]) какимъ-нибудь историкомъ, можно уже составить себѣ первое понятіе о глубинѣ его ума. Даръ намѣчать важныя проблемы и охота разрѣшать ихъ, такъ же какъ и способность ихъ разрѣшать, во всѣхъ наукахъ создаютъ перворазрядныхъ людей. Но предположимъ, что сюжетъ монографіи выбранъ раціонально. Всякая монографія, чтобы быть полезной, т. е. такой, которой вполнѣ можно воспользоваться, должна подчиняться тремъ правиламъ: 1) всякій историческій фактъ, заимствованный изъ документовъ, можетъ быть утилизированъ въ монографіи не иначе, какъ съ указаніемъ, изъ какихъ именно документовъ онъ почерпнутъ и какова цѣнность этихъ документовъ [3]). 2) авторъ

[1]) Такъ какъ люди ограниченнаго ума оказываютъ предпочтеніе незначительнымъ вопросамъ, то въ этомъ отношеніи наблюдается дѣятельная конкурренція. Часто можно замѣтить одновременное появленіе нѣсколькихъ монографій по одному и тому же вопросу; нерѣдко при этомъ самый вопросъ не имѣетъ никакого значенія.

[2]) Не о всѣхъ интересныхъ вопросахъ можно трактовать въ монографіяхъ: изъ нихъ есть такіе, которыхъ нельзя касаться въ виду состоянія относящихся къ нимъ источниковъ. Въ виду этого начинающіе, даже очень способные, испытываютъ массу затрудненій при выборѣ вопросовъ для своихъ первыхъ монографій; если имъ не благопріятствуетъ случай или если они не руководятся хорошими совѣтами, то часто оказываются въ безвыходномъ положеніи. Было бы очень жестоко и слишкомъ несправедливо судить о комъ-нибудь по списку темъ его п е р в ы х ъ монографій.

[3]) На практикѣ нужно давать въ началѣ списокъ источниковъ, послужившихъ матеріаломъ для всей монографіи (съ надлежащими библіографическими указаніями для печатныхъ источниковъ, указаніемъ характера документовъ и ихъ номеровъ для рукописей); сверхъ того каждое отдѣльное положеніе должно сопровождаться доказательствомъ: если возможно, въ подтвержденіе его долженъ быть приведенъ самый текстъ документа, дабы читатель имѣлъ возможность провѣрять толкованіе (pièces justificatives); въ противномъ случаѣ, въ примѣчаніи, анализъ, или по крайней мѣрѣ, названіе документа, съ номеромъ или точнымъ указаніемъ мѣста, гдѣ онъ былъ опубликованъ. Основное правило—давать возможность читателю точно знать, на какихъ основаніяхъ сдѣланы тѣ или иныя заключенія по каждому пункту анализа.

монографіи долженъ, насколько возможно, придерживаться хронологическаго порядка, такъ какъ несомнѣнно, что факты происходили именно въ этомъ порядкѣ и, соблюдая его, легче доискиваться причинъ и слѣдствій; 3) необходимо, чтобы заглавіе монографіи точно опредѣляло ея предметъ, — слѣдуетъ самымъ энергичнымъ образомъ протестовать противъ неточныхъ или фантастическихъ заглавій, безполезно осложняющихъ библіографическія справки. Ставилось еще четвертое правило, говорили: „Монографія полезна только тогда, когда она исчерпываетъ вопросъ"; но отчего же нельзя дѣлать предварительную работу по имѣющимся въ распоряженіи документамъ, даже въ томъ случаѣ, если есть основанія думать, что существуютъ еще и другіе документы, съ тѣмъ только условіемъ, что авторъ обязанъ предупреждать, на основаніи какихъ документовъ выполнена работа. Къ тому же достаточно имѣть тактъ, чтобы чувствовать, что въ монографіи запасъ доказательствъ если и долженъ быть полнымъ, то въ то же время долженъ быть ограниченъ строго необходимымъ. Умѣренность строго необходима; хвастовство эрудиціей, сбереженіе которой могло бы быть осуществлено безъ урона для изслѣдованія, положительно непристойно [1]).

Люди начинающіе, уподобляясь въ данномъ случаѣ древнимъ авторамъ, не соблюдаютъ естественно всѣхъ этихъ правилъ. Очень часто случается, что они, вмѣсто того, чтобы цитировать текстъ или названіе документовъ, указываютъ на номеръ или дѣлаютъ общую ссылку на сборникъ, въ которомъ напечатаны документы, что не даетъ никакого понятія читателю о свойствахъ текстовъ, приводимыхъ въ доказательство. Кромѣ того, очень часто наблюдается одинъ изъ самыхъ грубыхъ промаховъ: начинающіе или люди неопытные, не всегда понимаютъ, почему возникъ обычай печатать примѣчанія внизу страницъ текста; они видятъ внизу страницъ тѣхъ книгъ, которыя попадаются имъ въ руки, кайму изъ примѣчаній и считаютъ своимъ долгомъ дѣлать тоже самое внизу страницъ написанной ими книги; но ихъ примѣчанія бываютъ неумѣстными и служатъ простымъ украшеніемъ: они не воспроизводятъ доказательствъ и не позволяютъ читателю провѣрять ихъ утвержденій. Всѣ эти пріемы недопустимы и должны строго преслѣдоваться.

[1]) Почти всѣ начинающіе имѣютъ прискорбную наклонность вда-

Самыя лучшія монографіи приводятъ часто въ исторіи только къ констатированію невозможности знанія. Слѣдуетъ воздерживаться отъ желанія увѣнчивать, какъ это часто случается, субъективными и неясными, но изобличающими большія притязанія выводами монографію, въ которой имъ нѣтъ мѣста [1]). Правильное заключеніе хорошей монографіи сводится къ итогу достигнутыхъ ею результатовъ и того, что остается невыясненнымъ. Такая монографія можетъ устарѣть, но не можетъ оказаться негодной, и автору никогда не придется за нее краснѣть.

2) Работы общаго характера пишутся для спеціалистовъ или для публики.

А. Общія работы, предназначаемыя, главнымъ образомъ, для спеціалистовъ, являются въ настоящее время въ формѣ „сборниковъ“ (répertoires), „руководствъ“ (manuels) и „научныхъ исторій“.—Въ сборникахъ помѣщаютъ массу извѣстнаго рода провѣренныхъ фактовъ, придерживаясь опредѣленнаго порядка, дающаго возможность легко ихъ находить. Если факты точно датированы, то самымъ удобнымъ порядкомъ считается, конечно, хронологическій: въ такомъ родѣ было предпринято составленіе „лѣтописей“ (annales) исторіи Германіи, гдѣ очень краткое упоминаніе о событіяхъ, подобранныхъ по датамъ, сопровождается повѣствующими о нихъ текстами съ точными ссылками на источники и критическія работы; „коллекція“ Jahrbücher der deutschen Geschichte имѣетъ цѣлью насколько возможно подробнѣе выяснить факты германской исторіи, все, что можетъ быть предметомъ обсужденій и научныхъ доказательствъ, оставляя въ сторонѣ все, что отно-

---

ваться въ отступленія отъ предмета и нагромождать разсужденія и свѣдѣнія, не имѣющія никакого отношенія къ ихъ главному вопросу; если они вдумаются, то поймутъ, что причинами такой склонности служатъ плохой вкусъ, своего рода наивное тщеславіе, а иногда путаница въ головѣ (désordre d' esprit).

[1]) Иногда говорятъ: «Я долго вникалъ въ документы этого времени и этого рода. Я вынесъ впечатлѣніе, что такія-то заключенія, которыхъ я не могу доказать, вѣрны». Одно изъ двухъ: или авторъ можетъ указать мотивы своего вывода и ихъ оцѣнятъ, или онъ не можетъ ихъ указать и нужно предполагать, что они не имѣютъ значенія.

сится къ области общей оцѣнки и соображеній. Если дѣло касается фактовъ, плохо датированныхъ или одновременныхъ, которые не могутъ быть подобраны въ одинъ рядъ, то слѣдуетъ придерживаться алфавитнаго порядка: такимъ способомъ составлены нѣкоторые каталоги: каталоги учрежденій, біографическіе словари, историческія энциклопедіи, какъ напр., Reale Encyklopaedie Pauly-Wissowa. Эти алфавитные каталоги являются, по принципу, тѣмъ же что и Jahrbücher,— собраніями доказанныхъ фактовъ; если, на практикѣ, доказательства тамъ менѣе строги, и подборъ текстовъ въ подтвержденіе свѣдѣній менѣе полонъ, то такое различіе не можетъ быть ничѣмъ оправдано [1]).—Научныя руководства (manuels scientifiques) представляютъ собою, говоря по правдѣ, также каталоги, потому что это не что иное, какъ сборники, гдѣ установленные факты расположены въ методическомъ порядкѣ и изложены въ объективной формѣ, съ должными доказательствами, безъ всякихъ литературныхъ прикрасъ. Авторы этихъ „руководствъ" (Manuels), самые многочисленные и совершенные образцы которыхъ составлены въ наше время въ германскихъ университетахъ, имѣли лишь намѣреніе составить тщательнымъ образомъ инвентарь пріобрѣтенныхъ знаній, чтобы дать возможность научнымъ работникамъ легче и быстрѣе усваивать результаты критики и указать точку отправленія для новыхъ изысканій. Въ настоящее время существуютъ такого рода руководства для большинства спеціальныхъ отраслей исторіи цивилизаціи (языковъ, литературъ, религіи, права, Alterthümer (древностей), и т. д.), для исторіи учрежденій и для различныхъ частей церковной исторіи. Достаточно назвать имена Шёмана (Schoemann), Марквардта и Моммзена, Гильбе (Gilbert), Крум-

[1]) Этотъ недостатокъ понемногу устраняется. Новѣйшіе алфавитные сборники историческихъ фактовъ (Reale Encyklopedie der classichen Alterthumswissenschaft Pauly-Wissowa, Dictionnaire des antiquités, Дарамберга и Сальо, Dictionary of national biography, Лесли, Стефена и Сиднея Ли) снабжены достаточно полными доказательствами. Обычай не давать доказательствъ упорно продолжаетъ существовать въ біографическихъ словаряхъ; см. Allgemeine Deutsche Biographie и др.

бахера, Гарнака, Мюллера (Müller). Эти работы не отличаются сухостью, какъ большинство первоначальныхъ „руководствъ", изданныхъ въ Германіи сто лѣтъ тому назадъ и состоящихъ изъ однихъ оглавленій съ указаніемъ документовъ и книгъ, которые могутъ служить пособіями при изученіи. Изложеніе и разборъ фактовъ тамъ тоже кратки и сжаты, но они обладаютъ достаточной полнотой для того, чтобы образованные читатели могли примѣниться къ нимъ и даже оказывать имъ предпочтеніе. Они отбиваютъ охоту къ другимъ книгамъ, какъ очень хорошо замѣчаетъ Гастонъ Пари (Paris) [1]: „Отвѣдавши такихъ содержательныхъ, насыщенныхъ фактами страницъ, которыя, при всей кажущейся безличности, содержатъ однако и, главнымъ образомъ, возбуждаютъ столько мыслей, трудно бываетъ читать даже выдающіяся книги, гдѣ содержаніе, выкроенное симметрично, по извѣстной системѣ, и окрашенное фантазіей, подносится намъ, такъ сказать, въ преображенномъ видѣ и гдѣ авторъ безпрестанно прерываетъ... зрѣлище, стараясь намъ его объяснить и не даетъ намъ его разсмотрѣть..."—Большія историческія руководства, соотвѣтствующія трактатамъ и руководствамъ по другимъ наукамъ (но съ запутанными доказательствами), должны безпрерывно подвергаться, и дѣйствительно подвергаются, улучшеніямъ, провѣркѣ, исправленіямъ, чтобы стоять на уровнѣ науки, потому что это научныя работы, а не произведенія искусства.

Первые научные каталоги и руководства составлялись отдѣльными лицами; но скоро убѣдились, что одному человѣку не по силамъ разбираться въ громадной массѣ фактовъ и редактировать ихъ сборники; сочли нужнымъ подѣлить трудъ. Въ наше время сборники составляются путемъ сотрудничества многихъ лицъ (живущихъ иногда въ разныхъ странахъ и пишущихъ на разныхъ языкахъ). Большія руководства (Ив. Ф. Мюллера, Гröбера, Г. Пауля и др.) состоятъ изъ ряда спеціальныхъ трактатовъ, написанныхъ спеціалистами. Принципъ сотрудничества превосходенъ, но съ условіемъ: 1) чтобы коллективное произведеніе могло, по самому своему характеру, распадаться на рядъ большихъ самостоятельныхъ, хотя и

[1]) Revue critique, 1874, I, стр. 327.

тѣсно связанныхъ между собою монографій; 2) чтобы отдѣлъ, порученный каждому сотруднику, имѣлъ опредѣленный объемъ; если число сотрудниковъ очень велико и часть каждаго изъ нихъ очень ограничена, то ихъ свобода и отвѣтственность уменьшается или совсѣмъ исчезаетъ.

Исторіи, которыя должны содержать повѣствованія о событіяхъ, происшедшихъ одинъ только разъ и общихъ фактахъ, господствующихъ надъ совокупностью спеціальныхъ эволюцій, не утратили своего смысла даже и послѣ того, какъ увеличилось число методическихъ руководствъ. Но туда, такъ же какъ въ монографіи и руководства, проникли научные пріемы изложенія. Реформа состояла въ отказѣ отъ литературныхъ украшеній и бездоказательныхъ утвержденій. Образецъ такого рода „исторіи“ создалъ впервые Гротъ. Въ тоже самое время, нѣкоторые планы историческаго построенія, бывшіе прежде въ ходу, вышли изъ употребленія; такой участи подверглись „всемірныя исторіи“, представлявшія собой сплошной пересказъ историческихъ событій, очень нравившіяся, по различнымъ побужденіямъ, въ средніе вѣка и въ XVIII столѣтіи; послѣдними образцами такихъ исторій въ XIX вѣкѣ служатъ труды Шлоссера и Вебера въ Германіи и Канту (Cantù) въ Италіи. Такой планъ былъ оставленъ по историческимъ соображеніямъ, потому что перестали разсматривать человѣчество какъ одно цѣлое, связанное единой эволюціей, и по соображеніямъ чисто практическимъ, потому что было признано невозможнымъ соединять въ одномъ сочиненіи такую подавляющую массу фактовъ. Выходящія въ настоящее время, при совмѣстномъ сотрудничествѣ, всемірныя исторіи (самымъ почтеннымъ образцомъ которыхъ служитъ сборникъ Онкена) распадаются, какъ и большія руководства, на самостоятельные отдѣлы, принадлежащіе различнымъ авторамъ; это комбинація, удобная для книгоиздательства. Историки нашего времени вынуждены принять дѣленіе исторіи по государствамъ (исторіи національныя) и по эпохамъ [1]).

---

[1]) Привычка добавлять къ «исторіямъ», т. е. къ повѣствованію о политическихъ событіяхъ, перечень выводовъ, добытыхъ спеціалистами—историками искусствъ, литературы и т. д., продолжаетъ существовать. Полагаютъ, что «исторія Франціи» не была бы полной, если бы въ

B. Теоретически нѣтъ никакого основанія, чтобы историческія сочиненія, предназначаемыя, главнымъ образомъ, для публики, составлялись въ иномъ духѣ, чѣмъ сочиненія, предназначаемыя для спеціалистовъ, и писались иначе, чѣмъ послѣднія, подъ условіемъ упрощеній и сокращеній, которыя указываются сами собою. И дѣйствительно, существуютъ ясныя, содержательныя, прекрасныя краткія изложенія, гдѣ ничего не утверждается такого, что не опиралось бы на солидныя ссылки, гдѣ вопросы, разработанные наукой, ясно выдѣлены, умѣренно иллюстрированы, выяснены и оцѣнены по значенію. Французы, благодаря ихъ природнымъ качествамъ, такту, ловкости и ясности ума, вообще отличаются въ такого рода работахъ.

Нѣкоторыя журнальныя статьи, популярныя книги, печатающіяся во Франціи и представляющія собою искусный сводъ результатовъ массы оригинальныхъ работъ, вызываютъ удивленіе самихъ спеціалистовъ, способствовавшихъ такимъ работамъ своими тяжеловѣсными монографіями. Тѣмъ не менѣе, ничего не можетъ быть опаснѣе распространенія въ публикѣ выводовъ науки. Въ дѣйствительности, большинство общедоступныхъ книгъ не согласуется съ новѣйшимъ идеаломъ историческаго изложенія; тамъ часто еще наблюдаются остатки прежняго идеала, древности, эпохи Возрожденія и романтиковъ.

Причина такого явленія объясняется очень легко. Недостатки историческихъ работъ, предназначаемыхъ для некомпетентной публики, являются слѣдствіемъ неудовлетворительной подготовки или плохого литературнаго воспитанія лицъ, берущихся за нихъ; иногда недостатки эти бывали настолько громадны, что дискредитировали въ глазахъ многихъ умныхъ людей самый родъ „общедоступныхъ работъ“.

Лица, берущіяся за популярныя сочиненія, избавлены отъ оригинальныхъ изслѣдованій; но они должны знать все, что печаталось важнаго по ихъ предмету, т. е. быть, какъ гово-

---

ней не было главъ, посвященныхъ исторіи искусствъ, литературы и нравовъ во Франціи. Однако, это не краткое изложеніе спеціальныхъ эволюцій по спеціальнымъ трудамъ, сдѣланное изъ вторыхъ рукъ,— мѣсто котораго въ научной «исторіи»; это изученіе общихъ фактовъ, которые господствуютъ надъ совокупностью спеціальныхъ эволюцій.

рятъ, „au courant“ и самолично продумать выводы спеціалистовъ. Если они не занимались лично спеціальнымъ изслѣдованіемъ предмета, о которомъ берутся трактовать, необходимо, чтобы они собрали о немъ справки, а это требуетъ большой траты времени. Лица, избравшія себѣ профессіей составленіе общедоступныхъ книгъ, подвержены сильному искушенію изучить поверхностно нѣсколько новѣйшихъ монографій, скомбинировать изъ нихъ наскоро извлеченія и для большей привлекательности украсить, насколько возможно, эту смѣсь „общими идеями“ и красивой внѣшностью. Искушеніе это тѣмъ болѣе сильно, что большинство спеціалистовъ остаются безучастными къ составленію общедоступныхъ книгъ, что онѣ вообще очень прибыльны и что большая публика не въ состояніи ясно различать честно выполненный популярный трудъ отъ поверхностнаго. Короче, есть люди, которые не колеблются, какъ это ни нелѣпо, излагать сокращенно для другихъ то, чего не потрудились изучить сами и обучать тому, чего не знаютъ. Поэтому, въ большинствѣ общедоступныхъ историческихъ работъ неизбѣжны всевозможнаго рода недостатки, всегда съ удовольствіемъ подмѣчаемые образованными людьми съ спеціальной подготовкой, но съ удовольствіемъ, смѣшаннымъ отчасти съ горечью, потому что недостатки эти часто видятъ только они одни. Къ такимъ недостаткамъ принадлежатъ: заимствованія безъ указанія источниковъ, неточныя ссылки, искаженные имена и тексты, цитаты изъ вторыхъ рукъ, не имѣющія ни какого значенія гипотезы, поверхностныя сопоставленія, неблагоразумныя утвержденія, ребяческія обобщенія и самыя ложныя и спорныя мнѣнія, высказываемыя спокойно авторитетнымъ тономъ [1]). Съ другой стороны, люди, эрудиція которыхъ не оставляетъ желать ничего лучшаго, а монографіи для спеціалистовъ заслуживаютъ всякихъ похвалъ, оказываются способ-

[1]) Трудно вообразить себѣ, во что могутъ обратиться подъ перомъ небрежныхъ и недобросовѣстныхъ популяризаторовъ самые интересные и наиболѣе обоснованные выводы новѣйшей критики. Это лучше, чѣмъ кто бы то ни было, знаютъ тѣ, кому приходится читать импровизированныя «сочиненія» кандидатовъ на экзаменахъ по исторіи: обычные недостатки плохой популяризаціи бываютъ тамъ часто доведены до абсурда.

ными, когда пишутъ для публики, на серьезныя отступленія отъ научнаго метода. Въ особенности это въ обычаѣ у нѣмцевъ: взгляните на Моммзена, Дройзена, Курціуса, Лампрехта. Обращаясь къ публикѣ, эти авторы всегда выказываютъ намѣреніе оказать на нее воздѣйствіе. Желаніе произвести сильное впечатлѣніе побуждаетъ ихъ отступать въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ отъ научной точности и возвращаться къ подвергшимся осужденію привычкамъ прежней исторіографіи. Эти ученые, столь добросовѣстные и кропотливые, когда дѣло касается выясненія подробностей, при изложеніи общихъ вопросовъ поддаются своимъ естественнымъ склонностямъ, какъ и самые обыкновенные смертные. Они становятся на сторону однихъ, порицаютъ, прославляютъ, прикрашиваютъ и позволяютъ себѣ высказывать личныя, патріотическія, нравственныя или метафизическія соображенія. И, сверхъ всего этого, они стараются, съ присущимъ имъ талантомъ, создать художественное произведеніе. При такой попыткѣ, тѣ, у кого нѣтъ таланта, смѣшны, а талантъ тѣхъ, кто его имѣетъ, теряетъ свою силу вслѣдствіе заботы объ эффектѣ.

Само собою разумѣется, мы не хотимъ сказать, что въ историческомъ сочиненіи „форма“ не имѣетъ значенія, или, что историкъ вправѣ писать неправильнымъ, вульгарнымъ, вялымъ и тягучимъ языкомъ, лишь бы быть понятнымъ. Презрѣніе къ риторикѣ, поддѣльнымъ брилліантамъ и бумажнымъ цвѣтамъ не исключаетъ требованія яснаго, точнаго, красиваго стиля. Фюстель-де-Куланжъ былъ писатель, хотя онъ, въ теченіе всей своей жизни, и самъ преслѣдовалъ метафоры и рекомендовалъ это другимъ. Напротивъ, мы настаиваемъ [1]), что историкъ, въ виду крайней сложности явленій, которыя онъ пытается передать, не имѣетъ права плохо писать; онъ долженъ всегда хорошо писать и никогда не щеголять стилемъ (s'endimancher).

---

[1]) См. выше, стр. 211.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

I. Исторія есть не что иное, какъ употребленіе въ дѣло документовъ. Сохраненіе же или утрата документовъ зависитъ исключительно отъ случая. Отсюда господствующая роль случая въ составленіи исторіи. Количество существующихъ документовъ извѣстно; время, вопреки всѣмъ предосторожностямъ, принимаемымъ нами, безпрерывно его уменьшаетъ; оно никогда не увеличится. Исторія располагаетъ ограниченнымъ запасомъ документовъ; этимъ самымъ ограничены и успѣхи исторической науки. Когда всѣ документы будутъ извѣстны и подвергнутся операціямъ, дающимъ возможность ихъ утилизировать, дѣло внѣшней критики историческихъ документовъ (érudition) будетъ закончено. Въ отношеніи нѣкоторыхъ періодовъ древней исторіи, свидѣтельства о которыхъ очень рѣдки, теперь уже можно предвидѣть, что самое большое черезъ одно или два поколѣнія, придется остановиться. Историки будутъ тогда вынуждены все больше и больше сосредоточиваться на новѣйшихъ періодахъ. Исторія не осуществитъ, слѣдовательно, мечты, заставлявшей въ XIX в. романтиковъ относиться съ такимъ энтузіазмомъ къ ея изученію; она не проникнетъ въ тайну зарожденія обществъ и, за недостаткомъ документовъ, начало эволюціи человѣчества останется навсегда покрытымъ мракомъ.

Историкъ не самъ путемъ наблюденія собираетъ матеріалы, необходимые для исторіи, какъ это дѣлается въ другихъ наукахъ: онъ работаетъ надъ фактами, переданными ранѣе жившими наблюдателями. Знаніе достигается въ исторіи не прямымъ путемъ, какъ въ другихъ наукахъ, а косвеннымъ. Исто-

рія не есть, какъ иногда говорили, наука, основанная на наблюденіи, но наука, основанная на разсужденіи (science de raisonnement). Для того, чтобы утилизировать факты, наблюдавшіеся въ неизвѣстныхъ условіяхъ, ихъ слѣдуетъ подвергать критикѣ, и критика состоитъ изъ ряда разсужденій по аналогіи. Факты, выясненные критикой, бываютъ изолированы и разрознены; чтобы сдѣлать изъ нихъ построеніе, нужно представить ихъ себѣ и группировать сообразно ихъ сходству съ фактами настоящаго; этотъ процессъ совершается также при помощи разсужденій по аналогіи. Такая необходимость предписываетъ исторіи исключительный методъ. Для построенія своихъ разсужденій по аналогіи ей приходится комбинировать частное знаніе условій, сопровождавшихъ факты прошлаго и общее пониманіе условій, при которыхъ совершаются человѣческіе факты. Она оперируетъ, составляя отдѣльные списки (répertoires) фактовъ прошлаго и примѣняя къ нимъ рядъ общихъ вопросовъ (questionnaires), основанныхъ на изученіи настоящаго.

Чтобы прійти отъ разсмотрѣнія документовъ къ знанію фактовъ и эволюцій прошлаго, слѣдуетъ выполнить очень большое число операцій. Отсюда необходимость раздѣленія и организаціи труда въ исторіи. Нужно, чтобы работники-спеціалисты, занимающіеся отысканіемъ, возстановленіемъ и предварительной классификаціей документовъ, приводили свои усилія въ соотвѣтствіе, дабы предварительная работа по изученію историческаго матеріала была окончена возможно скорѣе и при условіяхъ, всего лучше обезпечивающихъ добросовѣстность ея выполненія и экономію усилій и времени. Съ другой стороны, необходимо, чтобы авторы частныхъ синтезовъ (монографій), предназначаемыхъ служить матеріаломъ для болѣе общихъ синтезовъ, согласились работать по одному и тому же методу такъ, чтобы выводы каждаго могли быть утилизированы другими безъ предварительныхъ изслѣдованій. Наконецъ, опытные работники должны, отказавшись отъ личныхъ изысканій, посвятить все свое время изученію частныхъ синтезовъ, дабы комбинировать ихъ научнымъ образомъ въ общія построенія. Если бы изъ этихъ работъ съ очевидностью слѣдовали заключенія о свойствѣ и причинахъ эволюціи обществъ, то сложилась бы вполнѣ научная „философія исто-

ріи", которую историки могли бы признать за законное увѣнчаніе зданія исторической науки.

Можно думать, что настанетъ день, когда благодаря организаціи труда всѣ документы будутъ открыты, исправлены и приведены въ порядокъ, и всѣ факты, слѣды которыхъ не изгладились, установлены. Съ этого дня исторія будетъ составлена, но не будетъ окончательно установлена: она будетъ продолжать измѣняться по мѣрѣ того какъ непосредственное изученіе существующихъ обществъ, ставши болѣе научнымъ, будетъ давать возможность лучше понимать общественныя явленія и ихъ эволюцію, потому что новыя понятія, которыя будутъ безъ сомнѣнія пріобрѣтены о природѣ, причинахъ и относительномъ значеніи общественныхъ фактовъ, будутъ измѣнять и сложившійся образъ обществъ и событій прошлаго [1]).

II. Думать, что исторія даетъ практическія наставленія (Historia magistra vitae), уроки, которыми могутъ немедленно воспользоваться въ жизни отдѣльныя личности и народы—это не болѣе, какъ устарѣлая иллюзія; дѣло въ томъ, что условія человѣческихъ дѣйствій рѣдко бываютъ достаточно сходными въ различные моменты для того, чтобы „уроки исторіи" могли непосредственно примѣняться. Ошибка утверждать

---

[1]) Раньше поднимался вопросъ о роли субъективизма, который невозможно совершенно устранить изъ историческаго построенія и которымъ слишкомъ злоупотребляли, давая возможность оспаривать научность исторіи: эта доля субъективизма и печалила Пекюшэ (Г. Флоберъ, цит. произв., стр. 157) и Сильвестра Бонара (А. Франсъ, Le crime de Silvestre Bonnard, стр. 310) и заставляла Фауста говорить:

...Die Zeiten der Vergangenheit
Sind uns ein Buch mit sieben Siegeln.
Was ihr den Geist der Zeiten heisst,
Das ist im Grund der Herren eigner Geist
In dem die Zeiten sich bespiegeln...

...Мой другъ, прошедшее постичь не такъ легко:
Оно закрыто намъ, какъ книга откровенья
Съ семью печатями. И что вашъ духъ временъ?
Духъ только автора, духъ личности лишь онъ,
Въ которомъ вѣкъ даетъ свой отблескъ, отраженье.
Пер. Холодковскаго, изд. Н. В. Гербеля, т. II, стр. 21.

также и обратное, что „особое свойство исторіи заключается въ томъ, что она не служитъ ни къ чему“ [1]). Она имѣетъ косвенную полезность.

Исторія даетъ возможность понимать настоящее, поскольку она объясняетъ происхожденіе настоящаго положенія вещей. Въ этомъ отношеніи, какъ мы признаемъ, она не представляетъ одинаковаго интереса на всемъ своемъ протяженіи: есть отдаленныя поколѣнія, слѣды которыхъ въ настоящемъ уже совершенно изгладились; чтобы отдать себѣ отчетъ о политическомъ устройствѣ современной Англіи, изученіе, напр., англо-саксонскихъ witangemot не имѣетъ никакого значенія, изученіе же событій XVIII и XIX в.в. представляетъ, наоборотъ, капитальную важность. Эволюція цивилизованныхъ обществъ до такой степени ускорилась за послѣднія сто лѣтъ, что для пониманія ихъ настоящаго положенія, исторія послѣднихъ ста лѣтъ дастъ несравненно больше, чѣмъ исторія предшествовавшихъ десяти столѣтій. Какъ объясненіе настоящаго, исторія свелась бы почти на изученіе современнаго періода.

Исторія является также необходимымъ элементомъ для завершенія политическихъ и соціальныхъ наукъ, находящихся въ періодѣ образованія; для окончательнаго образованія этихъ наукъ недостаточно непосредственнаго наблюденія соціальныхъ явленій (въ статистическомъ состояніи); къ нему слѣдуетъ присоединять изученіе развитія этихъ явленій во времени, т. е. его исторію [2]). Вотъ почему всѣ науки о человѣкѣ (лингвистика, право, наука о религіяхъ, политическая

---

[1]) Слова, приписанныя «одному профессору Сорбонны» г. Бланшеромъ, Revue critique, 1895 г. I, стр. 176. Другіе распространялись на ту тему, что историческое знаніе вредно и дѣйствуетъ на волю парализующимъ образомъ. См. Нитцше, Unzeitgemässe Betrachtungen, II. Nutzen und Nachtheil der Historie für das Leben, Лейпцигъ 1874 г.

[2]) Исторія и соціальныя науки находятся въ взаимной зависимости; онѣ прогрессируютъ параллельно, путемъ постояннаго обмѣна услугъ. Соціальныя науки даютъ знаніе настоящаго, необходимое исторіи для того, чтобы представить себѣ факты и вести разсужденія по поводу документовъ Исторія даетъ относительно эволюціи необходимыя свѣдѣнія для пониманія настоящаго.

экономія и т. д.) приняли въ послѣднее столѣтіе форму историческихъ наукъ.

Но главная заслуга исторіи заключается въ томъ, что она служитъ средствомъ для умственнаго развитія и притомъ многими способами. Прежде всего, примѣненіе историческаго метода изслѣдованія, принципы котораго намѣчены въ настоящей работѣ, очень полезно для ума, потому что излѣчиваетъ его отъ легковѣрія. Во-вторыхъ, исторія, показывая большое число различныхъ обществъ, подготовляетъ къ пониманію и признанію разнообразныхъ обычаевъ; давая возможность видѣть, что общества очень часто подвергались преобразованіямъ, она пріучаетъ къ измѣненію соціальныхъ формъ и излѣчиваетъ отъ страха передъ преобразованіями. Наконецъ, знакомство съ эволюціями прошлаго, давая возможность понять процессъ преобразованій человѣка и его учрежденій путемъ измѣненій привычекъ и возобновленія поколѣній, предостерегаетъ отъ искушенія объяснять при помощи біологическихъ аналогій (подбора, борьбы за существованіе, наслѣдственности привычекъ и т. п.) эволюцію обществъ, совершающуюся подъ дѣйствіемъ другихъ причинъ, чѣмъ эволюція животной жизни.

ПРИБАВЛЕНІЯ.

Прибавленіе I.

Преподаваніе исторіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Франціи.

I. Преподаваніе исторіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ представляетъ собою новинку. Нѣкогда исторію преподавали только сыновьямъ королей и высокопоставленныхъ особъ, чтобы научить ихъ искусству управлять, согласно древней традиціи; но это была священная наука, приберегавшаяся для будущихъ правителей государствъ, наука государей, а не подданныхъ. Средніе школы, организованныя съ XVI столѣтія, какъ духовныя, такъ и свѣтскія, какъ католическія, такъ и протестантскія, не включали исторію въ планъ преподаванія или допускали ее какъ прибавленіе къ изученію древнихъ языковъ. Во Франціи такова была традиція іезуитовъ; она была возобновлена наполеоновскимъ „Университетомъ."

Преподаваніе исторіи въ средней школѣ было введено только въ XIX вѣкѣ, подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія; но хотя исторія и заняла во Франціи въ планѣ преподаванія болѣе широкое мѣсто, чѣмъ въ Англіи или Германіи, тѣмъ не менѣе, она оставалась второстепеннымъ предметомъ, для котораго не отводилось спеціальнаго класса (какъ для философіи), а иногда не назначалось даже и спеціальнаго преподавателя, при чемъ на экзаменахъ исторія не принималась почти въ расчетъ.

Преподаваніе исторіи долго страдало отъ такого начала. Навязанное по приказанію начальства персоналу, воспитанному исключительно на изученіи литературы, оно не могло найти себѣ мѣста въ системѣ классическаго образованія, основанной

на изученіи формъ и относящейся безразлично къ знанію соціальныхъ фактовъ. Исторіи обучали потому, что это предписывалось программой; но программа была чистой случайностью, зависѣвшей отъ того, что предпочитали и чѣмъ лично занимались ея составители. Исторія входила въ составъ свѣтскихъ приличій; существуютъ, говорили, имена и факты, „которые не позволительно не знать“; но то, чего не льзя не знать, разнообразилось до безконечности, начиная отъ именъ меровингскихъ королей и сраженій семилѣтней войны до „Салической Правды“ и дѣяній св. Винцента Павла [1]).

Импровизированный персоналъ, который долженъ былъ, чтобы не отступать отъ программы, безъ приготовленія заняться обученіемъ исторіи, не имѣлъ никакого яснаго представленія ни о смыслѣ этого преподаванія, ни о роли исторіи въ общемъ образованіи, ни о техническихъ пріемахъ, необходимыхъ для ея преподаванія. Учитель исторіи, лишенный традицій педагогической подготовки и даже нужныхъ пособій, оказался перенесеннымъ снова во времена, предшествовавшія изобрѣтенію печатнаго станка (когда учитель долженъ былъ самъ сообщать своимъ ученикамъ всѣ факты, составлявшіе содержаніе его преподаванія) и усвоилъ себѣ тѣ же пріемы преподаванія, какіе употреблялись въ средневѣковьѣ. Запасшись тетрадью, гдѣ онъ вписывалъ рядъ фактовъ для сообщенія ученикамъ, онъ прочитывалъ ее въ классѣ, дѣлая иногда видъ, что импровизируетъ; это называлось „урокомъ“, составлявшимъ главную часть историческаго преподаванія. Совокупность „уроковъ“, опредѣленная программой, составляла „курсъ“. Ученики должны были слушать и записывать за учителемъ [что называлось „дѣлать замѣтки“ (prendre des notes), а затѣмъ пересказывать письменно то, что слышали (это называлось „rédaction“)]. Но, такъ какъ учениковъ не учили какъ слѣдуетъ вести записки, то они ограничивались тѣмъ, что старались писать какъ можно скорѣе, подъ диктовку учителя, черновой набросокъ, а потомъ переписывали тоже самое дома, не стараясь понять ни смысла того, что они слышали, ни того, что переписывали. Наиболѣе усердные прибавляли къ этой меха-

[1]) Одинъ изъ самыхъ ревностныхъ подвижниковъ христіанскаго благочестія; жилъ во Франціи (1576—1660). *Прим. редакціи.*

нической работѣ отрывки, списанные изъ книгъ и заимствованные обыкновенно не съ бо́льшимъ пониманіемъ дѣла.

Чтобы заставить учениковъ усвоить факты, считавшіеся существенными, учитель дѣлалъ изъ урока краткое изложеніе („le sommaire“ или „résumé“), открыто диктовалъ его и заставлялъ учить наизусть. Такимъ образомъ, два письменныхъ упражненія, занимавшія почти все время класса, сводились къ открытому диктанту (резюмэ) и къ „стыдливому“ (honteuse) диктанту (письменный пересказъ урока).

Для провѣрки знанія учениковъ, ихъ заставляли разсказывать дословно „перечень“ и задавали вопросы по сочиненію, т. е. заставляли повторять приблизительно слова учителя. Оба устныя упражненія были въ сущности произнесеніемъ наизусть.

Ученику давалась, впрочемъ, и книга, „краткая исторія“ [1]); но краткая исторія, составленная по одной и той же формѣ, какъ курсъ учителя, не комбинировалась съ устнымъ преподаваніемъ такъ, чтобы служить ему пособіемъ, а только удвояла его и дѣлала это обыкновенно плохо, потому что была непонятной для ученика.

Авторы краткихъ исторій [2]), усвоивъ традиціонные пріемы краткихъ изложеній („brégés“), старались нанизывать возможно большее число фактовъ, лишая ихъ всѣхъ отличительныхъ подробностей и резюмируя въ самыхъ общихъ, а, слѣдовательно, самыхъ неопредѣленныхъ выраженіяхъ. Въ элементарныхъ книгахъ оставались, такимъ образомъ, конспекты собственныхъ именъ и чиселъ, соединенные однообразными формулами; исторія являлась рядомъ войнъ, трактатовъ, реформъ, революцій, отличавшихся другъ отъ друга только по названіямъ народовъ, государей, мѣстъ сраженія и годамъ [3]).

Таково было преподаваніе исторіи во всѣхъ свѣтскихъ и

---

[1]) Тотъ же обычай былъ принятъ въ германскихъ странахъ подъ именемъ Leitfaden (руководящая нить) и въ англійскихъ странахъ подъ именемъ textbook.

[2]) Нужно исключить Précis de l'histoire moderne Мишле и отдать справедливость Дюрюи, что въ своихъ школьныхъ учебникахъ, даже въ самыхъ первыхъ изданіяхъ, онъ старался и часто очень успѣшно дѣлать повѣствованія интересными и поучительными.

[3]) Критику этихъ пріемовъ см. выше, стр. 118—119.

духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ Франціи до конца второй имперіи, за нѣсколькими исключеніями, тѣмъ болѣе похвальными, что они были рѣдкими, потому что отъ учителя исторіи требовалось тогда необычайное количество иниціативы и энергіи, чтобы избѣжать рутины пересказа урока и краткаго резюмэ.

II. За послѣдніе годы общее стремленіе реформировать образованіе, проявленное министерствомъ народнаго просвѣщенія и факультетами, сообщилось, въ концѣ концовъ, и среднему образованію. Учителя исторіи освободились отъ подозрительнаго надзора, тяготѣвшаго надъ преподаваніемъ во времена имперіи и воспользовались этимъ, чтобы подвергнуть испытанію новые методы. Возникла историческая педагогика. Она окрѣпла, съ одобренія министерства народнаго просвѣщенія, благодаря обсужденіямъ въ Обществѣ для изученія вопросовъ средняго образованія (Societé pour l'étude des questions d'enseignement secondaire), въ „Revue de l'enseignement secondaire“ и въ „Revue universitaire“. Она получила оффиціальное освященіе въ инструкціяхъ, приложенныхъ къ программѣ 1890 г.; докладъ объ исторіи, составленный Лависсомъ, сталъ хартіей, защищающей учителей, стоящихъ за реформу въ борьбѣ съ традиціей [1]).

Послѣ этого кризиса обновленія преподаваніе исторіи будетъ безъ сомнѣнія организовано, будетъ имѣть раціональную педагогику и технику, какъ ея старшіе собратья: преподаваніе языковъ, литературы и философіи. Но слѣдуетъ ожидать, что реформа произойдетъ здѣсь медленнѣе, чѣмъ въ области высшаго образованія. Персоналъ, занимающійся обученіемъ въ средней школѣ, гораздо болѣе многочисленъ и менѣе способенъ просвѣщаться и обновляться; ученики средней школы менѣе прилежны и менѣе понятливы; рутинные взгляды родителей противопоставляютъ новымъ методамъ косность, не имѣющую мѣста на факультетахъ; затѣмъ баккалаврство, служащее вообще препятствіемъ всякимъ реформамъ, особенно

[1]) Самая полная и, по всей вѣроятности, самая точная картина преподаванія исторіи въ среднеучебныхъ заведеніяхъ послѣ реформъ, была дана испанцемъ Р. Алтамира, «La Enseñanza de la historia», 2-е изд. Мадридъ, 1895 г.

вредно отзывается на преподаваніи исторіи, сводя его на тетрадь вопросовъ и отвѣтовъ.

III. Однако, теперь уже можно намѣтить, въ какомъ направленіи должно будетъ развиваться во Франціи преподаваніе исторіи [1]), а также тѣ вопросы, которые можно будетъ разрѣшить для пріобрѣтенія раціональной техники. Мы попытаемся формулировать здѣсь методическій списокъ этихъ вопросовъ.

1) Общая организація. Какой цѣлью можетъ задаваться преподаваніе исторіи? Какія оно можетъ оказать услуги образованію ученика? Какое оно можетъ оказывать дѣйствіе на его поведеніе? Какіе факты оно должно сдѣлать ему понятными? Какіе умственные навыки оно должно ему дать? И, слѣдовательно, какіе принципы должны руководить выборомъ матеріала и пріемовъ? Должно ли преподаваніе исторіи быть растянуто на все время обученія въ средней школѣ или сосредоточено въ спеціальномъ классѣ? Должно ли на уроки исторіи отвести одинъ часъ или два часа? Должна ли быть раздѣлена исторія на нѣсколько цикловъ, какъ въ Германіи, такъ, чтобы ученики неоднократно, въ различные періоды своего курса, возвращались къ одному и тому же предмету? или она должна излагаться въ одной непрерывной связи съ начала изученія, какъ во Франціи? Долженъ ли учитель проходить полный курсъ или выбирать только нѣкоторые вопросы, а другіе поручать ученикамъ учить однимъ? Долженъ ли онъ излагать устно факты или заставлять учениковъ знакомиться съ ними сначала по книгѣ такъ, чтобы замѣнить курсъ объясненіями?

2) Выборъ матеріала. Въ какомъ размѣрѣ должны преподаваться отечественная исторія и исторія другихъ странъ? Исторія древняя и современная? Исторіи спеціальныя (искусства, религіи, обычаевъ, экономической жизни) и исторія общая?

---

[1]) Мы говоримъ здѣсь только о Франціи. Но, чтобы разсѣять заблужденіе французской публики, слѣдуетъ предупредить, что историческая педагогика еще менѣе подвинулась впередъ въ англійскихъ странахъ, гдѣ пріемы преподаванія остались механическими и даже въ германскихъ странахъ, гдѣ она затрудняется патріотическимъ взглядомъ на обученіе.

Какое мѣсто слѣдуетъ отводить учрежденіямъ, обычаямъ и событіямъ? Эволюціи матеріальнаго быта, исторіи умственнаго развитія, соціальной жизни, политической жизни? Изученію частныхъ случаевъ, біографіи, драматическихъ эпизодовъ или изученію общихъ сцѣпленій и эволюцій? Какое мѣсто нужно отводить собственнымъ именамъ и числамъ? Нужно ли пользоваться случаями, которые представляютъ легенды, для пробужденія критическаго духа, или нужно этого избѣгать?

3) Порядокъ преподаванія. Въ какомъ порядкѣ слѣдуетъ излагать историческій матеріалъ? Начинать ли съ болѣе древнихъ періодовъ и странъ съ древнѣйшей цивилизаціей, чтобы слѣдовать хронологическому порядку и порядку эволюціи? Или начинать съ періодовъ и странъ болѣе близкихъ къ намъ, чтобы переходить отъ болѣе извѣстнаго къ менѣе извѣстному? Какого порядка придерживаться въ изложеніи каждаго періода—хронологическаго, географическаго или логическаго? Начинать ли съ описанія положенія вещей или разсказа о событіяхъ?

4) Пріемы преподаванія. Слѣдуетъ ли давать ученику сначала общія формулы или отдѣльныя картины? Долженъ ли учитель самъ объяснять формулы или заставлять ученика доискиваться ихъ? Нужно ли заставлять учить наизусть формулы? и въ какихъ случаяхъ? Какъ знакомить съ образами историческихъ фактовъ? Какое употребленіе дѣлать изъ гравюръ? Изъ воспроизведеній и возстановленій? Изъ фантастическихъ сценъ? Какъ пользоваться повѣствованіями и описаніями? Текстами авторовъ? Историческими романами? Какъ заставлять локализировать факты? Какъ пользоваться хронологическими таблицами, синхроническими таблицами, географическими набросками, статистическими и графическими таблицами? Какъ заставить понимать характеръ событій и обычаевъ, мотивы дѣйствій? Условій существованія обычая? Какъ выбирать эпизоды событія и примѣры обычая? Какъ заставить понять сцѣпленіе фактовъ и эволюцію? Какъ можно пользоваться сравненіемъ? Какимъ языкомъ нужно говорить? Въ какой мѣрѣ нужно употреблять конкретныя, абстрактныя и техническія выраженія? Какъ контролировать, что ученикъ понялъ термины и усвоилъ факты? Можно ли организовать практическія упражненія, дающія

ученику личную работу надъ фактами? Какія пособія нужно давать ученику? Какъ нужно составлять школьную книгу, чтобы возможно было дѣлать практическія упражненія?

Чтобы изложить и доказать рѣшеніе всѣхъ этихъ вопросовъ, пришлось бы написать спеціальный трактатъ [1]). Здѣсь же мы укажемъ только общіе принципы, относительно которыхъ во Франціи уже теперь, повидимому, почти пришли къ соглашенію.

Отъ исторіи не требуютъ уже больше ни нравственныхъ поученій, ни прекрасныхъ примѣровъ для поведенія, ни драматическихъ или живописныхъ сценъ. Теперь понимаютъ, что для всего этого легенда была бы предпочтительнѣе исторіи, потому что она изображаетъ сцѣпленіе причинъ и слѣдствій болѣе согласное съ нашимъ чувствомъ справедливости, лицъ болѣе совершенныхъ и болѣе героическихъ, сцены болѣе красивыя и болѣе трогательныя. Такимъ образомъ, отказываются пользоваться исторіей для возбужденія патріотизма или лойяльности, какъ это дѣлается въ Германіи; чувствуютъ, что было бы нелогично извлекать изъ одной и той же науки противорѣчивыя примѣненія въ зависимости отъ разныхъ странъ и партій; это значило бы приглашать каждый народъ уродовать, если не искажать, исторію въ предпочтительномъ для него смыслѣ. Теперь понимаютъ, что значеніе всякой науки заключается въ выясненіи истины, и отъ исторіи требуютъ только истины [2]).

Роль исторіи въ воспитаніи не представляется еще, быть можетъ, ясно тѣмъ, кто занимается ея преподаваніемъ; но всѣ тѣ, кто способенъ размышлять, согласны въ томъ, что слѣдуетъ смотрѣть на исторію, какъ на средство общественнаго воспитанія. Изученіе общественнаго быта прошлаго даетъ возможность ученику понимать на практическихъ примѣрахъ, что такое

---

[1]) Я пытался выполнить часть этой работы при чтеніи одного изъ курсовъ въ Сорбоннѣ (Ш. Сеньобосъ).

[2]) Укажемъ, однако, на то, что на вопросъ, поставленный въ іюлѣ 1897 г. кандидатамъ на степень баккалавра: «Чему служитъ преподаваніе исторіи?» 80 на 100 кандидатовъ отвѣтили кратко, либо потому, что они такъ думали, либо потому, что хотѣли нравиться: «Для возбужденія патріотизма». (Ш. Ланглуа).

общество; оно даетъ ему возможность освоиться съ главными общественными явленіями, съ различнаго рода обычаями и учрежденіями, которые не было бы удобно показывать ему въ существующей дѣйствительности; оно даетъ ему возможность понимать, путемъ сравненія различныхъ обычаевъ, свойства этихъ обычаевъ, ихъ разнообразіе и ихъ сходства. Изученіе событій и эволюцій пріучаетъ ихъ къ идеѣ непрерывнаго преобразованія человѣческихъ дѣйствій и гарантируетъ отъ неосновательной боязни общественныхъ переворотовъ; оно выясняетъ имъ понятіе прогресса. Всѣ эти пріобрѣтенія дѣлаютъ ученика болѣе способнымъ принимать участіе въ общественной жизни; такимъ образомъ исторія является непремѣннымъ учебнымъ предметомъ въ демократическомъ обществѣ.

Историческая педагогика должна, слѣдовательно, принять за правило выбирать предметы и пріемы преподаванія всего болѣе способные выяснять общественныя явленія и дѣлать понятной ихъ эволюцію. Прежде чѣмъ сообщать ученикамъ какой-нибудь фактъ, нужно задаваться вопросомъ, какое онъ можетъ имѣть воспитательное дѣйствіе, и потомъ есть ли удовлетворительные способы уяснить его ученику. Каждый мало поучительный фактъ или очень сложный для пониманія или такой, относительно котораго неизвѣстно подробностей, дѣлающихъ его понятнымъ, долженъ устраняться изъ программы преподаванія.

IV. Для осуществленія раціональнаго преподаванія недостаточно выработать теорію исторической педагогики. Нужно обновить пособія и пріемы. Исторія непремѣнно требуетъ знанія большого количества фактовъ. Учитель исторіи, вынужденный ограничиваться своими словами и краткими учебниками, представляющими изъ себя не что иное, какъ хронологическія таблицы, находится въ положеніи учителя латинскаго языка безъ латинскихъ подлинниковъ и словаря. Ученикъ, обучающійся исторіи, нуждается въ запасѣ историческихъ фактовъ, такъ же какъ ученикъ латинскаго языка въ запасѣ латинскихъ словъ; ему нужны сборники фактовъ, а школьные конспекты есть не что иное, какъ сборники словъ.

Съ фактами можно знакомить двумя способами: посредствомъ гравюръ и книгъ. Гравюры показываютъ матеріальныя вещи

и внѣшній видъ, онѣ служатъ главнымъ образомъ для изученія матеріальной культуры. Въ Германіи уже давно пытались дать ученику сборникъ гравюръ, составленный для обученія исторіи. Для удовлетворенія той же потребности возникъ во Франціи Album historique, выходящій въ свѣтъ подъ редакціей г. Лависса.

Книга—главное пособіе; она должна содержать отличительныя черты, необходимыя для того, чтобы представлять себѣ событія, побужденія, привычки, учрежденія; она должна, главнымъ образомъ, состоять изъ повѣствованій и описаній, къ которымъ можно прибавлять нѣкоторыя характерныя изреченія или формулы. Долгое время старались составлять такія книги изъ избранныхъ отрывковъ древнихъ авторовъ, и придавали имъ форму сборника текстовъ [1]). Опытъ повидимому указалъ, что слѣдуетъ отказаться отъ такого пріема научной внѣшности, онъ вѣренъ, но мало понятенъ для дѣтей; предпочтительнѣе писать для учениковъ на современномъ языкѣ. Въ этомъ духѣ, согласно „инструкціямъ“ 1890 г. [2]), были составлены сборники „Историческихъ чтеній“ (Lectures historiques); главные изъ нихъ были изданы Гашеттомъ.

Пріемы ученическихъ работъ страдаютъ еще отъ запоздалаго введенія преподаванія исторіи. По большей части въ преподаваніи исторіи господствуютъ еще пріемы, не требующіе отъ учениковъ никакихъ самостоятельныхъ работъ, кромѣ знанія курса, краткаго пересказа, заучиванія, отвѣтовъ на вопросы, изложенія и воспроизведенія картъ. Это тоже самое, какъ если бы ученикъ, занимающійся латинскимъ языкомъ, ограничивался разсказомъ уроковъ по грамматикѣ или отрывковъ изъ авторовъ, не дѣлая ни переводовъ, ни задачъ.

Чтобы обученіе имѣло дѣйствительное значеніе, слѣдуетъ устранить всѣ эти пассивные пріемы или, по крайней мѣрѣ,

---

[1]) Образцомъ такихъ книгъ въ Германіи служатъ такъ называемыя «Quellenbücher».

[2]) Ту же педагогическую теорію читатели найдутъ въ предисловіи къ моей «Histoire narrative et descriptive des anciens peuples de l'Orient», приложеніе для учителей. Парижъ, 18 0 года. (III. Сен.).

пополнить ихъ упражненіями, требующими отъ учениковъ самостоятельной работы. Нѣкоторыя изъ такихъ упражненій были уже испытаны на опытѣ и многія другія могутъ быть введены еще [1]). Можно заставлять учениковъ анализировать гравюры, повѣствованія, описанія для того, чтобы выяснять свойства фактовъ: такое небольшое письменное или устное изложеніе будетъ служить гарантіей, что ученикъ видѣлъ и понялъ все ему показанное и прочитанное, и дастъ случай пріучать его употреблять точныя выраженія. Можно задавать ученикамъ рисунки, географическіе чертежи, синхронистическія таблицы. Можно давать имъ составлять сравнительныя таблицы, касающіяся различныхъ обществъ, и таблицы сцѣпленія фактовъ. Нужна книга, чтобы дать ученику матеріалъ для такихъ упражненій. Такимъ образомъ измѣненіе пріемовъ обученія связано съ улучшеніемъ пособій. И то, и другое будетъ выполнено по мѣрѣ того, какъ учителя и публика будутъ яснѣе понимать роль преподаванія исторіи въ общественномъ воспитаніи.

Приложеніе II.

Преподаваніе исторіи въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Франціи.

За послѣднія тридцать лѣтъ преподаваніе исторіи въ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ подверглось значительнымъ преобразованіямъ. Какъ и подобало, преобразованіе совершалось медленно, путемъ послѣдовательныхъ дополненій и исправленій. Но, хотя принятыя мѣры и были раціонально связаны однѣ съ другими, тѣмъ не менѣе, большое количество этихъ мѣръ не переставало, за послѣднее время, поражать и даже тревожить публику. Общественное мнѣніе было немного удивлено, что его слишкомъ часто тревожатъ названными реформами и, быть можетъ, не лишнее будетъ указать здѣсь

---

[1]) Я касался уже этого вопроса въ Revue universitaire, 1896 г., т. 1. (Ш. Сен.).

еще разъ на общій смыслъ и скрытую логику движенія, при которомъ мы присутствуемъ.

I. Передъ концомъ второй имперіи высшее преподаваніе историческихъ наукъ во Франціи было очень разбросано [1]).

Каѳедры исторіи находились во многихъ заведеніяхъ различныхъ типовъ: въ „Collège de France", въ словесныхъ факультетахъ („Facultés des Lettres") и въ такихъ „спеціальныхъ школахъ", какъ „Высшая нормальная школа" и „Ecole des chartes".

„Collège de France" представлялъ собою остатокъ учрежденій стараго режима. Основанный въ XVI в. въ противовѣсъ схоластической Сорбоннѣ для того, чтобы служить убѣжищемъ новымъ наукамъ, онъ пользовался славной привилегіей служить историческимъ представителемъ высшихъ спекулятивныхъ занятій, духа свободнаго изслѣдованія и интересовъ чистой науки. Къ несчастію, въ области историческихъ наукъ „Collège de France позволилъ, до нѣкоторой степени, изгладиться своей традиціи. Великіе люди, преподававшіе исторію въ этомъ знаменитомъ учрежденіи (напр. Мишле), не были ни техниками, ни учеными въ собственномъ смыслѣ этого слова. Ихъ краснорѣчіе дѣйствовало на аудиторіи, состоявшія не изъ студентовъ, посвятившихъ себя изученію исторіи.

Словесные факультеты составляли часть системы, введенной наполеоновскимъ законодательствомъ. Создавая „Facultés", законодатель ничуть не имѣлъ въ виду поощрять научныхъ изысканій. Онъ не очень любилъ науку. Юридическій, медицинскій факультеты и т. д. должны были быть, по его мысли, профессіональными школами, обязанными доставлять обществу юристовъ, медиковъ и т. под., въ которыхъ оно нуждалось. Но три факультета, изъ пяти, не были въ силахъ, съ самаго начала, играть предназначенную имъ роль, выполнявшуюся дѣйствительнымъ образомъ медицинскимъ и юридическимъ факультетами. Факультетъ католическаго богословія не выпускалъ нужныхъ обществу священниковъ, потому что государство согласилось, чтобы священниковъ готовили епархіаль-

[1]) Относительно организаціи высшаго преподаванія и первыхъ реформъ см. превосходную работу Л. Ліара (Liard) «l'Enseignement supérieur en France», Парижъ, 1888—1894 г., 2 тома.

ныя семинаріи. Факультеты математическихъ наукъ и словесные не давали учителей для средней школы, инженеровъ и т. п., требовавшихся обществу, потому что они встрѣтились на этой почвѣ съ побѣдоносной конкурренціей вполнѣ организовавшихся „спеціальныхъ школъ": нормальной и политехнической. Такимъ образомъ, факультетамъ католическаго богословія, математическихъ наукъ и словесности приходилось оправдывать свое существованіе другими способами дѣятельности. Кромѣ того профессора словесныхъ факультетовъ отреклись отъ занятія образованіемъ молодыхъ людей, предназначавшихъ себя для преподаванія исторіи въ лицеяхъ. Лишенные этихъ спеціальныхъ слушателей, они оказались въ положеніи очень аналогичномъ съ положеніемъ лицъ, занимавшихъ каѳедры въ „Collège de France". Они также не были техниками. Они въ теченіе полустолѣтія занимались высшей популяризаціей передъ многочисленными аудиторіями праздныхъ людей (которыхъ часто потомъ злословили), привлекая ихъ силою, изяществомъ и простотою своего слова.

Обязанность воспитывать будущихъ учителей средней школы была предоставлена „Высшей нормальной школѣ". Въ ту эпоху признавалось, что учителямъ средней школы слѣдуетъ знать и достаточно знать въ совершенствѣ то, что имъ поручено преподавать. Несомнѣнно вѣрно, что учителя должны знать сами то, чему будутъ учить, но одного этого знанія недостаточно: кромѣ „школьнаго" багажа, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, имъ не менѣе необходимы знанія иного, высшаго порядка. Объ этихъ высшихъ знаніяхъ никогда не поднималось вопроса въ Нормальной школѣ, гдѣ, согласно съ господствовавшей теоріей, довольствовались исключительно указаннымъ выше приготовленіемъ учителей къ преподаванію въ среднихъ школахъ. Тѣмъ не менѣе, благодаря постоянному большому притоку учащихся въ нормальную школу, дѣйствовавшая тамъ система никогда не мѣшала тому, чтобы изъ нея выходили люди выдающіеся не только какъ учителя, какъ мыслители, или какъ писатели, но и какъ ученые. Но слѣдуетъ признать, что они развивались самостоятельно, вопреки системѣ, а не благодаря ей; они вырабатывались не во время пребыванія въ школѣ, а позднѣе и, главнымъ образомъ, если имъ удавалось,

во время пребыванія въ „École française d'Athènes“ приходить въ благотворное соприкосновеніе съ историческими документами, которыхъ имъ не доставало въ Ульмской улицѣ. „Неужели не кажется невѣроятнымъ, -говорили нѣкоторые,—что изъ нормальной школы выпустили столько поколѣній учителей, не способныхъ пользоваться документами?.. Въ общемъ, ученики историческаго отдѣленія, по выходѣ изъ школы, не были готовы ни къ преподаванію исторіи, изучавшейся ими очень поспѣшно, ни къ изысканіямъ по труднымъ вопросамъ“ [1]).

Что касается „École des chartes“, основанной во время реставраціи, то это была, съ извѣстной точки зрѣнія, спеціальная школа, предназначенная въ теоріи для образованія такихъ полезныхъ чиновниковъ, какъ архивисты и библіотекари. Но, уже съ давняго времени, профессіональное образованіе было тамъ доведено до minimum'a и школа организовалась очень своеобразнымъ образомъ, въ видахъ раціональнаго и полнаго обученія молодыхъ людей, намѣревавшихся изучать исторію Франціи въ средніе вѣка. Ученики „École des chartes“ не слушали никакого курса „средневѣковой исторіи“, но учили все, что необходимо для работы надъ рѣшеніемъ задачъ средневѣковой исторіи. Тамъ только, вслѣдствіе случайной аномаліи, систематически преподавались „предварительныя“ и вспомогательныя знанія для историческихъ изысканій. Выше мы имѣли случай констатировать результаты такого режима.

Таково было положеніе вещей когда, къ концу второй имперіи, обнаружилось сильное стремленіе къ реформѣ. Французская молодежь посѣщала Германію; она была поражена превосходствомъ ея университетской организаціи надъ наполеоновской системой факультетовъ и спеціальныхъ школъ. Конечно Франція, съ своей уродливой организаціей, дала много людей и много трудовъ, но здѣсь пришли наконецъ къ сознанію, что „во всякого рода предпріятіяхъ приходится давать меньше всего простора случаю“ и что „когда учрежденіе имѣетъ въ виду выпускать учителей исторіи и историковъ, то оно должно давать имъ средства быть тѣмъ, чѣмъ оно хочетъ ихъ сдѣлать“.

---

[1]) Э. Лависсъ, Questions d'enseignement national, стр. 12.

Министръ народнаго просвѣщенія Дюрюи поддерживалъ сторонниковъ возрожденія высшаго образованія. Но онъ считалъ немыслимымъ прикоснуться къ какому-либо изъ существовавшихъ учрежденій для того, чтобы организовать его по новому или слить въ одно съ другими учрежденіями или совсѣмъ уничтожить; „Collège de France", словесные факультеты, „Высшая нормальная школа", Ecole des chartes", считались освященными оказанными ими услугами и личной славой людей, принадлежавшихъ имъ въ прошломъ и настоящемъ. Онъ ничего не измѣнилъ, но прибавилъ. Онъ увѣнчалъ нѣсколько неуклюжее уже существовавшее зданіе, создавъ „Ecole pratique des hautes études", учрежденную въ Сорбоннѣ (1868).

Смыслъ существованія „Ecole pratique des hautes études" (отдѣленіе исторіи и философіи) заключался, по мысли ея основателей, въ подготовленіи молодыхъ людей къ оригинальнымъ изслѣдованіямъ научнаго характера. Ея не должны были касаться ни заботы о профессіональномъ образованіи, ни популяризація знаній. Въ нее должны были поступать не для ознакомленія съ выводами науки, но чтобы привыкнуть, какъ студентъ-химикъ въ лабораторіи, къ техническимъ пріемамъ, дающимъ возможность приходить къ новымъ выводамъ. Такимъ образомъ, духъ новаго института имѣлъ нѣчто общее съ первоначальной традиціей „Collège de France". Тамъ должны были попытаться сдѣлать для всѣхъ частей всемірной исторіи и филологіи то, что дѣлали уже давно въ Ecole des chartes въ ограниченной области средневѣковой исторіи Франціи.

II. Пока „словесные факультеты" чувствовали себя хорошо въ своемъ положеніи (т. е. безъ студентовъ) и пока ихъ честолюбіе не шло дальше ихъ традиціонныхъ преимуществъ (читать публичные курсы и раздавать ученыя степени), организація высшаго преподаванія историческихъ наукъ во Франціи оставалась въ томъ положеніи, какъ мы только что описали. Съ того момента какъ „словесные факультеты" потребовали себѣ другой роли, преобразованія стали неизбѣжными.

Здѣсь не мѣсто объяснять, почему и какъ „словесные факультеты" пришли къ желанію работать болѣе дѣятельно, или, лучше сказать, не такъ какъ прежде, ради прогресса историческихъ наукъ. Открывая Ecole des hautes études въ Сорбоннѣ,

Дюрюи предсказывалъ, что это молодое живучее растеніе разшевелитъ тамъ старые камни, и, безъ сомнѣнія, зрѣлище плодотворной дѣятельности „Ecole des hautes études“ не мало содѣйствовало тому, что у „факультетовъ“ заговорила совѣсть. Съ другой стороны, щедрость властей, увеличившихъ персоналъ факультетовъ, построившихъ имъ зданія и снабдившихъ ихъ въ изобиліи пособіями, создали для этихъ привиллегированныхъ учрежденій новыя обязанности.

Прошло приблизительно двадцать пять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ начали преобразовываться словесные факультеты, и ихъ прогрессивное преобразованіе отразилось на всей системѣ высшаго преподаванія историческихъ наукъ во Франціи, которой не въ силахъ была до тѣхъ поръ поколебать даже остроумная пристройка 1868 года.

III. Первой заботой факультовъ было запастись студентами. По правдѣ, это не представляло большой трудности, потому что „Высшая нормальная школа“ (куда принималось по двадцать пять учениковъ въ годъ, выбранныхъ изъ сотенъ кандидатовъ) сдѣлалась неспособной удовлетворять, какъ было раньше, сильно возросшему спросу на учителей среднихъ учебныхъ заведеній. Множество молодыхъ людей, кандидатовъ (одинаково съ учениками Высшей нормальной школы) на степени, открывающія доступъ къ педагогической карьерѣ, были предоставлены самимъ себѣ.

Такимъ образомъ контингентъ слушателей для факультетовъ былъ обезпеченъ. Одновременно съ этимъ военные законы, предоставлявшіе лиценціатамъ словесности драгоцѣнныя льготы, должны были привлечь на факультеты, разъ они брались приготовлять къ лиценціатству, значительную и очень интересную часть молодежи. Наконецъ, иностранцы (столь многочисленные въ „Ecole des hautes études“), пріѣзжающіе во Францію пополнять научное образованіе и удивлявшіеся, что не могли до тѣхъ поръ дѣлать успѣховъ на факультетахъ, не замедлили явиться туда тотчасъ же, какъ только явилась возможность находить тамъ нѣчто аналогичное тому, что они привыкли встрѣчать въ германскихъ университетахъ, и такое образованіе, которое казалось имъ полезнымъ.

Но прошло много лѣтъ, и потребовалось много усилій

прежде чѣмъ студенты стали поступать въ большомъ числѣ на факультеты, и только тогда, когда факультеты имѣли уже желательное количество учениковъ, выдвинулись на сцену настоящія задачи.

Громадное большинство студентовъ словесныхъ факультетовъ были вначалѣ кандидатами на ученыя степени, лиценціатъ и адъюнктъ-профессорство (l'agrégation), являвшимися въ заведеніе съ открытымъ намѣреніемъ „готовиться“ къ экзаменамъ на эти ученыя степени. Факультеты не могли избавиться отъ обязанности помогать имъ въ этомъ „приготовленіи“. Но двадцать лѣтъ тому назадъ экзамены должны были отвѣчать еще стариннымъ требованіямъ. Лиценціатъ былъ свидѣтельствомъ о хорошемъ среднемъ образованіи, „высшимъ бакалаврствомъ“; на экзаменахъ для полученія званія адъюнктъ-профессора исторіи и географіи (сдѣлавшимся настоящимъ licentia docendi) кандидаты должны были „дать доказательство, что они очень хорошо знали то, что имъ могло бы быть поручено преподавать“. Слѣдовательно, существовала несомнѣнная опасность, что приготовительное преподаваніе факультетовъ къ экзаменамъ на лиценціатъ и адъюнктъ-профессорство, какъ и преподаваніе Высшей нормальной школы, силою вещей, приметъ одинаковый характеръ. Кромѣ того, между учениками этой школы и учениками факультетовъ на конкурсныхъ экзаменахъ должно было поневолѣ возникнуть соперничество. Если принять во вниманіе существовавшія программы, то не должно ли было привести, въ концѣ концовъ, это соревнованіе все къ большему и большему поглощенію учениковъ и учителей соперничавшихъ учрежденій чисто школьными упражненіями, лишенными возвышенности и дѣйствительной пользы?

Опасность очень важная. Она тотчасъ же была замѣчена дальновидными иниціаторами реформы факультетовъ, А. Дюмонбмъ, Л. Ліаромъ, Э. Лависсомъ. Лависсъ писалъ въ 1884 году: „Претендовать на то, чтобы факультеты ставили себѣ главною задачею приготовленіе къ экзаменамъ, значитъ желать замѣны научнаго образованія дрессировкой: вотъ основательное возраженіе, которое серьезные умы противопоставляютъ сторонникамъ нововведеній... Сторонники нововведеній отвѣчаютъ, что они, съ самаго начала, видѣли недостатки си-

стемы, но они убѣждены что измѣненіе экзаменаціоннаго режима явится слѣдствіемъ реформы высшаго образованія; что будетъ найдено примиреніе между научной работой и приготовленіемъ къ экзаменамъ и что, такимъ образомъ, падетъ единственное серьезное возраженіе, противопоставленное имъ ихъ противниками". Надо отдать справедливость одному изъ главныхъ защитниковъ реформы, что онъ никогда не упускалъ случая налегать на это больное мѣсто и, чтобы убѣдиться, что экзаменаціонный вопросъ всегда считался за главную часть задачи реорганизаціи высшаго образованія во Франціи, достаточно пробѣжать рѣчи и статьи, озаглавленныя: „Преподаваніе и экзамены", „Экзамены и курсъ ученія" и т. д., напечатанныя г. Лависсомъ въ трехъ томахъ, печатавшихся съ 1885, черезъ каждыя пять лѣтъ по тому: „Questions d'enseignement national", „Etudes et étudiants", „A propos de nos écoles".

Такимъ образомъ, былъ поставленъ на очередь вопросъ о реформѣ экзаменовъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ (на степени лиценціатовъ, адъюнктъ-профессоровъ и докторовъ). Онъ былъ выдвинутъ уже въ 1884 г. и затѣмъ вторично поднятъ въ 1897 г. Но въ теченіе этого перерыва сдѣланы существенные успѣхи въ вѣрномъ, по нашему мнѣнію, направленіи и, какъ кажется, вопросъ, наконецъ, близится къ разрѣшенію.

IV.—Прежняя экзаменаціонная система требовала отъ кандидатовъ на ученыя степени превосходнаго знанія наукъ, входящихъ въ среднее образованіе. Такъ какъ она осуждала кандидатовъ, студентовъ высшихъ учебныхъ заведеній, заниматься упражненіемъ въ тѣхъ же наукахъ, какими они занимались въ лицеяхъ, то нападать на нее было легко. Защищали ее вяло и она была разрушена.

Но какъ ее замѣнить? Задача была очень сложная. Справедливо ли удивляться тому, что она не была рѣшена сразу? Прежде всего нужно было придти къ соглашенію по слѣдующему предварительному вопросу: доказательства какого рода знаній и способностей слѣдуетъ требовать отъ студентовъ на экзаменахъ? Общихъ ли знаній? Техническихъ ли знаній и способностей къ оригинальнымъ изслѣдованіямъ (какъ въ „Ecole des chartes" и Ecole des hautes études")? Педагогическихъ ли спо-

собностей? Мало-по-малу признали, что, принимая во вниманіе обширный и разнообразный составъ студенчества факультетовъ, необходимо предъявлять къ нимъ различныя требованія.

Отъ кандидатовъ на лиценціатъ достаточно требовать доказательства хорошаго общаго образованія, не воспрещая имъ въ тоже время, если они пожелаютъ, представить доказательство, что у нихъ есть уже склонность и нѣкоторый навыкъ къ самостоятельнымъ изслѣдованіямъ.

Отъ кандидатовъ на степень адъюнктъ-профессоровъ (licentia docendi), сдавшихъ уже экзаменъ на лиценціатъ, слѣдуетъ требовать: 1) формальнаго доказательства, что они знаютъ по опыту, что значитъ изучать какой-либо историческій вопросъ и располагаютъ техническими знаніями, потребными для такого рода изученій; 2) доказательства педагогическихъ способностей, имѣющихъ для нихъ профессіональное значеніе.

Отъ студентовъ, не выступающихъ кандидатами ни на какую степень, а желающихъ просто быть посвященными въ тайны науки,—прежнія программы не предусматривали возможность существованія такихъ студентовъ,—требовать лишь доказательства, что они воспользовались сообщенными имъ знаніями и совѣтами.

Поставивъ такимъ образомъ дѣло, сдѣлали большой шагъ впередъ, потому что, какъ извѣстно, программы господствуютъ надъ преподаваніемъ. Теперь, слѣдовательно, по предписанію программъ, историческія изученія на факультетахъ будутъ имѣть тройной характеръ, чего нельзя имъ не пожелать. Общее образованіе не перестанетъ быть тамъ въ почетѣ; упражненія въ критикѣ и изслѣдованіяхъ займутъ свое законное мѣсто. Наконецъ, не будетъ оставлена въ пренебреженіи и педагогическая сторона (теорія и практика).

Затрудненіе начинается, когда дѣло заходитъ объ опредѣленіи испытаній, которыя для каждой категоріи экзаменующихся должны быть лучшими, т. е. наиболѣе доказывающими знанія учениковъ. Въ этомъ отношеніи взгляды расходятся. Если въ настоящее время никто уже не оспариваетъ принциповъ новой системы, то испытанные до сихъ поръ или предлагавшіеся способы ея примѣненія на практикѣ вызываютъ разногласія. Организація испытаній на степень лиценціата измѣнялась три раза; экзаменаціонный статутъ адъюнктъ-профес-

соровъ исторіи реформировался или исправлялся пять разъ. И это еще не все. Требуются еще новыя упрощенія. Но какое можетъ имѣть значеніе такая неустойчивость,—хотя на нее и начинаютъ жаловаться [1],—если доказано, какъ мы думаемъ, что прогрессъ продолжался во время всѣхъ этихъ измѣненій, безъ значительнаго отступленія назадъ. Безполезно излагать здѣсь подробно различные временные режимы, бывшіе въ употребленіи. У насъ былъ случай подвергнуть ихъ критикѣ въ свое время и въ своемъ мѣстѣ [2].

Въ настоящее время, когда большинство обычаевъ, казавшихся намъ несовершенными, оставлены, зачѣмъ тревожить этотъ пепелъ? Мы не будемъ даже говорить о томъ, что оставляетъ еще желать, по нашему мнѣнію, нынѣ дѣйствующій режимъ, такъ какъ есть основаніе надѣяться, что онъ очень въ скоромъ времени измѣнится и въ очень желательномъ смыслѣ.—Достаточно знать, что факультеты выдаютъ теперь новый дипломъ „дипломъ высшаго образованія“ (diplôme d'études supérieures), на соисканіе котораго имѣютъ право всѣ студенты, для адъюнктъ же профессоровъ полученіе его обязательно. Этотъ дипломъ, аналогичный диплому „Ecole des hautes études“, „Ecole des chartes“ и степени доктора философіи германскихъ университетовъ, дается студентамъ историческаго отдѣленія, которые, помимо экзаменовъ по пройденному курсу, сдаютъ еще спеціальный экзаменъ, состоящій изъ устнаго испытанія по „вспомогательнымъ наукамъ“ исторіи, сочиненія и защиты самостоятельной диссертаціи. Теперь всѣми признано, что „экзаменъ для полученія диплома высшаго образованія принесетъ превосходные плоды, если бдительность и добросовѣстность экзаменаторовъ сохранятъ за нимъ повсюду его значеніе“ [3].

---

[1]) Revue historique, LXIII, 1897, стр. 96.

[2]) См. Revue internationale de l'enseignement, февр. 1893 г., Revue universitaire, іюнь 1892 г. октябрь и ноябрь 1894 г., іюль 1895 г. и Political Science Quarterly, сентябрь 1894 г.

[3]) Revue historique, цит. ст. стр. 98.—Я развивалъ эту мысль въ другомъ мѣстѣ, на что указываю только здѣсь. См. Revue internationale de l'enseignement, ноябрь 1897 г. (Ш. Ланг.).

V.—Въ общемъ, приманка приготовленія къ экзаменамъ на ученыя степени привлекала на факультеты толпу студентовъ. Но приготовленіе къ ученымъ степенямъ было, при прежней системѣ экзаменовъ на лиценціата и адъюнктъ-профессорство, дѣломъ, не соотвѣтствовавшимъ той задачѣ, которую факультеты считали подходящей для себя, полезной для своихъ учениковъ и для блага общества. Система экзаменовъ была, слѣдовательно, настойчиво и не безъ труда, реформирована сообразно съ извѣстнымъ идеаломъ высшаго преподаванія исторіи. Въ результатѣ, факультеты заняли мѣсто среди учрежденій, содѣйствующихъ положительнымъ успѣхамъ историческихъ наукъ. Въ случаѣ надобности это можно удостовѣрить перечисленіемъ трудовъ, вышедшихъ за нѣсколько послѣднихъ лѣтъ.

Эта эволюція принесла уже благотворныя послѣдствія; если она завершится такъ же какъ началась, то число такихъ послѣдствій еще больше возрастетъ.—Прежде всего преобразованіе преподаванія исторіи на факультетахъ повлекло за собою такое же преобразованіе въ „Высшей нормальной школѣ“. „Нормальная школа“ такъ же выдаетъ, вотъ уже два года, дипломъ высшаго образованія; оригинальныя работы, педагогическія упражненія и общее образованіе тамъ поощряются точно такъ же, какъ и на преобразованныхъ факультетахъ. Она отличается теперь отъ факультетовъ только тѣмъ, что представляетъ собою закрытое заведеніе, выбирающее себѣ учениковъ съ нѣкоторыми предосторожностями; въ сущности, это такой же факультетъ, какъ и остальные, съ тою только разницею, что число студентовъ здѣсь очень ограниченное, но за то избранное.—Во-вторыхъ, „Ecole des hautes études“ и „Ecole des chartes„—обѣ сохранили свой raison d'être; преподаваніе многихъ спеціальностей поставлено въ „Ecole des hautes études“ гораздо лучше, чѣмъ на факультетахъ, и безъ сомнѣнія, никогда не достигнетъ такой высоты на послѣднихъ; что же касается изученій, относящихся къ исторіи среднихъ вѣковъ, то совокупность сходящихся въ одной точкѣ предметовъ преподаванія въ „Ecole des chartes“ навсегда останется безподобной. Но прежній антагонизмъ между „Ecole des chartes“ и „Ecole des hautes études“ съ одной стороны, и факультетами съ другой—въ настоящее время исчезъ. Всѣ эти учрежденія, нѣкогда столь

несходныя, работаютъ отнынѣ въ одномъ направленіи, ради одного общаго дѣла. Каждое изъ нихъ сохраняетъ свое имя, свою автономію и свои традиціи, но всѣ составляютъ одно тѣло: историческій отдѣлъ идеальнаго парижскаго университета, гораздо болѣе обширнаго чѣмъ тотъ, который былъ освященъ закономъ въ 1896 году. Въ этомъ „болѣе обширномъ“ „Университетѣ“, „Ecole des chartes“, „Ecole des hautes études“, „Высшая нормальная школа“ и совокупность историческихъ отдѣленій „словеснаго факультета“ являются въ настоящее время только независимыми „институтами“.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Предисловіе 1

Книга I.

Предварительныя свѣдѣнія.

Глава I. Отысканіе документовъ (эвристика) 13
II. Вспомогательныя науки 33

Книга II.

Аналитическіе процессы.

Глава I. Общія условія историческаго знанія 48

Отдѣлъ I.

Внѣшняя (подготовительная) критика.

Глава II. Критика возстановительная 55
III. Критика происхожденія 69
IV. Критическая классификація источниковъ 80
V. Критика подготовительная и эрудиты 89

Отдѣлъ II.

Внутренняя критика.

Глава VI. Критика толкованія (герменевтика) 113
VII. Отрицательная внутренняя критика достовѣрности и точности 124
VIII. Опредѣленіе частныхъ фактовъ 153

Книга III.

Синтетическіе процессы.

Глава I. Общія условія историческаго построенія 169
II. Группировка фактовъ 201
III. Разсужденіе при историческомъ построеніи 201
IV. Построеніе общихъ формулъ 208
V. Изложеніе 234
Заключеніе 250
Приложеніе I. Среднее преподаваніе исторіи во Франціи. . . 255
II. Высшее преподаваніе исторіи во Франціи 264
Оглавленіе . . . . . I—II

Текстъ печат. въ типографіи **И. Н. Скороходова**, Надеждинская 43.

Обложка и титулъ печат. въ типограф. **Б. М. Вольфа**, Разъѣзжая 15.

2007334107